

Джузеппе Боффа

ОТ СССР К РОССИИ

История неоконченного кризиса
1964—1994

Giuseppe Boffa

DALL'URSS ALLA RUSSIA

Storia di una crisi non finita

1964—1994

Editori Laterza 1995

Джузеппе Боффа

ОТ СССР К РОССИИ

История неоконченного кризиса

1964—1994

Москва
«Международные отношения»
1996

11. 1996	11. 1996
----------	----------

Боффа Дж.
Б86 От СССР к России. История неоконченного кризиса.
1964–1994: Пер. с ит. Хаустовой Л.Я. — М.: Междунар. отно-
шения, 1996. — 320 с.

ISBN 5-7133-0895-2

Итальянский историк Джузеппе Боффа хорошо знаком российскому читателю по двухтомному исследованию «История Советского Союза», выходявшему в издательстве «Международные отношения» дважды — в 1990 и 1994 гг. Его книга «От СССР к России. История неоконченного кризиса» — это своего рода продолжение работы над изучением истории нашего Отечества, его трагических событий и причин кризисных явлений. В данном исследовании автор рассматривает временной отрезок, начиная со смещения Н.С. Хрущева с поста главы государства и заканчивая развалом Советского Союза и его последствиями. Для всех интересующихся отечественной историей.

Б 0503020000-027 Без объявл.
003(01)-96

ББК 63.3(2)

ISBN 5-7133-0895-2
(Российская Федерация)
ISBN 88-420-4608-6 (Италия)

- © 1995, Gius. Laterza & Figli
- © Перевод на русский язык Хаустовой Л.Я., 1996
- © Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 1996

Эта книга является едва ли не первой попыткой восстановить путем исторического исследования ход тех событий, которые привели к гибели Советского Союза; стремлением проследить целиком развитие кризиса с самого начала, то есть правления Брежнева, до провала перестройки Горбачева и последующего распада СССР в период, охватывающий четверть века, не оставляя при этом без внимания воздействие кризиса на день сегодняшний. Только имея четкое представление о том, что происходило в этот период, о решающих моментах, истинных причинах и следствиях и, наконец, реальных результатах вне их идеологической интерпретации, можно понять и то, что совершается на наших глазах сегодня. Именно это побуждает «копать глубже», выходя за рамки того, что может быть изложено даже в самых подробных ежедневных хрониках.

Развал страны, которая всего несколько лет назад была второй сверхдержавой мира, стал самым крупным катаклизмом мировой истории второй половины текущего столетия. Мы все отмечаем важность этого события. Но я не знаю, достаточно ли мы сознаем его масштабы. В любом случае необходимо снова обратиться к фактам. Поскольку я и прежде уделял много внимания изучению решающего этапа русской истории, ее советского периода, то я чувствовал себя обязанным решить указанную задачу.

Уместно будет спросить себя: не слишком ли рано заниматься этим вопросом, достаточен ли наш опыт, имеем ли мы в распоряжении всю необходимую информацию? Такой вопрос всегда возникает перед человеком, предпринимающим подобные попытки. После долгого периода закрытости сегодня советские архивы становятся доступными. И, как часто бывает в таких случаях, открытие доступа к архивным материалам поначалу носило случайный и хаотический характер, что скорее осложняло, нежели облегчало исторические исследования: штурм архивов мало связан с исследовательской необходимостью, он определялся мотивами, связанными с политической борьбой, либо более прозаическими, корыстными соображениями

отдельных лиц и даже целых организаций. Сегодня здесь постепенно все приходит в некоторый порядок, при котором могла бы быть гарантирована серьезность работы. Однако до сих пор доступ к архивам по-прежнему носит избирательный характер. Такого рода явления имеют для нас непосредственное значение, поскольку по интересующему нас периоду документы в большинстве своем остаются недоступными, что вполне понятно, ибо времени прошло совсем немного. Однако крупные перемены, как правило, сопряжены с тем, что главные участники событий стремятся сами рассказать о них. Это происходит и сейчас. Так что исследователь имеет в своем распоряжении огромную массу материалов, которые при критическом их рассмотрении могут уже теперь служить солидной базой для работы.

А достаточны они или недостаточны — зависит от точки зрения. Автор сам производит отбор и сам дает ответ на этот вопрос. Он имеет на это право, ибо берет на себя риск и ответственность. Позднее появятся новые данные. Тогда другие смогут дополнить начатую работу, или оспорить некоторые ее аспекты, или найти иные решения. Все это неизбежно. Иного пути в познании нет.

Настоящая книга задумана прежде всего как изложение фактов, иногда широкоизвестных, чаще — малоизвестных, а подчас не опубликованных до сего момента. Только на основании имеющихся фактов мной выносятся суждения и даются трактовки, являющиеся обоснованным итогом повествования. Книга адресована не только специалистам, хотя подготовленный читатель должен найти в ней сведения, достойные его внимания. Но мне хотелось бы прежде всего быть понятным и интересным любому, даже тому, кто впервые и без предварительной подготовки приступает к познанию этих вопросов, то есть всем тем, кого интересует данная тема. За долгие годы журналистской деятельности я пришел к убеждению, что только так следует обращаться даже к самой подготовленной аудитории, ибо среди читателей нет иерархий, есть только те, кто берет в руки книгу, чтобы прочитать ее и попытаться понять. Как бы ни сложна была проблема, она должна быть изложена ясно и доступно.

Рассматриваемая тема представляла и представляет немалые трудности для того, кто подступает к ней. Одна из оценок моей работы, особенно ценная для меня, дана профессором Амальди, ко-

торый, изыскав возможность прочесть мою «Историю Советского Союза», сказал специалисту в этой области, посоветовавшему ему прочесть книгу: «Такое впечатление, будто она написана физиком». Учитывая профессию человека, от которого исходило замечание, я не имею оснований сомневаться в том, что это прозвучало как похвала. Кстати говоря, это вполне соответствовало намерениям, с которыми я взялся за предшествующую работу. Я предполагаю и здесь сохранить тот же стиль, хотя и сознаю, что на этот раз это будет сложнее.

События, которым посвящена книга, достаточно близки нам по времени. Большинство из нас были их очевидцами, и часто небеспристрастными. Мы были не просто свидетелями, но иногда даже ощущали себя участниками событий, пусть косвенными и находящимися далеко от их эпицентра. Кстати, нельзя утверждать, что разгоревшиеся тогда страсти угасли совсем. И я последним стал бы говорить, что объективность, с которой физик исследует частицы материи, сохранена и здесь. Могу сказать только, что я старался быть объективным. Если же в повествовании все-таки обнаружится излишняя эмоциональность, то это не значит, что я оказался неспособным в достаточной степени занять позицию стороннего наблюдателя, но потому — и я в этом убежден, — что чувства являются одним из необходимых стимулов научного познания действительности. Может, даже и для физика. Но для историка обязательно.

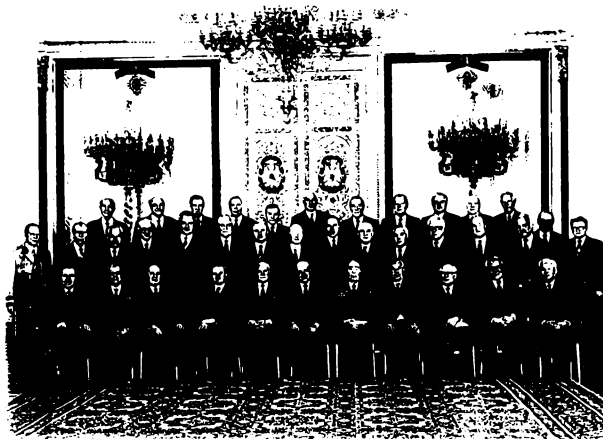
Однако я достаточно далек вот от чего. В последние годы я неоднократно слышал, что теперь эти события никого не могут заинтересовать и тратить время на их изучение — бесполезное занятие. Мне в глубочайшей степени чуждо такое мнение. Эти события до сих пор имеют значение и долгое время еще будут оказывать воздействие на наш образ жизни. Именно ими порождены многие проблемы, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня (я имею в виду не только народы бывшего Советского Союза, но и нас). Мы не можем понять их, а тем более анализировать, не зная их настоящих истоков. Поэтому я убежден, что они еще долго будут в поле нашего зрения и исследование этой истории на долгие годы останется необходимостью для всех нас.

Тщательный анализ кризиса уже сегодня позволяет сделать выводы, которые — как может заметить читатель — нередко отличаются,

а иногда противоречат ранее утвердившимся в массовом сознании под влиянием ежедневной хроники событий. Во многом объяснения рассматриваемым факторам и их следствиям в значительной мере можно найти в идеологической либо просто пропагандистской подоплеке. Поскольку рассматриваемые события никак не могут быть списаны в архив, они еще долгое время останутся предметом размышлений и дискуссий. Если в последние годы и была допущена ошибка, то она состоит в утверждении, будто по истечении века можно однажды перевернуть страницу истории и продолжать жить, как ни в чем не бывало. История не прощает подобной небрежности. И эта аксиома утвердила меня во мнении, что не будет излишним заняться рассмотрением обозначенного вопроса, которое я и предлагаю вниманию читателя.

Часть первая

ВРЕМЯ КОНСЕРВАТОРОВ

Смещение Хрущева

Когда начался закат Советского Союза? Непросто указать правильную точку длительного и сложного процесса, когда хочешь обнаружить не только его предпосылки, но и последствия. И тем не менее такая дата есть. Это 14 октября 1964 г. Весь мир, Европа и Соединенные Штаты Америки, крупные и малые державы, был ошеломлен: секретные службы, которые использовали немалые средства и огромный персонал для прогнозирования такого рода событий, ни о чем не догадывались. В Москве эта новость была обнародована 15 октября в форме краткого сообщения о свершившемся факте. По состоянию здоровья Никита Сергеевич Хрущев оставлял свои руководящие посты. Центральный Комитет Коммунистической партии (ЦК КПСС) принял его отставку без возражений. В мгновение ока один из самых могущественных людей мира исчез со сцены.

Хрущев в течение 11 лет был первым секретарем ЦК КПСС и в течение 6 лет — председателем Совета министров: то есть совмещал два важнейших поста в советской иерархии. В глазах всего мира СССР воспринимался прежде всего как Хрущев. Его слава объяснялась главным образом смелым разоблачением деятельности Сталина, при котором Хрущев вззошел на вершину власти: венцом этого акта были низвергавшие культ личности выступления Хрущева на двух съездах партии (XX в 1956 г. и XXII в 1961 г.). Его энергия и беспристрастность стали определяющими факторами внутренней и внешней политики СССР в послесталинский период. Неожиданное его смещение порождало много вопросов относительно будущего страны и, принимая во внимание значимость СССР как второй супердержавы, относительно последствий для остального мира.

Четверть века спустя почти все участники этого действия стали вспоминать закулисные интриги того времени¹. Эти свидетельства не всегда совпадают, однако в целом картина все же прояснилась. Оказалось, что нити заговора тянутся на несколько месяцев назад — от октября к апрелю 1964 года, а сплетаются в узлы летом того же года². Как следует из воспоминаний, зачинщики интриги вошли в сговор почти со всеми членами Центрального Комитета КПСС, который насчитывал 175 человек с правом голоса. Удивляет степень секретности, которой была окружена вся операция, что и гарантировало ее успех.

Однако главное заинтересованное лицо, Хрущев, почувствовал это во время своего летнего отдыха на берегу Черного моря, но не

принял никаких мер. Мы это знаем от его сына, который был тогда с ним³. Шесть лет назад, однако, реакция Хрущева была совершенно иной, когда позиции первого лица государства оспаривали другие наследники Сталина: Молотов, Маленков, Булганин, Ворошилов. Сын Хрущева усматривает причину в подавленности, чуть ли не в ожидании чего-то рокового. А может быть, сам Хрущев интуитивно ощущал, что, в отличие от 1957 года, он теперь не имел за собой силы, достаточной, чтобы решить схватку в свою пользу. Только в последний момент он сделал слабую попытку оказать сопротивление⁴, когда с места отдыха его неожиданно вызвали в Москву. Тогда он заявил, что не понимает, к чему такая поспешность. Но оказалось слишком поздно: игра была сыграна.

В столице ничто не оставалось на волю случая. С аэродрома Хрущев сразу же был доставлен в Кремль, где собрался Президиум Центрального Комитета (который вскоре станет называться Политбюро) — реальный орган власти. Здесь глава партии и правительства очутился под перекрестным огнем критики своих коллег, которые возлагали на него ответственность за многочисленные проблемы, вставшие перед СССР, и требовали его отставки. Лишь один из присутствующих, Микоян, вероятно единственный, кто не был заранее посвящен в план действий, предложил, чтобы за Хрущевым сохранили по крайней мере один из двух постов. Но его предложение не нашло поддержки. Сам Хрущев вяло реагировал на обвинения. Ему был предоставлен выбор: либо якобы добровольная отставка, либо шумная газетная кампания с позорящими перед лицом общественного мнения обвинениями. Хрущев покорно согласился на первое⁵.

На следующий день, как раз 14 октября, был созван Пленум Центрального Комитета партии, члены которого заранее прибыли в Москву. Заседание не было ни длинным, ни слишком драматичным. Идеологический лидер того времени — Сулов представил довольно краткий отчет, в котором против Хрущева были выдвинуты обвинения, предъявлявшиеся ему все последующие годы: дилетантизм и волюнтаризм в сфере управления, непродуманные инициативы в области экономики и внешней политики, конфликты с влиятельными группами общества и пр. Хрущев не выступал. Его немногочисленные сторонники, еще остававшиеся в ЦК, тоже промолчали. И потому решение о смещении Хрущева со всех политических постов было принято единогласно, как, впрочем, всегда случалось на заседаниях такого рода⁶. Затем тут же, на заседании, таким же образом были назначены его преемники; их было двое, ибо было решено, что впредь два поста не могут быть доверены одному человеку: первым секретарем ЦК партии стал Леонид Ильич Брежнев, а председателем Совета министров — Алексей Николаевич Косыгин. Граждане

СССР и других стран были извещены обо всем только на следующее утро.

Итак, тщательно спланированная операция прошла без сучка и задоринки. Однако в стране, где роль главы государства всегда была решающей, речь, естественно, шла не просто об очередной замене. Все комментарии по поводу этого события и внутри страны, и за рубежом не смогли объяснить истинную суть происшедшего. Причем за границей реакция была более эмоциональной, нежели в самом СССР. Все газеты посвящали этому передовые статьи и старались представить сенсационную информацию, однако информация всегда была неточной, а передовые — не всегда содержательными. Вспыхнувшие поначалу страсти вскоре улеглись. Советские посольства за рубежом получили указание информировать всех о том, что советская политика, как внутренняя, так и внешняя, останется неизменной: веря или не веря этим заявлениям, заинтересованные лица вынуждены были принять сказанное.

Реакцию советской общественности (или, вернее, отсутствие таковой) уже тогда следовало рассматривать в качестве наиболее важного феномена. Не было ни протестов, ни столкновений, никаких манифестаций, но, по правде говоря, не было также и явного одобрения. Сам Брежнев, преемник Хрущева, был удивлен, получив секретные отчеты спецслужб (в частности, КГБ), информирующие его о состоянии общественного мнения. Новые правители приняли меры предосторожности на случай возможных проявлений недовольства. На заседании 14 октября, когда был смещен Хрущев, Брежнев предложил присутствующим не вести дискуссий на эту тему ни внутри страны, ни внутри партии⁷. По традиции, которая сохранялась и при Хрущеве, члены КПСС имели право на получение информации, более подробной по сравнению с публикуемой в газетах: в сущности, их ознакомили с отчетом Суслова на заседании Центрального Комитета партии, который для основной массы оставался секретным. Но даже на партийных собраниях не возникло никаких прений. Восхваляемое и еще несколько дней назад постоянно цитируемое имя Хрущева вдруг исчезает из обращения. Его отстранение от власти запомнилось лишь в связи с датой заседания, на котором было принято это решение (октябрьский Пленум Центрального Комитета партии)⁸.

Тогда такая очевидная пассивность имела политическое значение, а для нас сегодня она имеет значение историческое. Хрущев не был из разряда тех многочисленных правителей, которые приходят и уходят. Он снова возродил те антисталинистские настроения, которые четверть века назад несколько поутихли и оставались под спудом, но никогда не исчезали совсем ни в самой партии, ни в советском обществе. Кроме того, какими бы несообразными ни пред-

ставлялись его инициативы тогда и даже сегодня, Хрущев все же сделал, может быть, противоречивую, но не ставшую от этого менее важной попытку преобразования той модели советского общества, которая была создана под руководством Сталина. Теперь эта попытка, что бы о ней ни думали, провалилась⁹.

Это событие было важным не только с точки зрения советской истории, где всегда существовали противоречия между так называемыми сталинистскими и антисталинистскими течениями¹⁰. Провал Хрущева напоминал о гораздо более древней традиции, периодически возрождавшейся в ходе многовековой русской истории. Попытки проведения реформ, а не радикальных революционных преобразований случались в истории России. Но они всегда заканчивались полной или почти полной неудачей¹¹. В этом контексте смещение Хрущева казалось последним звеном в длинной цепи неудач, тянувшейся из далекого прошлого.

Значительная часть советского политически активного общества никак не одобряла реформаторских стремлений Хрущева, считала их грубыми и опрометчивыми. И именно этой, весьма влиятельной в правящих кругах КПСС части удалось избавиться от Хрущева¹². Поведение этих людей несколько не удивительно. Но были и другие, кто, напротив, поддерживал хрущевские нововведения, возможно считая их недостаточными, слишком вялыми и чрезмерно компромиссными. Именно от них исходило требование более широких реформ. Однако в момент расправы с Хрущевым не было предпринято ни единой попытки защитить смещенного лидера. Даже напротив, порицания, исходящие с этой стороны политических сил, облегчили изоляцию и, соответственно, поражение Хрущева. Случилось так, что даже те, кто несколько лет спустя не колеблясь счел октябрь 1964 года поворотом всей советской истории вспять, в тот момент, может быть под влиянием обстановки, «вздохнули с облегчением», как скажет один из них¹³. Сегодня, по здравом размышлении, даже это явление не представляется совсем новым в драматической последовательности русских реформаторов: не впервые преобразователь подвергался нападкам как своих противников, так и сторонников, которые либо отступались от него, либо не могли найти аргументов, чтобы вовремя поддержать его.

Новое правительственное соглашение

Вполне можно понять растерянность советских реформаторов, если принять во внимание, что в первое время новые руководители страны никак не обнаруживали намерений оставить путь реформ. Один из них, Юрий Андропов, пребывавший тогда на вторых ролях,

но которому позднее предстояло сильно продвинуться, напротив, уверял своих политических друзей, что теперь движение вперед ускорится¹⁴. И ему верили. Пришедшие на смену Хрущеву новые руководители страны, которые в течение долгих лет были его сподвижниками, иной раз давали понять, что они намерены идти по тому же пути, но более последовательно и более твердо. Лозунг, с которым они предстали перед своей страной и за рубежом, ратовал за «научный подход»¹⁵: другими словами, за понимание причин и принятие обоснованных решений.

Кто же были эти новые руководители, поддерживавшие Хрущева и тесно сотрудничавшие с ним вплоть до того, как решили избавиться от него? У них, 50- и 60-летних, общим было следующее: все они, более даже, чем их предшественники, Молотов, Маленков и тот же Хрущев, были выкованными Сталиным кадрами, как тогда говорили, его настоящими «соратниками». В том смысле, что они сформировались при Сталине и не имели никакого иного политического опыта, кроме сталинского. Решающий взлет в их карьере произошел в 1937–1938 годах, когда они, молодые, едва достигшие 30-летнего возраста, были призваны Сталиным и его окружением занять места старых революционных кадров. В их биографиях годы «великого террора» против партии большевиков первого поколения были временем политической молодости¹⁶. Дальнейшая их карьера была связана с войной и холодной войной. Вместе с Хрущевым они вззошли на вершину власти, но их нельзя было по одной только этой причине рассматривать как «его» людей. Вращенные Сталиным, при Хрущеве они освободились от этого партийного отцовства, но наложенная им печать осталась определяющей в их видении мира.

Не случайно Брежнев стал лучшим их представителем. О нем позднее сказали все плохое, что только возможно. Однако и его портрет следовало бы несколько подправить. Конечно, Брежнев не был интеллектуалом; в сущности, и не претендуя на это. Он очень мало писал сам: его перу не принадлежали ни выступления, ни воспоминания, выходившие под его именем. Этот политик ни разу не проявил ни малейшего интереса ни к теоретическим вопросам, ни к объяснениям экономистов. Падкий на лесть, он обнаруживал свою слабость в доведенных до абсурда масштабах. В одном он отличался от предшествующих глав советского государства и от многих своих коллег: физически крепкий, как истинный сибарит, Брежнев любил все мирские удовольствия. Любимой его забавой были шикарные автомобили. Однако он отнюдь не был лишен политических способностей. Брежнев очень хорошо знал созданный в СССР административный аппарат, все его механизмы и их функционирование. Кроме того, ему были присущи тонкое психологическое чутье и удивительная способность маневрировать людьми: это, впрочем, была

единственная особенность, которой он гордился¹⁷. Президент Соединенных Штатов Никсон сравнил его с руководителем американских профсоюзов¹⁸. Вопреки распространенному тогда мнению, именно Брежнев был одним из основных инициаторов отстранения Хрущева и теперь пожинал плоды. Но, в отличие от своих предшественников, ему не пришлось вести трудные политические баталии, чтобы добраться до вершины власти, а потом защищать свое положение. Ему достаточно было быть благоразумным, осмотрительным, уметь лавировать среди «равных», среди которых он во всяком случае должен был оставаться «первым».

Намного богаче был интеллектуальный потенциал у двух других руководителей: Косыгина и даже Суслова. Образованный Косыгин нравился интеллигенции. Его роль заключалась в исполнении функций менеджера, главного специалиста по советской экономике, которая всегда оставалась его единственным полем деятельности. Внешне аскет и жрец, нетерпимый и лицемерный, Суслов считал себя и почитался другими главным блюстителем чистоты идеологических нравов. Такими были эти три непохожих друг на друга человека. Но различия между ними играли определенную роль в правящей группировке, которая с самого начала выступила как коллективное руководство и таковым в основном оставалась. Сама по себе эта характеристика не была новой. Предшествующие руководители тоже поначалу обещали держаться подобных методов. Но Брежнев сохранял верность им, даже когда стало ясно, что последнее слово в любом случае остается за ним. Высшие структуры партии, покуда он возглавлял их, действительно функционировали как коллегиальные органы¹⁹. Впрочем, речь шла не столько о какой-то его личной заслуге, сколько — как мы увидим позднее — о структурной эволюции советской политики, выразителем которой смог стать Брежнев.

Новые руководители к условию коллегиальности добавили также обещание стабильности: таким образом, этот термин впервые вошел в советскую политическую лексику²⁰. Он стал ключевым словом языка, предназначенного прежде всего для правящего аппарата. Этот аппарат подвергался непрерывным и нередко жестоким потрясениям как во времена сталинского деспотического режима, так и в период хрущевских преобразований. При Сталине, который был его создателем, аппаратчики рисковали личной свободой и даже жизнью, при Хрущеве — своим положением. Почва под их ногами никогда не была устойчивой. Теперь они хотели чувствовать себя более уверенными на своих местах и даже получили гарантии тому. Именно это молчаливое, неписаное, но от этого не менее эффективное соглашение между руководителями центрального и периферийного аппаратов сделало отстранение Хрущева простым и

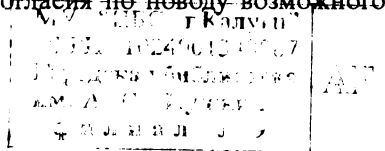
безболезненным, даже формально не противоречащим правовым нормам. На этом соглашении почти 20 лет зиждилось руководство Брежнева.

Самой первой мерой новых руководителей стало пресечение всякого рода нововведений или хрущевских проектов, которые более всего угрожали стабильности правящего класса на всех уровнях. Никаких реформ партии: начатые Хрущевым преобразования были прекращены, а предусмотренные им в программе были отложены²¹. Смещенный лидер навязал уставную норму, по которой никто не мог оставаться на своем посту более двух сроков. Эта норма, которая, наверное, более всех других инициатив Хрущева способствовала его устранению, была демонстративно упразднена²².

Через полтора года после отстранения Хрущева от власти состоялся XXIII съезд КПСС, первый брежневский съезд партии. Он по контрасту с предыдущим, последним хрущевским съездом партии отличался минимальным обновлением правящей верхушки. Незначительностью изменений будут характеризоваться также и последующие съезды партии, проводимые при Брежневе²³.

Было бы заблуждением полагать, что стремление к стабильности свойственно только правящим слоям советского общества. В середине 60-х годов среди населения господствовала мечта о спокойствии. Более полувека страна почти постоянно жила в чрезвычайной обстановке. Все страстно желали хоть немного пожить нормально, спокойно и благополучно: каждый вкладывал в эти понятия свой смысл, но в обещаниях новых руководителей всем виделись основания надеяться на лучшее. В общем соответствии между обещаниями властей, стремлением аппарата к консолидации, а основной массы советских людей к более спокойной жизни и заключался секрет успеха, позволившего Брежневу с сообщниками избавиться от Хрущева: секрет, который, как мы увидим, не лишен ловушек.

В этом — первое объяснение того, почему коллегиальное руководство с такой осторожностью подходило к реформам. И на словах, и в делах. То, что Андропов говорил в частных беседах своим друзьям-политикам, — было одно. И совсем другое — постановления руководящих органов. Факт таков, что слово «реформа» даже не вошло в политический словарь. Согласно официальной пропаганде, советское общество, будучи социалистическим, представляло собой лучшее из всего, что только могло существовать. Его не надо было «реформировать», его надо было лишь «усовершенствовать», чтобы исключить еще встречающиеся недостатки²⁴. На эту заботу, которую можно определить как идеологическую, наслаивалось нежелание искать новое, которое можно было бы использовать, изучать его последствия: наверху возникали разногласия по поводу возможного принятия таких новшеств.

Реформы 1965 года

При всем стремлении к стабильности в стране склонялись в пользу реформ. Исходило это скорее из фактов, нежели из их осознания, и порождалось прежде всего состоянием экономики. Хрущев заплатил за то, что успехи в этой области были недостаточны. Среди населения обнаруживались признаки нетерпения: в некоторых районах СССР произошли серьезные инциденты. Соревнование с Америкой, на которое Хрущев возлагал большие надежды, оказалось гораздо тяжелее, чем думали. На зарубежных рынках, где СССР только начал появляться, соревнование было проиграно²⁵. Уже в хрущевские времена начали звучать предупредительные сигналы о том, что так называемая военная экономика, с помощью которой Сталину удавалось осуществлять свои намерения, стала непригодна для нового времени и для общества, стремящегося не только укрепить мощь страны, но и обеспечить более высокое благосостояние населения. Повышение уровня жизни не могло более не приниматься в расчет, поскольку оно было составной частью самого обещания стабильности.

Через год после падения Хрущева Центральный Комитет партии принял решение о необходимости «важной экономической реформы»²⁶. Человеком, который так ее определил, спланировал и горячо отстаивал, был Косыгин. К реформе стали готовиться еще до смещения Хрущева и, соответственно, при его поддержке: обсуждение в печати началось уже с 1962 года²⁷. Не все предложения, выдвинутые в ходе обсуждения, вошли в проект Косыгина, который держался того осторожного курса, каким новое руководство намеревалось двигаться вперед. Тем не менее предусматриваемые изменения были значительными, даже если, как уточнялось, они должны были осуществляться постепенно.

Косыгин убедительно обосновал необходимость реформы. Советская экономика, оставаясь все еще сильной, теряла эффективность. Отдача от громадных вложений ресурсов падала: свидетельством тому были убытки, низкое качество продукции, распыление капиталовложений, низкая производительность труда. Проведенный Косыгиным анализ представляет интерес и сегодня, ибо его положения, почти в тех же формулировках, мы будем встречать и позднее, всякий раз, когда в Москве будут обсуждаться проблемы экономического развития, пока спустя 20 лет выявленные им недостатки не окажутся губительными. Но предложения Косыгина были связаны не только с реформой, они, скорее, предусматривали реформу и контрреформу в организации и функционировании промышленности. Нигде не подвергались обсуждению основные, исторически утвердившиеся принципы советской экономики: всеобъемлющая государ-

ственная собственность, единое, централизованное планирование, строгий контроль за всеми основными показателями развития. Цель реформы Косыгина заключалась, скорее, в более эффективном использовании перечисленных принципов²⁸.

Контрреформа состояла в отказе от первой организации промышленности, проведенной Хрущевым в 1957 году несмотря на упорное сопротивление: для устранения выявлявшихся уже тогда недостатков экс-лидер хотел перейти от вертикальной организации производства на уровне отраслевых министерств, отвечающих за всю страну, к децентрализованной организации на региональной основе²⁹. В сентябре 1965 года решено было вернуться к старому. Реформа же должна была уравновесить возродившееся стремление к централизации решением проблемы уже не в области организации, а в большей степени в сфере непосредственно экономической, и в этом заключалось главное, что было столь дорого предложившим ее экономистам. Нет надобности обращаться к подробностям, которые сегодня имеют разве что археологическую ценность³⁰. Достаточно вспомнить основные ориентиры, заключавшиеся в предоставлении большей автономии отдельным производственным единицам — советским предприятиям, автономии относительной, но более значительной по сравнению с прошлой.

Отныне предприятиям не должны были диктоваться сверху мелочные указания по поводу их деятельности, распоряжения могли касаться лишь наиболее важных параметров. Оставаясь в рамках этих параметров, предприятие могло самостоятельно распоряжаться частью доходов от своей деятельности, пуская их либо на самофинансирование, либо на стимулирование труда персонала. Так, предполагалось возродить, казалось, напрочь утраченный дух инициативы. Планирование тоже должно было изменить свой характер: не доскональное предписание всего, что должно делаться год за годом, а указание перспективных ориентиров, позволяющих предприятию при соблюдении целой серии норм и правил выбирать собственный путь, направленный, как всегда, на достижение общих целей. В сущности, речь шла о переходе от системы административного управления к более гибкой, способной использовать экономические рычаги для достижения желаемых результатов. В итоге многое должно было измениться, начиная с системы ценообразования. Новый курс, казалось, заслуживал тем большего внимания, что Косыгин предлагал рассматривать его как начало процесса дальнейшего развития³¹.

Однако шесть месяцев спустя, на XXIII съезде партии, на котором как раз должны были намечаться основные ориентиры развития страны, Косыгин, автор одного из двух главных отчетов — экономического, о реформе не говорит ни слова. О ней вскользь упоминает Брежнев. Но это упоминание звучит формально и неопределенно, а

само слово «реформа» из него снова исчезло³². Факт этот никак не стоит обходить вниманием, поскольку история последующих лет — в значительной мере история несостоявшихся реформ, которые сначала были заявлены, но потом либо ушли в песок, либо были выхолощены. Мы еще вернемся к рассмотрению этого явления. Случившееся на XXIII съезде партии сразу обнаруживает одну из основных его особенностей. В ходе съезда никто не выступал против реформы, но никто и не отметил ее важности, что традиционно делалось всякий раз, когда хотели продемонстрировать народу серьезность задуманных преобразований. Для опытного глаза это означало, что оппозиция намеченным реформам хотя и оставалась скрытой, тем не менее была достаточно сильной.

Оппозиция в высших инстанциях отражала широкое по всем направлениям сопротивление аппарата. На самой вершине власти к реформам скептически относились и сам Брежнев, и его окружение³³. Пять лет спустя, на следующем съезде партии, когда о замыслах Косыгина почти и не вспомнят, Брежнев выдвинет другую идею: сделать более эффективным прежний аппарат управления при некоторой модернизации экономики за счет использования широкой компьютерной сети³⁴. Но даже этот проект не будет выполнен: задуманный как некий суррогат истинной реформы, он был не в состоянии дать ожидаемых результатов³⁵.

В марте 1965 года на Пленуме Центрального Комитета партии Брежнев выступил поборником новой аграрной политики еще до того, как Косыгин представил свой проект экономической реформы. Задача восстановления советского сельского хозяйства, находившегося в глубоком кризисе со времен Сталина, была любимым коньком Хрущева. Дело шло с переменным успехом, но после катастрофического неурожая 1963 года появилось предчувствие провала. Для последующих руководителей, пришедших на смену Хрущеву, задача могла показаться более простой. В 1965 году всю или почти всю вину за прошлые неудачи пытались свалить на Хрущева. Что касается принимаемых решений, то Брежнев предпочитал прагматические варианты, предполагая использование различных средств, начиная от увеличения капиталовложений в деревню и кончая повышением уровня жизни крестьянства³⁶.

Но было кое-что, чем аграрные проекты нового руководства напоминали план промышленной реформы, горячо отстаиваемой Косыгиным. Как тогда, так и теперь основные направления существующего порядка не менялись, не считая тех незначительных аспектов, которые и прежде предполагалось корректировать. При этом оспаривались утверждения тех зарубежных наблюдателей, которые предсказывали изменение экономической и социальной системы или утверждали, что такое изменение уже происходит³⁷. Но и в случае с

косыгинской реформой, и теперь давались обещания расширить автономию отдельных предприятий, чтобы повысить их эффективность и стимулировать инициативу. Однако если на практике это было сложно даже в промышленности, которая всегда была гордостью существующего режима и предметом его максимальных забот, то тем невероятнее выглядела такая задача в области сельского хозяйства, которое более 30 лет приносилось в жертву первоочередным требованиям тяжелой промышленности и военным нуждам. И наконец, как в косыгинской реформе, так и в новом случае не обращалось внимания на необходимость отведения определенной роли рынку, его требованиям, его непосредственным связям с производителями. Этому препятствовало переплетение идеологических предрассудков, инерции традиций, сложившихся интересов.

То ли в результате реформаторских усилий, то ли в связи с более жестким правлением, которым часто сопровождается приход к власти новых руководителей, а может, благодаря надежде на будущие успехи первая стадия брежневского правления оказалась достаточно благоприятной для советской экономики. Позднее о ней будут вспоминать почти с ностальгией, как о годах относительного благоденствия. Статистика отмечала ускорение темпов развития, что, казалось, говорило об изменении прежде преобладавшей тенденции к их замедлению. Впервые, тоже по инициативе Косыгина, намечалась программа, в соответствии с которой производство автомобилей должно было увеличиться в четыре раза в течение пяти лет: фирма ФИАТ строила огромный завод на берегу Волги в городе Тольятти³⁸. И хотя России было еще далеко до уровня оснащенности автомобилями, достигнутого в Америке и Западной Европе, казалось, что она приближается к нему. Были расширены также программы жилищного строительства. В действительности же того качественного скачка в эффективности экономики, к которому стремился Косыгин, не произошло, и позднее пришлось признать ограниченность этого эфемерного прогресса. Но даже несмотря на то, что расчеты не оправдывались, результаты все же не казались такими удручающими, что, в свою очередь, становилось аргументом в пользу тех, кто предпочитал не заходить далеко по пути истинных реформ.

Цензура и «самиздат»

В общем, хлеб был. И даже в какой-то степени с маслом. Но не хлебом единым жив человек: эта евангельская истина, использованная в начале 50-х годов как заголовок романа, ставшего мишенью для нападок московских руководителей, очень часто цитировалась в СССР в первый период брежневского правления. Уже в последние

годы правления Хрущева отмечалась растущая политическая активность творческой интеллигенции, сопровождавшаяся публичными дискуссиями между высшим руководством и целым рядом писателей, художников, артистов³⁹. Для многих представителей культуры «стабильность» означала надежду на большую свободу. Спустя годы некоторые из них вспоминали это время — небольшой «просвет между хрущевской оттепелью и расцветом брежневской эпохи» — как краткий, но счастливый миг⁴⁰.

В сентябре 1965 года в Москве были арестованы два писателя — Андрей Синявский и Юлий Даниэль, которые были мало известны за пределами определенного круга и которые под псевдонимами опубликовали за границей сатирические и критические заметки о советской действительности. Их арест обозначил памятную дату в развитии общественной жизни СССР, как бы тогда ее оценили противостоящие стороны. Это был вызов, брошенный двумя писателями: обратившись к зарубежным издательствам, они нарушили существовавший долгие годы неписаный, но неоспоримый закон советского образа жизни, по которому искать поддержки за рубежом было свидетельством нелояльности, если не настоящего предательства. Незадолго до этого такой великий поэт, как Пастернак, по такой же причине был не только заклеен властями, но практически остался в изоляции даже среди своих коллег. На этот раз реакция была совершенно иной. Конечно, в Москву по поводу двух писателей приходили многочисленные осуждающие письма, инициированные самими властями. Но впервые появились свидетельства и другого рода. В центре Москвы на Пушкинской площади прошла демонстрация протеста против ареста писателей, пусть небольшая, всего в несколько человек, но такого прецедента начиная с далеких 20-х годов еще не было.

Реакция еще больше усилилась во время процесса, начавшегося в январе 1966 года не без некоторой рекламы. Шум, поднятый за рубежом, уже сам по себе обескураживал советское руководство. Но более настораживающими были пока еще ограниченные проявления несогласия внутри страны, которые тем не менее уже нельзя было не замечать. Формировалась оппозиция — явление скорее политическое, нежели культурное. В публикациях о процессе появлялись только те мнения, которые согласовывались с обвинительным заключением. Но родные и близкие обвиняемых написали другие отчеты, и в отпечатанном на пишущих машинках виде они начали ходить по рукам. Так родился новый метод борьбы. Протест стал явным. Власть пыталась задуть его, но оппозиция не давала больше затыкать себе рот: она нашла способ распространения своей информации. Репрессии стали усиливаться. Так образовывался круговорот, из которого руководство Брежнева не сможет более выйти.

А в советскую жизнь вошло новое явление — «самиздат». Неудобные властям произведения искусства и политические идеи не могли проникнуть в официальную печать из-за жесткой цензуры, но теперь они получили пусть примитивный, но вполне автономный канал распространения: они перепечатывались на машинке и передавались от одного читателя другому. Метод этот был не так уж нов. Отдельные его преодоления встречались и прежде. Но лишь в середине 60-х годов «самиздат» становится настоящим явлением политической и культурной жизни, явлением, сильно впоследствии повлиявшим на культурную жизнь СССР. Отчеты о судебных процессах, которые власти предпочитали держать под спудом, но которые им не удавалось больше сохранять в тайне, в значительной мере усилили это влияние. Другим толчком было растущее неприятие цензуры, не только жесткой, но подчас просто тупой, — традиционный удел всех цензур. На дрожжах хрущевских преобразований выросли произведения, написанные уже известными или молодыми авторами, критически оценивающими прошлое СССР и его настоящее. Публикация таких произведений была запрещена. Немалое их число находило дорогу пусть к ограниченному, но, возможно, более эффективному способу подпольного распространения. Был и другой путь, указанный Пастернаком, Синявским и Даниэлем: опубликованные на Западе книги потом тайно возвращались в Советский Союз.

Символической фигурой нового столкновения с властями стал прежде малоизвестный и вдруг сделавшийся знаменитым писатель Александр Солженицын. Он приобрел популярность, опубликовав в ноябре 1962 года при горячей поддержке Хрущева роман о сталинских лагерях. Несколько рассказов, появившихся затем в печати, подтвердили значительное дарование писателя. Но были у Солженицына и другие произведения, которые ждали своего выхода в свет. После отставки Хрущева публикация его работ прекратилась. Более того, в те самые дни, когда были задержаны Синявский и Даниэль, милиция наложила арест на некоторые рукописи Солженицына. А через какое-то время они появились в «самиздате». Автор, однако, никак не желал смириться. В мае 1967 года Солженицын пишет письмо IV съезду Союза писателей, на который он не был приглашен, и в этом письме в самых острых выражениях осуждает губительный характер цензуры и требует ее отмены. На съезде писателей письмо зачитано не было. Но многие из делегатов имели текст письма, и практически все были с ним знакомы. Около 100 человек, среди которых были известные в советской литературе имена, открыто и письменно выразили свое согласие с Солженицыным. Все эти документы появились в «самиздате» и попали за границу⁴¹.

Процесс Даниэля—Синявского и письмо Солженицына стали двумя ключевыми точками в эволюции советского общественного мне-

ния 60-х годов. Они выделялись на фоне растущей интеллектуальной деятельности. «Самиздат» и другие подпольные формы распространения неопубликованных работ стали составной частью культурной жизни, зеркалом, отражавшим подспудные дискуссии, которым власти не позволяли выйти наружу, но подавить которые они были уже не в силах. Некоторые из публикаций «самиздата» становились даже периодическими. Наиболее известной и долговременной будет начиная с 1968 года «Хроника текущих событий», достаточно регулярно предоставлявшая информацию как о незаконной политической деятельности, так и о борьбе с ней⁴². Через эти каналы крупные произведения, получившие впоследствии мировую известность, стали достоянием хотя и узкого круга людей, но обладавшего значительной способностью влиять на культурную жизнь в стране.

Конфликт между властями и культурой

Развитие советского общества, распространение науки и культуры способствовали этому конфликту. В то самое время, когда произведения Солженицына запрещались, его приглашали выступать в известные научно-исследовательские институты; первым среди них был Институт ядерной физики Курчатова, которому страна была обязана многими успехами в области ядерной физики. Причем даже власти не решались вступать в конфликт с такими важными авторитетными научными центрами⁴³. В Академии наук, где всегда сохранялся принцип избрания членов тайным голосованием, некоторые из кандидатур, слишком явно навязываемые сверху, были отклонены, ибо были сочтены недостойными столь высокого положения. После выхода в свет первой книги Солженицына появился целый поток литературы о сталинских лагерях. Было дано указание о прекращении подобных публикаций⁴⁴. Речь шла о воспоминаниях или рассказах, неравнозначных по своим достоинствам, но помогавших глубже постичь самую болезненную страницу советского прошлого, дополняя разоблачения, сделанные еще во времена Хрущева, и устные свидетельства выживших в лагерях, вернувшихся на свободу благодаря тому же Хрущеву.

В росте противоречий стал обнаруживаться феномен еще более своеобразный и более характерный для СССР, чем извечный конфликт между тиранией власти и страстным желанием свободы. Впервые после ушедшей в далекое прошлое революции обнаруживался раскол между политическими верхами страны и значительными группами культурной общественности. Такого не случалось даже в самые жестокие годы сталинского деспотизма: тогда противостояния носили гораздо более эпизодический характер. Это был признак кризиса,

грозившего перекинуться и на другие сферы жизни⁴⁵. Речь шла даже не о противоборстве между советскими коммунистами и их противниками. Разногласия проникали в саму КПСС. И главной причиной несогласий снова была оценка Сталина.

Эпоха Хрущева была отмечена разоблачениями, с которыми он выступил против преступлений и просчетов своего предшественника. Понятно, что его оценку разделяли не все члены партии и не все общество. Но она была сделана и оказывала влияние. Враждебное отношение к антисталинским настроениям Хрущева стало одной из причин его падения. Сменившие его руководители ничего не сказали по этому поводу, кроме общих обещаний верности установкам двух антисталинских съездов — XX и XXII съездов КПСС. Но вскоре в некоторых кругах партийного аппарата стали предприниматься попытки вернуться к прославлению Сталина в связи с 20-й годовщиной Победы во второй мировой войне, которая в памяти многих, особенно бывших участников войны, была связана с его именем. Однако в последний момент ничего не было сделано. Группа авторитетных представителей культуры, коммунистов и беспартийных, обратилась с письмом протеста к руководству партии в самый канун XXIII съезда партии и добилась того, что инициатива была пресечена⁴⁶.

Но противоречия проникли в общество и не могли быстро исчезнуть. Два противостоящих лагеря время от времени вступали в конфликт. Негодующие письма были написаны родственниками наиболее известных жертв Сталина⁴⁷. И настоящей «реабилитации» диктатора — в соответствии с модной советской терминологией того времени — не произошло даже в 1969 году, в год 90-летия со дня рождения Сталина⁴⁸. Сомнения в неуместности переоценки деяний Сталина высказали и видные зарубежные коммунисты. Разгоревшаяся полемика мало напоминала взвешенный суд истории. Сталинизм и антисталинизм стали расхожими терминами, использовавшимися безотносительно к личности Сталина, были знаменем противоположных политических тенденций, проявлявшихся как внутри КПСС, так и вне ее, тенденций к демократизации и либерализации советского общества, с одной стороны, и к сохранению самых жестких его принципов — с другой.

Именно в связи с этим Брежнев попытался сначала доказать свой, что называется, «центризм», выражая намерение бороться с обоими проявлениями экстремизма, с крайностями и той и другой стороны: довольно осуждения Сталина, но довольно и его восхваления⁴⁹. Тем не менее во второй половине 60-х годов наблюдается широчайшая культурно-идеологическая кампания, направленная на выработку новых официальных концепций советской истории. Для этой цели были использованы крупные юбилейные даты, приходившиеся как раз на это время: 20-летие Победы (1965), 50-летие революции (1967)

и 100-летие со дня рождения Ленина (1970). Две последние даты отмечались с торжественностью, поистине граничащей с одержимостью: в течение нескольких месяцев газеты, радио и телевидение не говорили почти ни о чем другом. Эти два юбилея послужили предлогом для опубликования некоторых документов — официальных «тезисов» руководства партии и выступлений того же Брежнева, отмеченных некритическим, слепым восхвалением всего послереволюционного периода. Были преданы забвению многочисленные драматические события, повороты в политике, смена лидеров и методов руководства. История была представлена как прямолинейный путь развития, насквозь пропитанный ленинскими теориями и духом, дорогой не всегда легкой, но отмеченной подлинными триумфами, когда КПСС всегда оказывалась правой⁵⁰.

И как бы это ни представлялось парадоксальным на первый взгляд, в результате были прекращены все исторические исследования событий, происшедших в стране за текущее столетие. Каноническая, искусственная версия современной истории и прежде составляла существенную часть сталинской идеологии. В хрущевское время она была в какой-то мере оспорена, что открыло дорогу к некоторому оживлению исследований по истории страны: масса людей, названных позднее «шестидесятниками», принялись за работу⁵¹. И первые результаты дали о себе знать. «Юбилейные» документы пресекали эту деятельность, поскольку они стали новой ортодоксальной версией советской истории, которой нельзя было противоречить. Работы, идущие с ней вразрез, изымались без обсуждений. Вышедшая в 1965 году книга историка Некрича о первых месяцах войны 1941 года, в которой указывалось на ошибочные оценки Сталина, сопряженные с тяжелыми последствиями, лишь короткое время обсуждалась публично: сначала она была разрешена цензурой, но потом была осуждена, подвергнута остракизму, а ее автор был исключен в 1967 году из партии⁵². Даже военные дневники одного из самых известных писателей того времени, Константина Симонова (тоже члена КПСС), не были выпущены в свет⁵³. И наконец, была запрещена публикация истории коллективизации в деревне 30-х годов, написанная группой из пяти ученых, возглавляемых известнейшим историком-аграрником Даниловым⁵⁴. Воспоминания маршала Жукова, взявшего Берлин, появились в библиотеках, но только после того, как они были обкромсаны цензурой⁵⁵. Важно, что все перечисленные выше авторы были членами КПСС, то есть людьми, которых нельзя было заподозрить в предвзятом, враждебном отношении к революции и существующему режиму. Это показывает, как в русле сложного культурного движения 60-х годов даже внутри самой коммунистической партии обнаружилось новаторское течение, продолжавшее питать надежды на реформаторскую политику.

В брежневские времена реформаторское течение, взявшее свое начало, как всегда, в хрущевской политике, было вынуждено трансформироваться в своеобразную фронду внутри партии. Сами руководители страны представляли доказательства от противного в пользу их существования, обнаруживая страх перед ними не меньший, чем перед распространением наиболее откровенных проявлений «самиздатовской» оппозиции. Показательным было их отношение к отстраненному от власти Хрущеву. Хотя тот был уже в возрасте, на пенсии и, как показал октябрь 1964 года, не имел последователей, новые руководители изолировали его, поселив на находящейся под наблюдением даче под Москвой. Само имя Хрущева было под полным запретом, его не разрешалось даже упоминать в печати. В наговоренных и записанных на пленку размышлениях «сына двух эпох», как он сам себя называл, Хрущев пересматривал свои взгляды на прошлое⁵⁶. Не имея возможности опубликовать их в родной стране, он тоже посылает работу за границу. Книга вышла в свет в Америке. Суслов вынудил его опровергнуть свою причастность к ней. Хрущев подчинился. Но даже еще и в 1971 году, когда Хрущев умер в возрасте 77 лет, власти показали, что они боятся его: похороны прошли чуть ли не тайно, под усиленным наблюдением⁵⁷.

Если мы попытаемся теперь обрисовать политическую и культурную панораму СССР 60-х годов, нам представится картина не явного противостояния между так называемым «официальным» миром и миром «подпольным», но скорее размытое изображение, где между крайними точками едва намечающегося спектра можно видеть целую гамму промежуточных позиций, довольно трудно различимых по причине их размытости. Маска, которую советское общество продолжало носить по воле своих руководителей, отражала единодушие, если не единообразие. Но эта личина никогда в советской истории не соответствовала действительности. И менее всего в этот период, в результате чего — что было внове — маска начала терять свою определенность даже на поверхностный взгляд иностранцев. Верно и то, что представленный анализ справедлив прежде всего для крупных городов страны, таких как Москва и Ленинград, и в меньшей степени — для всей остальной русской провинции. Однако из этих центров распространялись руководящие идеи, и на них было направлено внимание сторонних наблюдателей.

В литературной жизни выявилось противостояние, которого никто больше не мог скрыть. Две противоборствующие тенденции нашли отражение в соперничающих журналах: «Новом мире», с одной стороны, и «Октябре» — с другой. Их редакторы, соответственно Твардовский и Кочетов, были довольно влиятельными членами КПСС. Столкновение началось еще во времена Хрущева, в условиях относительной свободы. Но оно не прекратилось и позднее. Проти-

воборство отражало не разногласия между двумя кланами писателей, как любили изображать официальные источники, а конфликт между двумя политическими тенденциями: первое направление представлял «Новый мир», журнал, открывший миру талант Солженицына и пытавшийся представлять новаторские и реформистские течения в советском обществе. Второе направление представлял журнал «Октябрь», защищавший в основном ценности сталинских времен и вообще наиболее консервативный подход к действительности. Руководители страны предпочитали таким отношением собственным центризм. Но безусловно, что после смещения Хрущева именно «Октябрь» более всего отражал взгляды, господствующие на этом уровне. И все же даже в культурно-политической сфере картина не ограничивалась только Твардовским и Кочетовым. Другие периодические издания из меркантильных соображений пытались все же раскрасить свой блеклый конформизм какими-то собственными инициативами. И другие культурные учреждения — особенно театры — стремились тоже найти свое лицо, выбирая ту или иную позицию, представленную самыми известными журналами.

Если не ветер от фронды, то по крайней мере легкий бриз от нее ощущался даже в сферах, довольно близких к правящим кругам КПСС, например среди журналистов, и особенно работавших в наиболее авторитетных газетах: в официальном органе КПСС газете «Правда», которой в течение короткого времени после падения Хрущева руководил реформатор академик А.Румянцев, и в «Известиях», где оставались еще журналисты — друзья А.Аджубея, бывшего главного редактора и зятя Хрущева⁵⁸. Некоторые из них вошли в группу, писавшую доклады Брежнева и партийные документы; другие работали в аппарате Центрального Комитета партии. Они были в меньшинстве, а вернее, это были единицы, и высказывались они очень осторожно. Но само их присутствие не могло не ощущаться.

В какой степени все это отражалось на высшем руководстве партии и, соответственно, на стране? В минимальной. Даже если какое-то отражение и было, оно не имело политической ценности, поскольку никто в советском обществе об этом не знал. Брежнев тем не менее принял меры предосторожности, чтобы воспрепятствовать выражению противоборства в обществе. На XXIII съезде партии был введен обычай, не существовавший даже во времена Сталина, не говоря уже о Хрущеве и Ленине: на нем не выступил ни один из членов Политбюро, тогда как на предыдущих съездах высказывались все или почти все⁵⁹. Этот обычай будет соблюдаться на всех брежневских съездах партии. Монолитная маска, которая все больше смылась с лица общества, здесь сохраняла свои неизменные и еще более затвердевшие черты.

II. БИПОЛЯРНЫЙ МИР

Сверхдержавы

На первом этапе брежневского правления наблюдался рост международного влияния Советского Союза, достигшего наивысшей точки к началу 70-х годов. Это было время, когда военный потенциал страны более всего приблизился к уровню Соединенных Штатов, достигнув так называемого «стратегического паритета», то есть, по существу, равновесия в самых смертоносных видах вооружений, в ядерных зарядах и средствах их доставки. В эти годы отмечалось также явное улучшение отношений с Соединенными Штатами и их союзниками в Западной Европе, получившее название «разрядки». Одновременно вырисовывается образ «биполярного» мира в том смысле, что над всей большой международной политикой, казалось, доминировало противостояние двух «сверхдержав», а именно Советского Союза и Соединенных Штатов.

Отношения СССР с остальным миром рассматривались в Москве по двум отдельным статьям, что определилось специфическими особенностями послереволюционной истории: с одной стороны — внешняя политика как таковая, а с другой стороны — ее коммунистическая направленность. Первая касалась отношений со всем миром, вторая — связей с коммунистическим движением, точнее, со странами, где у власти находились коммунистические партии. Двумя этими направлениями занимались две различные структуры: первым — министерство иностранных дел, вторым — специальный отдел ЦК КПСС. Оба они работали под контролем высшего органа Политбюро¹. Две политики в конце концов слились воедино, но применительно к периоду, о котором сейчас идет речь, они еще требовали отдельного рассмотрения.

Главным партнером СССР во внешней политике были Соединенные Штаты. Начиная с карибского кризиса 1962 года, эти привилегированные взаимоотношения стали явными для всего мира. Две державы подошли к грани ядерного конфликта и вовремя сумели отступить, понимая, что обе могут стать жертвами этого столкновения. Приобретенный опыт повлиял на формирование образа мышления в мировом масштабе. Итак, максимальные усилия дипломатической работы Москвы были сосредоточены на Соединенных Штатах. На втором месте стояла Западная Европа, где преимущественное внимание уделялось Федеративной Республике Германии. Канцлер Брандт признался в своих воспоминаниях, что он был удивлен, поняв, сколь важное значение сохраняла его страна в глазах

СССР². Такой акцент Москвы объясняется, по крайней мере, столетней историей, завершившейся жутким испытанием в виде войны с фашизмом.

Во втором ряду этой иерархии интересов стояли страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые обычно обозначались расплывчатым термином «третий мир». При этом в качестве «первого» рассматривался капиталистический Запад, «второго» — страны с коммунистическим режимом правления. Благодаря поддержке, оказанной антиколониальным революциям, ставшим в глобальном масштабе наиболее характерным явлением первых 20 послевоенных лет, СССР завоевал немалые симпатии в «третьем мире» и получил новое поприще для дипломатической работы. В январе 1966 года на трехсторонней встрече в Ташкенте Косыгин выступил в качестве посредника и арбитра между Индией и Пакистаном, заработав на этом дополнительные очки³. Основной заботой в международных делах СССР становится использование его влияния в отношениях с «третьим миром», которые все меньше рассматривались как ценные сами по себе, но всегда сквозь призму отношений с Соединенными Штатами, а позднее, начиная со второй половины 60-х годов, сквозь призму постепенно обостряющегося конфликта с Китаем⁴.

Во второй половине 60-х годов многое благоприятствовало СССР. Самым важным в этом смысле фактором была война во Вьетнаме, в которую Соединенные Штаты втянулись особенно активно начиная с 1965 года, при администрации Джонсона. Конфликт затягивался, поглощая ресурсы и нанося урон престижу США настолько, что начал определять политику Вашингтона и в других регионах мира. СССР мог извлекать из этого выгоду, заключавшуюся не только в относительном ослаблении соперничающей «сверхдержавы». Если Хрущев не решался идти до конца в поддержке Вьетнама, потому что опасался мешать диалогу с Соединенными Штатами, то его преемники решили предоставить Вьетнаму не только дипломатическую, но также значительную финансовую и военную помощь⁵. В силу сделанного выбора в этой, как представлялось, последней из колониальных войн Советский Союз приобретал новые симпатии, тем более что даже с течением времени Соединенным Штатам не удавалось поставить на колени своих маленьких противников, поддерживаемых Москвой.

Другим существенным фактором было новое соотношение сил, складывавшееся между Европой и Соединенными Штатами в рамках Североатлантического блока. Экономика европейских стран оправилась от послевоенной разрухи, формирование «Общего рынка» давало свои положительные результаты, разрыв в пользу Америки уменьшался. Политическим отражением происшедших изменений была претензия основных европейских государств на более значи-

мую роль в международных делах. Инициатором стала Франция, которую тогда крепко держал в руках генерал де Голль. ФРГ, Италия и, пусть с большей осмотрительностью, Великобритания пытались проявлять самостоятельность. Ни одна из этих стран не ставила под сомнение целесообразность союза с Соединенными Штатами, и хотя этот альянс оставался прочным, правительства этих европейских стран стремились развивать собственные отношения с СССР. В результате мировая политика в целом представлялась не такой монолитной, какой она была предшествующие два десятилетия. Движение неприсоединения, куда вошли почти все страны «третьего мира», не желавшие быть клиентами той или иной «супердержавы», в свою очередь, активизировалось и завоевало авторитет. И наконец, 60-е годы более или менее повсеместно отличались возобновлением левого движения. Таким образом, в распоряжении СССР оказалось немало козырных карт.

К этому прибавлялись усиление мощи и модернизация вооруженных сил страны. Из ракетного кризиса на Кубе, где СССР столкнулся с американской военной мощью на далекой территории, когда неравенство сил в пользу противника было подавляющим, новые советские руководители сделали вывод о необходимости выделения «дополнительных крупных ресурсов» для своей армии⁶. До этого Хрущев пытался скорее сократить армию, сосредоточивая силы в основном на новых стратегических частях, оснащенных самыми современными ракетами и ядерным оружием, поэтому он вошел в конфликт с военной верхушкой⁷. Преемники Хрущева приняли требования стратегов, которые хотели не только роста, но и большего разнообразия вооружения. Забота о мощи военно-морских сил по глубине и интенсивности была беспрецедентной со времен Петра Великого: впервые СССР пытался создать флот, конечно еще не такой, чтобы он мог соперничать с американским, но способный дать почувствовать свое присутствие на всех океанах⁸. Не увеличиваясь в количественном отношении, продолжали качественно совершенствоваться наземные части, а также силы противовоздушной обороны⁹.

Но наиболее впечатляющий количественный скачок наблюдался в отношении ракет и ядерного вооружения. В конце 60-х годов американский президент Никсон заявил своим союзникам, что значительное ядерное преимущество, которым гордилась его страна еще в 1962 году, в момент карибского кризиса, теперь сошло на нет. В своих воспоминаниях он добавляет, что Брежнев в начале 70-х годов «мог позволить себе вести переговоры более спокойно», чем Хрущев, ибо «равновесие сил было достигнуто», так как был «преодолен разрыв на решающем участке развития и мощи ядерного оружия»¹⁰. Между СССР и США «стратегический паритет», как это

стало называться, несомненно был достигнут на рубеже 60-х — 70-х годов; советские источники, в отличие от американских, стараются отодвинуть эту дату немного вперед¹¹. В любом случае все говорило о состоянии дел, позволявшем советским представителям на переговорах держаться на равных с любым собеседником.

Разрядка

Трудно сказать, на каком направлении началась для СССР разрядка в первую очередь: в отношениях с Америкой или Европой. Эти два процесса развивались параллельно и воздействовали друг на друга. Одним из первых пунктов, где эти направления как бы пересекались, стал подписанный в 1968 году Договор о нераспространении ядерного оружия: оно не должно было выходить за пределы пяти держав (США, СССР, Великобритании, Франции и Китая), которые уже обладали этим оружием. К договору присоединилась также ФРГ, тем самым отказываясь иметь собственное ядерное оружие и исключая один из поводов для постоянного беспокойства советских руководителей¹². Этому присоединению помогло постепенное подключение социал-демократов во главе с Вилли Брандтом к деятельности боннского правительства: сначала в рамках «большой коалиции» с Брандтом в роли министра иностранных дел, затем, начиная с 1969 года, в составе правительства левого центра, где Брандт был федеральным канцлером. Именно он стал главным автором той восточной политики, которая, по его собственному выражению, представляла собой «поворот в немецкой политике» послевоенного периода¹³.

Поворот этот сначала был воспринят советскими руководителями с недоверием, в нем усматривали скорее уловку в стремлении немцев отделить СССР от его восточноевропейских союзников¹⁴. Потом недоверие исчезло благодаря настойчивым усилиям Брандта, который довольно скоро осознал, что если он хочет стабилизировать политику Германии и достичь, как он намеревался, согласия с отдельными странами Восточной Европы, то начинать он должен с Москвы. Брандт понял, что в отношении русских к немцам сохранилось реальное чувство опасности, которое Брежнев интерпретировал как истинно народное чувство, когда во время их первой встречи сказал: «Поворот к лучшему — дело непростое. Между нашими государствами и нашими народами стоит трудное прошлое»¹⁵. Брандт согласился в конце концов на главное требование советской стороны: признание немцами границ и государств, образовавшихся после второй мировой войны и после холодной войны, включая признание границы по Одеру и Нейсе для Западной Польши и существование

второго немецкого государства, Германской Демократической Республики, отделявшей ФРГ от Восточной Европы. На этой основе в августе 1970 года между двумя странами был заключен Московский договор, вслед за которым последовал аналогичный договор между ФРГ и Польшей, а год спустя — договор между четырьмя державами-победительницами (США, Великобританией, Францией и СССР) относительно особого статуса Западного Берлина. Венцом всего стало прямое соглашение между двумя немецкими государствами.

Одновременно с ослаблением напряженности в центре Европы, с самого начала ставшей основным полем битвы в холодной войне, аналогичный процесс развивался между двумя державами, которые всегда были главными действующими лицами в холодной войне. Соединенные Штаты, в свою очередь, стремились к улучшению отношений с СССР. Частично это объяснялось новыми тенденциями в европейской политике. Как рассказал позднее Киссинджер, главный выразитель американской политики того времени, «мы не могли позволить нашим европейским союзникам присвоить себе монополию на разрядку», не могли допустить, чтобы руководители старого континента взяли «привычку выступать посредниками между Востоком и Западом»¹⁶. В отношении восточной политики американская позиция тоже сначала была осторожной, даже сдержанной, если не просто враждебной. Киссинджер, однако, приходит к выводу: «Если уж в отношениях с Советским Союзом должна произойти разрядка, то заниматься ею будем мы»¹⁷.

Однако определяющими факторами в американском выборе было развитие политических отношений на Дальнем Востоке, и в первую очередь вьетнамская война. Вьетнам под руководством Хо Ши Мина сразу после обострения отношений с Соединенными Штатами заручился поддержкой двух основных коммунистических столиц — Москвы и Пекина, хотя к этому времени между последними разгорелся явный конфликт, переросший в 60-х годах в открытое противостояние. Советско-китайские столкновения имели в истории СССР многочисленные и разнообразные последствия, и потому мы должны будем вернуться к более подробному их рассмотрению в следующей главе. Здесь же достаточно напомнить, что в феврале—марте 1969 года дело дошло до кровавых стычек вдоль границы.

В этот момент президент Никсон, только что сменивший в Белом доме Джонсона, понял, что он может извлечь выгоду из борьбы, противопоставившей две державы, которые в течение 20 лет были враждебно настроены по отношению к Соединенным Штатам¹⁸. Он сделал разумный выбор и, понимая, насколько опасно ставить все свои карты лишь на одну из враждующих сторон, решил сыграть на расхождении между ними, одновременно улучшая до определенной меры отношения с обеими¹⁹. В 1971 году происходит настоящий переворот

в политике США по отношению к Китаю и, соответственно, переход от тотальной враждебности, характерной для предшествующих американских правительств, к согласию, которое демонстрируется миру показательными поездками в Пекин сначала Киссинджера, а потом и самого Никсона. Одновременно американский президент пытался оживить отношения и с Москвой. Взамен он надеялся побудить СССР и Китай уменьшить, а то и вовсе прекратить их поддержку Вьетнаму. Ему не удалось вытребовать такую цену, хотя он был достаточно близок к этому. Зато он открыл американской политике совершенно безграничное поле деятельности, что на многие годы составило одну из основных сильных ее сторон. Это и будет наивысшим результатом, с которым администрация Никсона войдет в историю.

Несколько месяцев спустя после миссии в Пекин, в мае 1972 года, Никсон отправился в Москву. Это был первый в истории официальный визит американского президента в СССР. Накануне своей поездки Никсон провел в Индокитае одну из самых решительных военных акций, приказав заминировать вьетнамские порты, куда заходили также и советские суда с грузами. Брежнев вынужден был сделать в Москве «хорошую мину». Но поездка вовсе не была победой американского гостя. Он подписал ряд договоров, которые были особенно дороги его партнерам. Были заключены первые из задуманных соглашений об ограничении ядерных вооружений: одно относилось к наступательным средствам (ОСВ-1), другое касалось первых мер противоракетной обороны (ПРО)²⁰. Им сопутствовало, кроме того, совместное заявление, устанавливавшее новые принципы отношений между двумя странами в направлении большего сотрудничества в области экономики. Наконец, два лидера договорились о ежегодном обмене визитами. Вместе с предшествующими европейскими соглашениями это и представляло собой настоящую разрядку.

В течение нескольких лет советско-американские отношения были достаточно хорошими и наиболее конструктивными за весь послевоенный период. Брежнев и Никсон встретились еще в 1973 году (в Вашингтоне) и в 1974 году (в Москве). Они подписали несколько соглашений. Но эффективность их сотрудничества была резко снижена политическим кризисом (знаменитое дело «Уотергейт»), опрокинувшим американского президента, который в августе 1974 года вынужден был уйти в отставку. Советские руководители так никогда и не поняли истинного смысла этого кризиса, подозревая, что он по сути был не чем иным, как заговором, направленным на подрыв разрядки и отношений между СССР и Соединенными Штатами²¹. В течение многих лет они сохраняли ностальгическую симпатию к Никсону, считая его правление временем наилучшего взаимодействия с Вашингтоном²², хотя время это связано с человеком, полити-

ческая карьера которого прошла под знаменем яростной борьбы с коммунизмом. В этом заключается один из многочисленных парадоксов нашей недавней истории. Впрочем, это выглядело парадоксально с обеих сторон, ибо тот же президент Никсон, неустанно повторявший в частных беседах, что «наш главный интерес — делать то, что более всего повредит СССР»²³, сам потом подписал с советскими руководителями самый важный пакет соглашений, оценивавшихся в Москве как наиболее выигрышные за все время после окончания второй мировой войны.

Трехсторонняя дипломатия

Политика разрядки не всегда была однородной. В этот же период родилась так называемая «трехсторонняя дипломатия», в рамках которой СССР пришлось страдать от собственного бессилия. Отношения СССР с Китаем оставались чрезвычайно недружественными. В 1969 году Косыгин предпринял импровизированную попытку ослабить эту напряженность. Однако его неожиданная остановка в Пекине во время перелета из Вьетнама в Москву не дала никаких результатов. Он услышал от Мао Цзэдуна издевательское заявление о том, что борьба между двумя странами будет продолжаться десятки тысячелетий; в крайнем случае, пошутил китайский лидер, он согласен скостить одно тысячелетие²⁴. При этом взаимопонимание между Америкой и Китаем, напротив, укреплялось. Таким образом, в означенном треугольнике прослеживалась аномалия: не хватало одной стороны. В то время как отношения США развивались как с одной, так и с другой стороной очень интенсивно, отношения между столицами двух коммунистических государств практически отсутствовали. Выгоды, извлекаемые из этого обстоятельства американцами, были значительными настолько, насколько они наносили вред СССР. Следовало бы припомнить, что в течение почти 20 лет, начиная с 1949 года, американцы стояли перед лицом китайско-советской коалиции, и именно Москва была точкой соприкосновения двух сторон треугольника, тогда как отсутствующей стороной была китайско-американская.

Каждой из трех держав важно было препятствовать коалиции между двумя другими. И единственной страной, которая могла сделать это, были Соединенные Штаты. Попытки втянуть Вашингтон в непосредственный союз против соперничающей коммунистической державы предпринимались как советской, так и китайской стороной, но американские руководители всегда были достаточно благоразумны, не допуская чрезмерного нарушения равновесия и сохраняя в своих руках все основные карты трехсторонней игры²⁵. Однако име-

ющиеся к настоящему времени документы не подтверждают того, будто СССР, как иной раз писали, обрабатывал американцев на предмет превентивного ядерного нападения на Китай. Все же Брежнев предложил Никсону подписать пакт о ядерном ненападении, который последний истолковал в антикитайском ключе и об этом пакте даже не захотел разговаривать²⁶. Китайцы, в свою очередь, искали союзников не только в Америке, но и в Европе. В Германии противники восточной политики подбивали Брандта вместо сближения с Москвой разыграть «китайскую карту»²⁷. Но правительства европейских стран помимо своих политических возможностей принимали в расчет и географический фактор и потому не думали ввязываться в такую рискованную игру одни, без американцев. Так что истинная трехсторонняя дипломатия по-прежнему определялась Вашингтоном, Москвой и Пекином.

Хотя Москва и имела основания быть довольной заработанными в свою пользу очками, но из трех столиц она никак не являлась той, которая могла бы представить собственную политику как непрерывную цепь удач, даже если на некоторых конгрессах в Москве и прослеживалась тенденция изобразить ее именно в таком свете. То же самое справедливо и применительно к отношениям с «третьим миром», где теперь, когда старый колониализм исчезал, самой по себе антиколониальной темы было недостаточно, чтобы вызвать симпатии. Для сохранения союзнических связей и поддержки нужно было все больше заниматься конфликтами, которые сотрясали многие новые постколониальные государства как изнутри, так и в отношениях между ними. СССР вновь добился почетного результата в декабре 1971 года, когда Индия, где у власти была Индира Ганди, вновь оказалась в состоянии конфликта с Пакистаном. Это государство образовалось в 1948 году в результате разделения Индийского субконтинента по религиозному признаку и воссоединения двух его областей, которые хотя и принадлежат обе к мусульманскому миру, но далеки друг от друга географически и по образу жизни их обитателей. Восточная часть, находящаяся в Бенгалии, стала ареной борьбы за автономию. Индия использовала военное вмешательство, чтобы успешно способствовать образованию нового, независимого, но дружественного государства Бангладеш. Благодаря советской поддержке индийцы быстро одержали верх²⁸. Американцы и китайцы поддерживали Пакистан, но они не смогли изменить ход событий.

В это же время на Ближнем Востоке СССР пришлось потерпеть самое горькое поражение за всю свою политику в отношениях с «третьим миром». В июне 1967 года в результате так называемой «шестидневной войны» израильские войска, вооруженные и поддерживаемые американцами, за одну неделю нанесли поражение коалиции соседних арабских государств — Египта, Сирии и Иордании.

Победа была молниеносной и сокрушительной²⁹. Все арабы вышли из нее потрепанными, но более других пострадал возглавляемый Насером Египет, потерявший весь Синайский полуостров. Оснащенные советским оружием после поражения израильтян в 1956 году, армии Сирии и Египта теперь были практически уничтожены. По военному и дипломатическому престижу СССР также был нанесен жестокий удар. Советское оружие, пусть даже находившееся в руках арабов, в глазах всего мира выглядело проигравшим. Впервые за много лет советская инициатива в области внешней политики — поддержка арабов — вызвала широкое неприятие как внутри страны, так и в лагере восточноевропейских союзников, где многочисленные группы интеллигенции, причем не только евреи, с плохо скрываемой симпатией следили за блестящими операциями израильской армии³⁰.

Поражение 1967 года послужило началом трудного для СССР предприятия как в плане дипломатическом — а именно смягчения последствий израильской победы, так и в плане военном — восстановления и приведения в боевую готовность арсеналов и вооруженных сил двух арабских стран — Египта и Сирии, союзников СССР. Новый поток вооружения и советников был направлен на Ближний Восток: в Египте надо было пополнить 85% потерянного военного снаряжения³¹, при том что политический результат оказался ничуть не утешительным. Египет оставался на шее СССР, покуда у власти в Каире находился Насер. Когда в сентябре 1970 года он умер, его преемник начал постепенно менять политику. Он продолжал запрашивать оружие, большее по количеству и лучшее по качеству, нежели СССР, обжегшийся на печальном опыте 1967 года, хотел или мог ему поставить³². Отношения становились все более напряженными, несмотря на подписание в 1971 году договора о дружбе, который Садат не собирался особо соблюдать.

Вопреки советам Москвы, тот же Садат в октябре 1973 года вновь начинает войну с Израилем, втянув в конфликт и сирийцев. Поначалу он добился успеха, который, однако, не был решающим; израильское контрнаступление завершилось образованием угрожающего предмостного укрепления на востоке Суэцкого канала. Садат вынужден был смириться, как ему советовала Москва, с «прекращением огня», в результате чего ситуация на этом участке осталась без существенных изменений. Между США и СССР возникла напряженность, когда американцы интерпретировали одно из предложений Брежнева как угрозу одностороннего советского вмешательства в район конфликта и привели в состояние боевой готовности свое ядерное вооружение. Потом все снова вернулось в русло разрядки. Но настоящим проигравшим во всей этой операции оказался СССР, ибо Садат понял, что в деле урегулирования своих проблем с Израилем он должен искать поддержки не у Москвы, а у Вашингтона³³.

И Каир действительно приступает к смене союзников. Поддержка арабской стороны, непопулярная в самом Союзе, и здесь обернулась для советской стороны чистым проигрышем. Конечно, другие страны Ближнего Востока оставались связанными с Москвой. Но из этой связи выпала самая важная страна, из-за которой в середине 50-х годов присутствие СССР в этом регионе представлялось сколь дорогостоящим, столь и многообещающим. Теперь оно осталось только дорогостоящим, становясь все менее обещающим.

Хельсинкское совещание

В сфере советской внешней политики лучшими оставались результаты, достигнутые в Европе. Здесь в середине 70-х годов эта политика вышла на уровень, который можно расценивать как наивысшую точку разрядки: уровень общеевропейской конференции, призванной наметить контуры единой системы коллективной безопасности на континенте. Это было давнее предложение и давнее устремление Москвы. Получившая хождение уже в середине 50-х годов³⁴, эта идея была потом официально сформулирована в 1966 году в Бухаресте и еще раз в 1969 году в Будапеште на Совещании стран — участниц возглавляемого СССР Варшавского договора. С того времени она получила некоторое развитие. В Западной Европе при всех выражениях недоверия она была поддержана итальянским правительством, особенно когда министром иностранных дел стал социалист Ненни³⁵. Советское правительство убедилось, что совещание может состояться, только если к его проведению будут привлечены два государства — участника Североатлантического договора с Американского континента. Переговоры были сложными и кропотливыми, но в конце концов в 1973 году процесс пошел: сначала в Хельсинки, потом в Женеве, потом снова в столице Финляндии. В нем приняли участие 35 государств, то есть весь континент, за исключением Албании, но при поддержке Ватикана и, что было важно, присоединении к процессу Северной Америки. Результатом явилось подписание в августе 1975 года так называемого Заключительного акта. Все государства были представлены на высшем уровне: Брежнев — от Советского Союза, президент Форд (преемник Никсона) — от Соединенных Штатов; точно так же были представлены и все другие страны.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) было новым явлением на арене европейской политики. Организация его в Хельсинки совпала с периодом в международных отношениях, представлявшимся весьма благоприятным для Москвы. В ноябре 1974 года новый американский президент Форд встретился с Бреж-

невым во Владивостоке: вместе они достигли соглашения, создавшего основу для нового Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) и формально утверждавшего паритет между двумя крупнейшими державами мира. В июне 1975 года американцы вынуждены были поспешно оставить Вьетнам.

Хельсинкский Заключительный акт достигал цели, которую по меньшей мере в течение двух десятилетий преследовала советская дипломатия в Европе. Он означал торжественное международное признание политических и государственных реальностей, возникших в итоге второй мировой войны и уже зафиксированных договорами между Федеративной Республикой Германии и СССР с ее союзниками, но еще официально не подписанных другими. Заключительный акт устанавливал нерушимость существующих границ. Он принес всемирное признание второму немецкому государству — Германской Демократической Республике, союзнице СССР. Обе Германии вместе входили в Организацию Объединенных Наций. На самом деле хельсинкский Заключительный акт занимал место того развернутого договора о мире, который победители не смогли выработать в конце войны. Для Москвы это было венцом многолетних усилий. Хельсинкский акт был встречен на Западе критически теми, кто не хотел согласиться с существующим порядком вещей, все еще надеясь изменить его. Чтобы выцарапать это соглашение, СССР вынужден был заплатить определенную цену. Он признал универсальную значимость соблюдения «прав человека», провозглашенных некоторыми послевоенными международными конвенциями. Тем самым СССР обязался соблюдать их в своей стране. Точно так же поступили и страны—союзники СССР. Казалось, это была обычная оговорка, которая рано или поздно будет забыта, как это случалось прежде. Так, по крайней мере, уверяли скептики. Однако мы увидим, что на этот раз результат оказался совершенно иным³⁶.

Разрядку не надо путать с идиллией: она никогда и не была таковой. Более подходящей для характеристики советско-американских отношений того периода будет отрезвляющая формулировка Киссинджера, который позднее в своих мемуарах назвал их «умеренно враждебными». Эту точку зрения разделяли и советские руководящие круги, хотя в их официальном языке не была принята такая прямота высказываний³⁷. Ни одна сторона не доверяла другой. И руководители СССР этого не скрывали. Они всегда определяли свою политику как поиск «мирного сосуществования» между странами с различными социальными и политическими системами, но продолжали интерпретировать эту формулу, чтобы обосновать высказывание Брежнева о «форме классово-войны между социализмом и капитализмом», то есть между феноменами, которые они считали несовместимыми по своей природе³⁸. Верно и то, что на практике слова такого рода носили

скорее формальный характер. Часто они были призваны успокаивать тех левых за рубежом, которые продолжали симпатизировать СССР и видеть в нем свой ориентир, либо противников разрядки внутри самого Советского Союза, опасавшихся ее влияния на советское общество. На практике дипломатия Москвы строилась так же, как и дипломатия других стран, без всякой революционной маниловщины. Но идеологизированное представление о политических реалиях на международной арене препятствовало эффективности этой дипломатии.

Наиболее характерным представителем такой дипломатии был Андрей Андреевич Громыко. В момент подписания Хельсинкского соглашения Громыко (вероятно, главный его автор) уже 18 лет был министром иностранных дел и оставался потом на этом посту еще с десяток лет. В дипломатические круги он вошел до войны 30-летним тоже. благодаря сталинским продвижениям 30-х годов³⁹; карьера быстро вознесла его на вершину министерства иностранных дел. Ни в какой другой стране не было равных ему по опыту и знанию внешней политики; этому помогали также феноменальная память и уровень культуры, более высокий по сравнению с многими другими советскими руководителями. Громыко был профессионалом, щепетильным, корректным, педантичным, умевшим с большим достоинством, хотя и без проблеска гениальности, исполнять роль представителя великой державы, стараясь скрывать за невозмутимым выражением лица противоречия и слабости. Но именно это ему не всегда удавалось. Ему не хватало дальновидности и воображения, тех новаторских идей, которые единственно и могут превратить способного исполнителя в большого политика.

Цена стратегического равновесия

В период 60-х — 70-х годов многие в мире выступали противниками разрядки. Они были во всех странах. Мысль о возможности соглашения, и именно такого «биполярного» соглашения, между двумя величайшими державами порождала различные опасения. В правящих кругах Европы как на Западе, так и на Востоке руководители боялись достижения соглашения в обход их стран и, следовательно, за их счет. Китайцы были тем более против, ибо были убеждены, что они предназначены в жертву в этом деле, и потому они искали поддержки у всех, кому не по душе разрядка⁴⁰. Во многих странах «третьего мира» также опасались, что согласие между Москвой и Вашингтоном повлечет за собой новый передел сфер влияния, на этот раз в более глобальном масштабе.

Но даже в двух основных заинтересованных странах не было единодушия относительно новой политики. В Соединенных Штатах

подозревали, что антикоммунист Никсон стал чрезмерно уступчив по отношению к «красным». Оппозиция его новой внешней политике исходила, однако, не только от американских правых сил, для которых «разрядка была злом по определению»: «Военные круги и их многочисленные сторонники выступали против перспективы заключения соглашений о разоружении»⁴¹. И наконец, с противоположной, либерально настроенной стороны политического спектра тоже высказывалась критика в духе исконного недоверия к президенту, считавшемуся циником, способным поступиться в своих отношениях с Москвой даже самыми благородными принципами. Не впадая в упрощения, которыми грешили советские руководители, можно тем не менее утверждать, что эта разнородная коалиция стала одним из двигателей скандала «Уотергейт», который привел к преждевременному завершению политической карьеры Никсона⁴².

Нечто похожее, хотя и не столь явное, наблюдалось и в Советском Союзе. Аналогичные настроения были даже там, где они не всегда обнаруживались столь откровенно: именно на них намекали советские руководители в ходе дипломатических переговоров, оправдывая свою неготовность к большим уступкам. Кроме того, по причинам, к рассмотрению которых мы вернемся позднее, против разрядки стали выступать более или менее подпольные группы диссидентов. Смычка американской оппозиции с советскими диссидентами происходит в 1973 году, когда сенат США поставил ратификацию советско-американского торгового соглашения в зависимость от проведения СССР более либеральной политики в области предоставления выездных виз желающим эмигрировать. Для СССР ратификация соглашения была важна, ибо она отменяла ранее принятые против него жесткие дискриминационные меры и предоставляла режим «наибольшего благоприятствования». Но СССР трудно было согласиться с условиями, продиктованными сенатом США по наущению одного из наиболее влиятельных сенаторов, демократа Джексона, ибо Москва опасалась, что это подорвет страну изнутри. Принятие знаменитой поправки Джексона—Вэника приветствовалось в Москве как чрезвычайно положительное событие некоторыми наиболее известными представителями диссидентства, начиная с академика Сахарова, несомненного авторитета также и в области разоружения⁴³.

Но наиболее серьезные для разрядки препятствия зарождались внутри самого советского общества совсем на иной почве. Внешняя политика СССР становилась все более дорогостоящей. Тревогу по этому поводу забили в диссидентских кругах уже во второй половине 60-х годов⁴⁴. Очень высокой была цена, заплаченная за стратегический паритет, с трудом достигнутый в результате долгой гонки за американцами. Но еще дороже обходилось его поддержание, по-

скольку развитие современных технологий вынуждало советских военных требовать создания вооружений, которые по уровню и цене не уступали бы имеющимся в распоряжении их заокеанских соперников. Информация, регулярно предоставляемая органами разведки, говорила об отставании то в одной, то в другой области: эти сигналы тотчас же преобразовывались в новые статьи расходов⁴⁵. Но ноша эта для советской экономики была много тяжелее, нежели для американской, по-прежнему значительно более мощной. Точный подсчет очень трудно произвести даже сегодня, но весьма вероятно, что часть валового внутреннего продукта, предназначенная на военные расходы СССР, почти вдвое превышала американскую⁴⁶. Еще более разорительным оказался разрыв с западноевропейскими странами и с Японией, которые, оставив американцам решение наиболее сложных задач обороны, тратили на свои военные расходы гораздо меньше. Первые соглашения об ограничении стратегического вооружения, несомненно, среди прочего имели целью обуздание этой губительной спирали расходов. На практике эти соглашения были еще очень робкими и оставляли большой простор для технологических новаций и потому не могли остудить пыла в гонке за все более совершенным и смертоносным вооружением.

Очень дорогостоящими были также и некоторые не только чисто военные аспекты внешней политики СССР. Дорого обходилась помощь Вьетнаму оружием и специалистами. Не меньшими были затраты на вооружение арабских стран и на перевооружение их после поражения. Другим тяжелым бременем была помощь далекой Кубе, которая выдерживала жесткий американский бойкот только благодаря военным и прочим поставкам из СССР. Все большее число стран получало оружие от Советского Союза. Чаще всего речь шла не о подарках, а о продаже, но всегда в кредит и в конечном счете без всяких гарантий относительно возвращения долгов. Кроме того, когда разногласия с Китаем переросли в вооруженное противостояние, СССР пошел на создание на своей азиатской границе второго огромного военного комплекса в дополнение к существующему на Западе. Если сложить все эти расходы, то получается внушительная сумма, добавившаяся к уже имевшемуся тяжкому бременю постоянных для Советского Союза военных расходов⁴⁷.

Таким образом, в первое десятилетие брежневского правления появляется целый веер обязательств во внешней политике, выходящих за все пределы разумного. Источник этого, как его называли американцы, *overextension* (сверхусилия) надо искать в политике, проводимой Хрущевым, но при Брежневе растущие обязательства достигли, а затем и превысили границы терпимого. В середине 70-х годов Громыко похвастал, что нет в мире проблемы, которую можно было бы решить без Советского Союза⁴⁸. Казалось, речь шла о дости-

жении. Но это была ловушка, которая могла обернуться смертельным риском.

За несколько лет до этого советские руководители взялись «догонять» Соединенные Штаты не только по стратегическим вооружениям, но также и особенно по уровню благосостояния, по производству продукции широкого потребления на душу населения. Хрущев в один из тех моментов, когда его занесло, даже объявил дату выхода на уровень США: 1970 год. В 1966 году Брежнев мог еще тешить себя надеждой, что цель приближается⁴⁹. Но в конце десятилетия об этом уже никто не говорил. Разрыв между двумя странами становился огромным. Советские руководители продолжали еще хвастать, что СССР по некоторым видам продукции производит больше США. Но речь могла идти лишь о сырье или полуфабрикатах. Отставание было особенно заметным, а иногда и просто безнадежным в области производства наиболее современной продукции, самой совершенной технологии⁵⁰. В 1969 году американцам удалось даже высадить своих астронавтов на Луне, продемонстрировав, что они догнали и обогнали Советский Союз в той единственной области, космической, где преимущество СССР представлялось особенно значительным. На рубеже 50-х — 60-х годов это преимущество немало способствовало росту уважения, которым СССР пользовался в мире. Тучи, причем весьма грозные, сгустились над внешней политикой, находившейся, казалось, еще в полном расцвете.

III. ЗАКАТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Иллюзия единства

Советский Союз стал сверхдержавой не только из-за своей военной мощи и огромных масштабов государственной экономики, хотя эти факторы имели несомненное значение. Первый, военный фактор, как явствует из сказанного ранее, достиг относительного паритета с Соединенными Штатами довольно поздно. Что касается второго, экономического фактора, то он был еще далек от того, чтобы претендовать на конкурентоспособность по отношению не только к США, но и ко всем наиболее развитым странам. Однако был и третий фактор, политический и идейный, способствовавший тому, что в 60-х годах СССР рассматривался как некий полюс, на который во всем мире смотрели с почтением и опаской. Москва оказалась в центре широкого всемирного освободительного движения, которое нельзя было однозначно отождествлять с международным коммунистическим движением, но которое взяло в нем свое начало и получило прочную основу.

В первые два послевоенных десятилетия СССР стал центром могучего сосредоточения соответствующих сил. Формально в союзе с ним был стоявший рядом революционный Китай: страна бедная, в тисках сложных проблем роста, но при этом древнейшее государство, с самым многочисленным населением на земле. В конце войны за Китаем был признан статус великой державы с местом постоянного представительства в Совете Безопасности ООН. События военных и послевоенных лет вывели на советскую орбиту целый ряд других европейских и азиатских стран, где местные коммунистические партии пришли к власти не только благодаря появлению советских солдат в качестве освободителей, но также и по более основательным причинам, имеющим национальную специфику, в зависимости от особенностей истории и развития той или иной страны. Последующая антиколониальная революция, благожелательно встреченная в Москве, позволила советскому правительству установить весьма дружественные отношения с другими странами Азии, Ближнего Востока, Африки, даже с Кубой и странами Американского континента, в результате чего многие коммунистические партии усилились настолько, что в начале 60-х годов достигли пика своей активности, причем не столько в Европе, колыбели рабочего движения, сколько на неевропейских континентах. В это время все они продолжали смотреть на Москву как на сердце всего мира. Если составлять перечень таких стран, то нельзя не отметить при этом, сколь велика

была совокупность таких сил, пусть даже весьма отличных друг от друга по своему составу.

Однако советским руководителям пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы встать во главе всей этой совокупности, как они на то претендовали. Главные проблемы возникли внутри самого коммунистического движения. Взаимоотношения Советского Союза с зарубежными коммунистическими партиями и прежде развивались непросто, даже когда эти партии полностью зависели от московского центра и рассматривались как секции единой всемирной партии. Во время войны централизованная организация коммунистического движения, Коминтерн, была распущена. Сталин, правда, попытался возродить его в виде Коминформа (или Информбюро), который потерпел провал. Хрущев преследовал те же цели, создав в Москве два международных совещания всех коммунистических партий. В тот момент их результаты представлялись вполне успешными, но на деле таковыми не являлись¹.

Оказалось, что в противоречии с Москвой находились как раз наиболее сильные коммунистические партии, которые оказались способными завоевать власть в своих странах собственными силами и для которых советская поддержка была не более чем вспомогательной. В 1948 году произошло столкновение с Югославией, где у власти в то время был Тито. Это парализовало Коминформ. Хрущев пытался исправить дело, но это ему удалось лишь частично. У него в руках, как бомба, взорвался конфликт с революционным Китаем - Мао Цзедуна. Незадолго до смещения Хрущева в 1963 году дело дошло до публичной и острой полемики между двумя странами и двумя правящими в них партиями. Противоречия между Москвой и Пекином стали одним из факторов, пусть не определяющих, но способствовавших падению Хрущева. Однако после его отстранения от власти разрыв между двумя странами и двумя партиями не исчез, а, напротив, только увеличился².

При последующих руководителях отношения между коммунистами двух стран не улучшались, а скорее наоборот. Очень скоро стало ясно, что распри с китайцами являются наиболее опасными по сравнению с другими разногласиями, возникавшими в истории коммунистического движения. Москва и Пекин в глазах коммунистов всего мира пользовались одинаковым авторитетом. В своих спорах они обвиняли друг друга в забвении идеалов революции, и каждая из сторон претендовала на то, что именно она знает наиболее эффективные способы решения проблем, стоящих перед коммунистическим движением в целом. У обеих находились сторонники и противники в разных партиях, а в некоторых случаях это привело к расколу партий. В полемике идеологические мотивы уступили место политическим соображениям более общего характера. Все крупней-

шие коммунистические партии стран Азии, за исключением Индии, встали на сторону Китая; все европейские, за исключением румынской и албанской, — на сторону СССР. В результате этого влияние и тех и других ослабло как в Европе, так и в Азии и коммунистическое движение в целом обнаружило первые признаки спада. В 1965 году молодая и быстро сформировавшаяся Коммунистическая партия Индонезии была раздавлена пришедшей к власти военной диктатурой, которая с чудовищной жестокостью истребила полмиллиона коммунистов и их сторонников. Китай и Советский Союз возлагали друг на друга ответственность за это тяжелое поражение.

Конфликт с Пекином уже сам по себе был причиной потери советского влияния. Новые руководители Москвы надеялись выйти из сложившейся ситуации, созвав новое совещание всех коммунистических партий, которое было призвано провозгласить коллективное и торжественное осуждение китайской политики. Хрущев уже пытался сделать это. Его преемники решили было возродить этот план, но не встретили необходимой поддержки. Противниками в данном случае выступили не только китайцы. Свое «нет» сказали коммунистические партии Азии, в том числе и вьетнамская, которая в результате антиамериканской борьбы снискала наибольшие симпатии среди левых сил мира. Против созыва конференции выступала и самая большая в Европе Коммунистическая партия Италии. Еще ранее глава итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти совершил поездку в Москву, чтобы разъяснить причины неприятия проекта, однако во время визита он умер. Вскоре Хрущева отстранили от власти. Однако аргументы, представленные Тольятти, одним из последних могижан старого Коммунистического интернационала, не пропали бесследно³.

Весь политический опыт новых советских руководителей не допускал мысли о том, что можно держать вместе все партии и все силы в коалиции менее жесткой, готовой уважать и учитывать индивидуальные устремления. Их концепция единства традиционно оставалась «монолитной», то есть мало способной признавать законными идеи, отличные от их собственных, и полезными — компромиссы, возможные при столкновении интересов. Все, что не соответствовало их предложениям и методам, встречалось с подозрением и опаской, ибо это могло породить плюрализм идей, культур, политических проектов также и в их стране. В своей последней Памятной записке Тольятти предложил руководителям СССР альтернативную формулу, говоря о «единстве», достигаемом в условиях «разнообразия». Практически он предлагал искать такие формы связи между коммунистическими партиями, а также государственными и негосударственными политическими левыми силами, где уважались бы своеобразие и самостоятельность каждого⁴. Но этот язык был по сути своей неприем-

лем для московских руководителей, даже когда они и пытались разговаривать на нем⁵.

Точно так же они остались глухи к идее обновленного левого движения (new left), именно в эти годы появившегося в Америке и Западной Европе. Знаменитые события 1968 года застали их врасплох и не вызвали у них доверия. Не нам теперь судить о сильных и слабых сторонах этого явления. Основные политические силы считали необходимым обдумать случившееся уже тогда. В СССР над этим не думали. В газетах и журналах было опубликовано что-то, но мало, и то малое, что появилось, не отличалось свежестью мыслей.

Вторжение в Чехословакию

Таковы были политические предпосылки событий в Праге. Для советских людей 1968 год — это прежде всего события в Чехословакии. Когда все началось, Москва была ошеломлена⁶. В СССР всегда считали Чехословакию сравнительно спокойной страной. Стоявшая у власти коммунистическая партия долгое время пользовалась у себя в стране значительной народной поддержкой. Никогда не наблюдалось каких-либо антисоветских или антирусских настроений. Однако Сталин все равно не доверял Чехословакии; его репрессивная политика пришла туда позднее, но она ударила безжалостно и жестоко. Хрущев проявил больше понимания и доверия, и потому Прага с некоторым беспокойством отреагировала на его смещение. В 1956 году Чехословакия не была охвачена антисталинистскими и антисоветскими смутами, всколыхнувшими Польшу и Венгрию. Процесс обдумывания и политического пробуждения здесь развивался медленнее, но глубже; его результаты начали сказываться в середине 60-х годов.

Между 1960 и 1970 годами стремление к преобразованиям наблюдалось во всех союзных СССР странах Восточной Европы. Началось тому было положено антисталинской политикой Хрущева. Косыгин, представив в сентябре 1965 года свой проект экономической реформы, выразил убеждение, что другие страны социалистического блока могли бы последовать примеру Москвы⁷. И действительно, в Польше, Венгрии и Чехословакии при поддержке определенных кругов правящих партий вырабатывались проекты экономических реформ, причем более далеко идущие по своим последствиям, чем обсуждавшиеся в Москве. Страной, зашедшей по этому пути дальше остальных, была именно Чехословакия. Здесь получила развитие идея, что нельзя ограничиваться лишь экономическими преобразованиями, не проводя также и политических реформ, способных дать стране свободу и демократию.

Летом и осенью 1967 года в Праге уже проявлялись многочисленные признаки грядущего кризиса. Впервые в стране ощутился экономический спад. Прошли манифестации протеста среди молодежи и интеллигенции. Шестидневная война на Ближнем Востоке показала, что общественное мнение не разделяло проарабских настроений правительства. Но главной искрой, воспламенившей конфликт, стали обострившиеся противоречия между чехами и словаками. Недовольство оппозиции сконцентрировалось на Новотном, более десяти лет стоявшем во главе партии и ставшем к тому же президентом республики. Именно Новотный и позвал Брежнева на помощь. Брежнев прибыл, обсудил со всеми участниками конфликта имеющиеся разногласия и сделал вывод, что кризис может быть устранен, если Новотный откажется от одного из занимаемых постов. Брежнев уехал, уверенный в том, что решил проблему. Однако в начале нового года Генеральным секретарем партии был избран не чех Черник, как говорили Брежневу, а словак Дубчек⁸.

Относительно последующих событий, получивших название «пражская весна», были опубликованы многочисленные свидетельства и ценные исследования⁹, так что совершенно излишне резюмировать их здесь, пусть даже и кратко. Дубчек и его сторонники вскоре дали понять, что не собираются использовать прежние методы правления, укоренившиеся во всех странах, где руководили коммунисты, и предложили новую политику. Конечно, они намеревались сохранить власть; однако не на основе права власти, приобретенного, казалось, раз и навсегда, но благодаря доверию, завоеванному в обществе. Они были убеждены, что демократия необходима как для чехов, так и для словаков. Среди их первых решений была отмена цензуры. Поэтому в стране начался период явной политической борьбы, и стоявшим у власти коммунистам победа заранее вовсе не гарантировалась. Однако последние надеялись на лучшее и укрепляли вновь проявившиеся в народе согласие и единодушие¹⁰. Сама коммунистическая партия не была избавлена от внутренней борьбы между приверженцами нового направления и сторонниками старых методов. Но Дубчек и его друзья были убеждены, что это — неизбежное следствие начатого ими процесса обновления.

Прошло несколько недель после пришедшегося на новогодние праздники поворота событий, и в Москве стали проявлять первые признаки беспокойства. Сообщения, присылаемые из советского посольства в Праге, подписанные послом Червоненко и его заместителем Удальцовым, были полны тревоги. Брежнев зачастил с телефонными звонками к Дубчеку, сетуя на те или иные особенности общественной жизни Чехословакии¹¹. В московском руководстве обнаруживались более явные признаки недовольства. Более всего на наведении «порядка» в Чехословакии настаивали некоторые союзни-

ки по Варшавскому договору, и в первую очередь поляки и немцы. Уже в марте 1968 года в Дрездене было созвано совещание на высшем уровне с участием СССР, Польши, Венгрии, Болгарии, Германской Демократической Республики, где Чехословакия оказалась обвиняемой стороной. Такое массированное и явное давление порождало в Праге возмущение, лишь усложнявшее задачу ее новых руководителей, а попытки вмешательства вызывали антисоветские настроения там, где их раньше никогда не было.

События в Чехословакии оказывали влияние на международную жизнь. Новое пражское руководство не намеревалось экспортировать свои идеи, но они быстро распространялись и встречали сочувствие в других восточноевропейских странах и даже в самом Советском Союзе¹². Эти идеи попадали в благоприятную почву существовавшего повсеместно реформистского движения. В Польше политическая борьба разгорелась внутри самой правящей коммунистической партии. В марте 1968 года в Варшавском университете прошли массовые студенческие манифестации, а вслед за ними — менее масштабные демонстрации в провинции. Их подавили силой, и репрессии впервые приняли такой антисемитский характер, что большинство евреев, оставшихся в Польше после войны, вынуждены были навсегда покинуть Польшу¹³. В послевоенную историю Польши была вписана одна из самых черных страниц. Ответственный за случившееся польский руководитель В.Гомулка стал одним из самых непримиримых противников Дубчека и чехословаков, виновных, по его мнению, в том, что показали дурной пример¹⁴. В Германской Демократической Республике опасались, как бы новое чехословацкое правительство не установило отношений с ФРГ, прежде чем последняя смирится с существованием двух Германий. В силу этого обстоятельства и из опасения заразиться пражской «инфекцией» ГДР тоже стала неумолимой противницей Дубчека.

Боялись ли советские руководители разрушительного влияния чехословацкого примера на свое общество? Конечно, боялись и принимали меры. Уже в марте 1968 года Центральный Комитет партии начал предпринимать самые жесткие шаги против всех членов КПСС и беспартийных, кто выказывал чрезмерную независимость мнений¹⁵. В высшем руководстве страны чувствовалось беспокойство и страх потерять Чехословакию, увидеть там установившееся антикоммунистическое и антисоветское правительство, появилось ощущение, что это может стать началом цепной реакции во всех других странах Варшавского блока. В среде советских руководителей решили прибегнуть к крайним мерам, еще когда не было и признаков неизбежности проигрыша в Праге, хотя в распоряжении Москвы имелись различные средства, позволяющие найти менее отталкивающее политическое решение. Уже в мае в окружении Брежнева составлялись

4 Зак. № 484

планы вооруженного вторжения в Чехословакию¹⁶. В июне—июле были организованы совместные военные учения на чешской территории, но без участия чехословацкой армии. И даже когда они закончились, советские войска искали предлог, чтобы не уходить, и ушли, только когда начались манифестации протеста.

Напряженность между Прагой, Москвой и другими союзными столицами неуклонно усиливалась. Советские руководители не возражали, чтобы чехословаки сами навели порядок в своем доме. Но на всех переговорах между Москвой и Прагой возникала одна и та же ситуация: СССР настаивал на возвращении традиционного порядка, а Дубчек и его сподвижники уверяли, что они ни в коем случае не дадут ситуации выйти из-под контроля. Но каждый из них имел в виду свое. Советские руководители предполагали заставить замолчать критически настроенные и оппозиционные голоса, то есть практически вернуться к цензуре. Чехословацкое руководство, чувствуя силу во вновь обретенной поддержке населения, было убеждено, что ему удастся удержать в руках бразды правления демократическими методами. Каждая встреча двух сторон заканчивалась кажущимся согласием, которое уже на следующий день оказывалось несостоятельным¹⁷. Так случилось и в конце июля, когда советское и чехословацкое Политбюро в полном составе встретились на пограничной станции между двумя странами. Встреча завершилась формальным соглашением. Оно сразу же было одобрено на международной конференции в Братиславе, в работе которой, помимо Брежнева и Дубчека, принимали участие высшие представители Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии. Уровень переговоров был настолько высок, что достигнутая на этот раз договоренность представлялась реальной. На деле она оказалась последней иллюзией.

Многие неоднократно задавались вопросом, не произошло ли в последующие две недели нечто такое, что могло изменить решение Москвы? На основании имеющейся информации точный ответ дать было невозможно. Начиная с мая не отвергался «венгерский вариант решения», то есть вооруженное вторжение, аналогичное предпринятому в 1956 году в Будапеште. Брежнев даже как-то намекнул на это публично¹⁸. Другие советские руководители высказывались в том же духе в частных беседах. Военные планы были готовы. Августовское затишье стало лишь отсрочкой, во время которой были проведены последние приготовления. В середине месяца, через десять дней после соглашения в Братиславе, без видимых изменений в ситуации механизм военного вторжения был приведен в действие. Позднее будет много написано о расхождениях, обнаружившихся на этот счет в советском Политбюро, однако участники событий в своих свидетельствах это обстоятельство отрицают¹⁹. Некоторые колебания обнаружилились у двух высших руководителей — Брежнева и Косыгина.

В любом случае в момент принятия окончательного решения, вечером 20 августа, расхождения не дали о себе знать. Политбюро поручило одному из своих членов, белорусу Мазурову, не обнаруживая себя, руководить всей операцией, начавшейся той же ночью²⁰.

Военный успех был достигнут легко, но с политической точки зрения вторжение оказалось катастрофой. Чехословацкой армии был дан приказ не оказывать сопротивления²¹. Но главным действующим лицом впечатляющего и всеобщего пассивного сопротивления оказался народ. Москва не разработала схемы достойного решения конфликта. Накануне вторжения было составлено и отправлено из Праги письмо некоторых чехословацких коммунистов, входящих в состав правительства, с просьбой о предоставлении советской помощи, но их обращение настолько не соответствовало настроениям в стране, что имена подписавших письмо даже не рискнули обнародовать²². Дубчек и другие руководители «пражской весны» были взяты пленниками в Москву, но против этого выступил новый президент республики Свобода. Брежнев был вынужден пойти на переговоры и разрешить им вернуться на свои места, хотя и под жестким надзором. Чехословакия в один миг стала единой во враждебном отношении к СССР, войска которого уже не могли уйти, поскольку они были теперь единственным средством, способным гарантировать Москве контроль над ситуацией. Первого компромисса оказалось недостаточно, чтобы вернуться к порядку вещей, который советские руководители считали «нормализацией»²³. Последующие месяцы были полны давлением, конфликтов, угроз в долгой арьергардной битве, когда чехи пытались спасти то, что можно было еще спасти из их начального реформистского опыта. То были болезненные и трудные месяцы неопределенности, когда СССР оказывался перед необходимостью нового массированного вмешательства своих генералов для достижения намеченных целей. Тогда Дубчек был заменен другим участником «пражской весны», словаком Гусаком, полагавшим более разумным смириться с требованиями оккупантов. Это произошло в апреле 1969 года. И только тогда Брежнев вздохнул с облегчением.

Вооруженное столкновение с Китаем

В те же самые дни, когда чехословацкие события приближались к своему печальному эпилогу, другая политическая драма, сопряженная с еще более роковыми последствиями, разыгралась в другой части Советского Союза. 2 марта 1969 г. у притока Амура, Уссури, пограничной реки между СССР и Китаем, произошло вооруженное столкновение. На первый взгляд эпизод незначительный. На самом деле это был трагический качественный сдвиг во все более усугубля-

ющемся конфликте, противопоставившем друг другу две коммунистические державы.

Поначалу скрытая, а затем ставшая явной полемика между Москвой и Пекином длилась уже десять лет. В Китае внутренняя политическая борьба между различными фракциями коммунистической партии вылилась в бурные конфликты, требовавшие военного вмешательства. Произошла так называемая «культурная революция». Единственным пунктом согласия противоборствующих групп стала подчеркнутая националистическая враждебность к СССР. Китайская печать разоблачала «новых московских царей». Идеологические обвинения превратились в государственные притязания. Китайцы жаловались на «несправедливые» границы между двумя странами. Небольшие инциденты возникали неоднократно вдоль государственных границ. Напряжение было весьма острым. Предпосылки к конфликту созрели. Но его последствия вышли за рамки всех разумных прогнозов.

Что поражает еще в инцидентах на Уссури — это диспропорция между тем, что было ставкой в этой игре, и размахом последовавших событий. В центре споров был необитаемый островок, расположенный недалеко от советского города Хабаровска, не имеющий стратегического значения в случае современной войны. Много лет спустя один из видных советских военачальников признается, что он так и не понял, как можно было дойти до такого²⁴. Согласимся, что на подобный рода эпизоды никогда не удастся полностью пролить свет. Столкновение началось из-за острова Даманский, который каждая из сторон считала своим. 2 марта 1969 г. китайское военное формирование захватило спорный остров. Оружие было применено впервые, в результате были убитые и раненые. Советская реакция была очень жесткой, и в ней явно проглядывало желание «преподать урок». В середине месяца дело дошло до использования артиллерии, и советские войска не колеблясь вели огонь по тылам противника²⁵. Столкновения повторялись еще несколько раз в апреле. Потом в течение лета они перемещались на другие участки границы. Наиболее серьезные стычки произошли в середине августа, но уже не на Дальнем Востоке, а в Центральной Азии, на границе между Казахстаном и Синьцзянем²⁶.

С этого момента в СССР и во всем мире начали говорить о возможности китайско-советской войны. Случившееся в Чехословакии, казалось, продемонстрировало готовность Москвы использовать свои войска за пределами собственных границ. В правительственных аппаратах различных стран взвешивали, до какой степени подобное возможно. По всему Китаю строились убежища на случай атомной бомбардировки. Возможность превентивной войны против Китая, находившегося тогда на первом этапе ядерного вооружения, несомненно, рассматривалась в руководящих кругах СССР. Чтобы выяс-

нить возможную реакцию за рубежом, особенно в Америке, была осторожно прозондирована почва. Хотя московская печать ограничивалась распространением официальных версий событий и официозных комментариев, где не было и намека на такую катастрофическую возможность, о вероятной войне говорили в частных беседах; ответственные лица намекали, что хотя, наверное, и нет непосредственной угрозы войны, но в перспективе ее надо иметь в виду²⁷.

Старые и новые духи русской истории снова возродились в общественном сознании. Навязчивым кошмаром становится мысль о том, что из такой перенаселенной страны, как Китай, масса пусть даже невооруженных людей неудержимым потоком может двинуться в малонаселенные, но богатые ресурсами азиатские районы Советского Союза. И этого нельзя было не учитывать в политических прогнозах. Такой режиссер, как Тарковский, малочувствительный к официальной пропаганде, но очень внимательный к урокам истории родной страны, в один из своих фильмов вставил документальные кадры, где русские солдаты удерживают спинами кричащую и угрожающую толпу азиатов²⁸. В разговорах с западными европейцами делались ссылки на историческую память русского народа, выполнившего роль щита, который преградил путь идущим на запад татарам. И тогда же возвращались к разговорам о «желтой угрозе». На более изощренный европейский слух подобные разговоры звучали как пропагандистские инсинуации на службе агрессивной политики. Но в России такие разговоры часто велись всерьез.

Оценка китайской угрозы правительством СССР была настолько тревожной, что повлекла за собой принятие целой серии политических решений, наложивших на страну новое тяжкое бремя. Самая длинная в мире граница между двумя государствами составляла приблизительно 7 тыс. километров. С 1949 года, то есть со времени заключения союзного договора между СССР и Китаем и далее, эта пограничная линия оставалась незащищенной. В начале же 70-х годов здесь был создан крупный военный комплекс. Вдоль границы было расквартировано более 40 дивизий. Размещение вооруженных сил такого масштаба требовало адекватной инфраструктуры: фортификационных укреплений, аэропортов, складов, стартовых ракетных площадок, коммуникаций. Было подсчитано, что затраты составили не менее 200 млрд. рублей, в то время как совокупный национальный доход за всю пятилетку едва достигал суммы, в 6–7 раз превышающей эти затраты²⁹. Пришлось пересмотреть все экономические планы. Спешно приступили к строительству новой протяженной железной дороги от Байкала до Амура. Если эта дорога и была важна для развития советского Дальнего Востока, то еще большей была ее стратегическая ценность. Планы развития советской экономики, и ранее весьма напряженные, теперь оказались в большой мере расстроены новыми расходами³⁰.

Но как ни тяжелы были экономические последствия конфликта с Китаем, еще более серьезными оказались последствия политические.

«Доктрина Брежнева»

Как раз в тот момент, когда чехословацкий и китайский кризисы достигли своего апогея, Брежнев добился наконец созыва в Москве нового международного совещания коммунистических партий. Подготовительные встречи начались в феврале 1968 года, когда «пражская весна» еще только начиналась. После вторжения в Чехословакию работа была отложена. Но настойчивость советской стороны в конце концов взяла верх. Совещание проводилось в июне 1969 года. Внешне оно прошло успешно, чем позднее похвалялся Брежнев³¹. В действительности дело обстояло иначе. Коммунистическое движение раскололось, и скрывать это было уже невозможно. Китайцы в Москву не приехали. Не было также и вьетнамцев. Не было почти ни одной коммунистической партии из Азии. Отсутствовали югославы. Кубинцы и шведы находились лишь в роли наблюдателей. Итальянские коммунисты приехали, но заняли критическую позицию и отвергли три четверти заключительного документа. Брежнев тем не менее заявил о намерении проводить и другие встречи подобного рода³². Но это ему не удалось за все последующие 13 лет, которые он оставался у власти. Московское совещание оказалось последней всемирной конференцией коммунистических партий.

Действительно, китайско-советский конфликт и вооруженное вторжение в Чехословакию оказали на международное коммунистическое движение такое разрушительное воздействие, какого и сами участники событий в тот момент не в состоянии были предположить. Советским руководителям не удалось достичь ни одной из целей, ради которых изначально задумывалась конференция. В заключительном документе не было и намека на осуждение китайской политики, хотя многие из присутствующих прежде всего критиковали именно ее. Ничего не говорилось и о пражских событиях, несмотря на огромный отрицательный резонанс, который получила интервенция в Чехословакию³³. То, что пришлось обойти молчанием эти два факта, было ценой, уплаченной СССР за окончание конференции без драматических расколов между участвовавшими в ней партиями. В жертву показушному успеху было принесено (и без этого нельзя было обойтись) разрешение насущных политических проблем.

В августе 1968 года вторжение советских войск в Прагу было встречено волной протеста при поддержке почти всех коммунисти-

ческих партий той части Европы, которая не входила в Варшавский блок. Такого прежде не бывало. Правда, в последующие месяцы давление, оказанное руководителями СССР на все эти мелкие и крупные партии, привело к тому, что многие из них приглушили огонь своей критики³⁴. Многие, но не все. Итальянцы, шведы, голландцы, частично испанцы, находившиеся тогда еще либо в подполье, либо в изгнании за пределами своей страны, не согласились смириться. Поэтому разрыв не затянулся даже после конференции в Москве.

Менее очевидными, но не менее тяжкими оказались последствия в странах — союзниках СССР. Накануне вторжения в Чехословакию у Брежнева уже был опыт венгерского прецедента 1956 года, когда были введены советские войска для подавления восстания в Будапеште. Однако в случае с Венгрией тогдашние советские руководители перед принятием рокового решения проконсультировались с главами всех коммунистических стран, включая китайцев и югославов, и получили на это пусть неохотное, но согласие³⁵. На этот раз они не посоветовались даже с теми правительствами, от имени которых они якобы выступали. Действительно, вторжение в Чехословакию было представлено как коллективная мера Варшавского блока, поэтому к ней подключились немцы, поляки, венгры и болгары. Но правительство Румынии, также входившей в Варшавский блок, даже не поставили в известность, ибо было ясно, что оно будет выступать против операции³⁶. Покуда вооруженные силы не были приведены в действие, ни одна зарубежная политическая партия, как бы дружелюбно по отношению к СССР она себя ни вела, не получила никакой информации, хотя ранее Брежнев и давал обещания на этот счет³⁷.

Советское руководство в большей степени было озабочено тем, как сформулировать универсальное оправдание своих действий, которое позволило бы оправдать возможную в дальнейшем при аналогичных обстоятельствах советскую интервенцию. Потому в Москве и провозглашалось, что долгом социалистических стран было спешить на помощь, даже с оружием в руках, туда, где социализм оказался в опасности. Сформулировать впервые этот тезис было доверено журналисту «Правды», считавшему недопустимой даже саму гипотезу об изменении режима мирным путем. Эта же идея позднее была взята на вооружение Брежневым, рассматривавшим совокупность социалистических стран как международное сообщество, границы которого ни в коем случае не должны меняться. Эту теорию, представленную Москвой как выражение идеалов интернационализма, западная печать окрестила «доктриной Брежнева» — основой «ограниченного суверенитета» стран, называвших себя социалистическими³⁸. Брежнев протестовал против подобных определений, но при этом неизменно отстаивал право СССР указывать, где и когда социализму грозит опасность. Вследствие этого правительства стран, считавших

себя социалистическими, но имевших определенные пункты расхождения с Москвой, как, например, Румыния и Югославия, опасаясь нападения советских войск, обращались к мнению западных правительств на предмет их возможной реакции на подобную ситуацию. Хотя в тот момент ничто не позволяло предположить, что в Москве вынашивают замыслы такого рода (наоборот, там старались рассеять опасения как Бухареста, так и Белграда)³⁹.

Чехословацким руководителям, привезенным в качестве пленников в Москву, Брежнев сказал очень грубо, но весьма выразительно: «Мы вас не отпустим». Фраза относилась не к их тогдашнему пленению, но к ситуации на их родине, в Чехословакии: мы не позволим вам сойти с нашей орбиты, не позволим измениться, не позволим перейти на другую сторону. На исходе 60-х годов попытка дать этой, как бы перекликавшейся с прежними интернационалистскими идеалами европейского рабочего движения, установке идеологическое оправдание действительно составляла реальную заботу советского руководства. Но практическое выражение этой попытки было настолько неуклюжим, что скорее подчеркивало, сколь далек был менталитет руководителей СССР от реальных ценностей культуры интернационализма. И если вначале пусть даже искаженное интернационалистское представление о политике в сильной мере способствовало рождению этой коалиции государств, то в результате происшедших событий отношения внутри самого блока стран-союзниц и в сочувствующих им странах претерпели глубокие изменения. С тех пор как вместо интернационалистической идеи стал использоваться безжалостный язык силы, позиция стран не могла не измениться. Формальные демонстрации единства блока вроде бы продолжались и даже вроде бы стали более частыми, но на практике политика стала совсем иной.

Поражение коммунистического реформизма

В конце 60-х годов в русле интервенции в Чехословакию наблюдалось другое явление, повлекшее за собой еще более драматические последствия. Речь идет о поражении и провале того, что можно определить как коммунистический реформизм, поражении, не исключено, временном, но самом длительном. Мы подразумеваем под этим понятием образ мысли и политических действий, получивших развитие в правящих коммунистических партиях, начиная со смерти Сталина и XX съезда КПСС; искавшей свой выход, свое, не всегда убедительное, выражение в Хрущеве, образ мысли, истоки которого уходили в более отдаленное прошлое, в советскую историю 20-х годов, как подземный карстовый поток, подспудно, всегда оставался

в СССР и в правящих коммунистических партиях, а не только в оппозиционных партиях, и появлялся на свет только в моменты всплеск политической борьбы⁴⁰. В Венгрии он сохранился даже после советского вторжения 1956 года, и в этом состоит одно из коренных его отличий от Чехословакии, усмирённой Брежневым. Реформистское движение среди венгерских коммунистов получило продолжение. Более того, именно в Венгрии в 1968 году он нашел свое выражение в реформе экономики, ставшей одной из отличительных черт этой страны в последующие годы. Политика Дубчека имела те же намерения. Жестокое, насильственное ее подавление подписало приговор всему этому политическому течению как в самой Чехословакии, так и в других странах, навесив на него ярлык опасного «ревизионизма»⁴¹. В Венгрии отныне и впредь Кадар встречал немалые трудности на выбранном им пути и не раз вынужден был ограничивать свою политику. В Чехословакии новый лидер, навязанный советским руководством, тоже предпочел бы вести себя, как Кадар, чтобы самому опробовать какие-нибудь реформы, но ему так никогда и не удалось сделать даже первые робкие шаги по этому пути⁴².

Краху коммунистического реформизма суждено было иметь важные последствия. Это течение было надеждой для восточноевропейских стран и для советского общества: реальной надеждой на перемены, на ослабление жестких порядков, на гуманизацию режимов по мере отхода их от войны и постепенного укрепления новой системы («социализм с человеческим лицом», как был назван чехословацкий опыт). Можно сказать, что начиная с 1956 года коммунистический реформизм стал, вероятно, единственным течением, способным дать реальное политическое выражение этой надежде, и не только для коммунистов тех стран, но и для общества в целом. Подавление такой политики в 1968 году представлялось доказательством ее бессилия. Надежды на перемены отныне стали связывать с другим. Первые сигналы поступили из Польши, и не от студентов, как в марте 1968 года, а от рабочих, что стало еще одним ударом по господствующей советской идеологии.

В декабре 1970 года вызванная повышением цен забастовка на судостроительных верфях Гданьска очень скоро перешла в открытое выступление. Объяснялось это также и тем, что руководители страны не смогли наладить настоящий диалог с рабочими. Гомулка потребовал, чтобы пришли войска и стреляли по толпе. И тогда восстание охватило Балтийское побережье и грозило распространиться на всю страну. Ситуация здесь была гораздо сложнее, нежели два года назад в Чехословакии, где действия не выходили за пределы дискуссий и гражданских политических столкновений. Однако, обжегшись на малооптимистичных результатах вторжения в Прагу, советские руково-

дители, Брежнев и Косыгин, с понятной тревогой следившие за развитием дел в Польше, сами настояли, чтобы на этот раз было найдено мирное решение⁴³. Решение было найдено в Варшаве и заключалось в смещении Гомулки и наиболее близких его соратников. Новым главой партии был выбран Эдвард Герек, рабочий по происхождению, пользовавшийся тогда в Польше наибольшей популярностью, особенно в его родной Силезии. Советские руководители выразили свое согласие. Восстание на Балтике носило подлинные черты классовой борьбы, невозможной, по мысли советских руководителей, в странах, которые они рассматривали как социалистические.

К этому новому факту добавлялся другой, менее явный. Группа молодых поляков, наиболее активных участников варшавских беспорядков 1968 года, разочарованных поражением реформизма в Праге и Варшаве, не надеясь более на внутренние перемены в коммунистической партии и ее режиме, занялась поиском сил в обществе, способных изменить состояние дел, но уже не в рамках существующей системы власти, а вне ее⁴⁴. Их имена будут часто повторяться при рассмотрении событий последующих 20 лет: Михник, Куронь, Модзелевский. Все они вышли из семей коммунистических руководителей⁴⁵.

А что же СССР? Даже здесь не могли остаться в стороне от происходящего. Реформистское движение восточноевропейских стран всегда смотрело на Москву в надежде увидеть там появление людей, способных открыть путь к преобразованиям. В сущности, так и случилось однажды, когда после смерти Сталина появился Хрушев. Пражские репрессии разрушили эту иллюзию. Но они обернулись поражением и для советских реформистов: для них поражение было более серьезным, нежели для других, ибо они были не в состоянии и пальцем шевельнуть в защиту Чехословакии. С этого времени московскую фронду, и без того бессильную, заставили замолчать на многие годы. Политические процессы в разных странах были взаимосвязаны, однако в СССР они в силу обстоятельств приобретали особое содержание и специфический характер.

В реформистских кругах Москвы в связи с событиями в Чехословакии 1968 года возродились надежды. Здесь хорошо были известны, особенно в интеллигентских кругах, документы чехословацкой компартии и разбуженные ею дискуссии: пражская пресса доходила до Москвы⁴⁶. Академик Сахаров всегда признавал большое влияние чешских событий на его мышление⁴⁷. Однако августовская интервенция не вызвала реального протеста в СССР. Были отдельные проявления возмущения, письма с выражением несогласия, отказы некоторых журналистов служить рупором официальных пропагандистских идей, немногочисленная, сразу же задушенная демонстра-

ция на Пушкинской площади в Москве с осуждением интервенции. После чего среди всех, веривших в реформистское движение, наблюдалось глубокое разочарование. Но не более этого. Поэтому брежневским руководителям было сравнительно легко справиться с выражениями недовольства, используя угрозы и оказывая давление на отдельных людей⁴⁸. И тем более легко, что в целом общественное мнение не было отрицательным. Властями, использовавшими традиционные методы из арсеналов сталинских времен, были организованы многочисленные митинги одобрения. Но остается верным и то, что население в общем не выказало никакого несогласия по поводу вторжения⁴⁹.

Было бы трудно обнаружить в этой реакции тот интернационалистский смысл, который старался ей приписать Брежнев. Верно скорее обратное: становилось явным народное чувство ущемленной гордости за великую державу, отстаивалось своеобразное право защищать то, что было завоевано пролитой в мировой войне кровью, появлялось желание поставить на место неблагодарных, взбрыкнувших союзников. Высказывания такого рода исходили также от официальной пропаганды. Но они не произносились публично. Предпочтение отдавалось более узким, но от этого более эффективным каналам распространения информации, предназначенной для партийных и некоторых других узких кругов. И именно эти настроения встречали настоящий отклик снизу⁵⁰.

Аналогичная, но гораздо более сильная реакция советской общественности прозвучала в ответ на конфликт с Китаем. Даже сегодня, спустя много лет, еще не дана аргументированная оценка тем событиям, настолько сильным оказалось влияние вырождающейся идеологической полемики в военном конфликте на формирование коллективного мышления советского народа в начале 70-х годов. Со времен Великой Отечественной войны никакая другая внешнеполитическая проблема не получала такого глубокого отзвука.

На рубеже 60-х и 70-х годов советские руководители могли рассчитывать на почти полное единодушие в этом вопросе. Против китайцев ополчились все: диссиденты, фрондисты, интеллектуалы, коммунисты и беспартийные, официальные пропагандисты и военные деятели⁵¹. Даже те, кто находился в более или менее явной оппозиции политике Брежнева и Политбюро, все равно были противниками Пекина, ибо видели в Китае воспроизведение наиболее безобразных пороков сталинского государства. Эти убеждения рождались и укреплялись под действием выступлений Мао Цзедунa в защиту Сталина, жестокости китайской «культурной революции», сопровождаемой оголтелым культом вождя. Для реформистов, еще действовавших в КПСС, полемика с Пекином стала поводом, чтобы выступить против многочисленных пережитков сталинизма в СССР,

стимулируемых консервативной политикой Брежнева⁵². В 1970 году против Китая были настроены все те, кто впоследствии стал наиболее известным деятелем внутреннего диссидентства. Некоторые из них будут вынуждены потом затушевывать свои позиции. Но когда конфликт разразился, они в самых жестких выражениях, без тени сомнения, клеймили маоизм как основного врага⁵³. К тому же в Пекине, будто зеркально отраженные, возникали антирусские и националистические настроения, лишь подогревавшие неприязнь к Китаю. В условиях, когда руководители СССР видели возникающую на восточных границах страны новую угрозу, а нарождающееся широкое общественное мнение склонно было поддержать их в этом, появилась необходимость в идеологии, способной обеспечить в стране единодушие в антикитайской политике. Такую массовую идеологию, безусловно, нельзя было найти ни в диспутах, проводившихся на совещаниях коммунистических партий, ни в пропагандистских опусах, на все лады интерпретировавших ленинизм. Как и в другие критические моменты послереволюционной истории, путь прокладывала единственная альтернативная идеология, оказывавшаяся действенной в самых сложных ситуациях: это патриотизм или, проще говоря, национализм⁵⁴.

Мы должны будем вернуться к этим вопросам в силу чрезвычайного воздействия их на последующее развитие событий, которыми мы займемся. Но кое-что следует сказать уже сейчас. Те, кто вращался в то время в различных политических кругах советского общества, несомненно, могли отметить новый аспект: в политических беседах опять зазвучал гордый имперский мотив русской истории. Но, в отличие от сталинских времен, он звучал не в поддержку революционных или вообще советских доводов, но, напротив, взамен и в противовес им. Как ни парадоксально, но это можно было наблюдать как в политических кругах, так и на «кухне» рождающейся оппозиции. Поэтому понятны замешательство и растерянность правящих группировок страны, сталкивающихся с непривычностью подобных настроений, по сути поддерживавших их политику, но отвергавших ее официальное обоснование.

Разворот в сторону неонационализма стал одним из изменений, мало заметных на первый взгляд, но действительно проникающих в глубину коллективного духа страны. Нельзя думать, что интернационалистические мотивы были лишь мишурой в советской истории и идеологии. Хотя они и использовались весьма произвольно, тем не менее в течение десятилетий составляли его существенную часть, в глазах прежде всего иностранцев, но также и в глазах самого советского народа. В самые трудные времена сознание того, что есть в мире значительные силы, относящиеся к СССР с сочувствием и пониманием, для многих — военных и гражданских — было стиму-

лом, помогавшим переносить наиболее тяжкие испытания. В этом смысле СССР отличался от других социалистических стран и того же Китая. Отличался в силу своей более сложной истории и своего пестрого национального состава. Закат коммунистического движения и интернационализма не мог не отразиться на самом облике страны и на состоянии самых важных ее составляющих. Ведь СССР всегда был центром коммунистического движения. И когда оно стало распадаться и исчезать, Советский Союз не мог дальше оставаться таким, каким он был. Только руководители страны могли еще надеяться на ее неизменность. Но это была иллюзия, за которую, естественно, пришлось платить.

IV. ОБЩЕСТВО МЕНЯЕТСЯ, НЕ СОЗНАВАЯ ТОГО

Проигранные пари

Термин «застой» начал применяться во второй половине 80-х годов для определения целого периода брежневского правления, и особенно — 70-х годов. Это было политическое определение, использовавшееся в тот момент в целях борьбы между различными политическими группировками, и оспаривалось оно также в ходе борьбы¹. Не вникая в суть этих споров, сейчас можно констатировать, насколько это слово оказалось непригодно сегодня при вынесении первой исторической оценки. В эти годы советское общество все-таки не оставалось неизменным: согласно анализу, проведенному тогда молодым независимым ученым, в нем даже происходили «фундаментальные» изменения². Точнее говоря, решающая проблема этого периода рождается именно из разрыва между происходящими изменениями и официальной политикой, все менее отвечающей этим изменениям.

Для советской экономики начало 70-х годов, при всей неизбежной в таких случаях условности, может рассматриваться как критическая точка, на которой кончается фаза подъема и начинается спуск, постепенно переходящий в падение. С конца 20-х годов экономика Советского Союза основывалась на пятилетних планах. Ни один из этих планов, по правде говоря, никогда не был выполнен в объеме, указанном при его составлении. Каждый неизменно оставлял за собой существенные «хвосты». Однако в совокупности они рассматривались как успешные, поскольку каждый из них всегда знаменовал крупный прогресс страны. Общие цифры, провозглашавшиеся в планах в начале 70-х годов, были еще впечатляющими. Но именно начиная с этого момента отмечается изменение тенденции. На годы правления Брежнева пришлось составление трех пятилетних планов. Ни один из них не был выполнен. Соответственно в каждом последующем плане ставились задачи, заниженные по своим показателям по сравнению с предыдущим планом. Но даже и эти более скромные цели не были достигнуты. В начале следующего десятилетия вынуждены были констатировать, что рост советской экономики практически прекратился³.

В декабре 1970 года, когда до Москвы дошли вести о массовом рабочем выступлении в Польше, здесь как раз был кульминационный момент разработки нового пятилетнего плана на 1971–1975 годы. Советское руководство всполошилось. Политбюро пришло к заключению, что опасно откладывать на потом улучшение народного бла-

госостояния. Поэтому новый план отличался от предыдущих по двум признакам. Впервые намечался большой рост производства товаров народного потребления по сравнению с увеличением объемов производства средств производства, и этим опрокидывалась одна из сталинских догм, претерпевших первые изменения во времена Хрущева. Вторым признаком был упор, сделанный на необходимости технологического и научного прогресса и даже, как говорилось тогда, «научно-технической революции»⁴. Новые критерии провозглашались уже не только Косыгиным, но и самим Брежневым. Было бы естественным предположить, как тогда и делали, что именно на этих новых направлениях будет проверяться эффективность экономической политики правительства.

Однако довольно скоро стало понятным, что по обоим направлениям реалии не соответствовали намеченным планам. С самого начала отсутствовали предпосылки для успеха. В тот момент, когда планировалось обеспечить изобилие продуктов широкого потребления, большая часть внутреннего продукта страны уходила на военные расходы. Еще и сегодня мы не располагаем точными данными об этих расходах, но, судя по сделанным тогда расчетам, на 70-е годы приходилось увеличение таковых приблизительно на 50%, и цифры эти, по-видимому, недалеко от истины⁵. Стремление советских руководителей иметь, как говорили когда-то, одновременно и масло, и пушки вскоре оказалось несостоятельным. Уже в середине десятилетия с официальной трибуны было заявлено публично, хотя и невнятно (и это стало характерно для брежневского правления), что запрограммированный рост производства легкой промышленности и сферы обслуживания не достигнут. Такой же провал наблюдался и в традиционно считавшейся самой слабой отраслью советской экономики — сельском хозяйстве⁶. С того времени дела пошли все хуже и хуже.

Однако правительство Москвы имело в эти годы в своем распоряжении ресурсы, которые, по крайней мере теоретически, могли облегчить решение стоящей задачи: оно могло получать драгоценную валюту за счет экспорта сырья. Препятствовать этому было не в интересах Запада. Наибольшую прибыль тогда получали от повышения мировых цен на нефть вследствие арабо-израильской войны 1973 года. Увеличение добычи топливно-энергетических продуктов, в основном благодаря использованию новых крупных месторождений в Заволжье и Западной Сибири, оказалось одним из наиболее крупных плюсов советской экономики, поскольку позволило СССР увеличить продажу сырья и газа за границу. Повышение цен на нефтепродукты, жестоко ударившее по богатым странам Запада, обернулось настоящей манной небесной для стран — производителей сырья, к которым относился и СССР. Москва могла пользоваться этим преимуществом лишь отчас-

ти, ибо вынуждена была поставлять странам-союзницам энергетические ресурсы по ценам, ниже мировых. И все же экспорт в другие страны всегда приносил значительные доходы⁷. Еще одним значительным источником доходов была добыча алмазов. Месторождения алмазов, открытые в Якутии в середине 50-х годов, стали разрабатываться на полную мощность только в 60-х годах из-за труднодоступности рудных залежей. Теперь СССР почти половину добываемых алмазов мог реализовывать на мировом рынке⁸.

Относительное финансовое благосостояние было использовано для импорта тех продуктов потребления, которые не производились в достаточной мере внутри страны, в частности для закупки сельскохозяйственных продуктов. Первым, кто прибегнул к такому решению, был Хрущев, старавшийся преодолеть последствия катастрофического неурожая 1963 года. Пришедшие ему на смену руководители надеялись обойтись без подобных мер. Однако в начале 70-х годов и они были вынуждены использовать тот же маневр, который когда-то ставили в упрек Хрущеву. В 1972 году, воспользовавшись недостаточной согласованностью между различными американскими структурами, СССР удалось закупить в Америке зерно по довольно приемлемой цене. Но в Вашингтоне быстро спохватились и в ходе переговоров о разрядке добились, что впредь советские закупки будут планироваться на несколько лет вперед и по ценам, назначенным американцами⁹. Импорт зерна, нередко значительный, стал с этого времени постоянной составляющей советской экономики.

Так между СССР и остальным миром, включая и страны-союзницы, установились экономические отношения, которыми Москва никак не могла гордиться, ибо они были типичными для экономики колониальных или малоразвитых стран, то есть Советский Союз становится для других государств источником сырья, нередко исключительной ценности, и рынком сбыта товаров широкого потребления для этих же самых стран. Об этой аномалии много говорилось в «диссидентских» публикациях, в то время как официальная пропаганда предпочитала ее замалчивать. Психологическое воздействие сложившейся аномальной ситуации было очень серьезным. В течение десятилетий непрекращающиеся лишения, тем не менее, не мешали амбициозно надеяться на создание экономики, способной идти в авангарде всего мира. Отрицательные результаты развития экономики породили чувство разочарования и ущемленной гордости. Импорта было недостаточно, чтобы создать в стране настоящее изобилие, его хватало лишь на то, чтобы восполнить наиболее серьезные дефициты внутреннего производства. С другой стороны, еще меньшими оказались ресурсы, которые могли быть использованы для импорта высококачественного оборудования, необходимого не только для «научно-технической революции», но и для простого струк-

турного обновления и усовершенствования промышленного аппарата¹⁰. Занимаясь импортом, приходилось, помимо прочего, считаться с серьезными ограничениями, установленными странами противостоящего Североатлантического блока. Не секрет, что приобретаемая новейшая технология шла в первую очередь на приоритетные военные нужды.

Таким образом, и вторая задача, декларированная при составлении пятилетних планов, а именно обеспечение научно-технического прогресса, также осталась только на бумаге. Едва наметившееся в начале 70-х годов замедление темпов развития постепенно, в ходе десятилетия, становится все более ощутимым. Словом, советское правительство проиграло там, где само бросило вызов, когда устами высших руководителей заявило, что решение проблем СССР будет обеспечено за счет сочетания научного прогресса и «основных преимуществ» социалистической системы¹¹. На деле Советскому Союзу грозила перспектива опоздать с тем реальным переворотом в производстве и образе жизни, который как раз в эти годы намечался в мире, — опоздать с революцией в области информатики.

Признаки спада

Как мы увидим далее, причины неуспеха заключались не только в организации экономики, но и в более специфических аспектах, присущих методам сталинского правления, поначалу просто унаследованных, а потом и усвоенных руководителями СССР. Одновременно обнаруживалось снижение эффективности этих методов. Прежде государственные планы развития экономики выполнялись хотя бы по основным направлениям. Теперь же не было и этого, в связи с чем начал изменяться подход к самим планам. На съездах партии представлялись и утверждались экономические планы, предусматривающие изменение ранее преобладавших направлений развития страны, когда было важным гарантировать основные приоритеты, быструю индустриализацию и оборонную мощь. Но как только наступала стадия реализации, экономика продолжала развиваться по-старому, будто ведомая неумолимой, неуправляемой инерцией. Позднее советская экономика совершенно справедливо получит название «командной». Но на данном этапе приходила в негодность именно эта ее структурная особенность: «команды» по-прежнему отдавались, а их исполнение не наблюдалось.

Такая ситуация была характерна не только для макроэкономики. Многие решения, принятые высшим руководством с формальным почтением, оставались невыполненными: многочисленные указания центральных органов, включая занимавшийся планированием все-

сильный Госплан, не выполнялись¹². В течение 15 лет 25–30% предприятий страны не получали запланированных доходов¹³. Могущество Политбюро в смысле принятия решений было гораздо большим, нежели в деле их выполнения; причем расхождение это увеличивалось в течение всего периода брежневского правления. Так что сами представители этого высшего органа власти заведомо знали, что значительная часть их решений не будет выполнена, а будут претворены в жизнь только те, над которыми возможен контроль со стороны какого-либо высокого чина¹⁴. Даже указания насчет организации промышленности, призванные сгладить отрицательные стороны возврата к системе отраслевых министерств, исполнялись вяло, хотя их отдавал сам Брежнев¹⁵.

В 1976 году Брежнев лично высказал тревогу по поводу такого положения. Но пять лет спустя он вынужден был признать, что дела несколько не улучшились. Он был уже не в состоянии что-либо исправить, и после его смерти стало очевидным, что развитие экономики вышло из-под контроля¹⁶. Лучшим примером растущего бессилия верхнего эшелона власти является печальная судьба некоторых докладов Брежнева. В конце 1969 года в ходе разработки пятилетних планов он весьма критически расставил акценты, говоря о состоянии экономики. Он сделал это, движимый духом соперничества с Косыгиным, и именно последнему, как главному ответственному за состояние экономики, исподволь обращались его упреки. Тогда подобный шаг был нужен ему, чтобы укрепить свое положение на вершине власти. Как и прежде, это выступление было подготовлено советниками реформистской ориентации. Потом Брежнев счел полезным повторить этот маневр, и критическая направленность предновогоднего выступления стала своего рода традицией для его правительства, почти алиби, свидетельствующим о понимании того, насколько плохо шли дела в стране. Но если в первый раз его инициатива стала сенсацией, на следующий год эффект был уже меньше, а потом это превратилось в ритуал, на который больше не обращали внимания¹⁷.

Другим, более общим примером может служить политика в области экологии. В результате давления формирующегося общественного мнения, по аналогии с другими странами, СССР в 70-х годах принял серию довольно прогрессивных законов об охране окружающей среды. Но и они остались лишь на бумаге. Первыми, кто нарушал их, были сами министерства, привыкшие в погоне за выполнением плана не принимать во внимание какие-либо соображения, пусть даже основанные на законодательстве. Экологическая ситуация чрезвычайно ухудшилась в связи с глобальной и безжалостной эксплуатацией природных ресурсов, наносившей невосполнимый ущерб целым регионам страны¹⁸. До общественности доходила информация о разрушении таких известных экологических систем, как

озеро Байкал и Аральское море. Брежнев был вынужден произносить заклинания об «опасности образования безжизненных, враждебных человеку зон»¹⁹. Но, как обычно, ничего не менялось. Зарождающееся экологическое движение становится новым оппозиционным течением, косвенно, но весьма действенно выступающим против руководителей страны²⁰.

В организме советской экономики обнаруживались все новые болезни, в то время как не залечивались старые, о которых неоднократно твердилось в печати и на официальных заседаниях. Напротив, все более очевидной становилась тенденция к ухудшению и переходу болезней в хроническое состояние. Снижалась отдача от капиталовложений — факт, отмеченный Косыгиным в качестве одной из причин, требовавших предложенной им и отложенной в сторону реформы. Отдача от огромных сумм, вкладываемых государством в развитие экономики, становилась все меньше, особенно в сравнении с доходами от аналогичных капиталовложений в других странах. Потери все увеличивались. СССР производил теперь стали и цемента больше, чем Соединенные Штаты, но по сравнению с американскими соперниками из одинакового объема материалов он строил меньше жилья и предприятий, производил оборудование в меньших объемах и хуже по качеству²¹.

Повсюду говорили о необходимости перехода от «экстенсивной экономики», то есть базирующейся на привлечении все большего количества людских, сырьевых и материальных ресурсов, к «экономике интенсивной», то есть способной совершенствоваться за счет качественных изменений. Потребность в «интенсивной экономике» возрастала, помимо прочего, из-за того, что теперь уже не было того изобилия ресурсов, которое облегчало выполнение первых пятилетних планов. Теперь поиск сырья и энергетических ресурсов велся во все более отдаленных и труднодоступных районах; прирост населения уменьшился; финансовые средства выискивались все с большим трудом²². Но желанного перехода к более «интенсивной», более «экономной» экономике достичь никак не удавалось. Производительность как отдельных лиц, так и общества в целом не росла или росла слишком незначительно — та самая производительность, которая, по мысли постоянно цитируемого Ленина, является в конечном счете высшим судьей достоинств системы. В результате «не было даже надежды догнать [...] Запад в обозримом будущем»²³. Качественные показатели также говорили о том, что прогресса советской экономики почти не видно. Совокупность этих явлений лежала у истоков быстрого падения темпов развития страны, отмеченного тогда всеми специалистами, следившими за эволюцией советского общества²⁴.

И все же было бы неверным говорить о снижении уровня жизни населения за это десятилетие, скорее наоборот. Об этом говорили и

сторонние наблюдатели. Квартиры стали более благоустроенными, люди лучше одевались и питались, появилось больше автомобилей. Более, чем когда-либо за весь послевоенный период, увеличились номинальные и реальные заработки. Но товары и услуги на рынке не росли пропорционально. Следствием этого были неприятные явления трех видов. Постоянная напряженность в распределении: плохое снабжение магазинов, очереди за продуктами, трата времени на поиски необходимого. Скрытое, но осязаемое инфляционное давление: деньги, скапливающиеся в сберегательных кассах с архаической финансовой системой, не давали достаточного дохода. Скромное по масштабам повышение уровня жизни в стране не приносило удовлетворения, скорее наоборот, ибо ожидания намного превосходили достигнутые результаты²⁵.

«Теневая экономика»

Наиболее характерным явлением 70-х годов стали быстрое развитие и широкое распространение экономической системы, существующей параллельно с государственной, или, как ее называли в СССР, «теневой экономики». Это не было принципиально новым явлением, потому что в небольших масштабах нечто подобное существовало всегда, даже в годы самой жесткой сталинской диктатуры. Стремление Сталина к огосударствлению всех видов экономической деятельности полностью так никогда и не реализовалось. Пусть незначительная, но автономная деятельность существовала всегда: это в частном порядке признавали сами руководители страны, а советская и несоветская литература оставила тому немало свидетельств²⁶. Но дело было именно в масштабах. Начало роста «теневой экономики» относится к годам правления Хрущева, хотя последний и пытался бороться с нею драконовскими методами, не исключая даже смертной казни в случаях наиболее крупных растрат или кражи государственной собственности. Однако настоящий качественный скачок произошел в правление Брежнева и Косыгина. Виною тому не столько неизбежное ослабление государственного контроля, сколько увеличение потока товаров, все еще недостаточного для удовлетворения потребностей населения, несравненно возросших за последнее время. Между двумя этими явлениями существовала непосредственная связь.

Впрочем, было бы чрезмерным обобщением говорить о единой «теневой экономике», поскольку она складывалась из различных составляющих, некоторые из которых государство терпело и даже поощряло, а другие оставались подпольными и незаконными²⁷. К примеру, с середины 30-х годов неизменно существовали «колхоз-

ные рынки», где крестьяне продавали продукцию частных огородов и частного же животноводства. Колхозы при любой возможности тоже выходили на рынок. Несмотря на ограничения, периодически вводимые Сталиным, Хрущевым или Брежневым, небольшие земельные участки, находившиеся в частном владении, давали треть, а по некоторым подсчетам, половину и даже более потребляемой населением сельскохозяйственной продукции. Эти показатели не очень отличались от данных 30-х годов, хотя потребление за это время сильно возросло и, таким образом, в абсолютном выражении вес этой рудиментарной частной экономики тоже увеличился²⁸.

Другой параллельно существовавшей системой была созданная государством сеть специальных магазинов, предназначенных для особо привилегированных групп населения. Наиболее важной была цепь валютных магазинов «Березка» и «Внешпосылторг». Под другим названием они существовали и раньше, в далекие 30-е годы, во времена первого пятилетнего плана, и использовались для изъятия золота у населения. Возрожденные во второй половине 50-х годов спецмагазины были предназначены, в частности, для иностранцев, которых все больше появлялось на советской земле. Но не только для них. Немало было в то время и советских граждан, работавших за границей и получавших зарплату в твердой валюте: дипломаты, деятели искусства, журналисты, военные, техники, консультанты при правительствах иностранных государств. Они отдавали государству заработанную валюту и в обмен получали сертификаты, которые могли использовать для покупок в тех самых магазинах для иностранцев, где было изобилие импортных товаров и уж, во всяком случае, товаров более высокого качества. Иметь сертификаты было весьма престижно; они превратились в предмет обмена. Так создавалась вторая расхожая монета, существовавшая наряду с рублем и конкурировавшая с ним²⁹. Но система специальных магазинов была связана не только с торговлей за валюту. Другие виды коммерческих услуг были предназначены для особых групп населения, начиная с функционеров высокого уровня и кончая распродажей товаров для сотрудников отдельных предприятий. Все эти системы привилегий и их проявления служили поводом для социальной напряженности.

Порочные формы экономической деятельности облегчали и одновременно стимулировали подпольную, или незаконную, экономику. Первым проявлением такого рода стала торговля сертификатами, а вслед за нею потянулась цепь других. Наиболее ходовые или дефицитные товары скупались самими работниками государственной торговли и затем перепродавались частным путем по более высоким ценам. Явление это становится настолько распространенным, что в результате именно среди этой категории людей зарождается и пребы-

вает в зародышевом состоянии система «первичного накопления» капитала³⁰, одним словом, неокapитализм в грубой форме. Стремление пробиться к нелегальным формам распределения вынуждало многих искать побочных «черных» заработков (которые по-русски называются «левыми»), то есть находя вторую работу на других, неофициальных предприятиях, где устанавливаемые нормы и расценки имели мало общего с общепринятыми, законными³¹.

Такого рода деятельность не могла ограничиваться исключительно рамками торговли: она получила столь заметное развитие, что распространилась на производственную сферу. Даже на основной, государственной службе некоторые люди пытались изыскивать источники дополнительного дохода, например утаивая часть продукции, избежавшей официального контроля, и пуская ее потом по каналам «черного» рынка. Особое распространение такая система приобрела на периферии и в некоторых республиках СССР, где образовалась разветвленная сеть «повязанных» между собой сообщников, состоящих на государственной службе³². Стоит учесть, что и сами государственные предприятия, чтобы получить лучшие результаты, вынуждены были в обход контроля сверху создавать свою параллельную экономику: практически каждый директор старался заполучить побольше ресурсов, чтобы потом выгодно обменять их на других предприятиях³³.

Создавалась парадоксальная ситуация: экономика, обязанная быть самой планируемой и контролируемой, где из центральных министерств Москвы предопределялась любая мелочь в деятельности всех производственных или коммерческих экономических единиц, на деле превращалась в экономику, где довольно значительная и все возрастающая часть ее избегала какого-либо контроля, даже самого простого статистического учета. Причем здесь приходилось говорить не только о «черном» рынке, в противовес рынку «белому», как случается во всех «экономиках дефицита» с навязанными сверху ценами. Дело в том, что между первым и вторым наблюдалась целая гамма промежуточных оттенков. И это зло было еще наименьшим. Незаконные и полузаконные формы деятельности всегда возникали в связи с реальными запросами страны, которые, по заверениям правительства, оно само хотело и могло удовлетворить. Но в том-то и заключалось отличие от предшествующих десятилетий, что правительство хотело, но уже было не в состоянии удовлетворить возникавшие потребности. Позднее «теневая экономика» будет признана необходимой. Параллельно существующие формы экономики, писал Горбачев, «пользовались неспособностью государственных органов удовлетворять нужды населения». Как сказал один ученый, они представляли тогда «нелегальную систему социальных отношений, противостоящую государственной бюрократической системе» и воз-

никшую благодаря «определенным формам подпольной и самопроизвольной приспособляемости»³⁴.

Однако то обстоятельство, что система носила подпольный, нелегальный характер, не могло не иметь серьезных последствий. Чтобы существовать, эта система вынуждена была идти против закона или по меньшей мере обходить его. Этого нельзя было сделать без большого числа соучастников в правительственных структурах, официальных учреждениях, самом судебном аппарате, без соучастия, оплачивавшегося доходами от «теневой экономики» и посему становившегося ее составной частью. Таким образом, понятно, как могла процветать в столь широких масштабах коррупция, которую позднее все критики брежневского правления назовут характерной чертой этого периода. Как скажет один из них, «наглая коррупция» достигнет в это время «своего апогея»³⁵. Коррупция и преступность шли рядом, поскольку создавали условия для систематического нарушения законов. Следовательно, ясно, почему иностранные наблюдатели были склонны отмечать, так сказать, «естественный» характер явления, в то время как советские критики особо подчеркивали его преступный, или, используя заимствованный тогда на Западе неологизм, мафиозный характер. Слово «мафия» станет расхожим понятием при описании фактического слияния незаконной экономической деятельности с деятельностью представителей государственной власти³⁶.

Советские критики нередко были склонны возлагать ответственность за падение общественных нравов непосредственно на Брежнева, поскольку в самой его семье было достаточно случаев коррупции. Со свойственным ему чувством любви к семье Брежнев снисходительно относился к недостойному поведению некоторых своих близких родственников. Его стиль руководства со склонностью к внешним проявлениям власти, к распределению кормушек и выдаче наград даже самому себе стимулировал и других следовать по той же скользкой наклонной плоскости. Руководители среднего уровня теперь уже не удовлетворялись служебной дачей, но, запуская руки в государственную казну, строили личные загородные дома, оформляя их на имя детей или внуков. Присущая эпохе атмосфера благоприятствовала предосудительному поведению. Но на самом деле основная ответственность, лежавшая на Брежневе и его сподвижниках по руководству, была связана не столько с этикой, сколько прежде всего с политикой. Она состояла не только в недостаточном противодействии этим явлениям. На съездах партии Брежнев даже осуждал «алчность, коррупцию, паразитизм, пьянство, ложь, анонимки», но представлял их как пережитки прошлого, изображая настоящее как триумфальную победу идей социализма и коммунизма³⁷. Официальная пропаганда катастрофически быстро дискредитировала себя в глазах населения. Никто уже не принимал всерьез пропагандистской риторики.

Противозаконность и коррупция были неизбежными атрибутами нарождающейся «теневой экономики» и отражались на всех других аспектах социальной жизни. Им суждено было оказать еще более тяжелое и глубокое воздействие на последующее развитие общества.

Социальное расслоение и образ жизни

Происходившее, несмотря ни на что, повышение уровня жизни радикально воздействовало на образ жизни и запросы людей. В конце 50-х годов городское население численно превысило сельское. В 1972 году соотношение было, соответственно, 58% и 42%. Этого не произошло в некоторых окраинных республиках Советского Союза: Грузии, Молдавии, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении, где продолжал отмечаться гораздо более значительный по сравнению со всей остальной страной демографический рост населения³⁸. Но изменение произошло во всех других более крупных и населенных республиках СССР. Неуклонное увеличение городского населения продолжалось и в течение 70-х годов.

Неудивительно, что на образ жизни оказал сильное воздействие прежде всего строительный бум. Массовое строительство, начатое Хрущевым во второй половине 50-х годов, постепенно ускорялось пришедшими ему на смену руководителями³⁹. На окраинах городов возникали новые, бескрайние жилые кварталы. Безусловно, они оставляли желать лучшего с точки зрения архитектуры и качества. Но сам факт увеличения количества жилья оказал чрезвычайно важное воздействие. Большая часть городского населения (к концу 70-х годов оно достигнет 80%) в отличие от предыдущих четырех десятилетий, когда люди вынуждены были жить в коммунальных квартирах, теперь имела отдельные квартиры. Это вовсе не означало решения жилищной проблемы: меньшая, но все еще значительная часть населения еще не имела отдельных квартир, молодые семьи должны были годами ждать ее получения, да и сами новые квартиры были малогабаритными и неудобными. Но один тот факт, что, возвратясь домой, человек мог закрыть за собой дверь, вернуться в сферу своей личной жизни, общаться с друзьями без постороннего присутствия, не мог не повлиять на поведение людей и на их образ мышления⁴⁰.

Вместе с широким строительством жилья получали распространение товары длительного пользования — от электробытовых приборов до телевизоров, от мебели до автомобилей. Конечно, по количеству и особенно по качеству они были еще далеки от уровня, достигнутого в Америке или Западной Европе. Но все более широкое их распространение влияло на вкусы и образ жизни. Подводя общий итог, можно сказать, что жизнь людей стала более независи-

мой. Другое обстоятельство, оказавшее наибольшее, после отдельных квартир, воздействие, — это расширение каналов связи с внешним миром. Хотя правительство страны по-прежнему пыталось препятствовать этой естественной тенденции, тем не менее ей не могли не способствовать возникающие запросы внешней и экономической политики. Отсюда происходили противоречия и конфликты, которые никогда прежде не наблюдались и к которым правительство Брежнева не было готово. Как уже говорилось, все больше советских людей работало за границей. Многие направлялись за рубеж для выполнения специфических профессиональных заданий, на международные совещания, на учебу, в деловые поездки, в рамках обмена делегациями. Но значительно расширялся и простой туризм, особенно с европейскими странами-союзниками. Политика Советского Союза, его роль на мировой арене не могли исключить этого. Тем не менее получение разрешения на выезд было сопряжено еще с крайними трудностями, со сложными и изнурительными процедурами, многочисленными проверками на предмет политической «благонадежности». Закона о выдаче паспортов не существовало. Соответствующие органы руководствовались частными служебными инструкциями. Подобный подход нередко оказывался унижительным для тех, кто должен был проходить все эти проверки⁴¹. Практически поездки за границу тоже стали в конце концов привилегией, предоставляемой зачастую произвольно и уж, во всяком случае, исходя из политических установок соответствующих органов.

Такая система, вызывавшая негодование лиц, к ней не причастных, не удовлетворяла даже тех, кто извлекал из нее определенную выгоду: просто потому, что через нее должны были проходить все. И потом, когда удавалось выехать, невольно проводились постоянные сопоставления с увиденным за границей, оценивалась разница в уровнях жизни на родине и за рубежом, жесткие правила, обуславливающие существование советских людей, сравнивались с большей свободой, которой пользовались граждане других стран. Конечно, ездившие за границу в основном относились к привилегированным группам населения, но, вместо того чтобы радоваться этому, они вдруг видели, насколько эти привилегии оказывались скромными по сравнению с привилегиями граждан Европы или Америки, стоявших с ними на одной ступени социальной лестницы. Поэтому домой довольным не возвращался никто.

Раздражение, всегда вызываемое при сравнении с жизнью за границей, особенно портило настроение при сопоставлении со странами Восточной Европы, жившими под сенью СССР, принявшими те же модели экономических и социальных отношений, равно как и те же политические нормы. Даже эти страны жили лучше Советского Союза. Образовался разрыв в пользу восточноевропейских стран,

который постоянно увеличивался. Основную причину этого следовало искать в небольших военных расходах, гораздо более низких по сравнению с СССР, почти полностью взвалившим на себя финансирование Варшавского блока⁴². Но, каковы бы ни были причины, дело от этого не менялось. Внимательный американский ученый отметил, что именно в этом скрывался один из основных источников недовольства. Часто посещая СССР, он сам мог убедиться в повышении уровня жизни за предшествовавшие 20 лет. Но он отмечал также, что иначе думали те, кого он причислял к «средним классам» общества и кого он склонен был называть интеллигенцией. Именно из сопоставлений со странами-«сателлитами» рождались уныние и скептическое отношение к правительственной политике, не способной выполнить данные обещания. Такие чувства, даже если они и оставались невысказанными, были, по его мнению, более сильными и глубокими по сравнению с настроениями американцев по поводу разразившегося в это время дела «Уотергейт» и кризиса администрации Никсона⁴³. Этот анализ сохраняет свою ценность даже как историческое исследование.

Стабильность, к которой стремилось правительство Брежнева, и резкое снижение темпов развития страны постепенно сводили на нет то, что, наверное, везде обеспечивало поддержку советским правительствам предшествующих десятилетий: удивительную социальную мобильность, сопровождавшую периоды индустриализации, урбанизации, войны и послевоенного восстановления хозяйства, наращивания военной мощи СССР, мобильность, предоставлявшую возможности и перспективы лучшей жизни. Пружины, порождающие эту мобильность, со временем потеряли упругость. Социальные различия в СССР существовали всегда, несмотря на уравниловку — один из результатов революции 1917 года. Но теперь намечалась тенденция к возникновению настоящего противостояния социальных слоев: об уравниловке говорили с растущим и явным неодобрением не только по понятным причинам — в связи с чрезмерным нивелированием общества в целом, но также и в силу более эгоистических расчетов нарождающихся элит. Высшее образование также все более становилось привилегией определенных социальных групп. Хотя при поступлении в университеты и сопоставимые с ними по уровню институты законы и предусматривали определенные льготы для детей рабочих и крестьян, на самом деле возможность поступления в самые престижные высшие учебные заведения ограничивалась принадлежностью к постепенно сужающимся социальным кругам⁴⁴.

Снижение социальной мобильности и стабильность правящих кругов вели к тому, что часть КПСС, выполнявшая руководящие функции в партии и в обществе, все более приобретала черты отдельного социального слоя. Коммунистическая партия была задума-

на Сталиным как некий политико-идеологический «орден», призванный руководить обществом: такой она была, такой и оставалась⁴⁵. Но было бы неверно рассматривать ее как некий социальный класс: ни сами руководители партии не сознавали себя таковыми, ни другие не воспринимали их таким образом. Однако в течение 60-х и 70-х годов и здесь произошли заметные изменения. Доказательством тому служит популярность самого термина «номенклатура». На русском языке это слово тоже означает перечень лиц. Уже с начала 20-х годов в советском руководстве практиковалось составление списка государственных постов, занимать которые могли только члены партии, что гарантировало им исключительный доступ к рычагам власти. Однако никто и никогда не употреблял слово «номенклатура» для обозначения некоего привилегированного сословия. Оно начало использоваться в этом смысле как раз в 70-х годах сначала в России, а потом за границей, после того как один советский политический эмигрант опубликовал книгу, где этим термином был обозначен «господствующий класс» СССР, виновный во всех несчастиях страны, который в качестве такового и должен быть низвергнут⁴⁶. После долгих лет кадровой устойчивости руководства власти предрежающие разных уровней, в свою очередь, начали и на самом деле ощущать себя наделенными особыми правами. Но главное, что большая часть населения рассматривала их уже как отдельный от остального общества слой, сохраняющий прочное господствующее положение. Введенный в обиход термин «номенклатура» получил распространение как раз потому, что был проявлением нарождающейся классовой борьбы.

Обо всех этих явлениях открыто не говорили. Анализ состояния общества, по сути дела, не допускался. Новые социальные расслоения не изучались, а если рассматривались, то только маленькими группками исследователей, не имевших права обнародовать результаты своих исследований ни в печати, ни в университетских лекциях. Так возникал другой опасный парадокс: в обществе, претендующем на то, что оно обязано своим появлением такому идейному направлению, как марксизм, который и возник-то как научный анализ социальных структур, подобный анализ как раз и не проводился. Надо сказать, что этот парадокс не был характерен для далеких революционных и послереволюционных лет. Он появился 50 лет спустя в партии, утверждавшей, что именно анализ дает научное обоснование ее праву руководить страной⁴⁷. На самом деле реальные проблемы общества утаивались. Поэтому советское общество все меньше понимало себя. Это будет одной из самых горьких констатаций, которую придется сделать, когда наступит конец брежневской эпохе правления⁴⁸.

Вместо анализа общества были предложены идеологические постулаты. Особым мастерством в подобных эскизах отличался Сус-

лов, всегда остававшийся верховным жрецом государственной идеологии. Когда за рубежом высказывались сомнения в том, что о советском обществе можно говорить как о социалистическом, Суслов отвечал, что оно единственное и было «реальным социализмом». Внутри же страны распространялось утверждение, что наступила стадия «развитого социализма». Эта спорная концепция была выработана новыми руководителями в поддержку тезиса о том, что социальный организм общества был силен теперь «полной однородностью». Разработанные хранителями правящей идеологии, эти тезисы были изложены Брежневым в конце 60-х годов⁴⁹. С той поры они стали неотъемлемой частью официальной доктрины. Но в отличие от успеха культурно-идеологических инициатив Сталина, эти так никогда и не стали по-настоящему эффективными. К ним относились с безразличием, иногда с сарказмом: они стали символом невозможности для общества познать самое себя.

Несостоявшаяся революция в области информатики

Появляется новая привилегия: доступ к информации. Получение и распространение данных в СССР, особенно в 30-е годы, находилось в исключительном ведении правительства. В 60–70-х годах их распространение значительно расширилось, однако по-прежнему на основе определенных критериев, установленных сверху. Больше людей получили на это право, но их отбор основывался на иерархии.

Официальное агентство — ТАСС — теперь публиковало не только новости, подвергшиеся цензуре, оно выпускало в свет и другие бюллетени, все более богатые информацией разного рода, но предназначенные по-прежнему для все более узкого круга людей. Издательство «Прогресс» переводило и печатало на русском языке иностранные книги, которые не продавались и изымались у тех, кто привозил их из-за границы без разрешения. Но эти пронумерованные и учтенные переводы выдавали читать лишь избранным, включенным в «специальный список». В библиотеках, даже самых известных, были закрытые для широкой публики отделы, так называемые спецхраны, куда имели доступ только научные работники, получавшие специальные разрешения⁵⁰. Но даже такие ограниченные источники информации, предназначенные в основном для руководителей, были полезны, поскольку через них хотя бы на уровне правящих групп распространялись прежде запрещенные сведения. Даже высшие руководители имели возможность только таким образом ознакомиться с анализом советского общества и историческими исследованиями, написанными за пределами СССР. Для них это был шаг вперед. Для остальных — оскорбительная дискриминация.

С другой стороны, надзор за информацией в обстановке, когда ее распространение увеличивалось в геометрической прогрессии, оказывался малоэффективным. Выезжающие за рубеж в любом случае получали доступ к информации. Люди, знающие иностранные языки, тоже могли получить ее. Иностранная коммунистическая печать приходила в СССР и была информационно богаче советской. Слушались зарубежные радиостанции. С момента вторжения в Чехословакию эти передачи глушились, особенно те, которые шли на русском языке, но это стоило больших денег и к тому же распространяемые этими станциями новости все равно доходили до той аудитории, которой они были адресованы. В общем, система сделалась столь запутанной, сколь и бесполезной.

Дискриминация в плане распространения информации усугублялась той многозначительностью, которую сохраняла секретность в советском быту. Любое государство определенную часть своей деятельности держит в секрете. Но еще со времен Сталина засекреченность в СССР была раздута сверх всякой меры. Были секреты государственные, партийные, экономические, военные, и все они распространялись на большую часть жизни. Развилась, как говорят, мания. Цель секретности заключалась в том, чтобы скрыть, особенно от заграницы, но также и от собственных граждан, внутренние недостатки, которые, как мы видим, имелись во всех областях и делали Советский Союз более уязвимым, чем можно было предположить в отношении «сверхдержавы». Однако скрывать удавалось все труднее. За границей в эти годы получали все более ясное представление о советском обществе. Многие страны обзавелись специальными средствами для этого. Становилось понятно, что секретность — скорее признак слабости, нежели силы⁵¹, и если секретность наносила вред, то от нее прежде всего страдали советские люди.

Секретность привела к разделению общества на «отсеки», которым трудно было общаться друг с другом. Отсюда возникали трудности даже при проведении переговоров по разоружению с иностранными державами. Советские военные представители, почитавшие себя ревностными хранителями имевшейся у них секретной информации, упорно не хотели делиться ею со своими коллегами-дипломатами, не говоря уже о союзниках. Хотя потом эту же самую информацию они неизбежно должны были обсуждать со своими иностранными партнерами⁵². Но наихудшими последствиями это оборачивалось для самой страны. Наиболее важные научные открытия, которыми могла гордиться советская наука, делались преимущественно в приоритетной области, в области обороны, либо так или иначе были связаны с военными интересами. Секретность, их окружавшая, была железной, поэтому использование подобных открытий

в гражданских отраслях было сведено к минимуму, и во всяком случае они использовались в гораздо меньшей степени, чем это удавалось американским конкурентам⁵³.

Тут затрагивается одна из самых глубинных структурных причин несостоявшейся научно-технической революции, породившей столько пагубных разочарований в советском обществе. Одним из опорных столпов этой революции было быстрое распространение информации. Нельзя было блокировать одно и преуспеть в другом. На это обращали особое внимание критики режима внутри страны. Немало тому примеров давала повседневная жизнь. Низкой была отдача от распространения копировальных аппаратов, так как доступ к ним был ограничен и строго регламентировался из опасения, что новые машины могут быть использованы для распространения «самиздата», как и происходило на самом деле. Под вопросом оказывались выгоды от растущих обменов с иностранными учеными, поскольку потом эти контакты ставились в зависимость от политических соображений или просто полицейских указаний. То же самое можно сказать и о допуске к специальным зарубежным публикациям, попадавшим к заинтересованным лицам, лишь пропущенным через цензурное сито⁵⁴. Система телефонной связи, как и система коммуникаций в целом, была одной из самых отсталых, и по сравнению с Америкой разрыв в этой области был катастрофическим; при этом возможности исправить положение оставались ничтожными, если учесть, что даже в таких крупных городах, как Москва и Ленинград, по загадочным причинам не публиковались обычные справочники абонентов телефонной сети⁵⁵.

Единственным результатом научно-технической революции было увеличение числа научно-исследовательских институтов. Это явление было сопряжено скорее с социальными, нежели с производительными последствиями. В статистических данных, имевшихся в распоряжении Политбюро, указывалось, что число научных сотрудников составляет 6 млн. человек — цифра огромная, может быть, и искусственно раздутая (по крайней мере, так полагал Горбачев)⁵⁶. Во всяком случае, считалось, что научных сотрудников в СССР гораздо больше, чем в США, по крайней мере вдвое больше. Однако диспропорция в результатах, судя хотя бы по числу полученных Нобелевских премий или признанных и проданных за рубеж патентов, была невероятной: 1 к 30 в пользу американцев⁵⁷ (не считая естественных наук и технологий). Что касается социальных наук, то здесь картина была еще менее утешительной. При этом едва ли можно установить, насколько это зависело от низкой производительности отдельных исследователей и насколько — от системы контроля, запретов, табу, мешавших их работе. В действительности одно влияло на другое.

В годы снижающейся социальной мобильности работа исследователя была скорее знаком отличия, привилегией, полученной благодаря престижной профессии. В этом — одна из основных причин раздутости исследовательского аппарата до чудовищных размеров. Наблюдалась миграция кадров в академические институты. Получение научного звания было важно даже с точки зрения политической или административной карьеры, являясь скорее неким свидетельством продвижения по социальной лестнице, нежели признанием научных заслуг⁵⁸. В кругах интеллигенции и в кругах самой партии зарождался, таким образом, новый, многочисленный и влиятельный социальный слой, пока еще связанный с официальной идеологией, практически невостребованный, хотя и прилично оплачиваемый, и все же недовольный, нередко испытывающий комплексы, особенно во взаимоотношениях с иностранными коллегами. Верность существующей политической системе, которая, что ни говори, его кормила, вытеснялась недовольством. В научных кругах более, чем где-либо, были чувствительны к срыву объявленной, но несостоявшейся научно-технической революции. Один из выдающихся представителей этих кругов оценил ситуацию на рубеже 70-х и 80-х годов как «катастрофическую»⁵⁹. Ощущение краха распространялось и среди других правящих или привилегированных групп общества, не исключая и самой коммунистической партии. Именно один из ее руководителей, не очень склонный к критике брежневского правительства, с горечью написал: «Развитые страны мира в семидесятых годах осуществляли переход к новому этапу научно-технической революции. Мы же ее проиграли». Этот же автор оценил это поражение как «фатальное» для «последующего развития страны»⁶⁰. Брежневское руководство многое поставило на карту: технологическое соревнование подавалось как один из аспектов «классовой борьбы между двумя системами»⁶¹. В него были вложены огромные средства. Брежнев лично, как мы помним, противопоставил косыгинским реформам концепцию экономики, «управляемой» по-прежнему из центра благодаря распространяющейся на всю территорию Советского Союза сети взаимосвязанных координаторов. Идея АСУ, или «автоматизированной системы управления», была выдвинута киевским академиком Глушковым и возглавляемым им институтом кибернетики. Десятки других научных центров работали над этим проектом, на него были затрачены многие миллиарды рублей, но все оказалось бесполезным. Во второй половине 70-х годов идея была негласно отложена в сторону⁶². Поражение было, ко всему прочему, результатом неправильно выбранной начальной концепции технического прогресса. Но никто не отважился признать это. Всеобщее разочарование из-за отсутствия сколь-либо ощутимых результатов выливалось в сомнение относительно дееспособности брежневской верхушки или, более того, «системы» в целом.

Партия Брежнева

Политическая жизнь в брежневские годы тоже не была застойной. При том, что она не соответствовала эволюционному процессу и развитию общества, в ней были свои новшества. Они не миновали даже коммунистическую партию, олицетворявшую не только порядок руководства страной, но также главный, хотя теперь уже и не единственный центр политической деятельности.

Основными участниками возникшего в верхах противостояния, сведения о котором носили тогда смутный характер, стала группа руководителей, сделавших карьеру в комсомоле. Им, 40–50-летним, казалось, что близится их время. Брежнева они рассматривали как промежуточную фигуру. «Слишком торопились»¹, — скажет потом Косыгин. Они внесли свою лепту в смещение Хрущева, и их участие во многом определило успех операции, поскольку они держали в руках контроль над политической полицией.

Главным деятелем группы был Александр Шелепин — пожалуй, самая загадочная фигура того периода. В середине 60-х годов он сосредоточил в своих руках огромную власть и, несомненно, рассчитывал захватить еще больше. В то время, особенно в среде интеллигенции, откуда, впрочем, он и сам происходил, о нем сложилось мнение как о «неосталинисте», стремящемся поставить общество «на место» путем самых авторитарных методов и склонном искать примирения с маоистским Китаем, даже если это повлечет новые столкновения с Западом. Но в этом портрете уже тогда чувствовалось влияние Андропова, почти сверстника и основного его соперника. Фактически если в чем-то политическая позиция Шелепина и отличалась от андроповской, то лишь требованием более жесткой дисциплины, большей эффективности, а в области внешней политики — стремлением акцентироваться на Китае².

Умея маневрировать, Брежнев смог сделать так, что конфликты не приобрели слишком явной политической окраски. Люди из окружения Шелепина отстранялись от должностей скорее по рабочим, нежели политическим мотивам. Секретарь московской партийной организации Егорычев лишился своего поста в 1967 году в связи с арабо-израильской войной за критику той части военных мероприятий, которая касалась противовоздушной обороны столицы³. Глава КГБ Семичастный был заменен за то, что в 1967 году не сумел воспрепятствовать бегству за границу дочери Сталина Светланы Аллилуевой⁴. Место Семичастного занял Андропов. Других незамет-

но передвинули на второстепенные должности, так что это не вызвало интереса за пределами самого узкого круга аппаратчиков. В ходе этих операций Брежнев так или иначе смог заручиться поддержкой и других старых и влиятельных руководителей, таких как Косыгин и Суслов. Шелепин был выведен из состава Политбюро и снят с основных постов в 1975 году, когда его политическое влияние давно уже ослабло. С его поражением целый отряд молодых претендентов постепенно был задвинут в угол, где и оставался долгие годы. Лишенное возможности естественного обновления, руководство партии и страны гарантировало себе стабильность, конечно завидную, но сопровождающуюся неуклонным старением.

Действия Брежнева, по крайней мере поначалу, не были вне дискуссий. Когда в 1969 году он начал публично критиковать положение дел в экономике, находящейся в компетенции Косыгина⁵, эта критика еще вызывала протесты со стороны некоторых его старых коллег по Политбюро. Но Брежнев сумел показать, что он заручился поддержкой военного руководства, и противостояние, оставшееся, впрочем, в тайне, разрешилось в его пользу⁶. Этот эпизод знаменателен не только с точки зрения становления власти Брежнева. Второй раз в истории КПСС случалось так, что для достижения равновесия в верхах партии необходимо было заручиться поддержкой военачальников. Впервые такое произошло в 1957 году, когда маршал Жуков поддержал Хрущева в его борьбе против группировки Молотова. Спустя некоторое время Хрущев попытался поставить военных на место, отделавшись от того же Жукова⁷. Брежнев не имел подобных намерений да и не был в состоянии сделать то же. Хотя было бы преувеличением утверждать, что благодаря Брежневу военные были избавлены от опеки политической власти, сохранявшейся над ними в ходе всей советской истории. Верно, однако, и то, что обращение Брежнева за поддержкой к армии было свидетельством ее возрастающего влияния, приобретенного, впрочем, благодаря важности задач, выполняемых ею в области внешней политики СССР.

После этого эпизода в начале 70-х годов положение Брежнева на вершине власти стало еще более устойчивым. Он взял на себя руководство и внешней политикой: иностранные партнеры не замедлили отметить это обстоятельство⁸. В 1971 году XXIV съезд КПСС засвидетельствовал его абсолютное преобладание в рамках коллегиального руководства. Однако при нем коллективные органы власти сохраняли не только формальное значение. Прежде всего это относилось к Политбюро ЦК КПСС, которое в годы правления Брежнева собиралось регулярно каждый четверг. Меняется, однако, сам облик Политбюро. Изменение становится явным в 1973 году, когда в этот ограниченный по своему составу орган (после XXIV съезда партии — 15 членов и 6 кандидатов в члены Политбюро) были введены главы трех минис-

терств — иностранных дел, обороны и КГБ: Громыко, Гречко и Андропов. Случалось и раньше, что главы этих учреждений входили в Политбюро, но всегда как партийные деятели, а не по должностным обязанностям. На сей раз процедура была обратной: все они были выдвинуты именно как главы важнейших учреждений государства, в рамках которых каждый из них и отличился. Из политической олигархии Политбюро все более превращается в некий государственный орган.

Даже если последнее слово всегда было за Брежневым, Политбюро в годы его правления оставалось реально правящим собранием, с мнением которого ему приходилось считаться. Обсуждения здесь не были формальными, как на съездах и Пленумах Центрального Комитета. ЦК партии все больше становится похожим на партийный парламент, способный лишь ратифицировать решения, принятые в более высокой инстанции. С другой стороны, именно с XXIV съезда партии в 1971 году начинается серия брежневских съездов (XXV — в 1976 г. и XXVI — в 1981 г.) — грандиозных триумфальных парадов, лишенных политического содержания. В Политбюро же сохраняется реальное столкновение мнений. Но коллизии здесь происходили не столько по поводу перспектив политики, сколько в связи с запросами и предложениями крупных государственных структур и различных рабочих подразделений партии, выразителями которых были отдельные составляющие этого организма. Брежнев был верховным судьей, но он тоже должен был принимать во внимание баланс сил в этой инстанции, становившейся все более похожей на арбитражную и компенсационную палату для разрешения споров, возникающих при столкновении интересов.

Нечто подобное наблюдалось даже не столько в самом Центральном Комитете, сколько среди служащих его громадного аппарата, основного среди всех других аппаратов советского государства. Его отделы были отображением различных взглядов и требований. Между ними были немалые расхождения. Иностранные исследователи, используя заимствованный в западной социологии термин, описали это явление как соперничество между «группами давления»⁹. Независимо от того, верно или неверно такое определение, важно, что споры между теми, кто стоял на различных позициях, никогда не выходили на уровень подлинной, достойной политической дискуссии. Они низводились до жесткого соперничества между бюрократическими группами, главным совокупным воплощением которых в какой-то степени выступало само Политбюро.

Секретари обкомов

Однако процесс, развитию которого суждено было иметь наибольшие последствия, происходил вовсе не в центре государства-

партии, а скорее на его периферии. Речь идет о все возрастающем влиянии секретарей обкомов. Эти малоприметные на сторонний взгляд люди неоднократно выступали на первый план советской истории именно по причине своего рода отождествления государства и партии. Так было на рубеже 20-х и 30-х годов, когда секретари обкомов играли роль основных зачинщиков сталинского «поворота», пока Сталин, увидев в их влиянии основную угрозу своей власти и своей политике, не сделал их объектом массовых репрессий¹⁰. Они снова взошли на вершину власти при Хрущеве, старавшемся контролировать их, бичуя своей критикой и часто прибегая к заменам. Брежнев понял, насколько важна их поддержка, и умело воспользовался ею в момент смещения Хрущева. Секретари обкомов были вознаграждены за это, и брежневская стабильность была для них наиболее выгодной. Уверенные, что надолго останутся на своих местах, если не будут впутываться в крупные неприятности, секретари обкомов чувствовали себя хозяевами, обладающими широкой властью. За это они были благодарны Брежневу, многократно выражая на съездах признательность за «доверие к руководящим кадрам» и за «благоприятную атмосферу», позволяющую им «хорошо работать»¹¹.

В совокупности секретари обкомов составляли самую влиятельную группу в ЦК КПСС¹². Как показали события послесталинской истории, этот аппарат, пусть и не принимавший решений, а максимум их утверждавший, в случае более глубоких политических конфликтов призван был играть решающую роль, будучи если не в повседневных делах, то по крайней мере по статусу высшим органом партии-государства. Ни военные, ни дипломаты, ни хозяйственники, хранители идеологических ценностей, также представленные в ЦК, не были так многочисленны, как секретари обкомов. Конечно, было бы неверным полагать, будто одни они принимались в расчет. Были в Москве фигуры, обладавшие властью более значительной и менее подконтрольной. Один из наиболее впечатляющих, хотя и малоизвестных примеров тому — министр атомной промышленности Славский¹³. Но даже такие влиятельнейшие лица весили меньше, нежели совокупность секретарей обкомов в рамках бескрайнего государства, где центральная власть, пусть авторитарная или даже деспотическая, не в состоянии держать в руках страну без сети своих представителей на периферии. Брежнев, сознавая их значение, заботливо возвращал своих областных секретарей. Он был очень внимателен в их выборе и продвижении. Он звонил им по меньшей мере раз в неделю, пусть даже для чисто формальных бесед¹⁴ (занятие не из легких, если учесть, что речь шла о сотне человек; занятие, которое лучше всех прочих характеризует представление Брежнева о своей роли на вершине власти).

Уже в то время возвышение секретарей обкомов привлекло интерес наиболее внимательных западных исследователей и наблюдателей, которые тем не менее не уловили всей важности происходящего¹⁵. «Советскими префектами» назвал их американский историк, с большим интересом изучавший это явление. Таким определением можно удовлетвориться лишь отчасти. Ведь речь шла не о простых чиновниках. Они могли быть хорошими или плохими, честными или коррумпированными, деспотичными или терпимыми, но в рамках советской системы они оставались политическими руководителями. Они руководили областями, которые если не по количеству населения, то по территории значительно превосходили большинство европейских государств. Их судьба, несомненно, зависела от умения поддерживать хорошие отношения с центральной властью, и прежде всего с Генеральным секретарем партии, но также и от сноровки в решении проблем во вверенных им областях. В конечном счете от них зависело управление на местах. Но все же секретари обкомов были не столько администраторами, сколько руководителями, которые должны были учитывать социальные реалии, экономические интересы, политические силы, проявляющиеся на территории их областей. Не случайно из их рядов вышли все главные участники жестокой борьбы, развернувшейся после Брежнева и Горбачева и разорвавшей СССР на части: это и Ельцин, и Лигачев, и Шеварднадзе и многие другие, вплоть до глав отдельных республик, на которые распался Союз.

Несмотря на унаследованную от Сталина чрезвычайную централизацию советского государства, местные руководители могли умом и хитростью обеспечить себе определенные возможности для инициативы, если не самостоятельности. Как расскажет потом один из них, делалось это под предлогом проведения неких «экспериментов», в то время разрешенных и даже в какой-то мере пользовавшихся поддержкой¹⁶. Пост секретаря обкома находился на скрещении требований верхов и реальных нужд страны: этим и определялось его значение. Большая часть времени и энергии руководителей этого уровня тратилась на то, чтобы выцарапать у центра финансовые средства, капиталовложения, строительные площадки, заводы, школы — все, что может быть употреблено для общественной пользы либо просто для престижа. Подчиненные Москве, но нередко страдающие от этой опеки, они, как это понял в свое время Сталин, представляли собой, кроме прочего, потенциальный источник противостояния. Среди секретарей обкомов росло недовольство московской бюрократией. Для определения чиновников Центрального Комитета партии секретарями обкомов использовался (причем не менее, чем московской интеллигенцией) пренебрежительный термин «аппаратчики»¹⁷. Эти симптомы не могли не обращать на себя внимания, поскольку они развивались

при увеличении числа тех, кто так или иначе был вовлечен в управленческие государственными делами. Как тогда было подсчитано, речь шла о миллионах, что позволяло без преувеличения говорить об определенном «распространении» и даже «социализации» власти, от чего недемократический характер ее становился еще более вопиющим¹⁸.

Эти явления, хотя и наблюдались повсеместно, приобретали особое значение в союзных республиках СССР. Последние, несмотря на все ограничения их реальной власти, представляли собой нечто большее, нежели просто области России. Речь шла о структурах, где народы приобретали опыт в организации собственного государства. Безусловно, опыт, сведенный к минимуму, но для большинства народов это был первый опыт такого рода в их истории. В соответствии с установившейся и соблюдаемой традицией секретари союзных республик принадлежали к основной народности — той, что давала наименование республике. Зарубежные исследователи недооценили значение этого обстоятельства, делая упор на то, что второй секретарь (заместитель) почти всегда был русским. Это тоже верно. Но все же русский оставался всегда в положении подчиненного. Почти никогда не случалось, что он становился первым¹⁹.

Конечно, никто не рисковал бросать вызов центральной власти Союза. Но наиболее ловкие из местных руководителей все равно пытались очертить собственную сферу самостоятельности, не вступая в конфликт с Москвой. Нередко им удавалось, со знанием дела лавируя между этническими группами, кланами и властью имущими-магнатами республики, формировать собственную, независимую базу поддержки. Важным рычагом в достижении этой цели было использование патриотических чувств, обращение к истокам истории, к национальным обычаям²⁰. В качестве наиболее известного примера можно указать на грузина Шеварднадзе, обнаружившего в этом плане большие способности*.

Факты такого рода не могли не сказываться на советской национальной политике. Проблемы отношений между различными нациями сопутствовали политической жизни со времен революции. Советский Союз всегда был сложным организмом, где сосуществова-

* Наиболее умело выкраивали себе самостоятельное пространство как раз те, кто в своих выступлениях не скупился на похвалу и дифирамбы центральной власти и русскому народу. Узбек Рашидов говорил в Москве о «русском народе, старшем брате и верном друге». Клялся, что «наши народы слились навсегда в единый союз с русским народом [...] вечный и нерушимый, мощный и непобедимый» (XXIV съезд, т. I, с.198). Шеварднадзе, используя еще более возвышенный язык, заверял, что «для нас настоящее солнце взошло не с востока, но с севера, из России» (XXV съезд, т. I, с. 187).

ние различных народов постоянно ставило нелегкие задачи. После развала Союза в начале 90-х годов его нередко станут представлять как образование искусственное и насильственное²¹. Концепция «империи», к которой многие сводят дело, все же не отражает полностью всей проблемы существования Союза. Если уж говорить об империи, то единственно возможным в какой-то мере сравнением (по разным соображениям и в первую очередь в силу монолитности территории) было бы сравнение с владением Габсбургов²², чей распад оставил проблемы, в большой мере не решенные и 80 лет спустя. Использование термина «империя», скорее политического, нежели аналитического, делает менее очевидной сложность конструкции, предполагая «предварительно заданную схему». Между тем такая схема скорее извращает, чем проясняет смысл событий. Именно в этой сложности и заключались причины, делавшие столь трудной задачу достижения сбалансированности советской национальной политики²³.

Сбалансированность, всегда отличавшаяся ненадежностью, в 70-е годы, во времена Брежнева, стала исчезать окончательно. Чтобы понять это, как и многие другие явления, следует неоднократно обращать внимание на растущее несоответствие правительственной политики требованиям общества. Если и был дан ответ на вновь возникающие вопросы в отношениях между различными национальностями СССР, то он был похож, скорее, на забегание вперед. Уже в начале 70-х годов Брежнев заявил, что в СССР родилась «новая историческая общность» — советский народ, где национальности Советского Союза сливались в «монолитное единство». Этот оптимистический прогноз скорее скрывал правду, а не смотрел ей в лицо и потому порождал неоправданные решения. Так, в 1972 году Брежнев заявил, что выравнивание уровней развития отдельных республик стало фактом, и провозгласил, что отныне капиталовложения могли проводиться из соображений общей экономической целесообразности. Однако положение дел было иным, и по прошествии менее чем десяти лет пришлось столкнуться с неравномерностью уровней социального развития различных областей страны²⁴. В 1977 году при обсуждении новой советской конституции Брежнев был вынужден поубавить пыл своих коллег, вознамерившихся было отказаться от всего того, что позволяло сохранять различия между республиками и нациями на пути к созданию единого, унитарного государства. Эти опасные проекты неизбежно привели к неосмотрительным политическим действиям.

Оппозиционные течения

Однако партийные и государственные структуры постепенно переставали быть единственной ареной, где протекала политическая

жизнь страны. После трудного 1968 года и после жестоких репрессий вследствие событий в Чехословакии и Польше диссидентство продолжало развиваться на протяжении 70-х годов. Оно знало взлеты и падения, претерпевало удары и кризисы, но и в подполье ему удалось стать характерной чертой советского общества. Со стороны могло иногда показаться, что диссидентство подавлено, если вовсе не разбито. Для борьбы с ним государство использовало многообразный набор репрессивных мер: суды, тюремные заключения, психиатрические лечебницы, изгнания, ссылки, увольнения с работы, угрозы, запугивания, полицейский надзор. В середине 70-х годов «Хроника», основной орган «самиздата», на время исчезла, но потом появилась вновь. Когда журнал перестал выходить, некоторые стали говорить о разгроме диссидентского движения, но они ошибались.

У диссидентства были свои слабые места. Оно никогда не пользовалось настоящей народной поддержкой. Напротив, по свидетельству достоверных источников, репрессии сопровождались не столько сочувствием, сколько осуждением, ибо большинство, за исключением интеллигентских кругов, видели в этих преследованиях законные действия против нарушения общественного порядка²⁵. Правительство использовало такую реакцию общества как рычаг давления. В тех редких случаях, когда власти или официальная печать говорили о диссидентстве, использовался презрительный тон, подчеркивалось, что такого рода вещи случались только в кругах элиты²⁶. Подобные полемические ухищрения не приносили успеха не потому, что подпольная оппозиция имела многочисленных сторонников, но в силу других кризисных явлений, которые, как мы видим, подтачивали официальную политику изнутри, в чем, впрочем, и заключался источник неистощимой жизненной силы диссидентства. Начать с того, что речь тогда уже шла не об отдельных лицах. Единственная попытка оценить это движение количественно была предпринята в то время самими диссидентами и дала цифру приблизительно в полмиллиона человек²⁷. Цифра может показаться небольшой для страны с населением в 280 млн., к тому же не исключено, что и она грешит преувеличением. Но отсюда в любом случае следует, что речь шла о настоящем политическом явлении. Причем его влияние нельзя было оценить только количественно. Зарубежные исследования страдали другим недостатком: считалось, что применительно к СССР можно говорить только о диссидентстве и официальной культуре, фронтально противостоящих друг другу, разделенных пропастью. Но даже если так представляли себе дело некоторые активисты диссидентства, обстановка складывалась иначе. Между двумя лагерями, диссидентством и официальной культурой, четкого разграничения не было в том смысле, что перелив из одного состояния в другое осуществлялся тысячами способов, в результате чего аргументы диссидентов проби-

вали многочисленные бреши в самих цитаделях власти и ее аппарата.

Возникшее внутри СССР диссидентство могло рассчитывать тем не менее на международную симпатию и поддержку. На Западе и особенно в США сразу же поняли, какую выгоду можно извлечь из него. Сильный идеологический заряд холодной войны, публичные дискуссии на тему «разрядки» подпитывали взаимное притяжение Востока и Запада, несмотря на водораздел между ними. Наиболее активные диссиденты знали, что они могут найти за рубежом помощь и поддержку: отправляемые ими за границу сочинения публиковались, а затем через курьеров тайком переправлялись обратно в СССР. К уже существующему и никак не приостанавливавшему свою деятельность «самиздату» прибавился «тамиздат», а с появлением новых технических возможностей еще и «магнитиздат», то есть записанные на магнитофонные пленки запрещенные песни и передачи. Соответственно, и средства политической борьбы стали разнообразнее. С другой стороны, на Западе росло понимание происходящих в советском обществе процессов. В СССР по служебным делам или в результате обменов, поощряемых политикой разрядки, проживало все больше иностранцев. Все более оснащенными и солидными становятся занимающиеся Советским Союзом западные институты и исследовательские центры, особенно в США, Великобритании и ФРГ. В их работе было еще много балласта, много лишнего, приблизительного, много предвзятого. Но в общем прогресс в их исследованиях был бесспорным и, соответственно, все более продуманными становились средства воздействия на политическую борьбу в СССР.

Можно отметить две особенности развития диссидентства. Во-первых, оно стало более радикальным. Основные его представители ужесточили свои позиции. Все, даже те, кто отрицал это впоследствии, начинали свою деятельность с мыслью завязать диалог с представителями власти: опыт хрущевского времени давал повод для такой надежды. Ее, однако, разрушили новые репрессии и отказ властей вести диалог. То, что поначалу было просто политической критикой, обращается безапелляционными обвинениями. На первых порах диссиденты лелеяли надежду на исправление и улучшение существующей системы, продолжая считать ее социалистической. Но в конечном счете они стали видеть в этой системе лишь признаки умирания и ратовать за полный отказ от нее. Проводимая правительством политика оказалась неспособной справиться с диссидентством и только радикализовала его во всех компонентах. Руководители страны были не в состоянии обернуть себе на пользу имевшиеся в рядах диссидентов расхождения. Между тем в расхождениях заключалась вторая особенность развития диссидентского движения.

В начале 70-х годов в диссидентстве обозначились тенденции, довольно различные по идеалам и политической направленности. Попытка точной классификации, как всегда в подобных случаях, приводит к упрощению. При всем том мы можем выделить, по крайней мере в общих чертах, три основных направления: ленинско-коммунистическое, либерально-демократическое и религиозно-националистическое. Все они имели активистов, но в конце концов каждое из них нашло выразителя своих идей в лице одной наиболее заметной личности. Во всех трех случаях это были люди исключительных качеств и сильного характера. Три направления были представлены, соответственно, Роем Медведевым, Андреем Сахаровым и Александром Солженицыным — людьми весьма несхожими, с коренными различиями в позициях по причине слишком серьезных расхождений во взглядах. Но все трое оказались вынужденными противостоять мощи государства. Это было единственное, что их роднило. Но этого единственного хватало, чтобы полемика между ними не перерастала в открытую вражду и не положила конец сотрудничеству в стане оппозиции.

Именно поэтому, если не по каким-либо другим, вполне понятным политическим причинам, о диссидентстве, особенно за границей, говорили как о явлении едином и довольно сплоченном. Но единства не было. В ходе 70-х годов три выразителя основных направлений и их сторонники нередко спорили друг с другом, их убеждения были несовместимыми. Никто из них не мог согласиться с двумя другими, не отказавшись от того, что составляло саму основу политической активности каждого. Но даже это обстоятельство не было использовано брежневским правительством, чтобы завязать диалог с тем или иным из трех течений диссидентства. Лишь однажды слабая попытка такого рода была предпринята главой КГБ Андроповым, не без некоторого уважения относившегося к Медведеву, единственному из троих, кто, будучи исключенным из партии, снятым с работы, все же избежал ареста²⁸. Однако и в этом случае речь шла не просто о политическом выборе, а о поведении толкового полицейского, который создал Медведеву больше проблем, нежели тот мог решить.

Демократы и ленинцы

Больше сходства было между двумя первыми из упомянутых течений — коммунистическим и демократическим. Имена Сахарова и Медведева стояли рядом в петициях, написанных на рубеже 60-х и 70-х годов, включая совместное политическое обращение к Брежневу, Косыгину и Подгорному (последний формально был главой государства), составившее одну из первых 13 политических платформ

диссидентства²⁹. Неокоммунистическое движение вытекало непосредственно из антисталинских настроений, периодически возникающих в советской истории. Его рождение совпало с протестами против ожидавшейся официальной «реабилитации» Сталина. В этом смысле оно может рассматриваться как отражение взглядов некоторых членов самой КПСС и функционеров аппарата государства-партии, все еще продолжавших питать реформистские надежды. Оно было нацелено на возможный компромисс с группами оппозиции, или, как тогда говорили, на союз «между лучшими представителями интеллигенции [...] и наиболее прогрессивными представителями аппарата»³⁰. Основным устремлением неокоммунистов было сочетание политической демократии с социализмом, по характеру менее государственным и более близким к исходным идеям Маркса и Ленина. Именно упор на демократию как на «основную ценность» сближал это течение и с Сахаровым, и с «ревизионистскими» направлениями европейского коммунизма как на Востоке, так и на Западе.

Социалистическая демократия стала заголовком основной программной работы Роя Медведева, опубликованной на Западе и распространенной в СССР через «самиздат». Будучи спокойным, но упорным, Медведев приобрел широкую известность как на родине, так и за рубежом, проведя первый исторический анализ сталинизма, советский по форме и ленинский по духу. Ответственным руководителем государства он представил свою книгу как вклад в антисталинистскую политику КПСС хрущевского периода. Власти книгу не приняли и запретили, затем она была опубликована за рубежом и получила распространение по всему миру. Сам Медведев был сыном старого большевика, погибшего во времена сталинских репрессий 30-х годов. Рой Медведев вступил в КПСС после XX съезда партии, в 1956 году, и был исключен из нее в конце 60-х годов. Благодаря большому трудолюбию он сумел дать жизнь «самиздатовскому» выпуску «Политического дневника», некоего подпольного журнала, среди читателей которого были также люди из партийного и государственного аппарата («своего рода «самиздат» для официальных лиц», охарактеризовал его позднее Сахаров)³¹. Именно в силу своих уравновешенных, никак не экстремистских позиций журнал пользовался большой популярностью и влиянием. Это были те самые позиции, которые Медведев изложил в общем виде в своей книге «Социалистическая демократия». Однако в журнале общая направленность его концепции уточнялась за счет критического анализа социалистического общества, причин, препятствующих его развитию, и сопровождалась серией предложений по постепенному проведению необходимых демократических реформ.

Надо сказать, что в этом неокоммунистическом движении существовало и более радикальное направление, связанное скорее со сво-

бодолюбивым духом большевистской революции. Это направление было в первую очередь важно тем, что дало диссидентству, особенно в первые годы его существования, наиболее активных и непримиримых активистов. Их первая подпольная организация называлась «Союзом борьбы за возрождение ленинизма». «Ленинизму — да, сталинизму — нет!» — вот лозунг некоторых из них³². С 30-х годов аналогичные группы оппозиции ленинистского толка нередко возникали в СССР, особенно среди молодежи. Наиболее известными среди них были Григоренко, Костерин, Писарев, Якир, Литвинов, Богораз, Горбаневская, Красин. Известностью своей они обязаны, к сожалению, еще и тому, что подвергались наиболее настойчивым преследованиям. Самый тяжелый удар по этому движению был нанесен арестом и процессом над одним из главных организаторов «Хроники» Якиром, сыном расстрелянного в 1937 году советского маршала. КГБ удалось принудить его отречься от своих взглядов и публично осудить диссидентские действия. Лишь наиболее стойкие, такие как Григоренко, устояли перед этим ударом и придали своей деятельности еще более радикальный характер, покуда их не заставили эмигрировать.

В составленном Медведевым, Сахаровым и еще одним ученым, Турчиным, обращении к главам государства говорилось: «Не может быть иного выхода из трудностей, кроме как демократизация, проводимая КПСС по тщательно разработанному проекту»³³. Предложение сопровождалось программой из 15 поэтапно выполняемых пунктов. На этой стадии постепенный, эволюционный характер предложений еще роднил некоммунистическое движение диссидентства с демократическим, наиболее видным представителем которого выступил академик Сахаров.

Андрей Сахаров пришел в политику типичным для СССР 60-х годов путем. Его имени была обеспечена известность даже помимо деятельности в диссидентском движении. Выходец из интеллигентной семьи, физик высочайшего класса, он в 30 с небольшим лет становится самым молодым членом Академии наук, сыграв первостепенную роль в разработке и создании советской водородной бомбы. Для него, как и для некоторых его американских коллег, именно это и послужило отправным пунктом политической деятельности: сознавая угрозу, заключавшуюся в новом оружии, Сахаров стал думать, как предотвратить нависшую над миром катастрофу. Размышляя и наблюдая, он лучше узнавал проблемы своей страны и оказался вовлеченным в политические стычки как среди ученых, так и при встречах с руководителями Москвы. В связи с этим в 1968 году и появилась его знаменитая брошюра, не опубликованная в СССР, но тем не менее ставшая известной и получившая широкий резонанс за рубежом. Сахаров был человеком светлого ума и мягкого характера.

Но немногие, и менее всего советские руководители, с самого начала поняли, какие запасы твердости может таить в себе подобное сочетание.

В своей работе 1968 года, которая осталась одним из самых высоких достижений его мысли, Сахаров, исходя из возникшей в атомный век опасности уничтожения всего человечества в результате его разделения, говорил о «необходимости интеллектуальной свободы» для развития своей страны. Статья стала известной потому, что защищала идеи, которые позднее получают широкое распространение в мире, ибо то, что предлагал физик Сахаров, имело значение не только для СССР, но для всех других стран. Уже в этой работе он указывал на загрязнение окружающей среды как на глобальную угрозу. Он отметил опасность неразрешимых проблем, возникающих в связи с неконтролируемым демографическим ростом населения. Но сравнительно со всеми другими проблемами первоочередной по срочности и опасности стояла проблема ядерной угрозы. Для доказательства Сахаров привел аргументы, которые будут использованы широкими кругами мирового общественного мнения против продолжающейся гонки вооружений, наращивающей темпы все последующие годы. Главный довод говорил о невозможности достижения решающего превосходства в этой области одной из соревнующихся сторон и о роковой невозможности создания эффективной защиты от новых видов оружия даже «с помощью безрассудно дорогостоящих антиракетных систем»³⁴.

Однако наибольшую известность получил тезис о необходимости «конвергенции» между двумя системами, социалистической и капиталистической. Гибельно рассматривать идеологии несовместимыми в эпоху, когда предстояло использовать во благо «весь положительный опыт, накопленный человечеством», обеспечив условия «социальной справедливости и интеллектуальной свободы». Мы, говорил Сахаров, «продемонстрировали жизненность социалистической ориентации», но капитализм тоже доказал умение эволюционировать и развиваться. Ни одно из двух обществ не должно замышлять уничтожение другого, но должно осваивать все, что есть в нем положительного. Таким образом оба общества должны сближаться «в демократическом и социалистическом духе». Коммунистическое движение призвано было покончить со своими сталинистскими и маоистскими вырожденческими пороками. На Западе желательно развитие левых сил, способных дать жизнь интенсивному международному сотрудничеству, кульминационным пунктом которого стало бы создание «всемирного правительства». Таким образом, демократия в СССР рассматривалась как составляющая часть огромного всемирного проекта, часть обязательная и нерушимая. В сахаровской работе эта идея составляла суть наступления на «идеологическую

цензуру» и «полицейскую диктатуру», становившиеся еще более губительными, когда они прикрывались фальшивым покровом прогрессистской и социалистической идеологии.

Демократические требования Сахарова были еще точнее сформулированы в меморандуме, направленном Брежневу в марте 1971 года³⁵. В просветленном вдохновении Сахаров выдвинул предложение о создании Международного совета экспертов по проблемам мира, разоружения, экономической помощи нуждающимся странам, защиты прав человека и охраны окружающей среды — консультативного органа, составленного из людей с безупречной репутацией и авторитетом, особенно ученых. К мнению этого совета должны были бы прислушиваться правительства всех стран. Таким образом, «конвергенция» оставалась руководящей идеей всей сахаровской концепции.

Наибольшим вкладом демократического течения в политическую деятельность диссидентов стало движение за права человека. Первый комитет по защите прав человека был создан в 1970 году Сахаровым и двумя его товарищами, Чалидзе и Твердохлебовым³⁶, при том что именно Сахаров оставался в глазах людей подлинным и высшим его представителем. Рождению этой организации не сопутствовали какие-либо антиправительственные заявления. Более того, ее первоначальная концепция включала уважение к советским законам, начиная с конституции, и к правам, которые последняя признавала за гражданами хотя бы на бумаге. Предлагалось даже в этих целях сотрудничать с правительством. Впоследствии организация подверглась обвинением со стороны наиболее экстремистских диссидентских групп за отказ от настоящей политической борьбы. Однако именно такая установка на соблюдение законности и обеспечивала эффективность организации. Постепенно в ходе 70-х годов требование обеспечить «права человека» становится, по крайней мере в тактическом плане, центральным лозунгом всего диссидентского движения³⁷.

В демократическом течении тоже проявлялись более радикальные тенденции, появлялись группы, предпочитавшие революцию эволюции. Многие из них смотрели на Запад как на модель, пример для подражания, полагая, что СССР необходима не конвергенция, а простой и непосредственный возврат к капитализму. Для них демократия представлялась возможной только в этих рамках, они не разделяли мысли Сахарова о переходе к демократии через реформу и эволюцию существующего в СССР общества³⁸. Отказ властей в этом случае вести диалог с реформистами, применение к ним репрессий способствовали развитию наиболее экстремистских тенденций. В 1973 году в печати была развязана неистовая кампания именно против Сахарова. Не выдвигая более радикальных лозунгов и по-прежнему оставаясь реформистом, Сахаров также вынужден был

в этот момент просить Запад о более энергичном давлении на советских руководителей. Он начал не просто поддерживать, но подсказывать действия тем американским официальным представителям, которые, как сенатор Джексон с его знаменитой «поправкой», ставили любой, особенно экономический, договор с СССР в зависимость от предоставления евреям права на эмиграцию либо от соблюдения других политических условий³⁹.

Следует сказать, что важности идей демократического движения не отвечало неадекватное их воздействие не только на общество в целом, но и на сами диссидентские круги. Конечно, эти идеи имели хождение в кругах интеллигенции. К примеру, другой известный физик, Капица, предлагал обсудить предложения Сахарова⁴⁰. Но дальше этого дело не шло. Даже не соглашаясь с тем мнением, будто идеи Сахарова «оставляли массы равнодушными», можно тем не менее утверждать, что демократическое движение как таковое, сумев сделать нечто большее, нежели привлечь в свои ряды отдельных людей и использовать их благородные устремления, все же и в самой диссидентской части России так и не стало господствующим⁴¹.

Русский неонационализм

Отдельного обсуждения заслуживает третья, гораздо более значительная составляющая диссидентского движения — националистическое течение. Внимательные наблюдатели уже в то время угадали его важность. Все диссидентские течения приобретали политическое значение только потому, что, не будучи изолированными, как могло бы показаться, они находили свое продолжение в скрытых убеждениях и в состоянии умов различных групп общества и даже самого власть имущего аппарата. То есть они адресовались тем, кто в диссидентах видел своих наиболее активных, готовых на жертву представителей. Но оба течения, о которых говорилось выше, всегда оставались отражением взглядов небольших групп. Иным было третье течение, где в концентрированном виде дало о себе знать то, что можно рассматривать как подлинный политический архипелаг националистического и, соответственно, религиозного пробуждения, причем как в официальном, так и в нелегальном политическом мире, в оппозиции. По уже упомянутому подсчету, из диссидентов, составлявших приблизительно полмиллиона человек, почти все, за исключением двух-трех десятков тысяч, так или иначе входили в это третье течение⁴².

Начиная с 20-х годов национализм занимал значительное место в советской жизни, но наибольшее развитие он получал в определенные моменты сталинского периода правления⁴³. Тем не менее явле-

ние, складывавшееся в конце 60-х годов и получившее наибольшее развитие в последующее десятилетие, не было простым продолжением прежнего национализма. Оно содержало в себе принципиально новые качества. Пищу национализму предоставлял целый ряд обстоятельств, связанных с изменением роли СССР в мире: конфликт с Китаем, закат международного коммунистического движения, кризис интернационалистических идей и, как следствие, кризис социализма. По мере того как СССР терял свое признанное положение центра великого Интернационала, оставаясь лишь «сверхдержавой», в обществе, в народном сознании, в самом поведении официальных представителей пробуждались иные, традиционные и глубокие настроения, характерные для национальной истории. Даже все завоевания советской системы, вплоть до великой и выстраданной победы во второй мировой войне, стали интерпретироваться как деяния национального русского духа.

Националистическое диссидентское течение важно не столько присутствовавшим в нем духом оппозиции коммунистическому руководству, сколько тем, что в русле этого течения националистические проблемы обсуждались открыто, в официальной среде. Прежде такого не случалось вовсе либо наблюдалось в незначительной мере даже там, где отмечалась повышенная чувствительность к трубным звукам национализма. В третьем диссидентском течении сливались воедино различные потоки традиционалистского толка — религиозный, славянофильский, культурный — либо просто антикоммунистической окраски. Но самую благодатную почву для национализма создал кризис официальной идеологии. В 1961 году в хрущевской программе партии прозвучало неосторожное обещание, что через 20 лет в СССР наступит коммунизм, будет создано общество благополучия и равенства, к которому рано или поздно придет и весь мир. Как реакция на это обещание в 70-е годы появляется убеждение, что коммунизм не наступит никогда ни в СССР, ни в какой иной стране⁴⁴. Стороннему наблюдателю подобная декларация могла показаться наивной и вообще несущественной. Но совсем по-иному это ощущалось в стране, где десятки лет работали, сражались и страдали во имя этого будущего.

Ощущалась необходимость заменить устаревшую идеологию новой, запасной, чтобы дальше идти вперед. Даже в руководящих кругах страны появлялись люди, сформулировавшие эту проблему. Но в официальной линии партии и правительства по-прежнему преобладала бескомпромиссная защита старой государственной идеологии, даже если сила убеждения ее таяла на глазах, а пропаганда свелась к занудному и риторическому повторению бесполезных лозунгов. Предложение альтернативной идеологии — националистической или религиозной — шло как раз со стороны третьего направления диссидентства.

Пророком этого движения был Солженицын. Писатель не сразу открыто заявил о своих убеждениях. В своих автобиографических записках он отмечал, что эти убеждения им долго держались под спудом, чтобы лучше подготовиться к выполнению «миссии», которая, по его мнению, была ему предназначена. В этом крылась причина и тех нередких конфликтов, которые противопоставляли Солженицына даже редактору журнала «Новый мир» Твардовскому, бесстрашно боровшемуся за то, чтобы пропагандировать Солженицына как писателя и защитить его от нападок властей⁴⁵. Трудно сказать, соответствует ли истине версия, представленная самим Солженицыным, или же, подобно другим диссидентам, взгляды его эволюционировали, становясь более радикальными в ходе политической борьбы.

Несомненно, первоначальная концепция Солженицына отличается от позднейшей. В 60-х годах это давало основание разным людям считать, что даже Солженицын, несмотря на свои оппозиционные взгляды, остается неизменно в русле социалистической ориентации, пусть только в «этической», толстовской или религиозной ее плоскости, но все-таки в рамках советской культуры в самом широком понимании этого слова⁴⁶. Только позднее, в 70-х годах, когда писатель решился сделать достоянием общественности свои политические идеи, обнаружилось, что Солженицын — абсолютный и непримиримый противник всякой социалистической идеи и всего революционного и послереволюционного опыта своей страны.

Однако Солженицын снискал славу не только своими политическими идеями и талантом писателя. Его популярности немало способствовал незаурядный темперамент борца, абсолютно убежденного в своей правоте, отличающегося даже некоторым привкусом нетерпимости и фанатизма, характерным для людей его склада. Этим он завоевал симпатии и среди тех, кто вовсе не разделял его образ мыслей. Более чем кто-либо другой, Солженицын придавал диссидентству характер бескомпромиссной антикоммунистической борьбы. Этим он хотел отличаться от других диссидентских течений, даже тех, как было в случае с Сахаровым и братьями Медведевыми, которые немало помогали ему в борьбе с властями⁴⁷.

Солженицын выступал не только врагом большевизма во всех проявлениях последнего, начиная с Ленина и дальше, не делая скидок даже для Хрущева, которому он был обязан освобождением из лагеря, куда был брошен в конце войны, и публикацией своей первой книги. По его мнению, марксизм и коммунизм явились «прежде всего результатом исторического кризиса, психологического и морального, кризиса всей культуры и всей системы мышления в мире, который начался в эпоху Возрождения и нашел свое максимальное

выражение в просветителях XVIII века». По мысли Солженицына, все беды России начались с «безжалостных реформ» Петра или даже раньше, с попыток модернизации православного культа, предпринятых в XVII веке патриархом Никоном. 1917 год с его революцией стал лишь последним и роковым шагом в пропасть⁴⁸.

Солженицын и Сахаров, которых объединяло то, что оба они были жертвами репрессий, по своим политическим взглядам были совершенными антиподами. Солженицын и слышать не хотел ни о какой «конвергенции», ибо для него Запад был не моделью для подражания, но примером, которого следовало избежать. Он считал, что бессильный, эгоистичный и коррумпированный западный мир не мог быть перспективным⁴⁹. Даже «интеллектуальная свобода» была для писателя скорее средством, нежели целью; она имела смысл, если только использовалась для достижения «высшей» цели. Для России он видел выход не в парламентской демократии и не в партиях, для него предпочтительнее была бы система «вне партий» или просто «без партий». В течение многих веков Россия жила в условиях авторитарного правления, и все было хорошо. Даже автократы «религиозных столетий» были достойны уважения, поскольку «чувствовали ответственность перед Богом и перед своей совестью». Высшим принципом должна быть «нация» — такой же живой и сложный организм, как отдельные люди, схожие между собой по своей «мистической природе», врожденной, искусственной. Солженицын провозглашал себя врагом всякого интернационализма или космополитизма⁵⁰. Нет ничего удивительного в том, что эти его позиции были с горечью отвергнуты Сахаровым⁵¹.

Во всех диссидентских кругах, включая и те, что не во всем или вовсе не разделяли его взглядов, имя Солженицына пользовалось уважением из-за непримиримости позиций и всемирного признания после публикации его произведений за рубежом (в 1970 г. ему была присуждена Нобелевская премия в области литературы). Действовала целая череда более или менее подпольных групп, распространявших и защищавших взгляды, аналогичные идеям Солженицына. Они выпускали в «самиздате» свои журналы, наиболее известным из которых был «Вече», имели собственные нелегальные объединения типа «Всероссийского христианско-социального союза за освобождение народа».

Но даже они лишь фокусировали более широкий спектр движений, различавшихся по вдохновляющим их идеям и разнотемным концепциям: архаичные и современные, либеральные и нетерпимые, изоляционисты и сторонники империи, нередко антисемиты, даже шовинисты — все, предрасположенные либо к свержению правительства силой, либо к поискам компромисса с частью правящих групп⁵².

Чтобы объяснить их происхождение, часто вспоминают славянофилов XIX века. Отчасти это верно. Столкновение прозападных и русофильских тенденций является константой русской истории, и следы его можно обнаружить в XVII и частично даже в XVI веке⁵³. Неудивительно, что аналогичные конфликты возродились в момент заката первоначально интернационалистского устремления советской истории. Но это лишь одна из многих причин, объясняющих рост неонационализма.

Неонационалистические течения всех оттенков сливались воедино при столкновении с критикой извне. Было нечто, их объединяющее. Прежде всего тезис, что советская система не есть продукт русской истории, но результат насильственного навязывания со стороны (или, как говорит все тот же Солженицын, «мутного водоворота прогрессистской идеологии, который нахлынул на нас с Запада»⁵⁴). Общей у всех неонационалистов была вера в «потенциальное превосходство русской нации», в ее «социальное, моральное и религиозное возрождение», в ее «миссию»⁵⁵. Для всех них существовала только Россия, а не Советский Союз. Одни из неонационалистов рассматривали остальные народы СССР, особенно славянские, как придаток, как некую разновидность русского народа; другие — как бремя, от которого желательно было бы избавиться. Всем им была чужда идея равноправного объединения русской нации с другими народами.

Все это относилось к сфере диссидентства. Но параллельно его развитию наблюдалось распространение аналогичных идей и в кругах, близких к партии. Мы уже отметили, что некоторое смещение взглядов было характерно для всех течений. В неонационализме этот феномен был более заметным, и даже не только в количественном отношении. У этого движения были свои печатные издания и свои организационные центры. Они появились в кругах, близких к молодежи. В конце 1965 года Центральный Комитет комсомола поднял тему «патриотического воспитания» новых поколений, чтобы бороться с распространением потребительства и западного образа жизни⁵⁶. Принадлежащие ЦК комсомола журнал и издательство с одинаковым названием «Молодая гвардия» в конце 60-х годов становятся основными инициаторами националистского движения, выступающего как реакция на кризис официальной идеологии. Схожие настроения звучали и в других периодических изданиях, таких как «Наш современник» и «Литературная Россия», «Октябрь» и «Огонек», а иногда и в ежедневных газетах, таких как «Советская Россия». Разумеется, в отличие от диссидентов, эти издания никогда не провозглашали идею отстранения коммунистов от власти. Но многие вопросы, затрагиваемые в их статьях, совпадали с темами, звучавшими в неонационалистических публикациях «самиздата». Общими были призывы к

земле, традициям, «народному духу», истинно русским, исторически сложившимся ценностям; даже Ленин и большевистская революция воспевались как воплощение русских идеалов. Общим было обращение к некоторым выдающимся личностям прошлого столетия, к представителям славянофильского течения. Наиболее заметных авторов «Молодой гвардии» так и стали звать неославянофилами. Общими для диссидентства и официального неонационализма была также полемика антизападного и антикитайского толка. И наконец, в обоих случаях внутри единого потока идей можно было встретить родственные позиции: от благородного стремления к культурному родству с таким писателем, как Достоевский, до самого вульгарного антисемитизма⁵⁷.

Неонационалистская печать не подвергалась цензуре, и это навредило многих наблюдателей на размышления относительно официального стимулирования движения. Однако такой вывод не будет точен. Публикации «Молодой гвардии» подвергались критике, и иногда очень жесткой, со стороны других органов печати, и не только реформистских, как «Новый мир», но и других изданий, более преданных проводимой верхами политике. На самом высшем уровне тоже обсуждалось это явление. Брежнев лично высказал неудовольствие по поводу давления со стороны неонационалистов⁵⁸. Развернувшаяся в то время открытая дискуссия расценивалась как свидетельство скрывавшегося за фасадом официального единства «глубинного конфликта», которому суждено было оказать большое влияние на общество и особенно на молодежь⁵⁹. Приговор неонационалистским тенденциям был произнесен. Но, в отличие от прошлого, в этом случае практические последствия были незначительны: наиболее заметные из неославянофилов были смещены с занимаемых постов, но продолжали свою карьеру на других, нередко даже более престижных, должностях. Не случайно появились слухи о стоявших за их плечами влиятельных покровителях: чаще всего упоминалось имя Полянского, тогдашнего главы правительства РСФСР. (Он, в свою очередь, в 1973 г. был смещен с поста и, соответственно, выведен из состава Политбюро. Однако имеющаяся теперь документация не подтверждает факта, что причиной его падения явились, как говорили тогда, именно русофильские симпатии.) На самом деле гораздо более важным, чем поддержка того или другого руководителя, оказалось сочувствие, которое находила нарождавшаяся идеология среди государственных служащих, особенно в армии и даже в самой партии.

Показательны в этом плане превратности судьбы заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Александра Яковлева. Именно он провел наиболее сильную атаку на новые националистические, в частности русские, тенденции. Сделал он это очень осмотрительно, используя ярлыки, характеризующие эти идеи как

«антимарксистские» и даже «контрреволюционные», не совместимые с политикой разрядки и «опасные в силу явной попытки возврата к прошлому»⁶⁰. Эти не вызывающие возражения, ортодоксальные, на первый взгляд, заявления стоили автору места. Тогдашний секретарь ЦК КПСС по культуре Демичев и Суслов раскритиковали его за то, что зашел слишком далеко, после чего Яковлев почти на десять лет был отправлен в далекое канадское посольство.

«Новые правые»

На защиту «Молодой гвардии» встал Солженицын. Яростно выступая против любой официальной печати, к этой редакции он относился снисходительно. Он поддерживал ее идеи, не одобряя, естественно, «грубых» форм их подачи. Отстаивая эти позиции, Солженицын вошел в конфликт с «Новым миром». В 1973 году в ставшем самым крупным его политическим манифестом «Письме руководителям Советского Союза», как он сам его называл, писатель предложил им компромисс. Отбросьте вашу старую и порочную идеологию — была суть его послания — и оставьте себе вашу власть. В таком духе возможен диалог. Не подражайте Западу, откажитесь от «экономического роста», каковой не только бесполезен, но и опасен. Проникнитесь глубинным духом земли русской — и можете править ею даже авторитарно, поскольку это соответствует национальным ценностям и отвечает тысячелетней русской традиции. В то время, когда Солженицын писал это письмо, он вовсе не выглядел одиноким чудачком. Идея возможного союза сталинизма и национализма, даже ленинизма и православия проскальзывала и в других «самиздатовских» публикациях; она была не чужда и позициям журнала «Молодая гвардия»⁶¹.

Политическую важность подобных устремлений, сильно недооцененных и плохо понятых за рубежом, нельзя осознать, не принимая во внимание, помимо политического фона, когда основной доминантой по-прежнему оставался конфликт с Китаем, также и культурную атмосферу тех лет. Как писал один очевидец, все чаще встречались «в литературных салонах, в клубах, в университете... старые кликуши», призывавшие к возврату к «святыням национального духа», и молодые фанатики, мрачно вещавшие о «земле» и «почве»⁶². В этом описании, может быть, немного сгущены краски, но, исходя из собственного опыта, автор может подтвердить, что оно отражает суть. Многие русские интеллектуалы ездили в отпуск или покупали тогда еще редкие для россиян «вторые дома» в сибирских деревнях, в сердце старой Руси, около старых монастырей, а не на побережье Черного моря. Такие же настроения царили среди артистов и художников.

Даже в манере одеваться и отпускать бороду и волосы (чему дал пример сам Солженицын) возвращались к образам прошлого. Стало пробуждаться религиозное и даже мистическое сознание. В таких случаях очень трудно отличить искреннюю веру от простого ухода в древние ритуалы, церемонии, обычаи, интерпретируемые как отражение национального духа, — верно только, что второй аспект вовсе не был второстепенным.

Несмотря на цензуру и репрессии, 70-е годы не были периодом застоя и для советской культуры. Неправда, что вся культура ушла в «самиздат» и в подполье, как пытаются изобразить некоторые. Но наиболее заметным культурным явлением стало возникновение мощного литературного течения, представители которого в ответ на урбанизацию и продолжающееся умирание деревни призывали к раскрытию былых ценностей крестьянского мира. Используя термины, заимствованные из диспутов предшествующего века, писателей этого течения стали называть «почвенниками» и «деревенщиками». Перечень имен этих писателей весьма велик, хотя они неравнозначны по своим достоинствам: Распутин, Белов, Залыгин, Абрамов, Можаяев, Шукшин, Дорош, Тендряков, Астафьев, Алексеев, Проскурин, Бондарев, Солоухин. Это была настоящая школа, которой, естественно, не ограничивалась литература тех лет (такие крупные писатели, как Трифонов и Айтматов, стояли в стороне от этого течения), но которая, возможно, интенсивностью культурного воздействия задавала тон.

Влияние этого литературного течения распространилось на театр и кино. Оно было достаточно сильно представлено и в «Новом мире», боровшемся, однако, с нарождающимся национализмом. Между двумя явлениями нельзя поставить знак равенства, но все же определение «сельский национализм», данное этому течению одним из американских исследователей, никак нельзя расценивать как случайное⁶³. Националистическая тональность и ностальгия по прошлому проглядывали даже в работах таких крупных режиссеров кино, как Андрей Тарковский и Никита Михалков.

Хотя в случаях взаимного воздействия всегда очень трудно установить, кто на кого влиял больше, правильно будет сказать, что появление русского национализма дало сильный стимул развитию аналогичных явлений и среди других национальностей страны. Может быть, в большей мере, чем в слабом еще стремлении на местах освободиться от опеки. В нерусских республиках Советского Союза, особенно на Украине, в Грузии и республиках Прибалтики, диссидентство проявлялось почти исключительно в виде национализма, не угасавшего, а скорее разгоравшегося от нападков на него. Однако ошибкой было бы делать какие-либо обобщения по этому поводу. Напротив, можно сказать, что каждая республика представляла собой

отдельный, своеобразный случай. Не везде национализм проявлялся с одинаковым накалом; различными были пружины, пробуждающие его время от времени. Десятилетия советской политики, включая и то, что было в ней хорошего, не прошли даром. Появление национальных политической и интеллектуальной элит, поиск местными руководителями широкой поддержки были факторами, которые нельзя не принимать во внимание. Но факт остается фактом: либерально-демократические или неоленинистские течения, слабые даже в России, напрочь отсутствовали в диссидентстве других республик, где, напротив, довольно широко присутствовали течения националистические.

Только имея перед глазами всю картину, можно оценить в полной мере силу неонационализма. К этому политическому наблюдению следует добавить еще одно. Впервые в послереволюционной истории СССР одновременно с национализмом отмечался сильный подъем русских правых. Этот термин используется здесь в классическом его понимании, без всякого полемического заряда. Даже когда дело не доходило до появления свастики и царской символики, которые также использовались в этом движении⁶⁴, национализм оставался проявлением правых сил. Это с гордостью признавал академик Шафаревич, математик, друг Солженицына, противопоставлявший его в качестве своего знамени Западу, «загипнотизированному левыми силами»⁶⁵. Цензура ли виновата или нет, но в 70-х годах в СССР легче было увидеть публикации или цитаты таких правых авторов XIX века, как Константин Леонтьев или Владимир Соловьев, нежели Троцкого или Розы Люксембург. Даже среди жертв сталинских репрессий предпочитали славить скорее ученого-богослова Павла Флоренского, нежели большевика Бухарина. «Идеи монархические, шовинистические, националистические, разнообразные реакционные идеи, которые справедливо рассматривались прежде как наследие старых эксплуататорских классов, — писал непредвзятый очевидец, — распространились среди интеллигенции, среди рабочих и крестьян, среди потомков вчерашних революционеров»⁶⁶. Трудно определить, стало ли это явление массовым⁶⁷, но и нельзя сказать, что оно оставалось несущественным.

До реформизма здесь далеко. Правые, как мы видели, не исключали возможных компромиссов с правящими силами. Они исключали, однако, просто реформу существующей системы. Их планы были другими. Как пророчески заметил тогда один исследователь-эмигрант, «новые правые убеждены в неизбежности кризиса и живут его ожиданием. Им желательно, и они готовы к этому, в случае необходимости спровоцировать такой кризис, поскольку правые рассматривают его как условие выведения России из теперешнего состояния прострации»⁶⁸.

О кризисе говорили не только правые. Сахаров, в свою очередь, писал: «Могу только молить судьбу, чтобы выход из этого исторического тупика не сопровождался такими гигантскими беспорядками, которые сегодня нельзя себе даже представить. Поэтому я — эволюционист, реформатор». Один из авторов «самиздата» добавлял: «Режим не может долго существовать в его нынешнем виде. Наша задача заключается не в том, чтобы любой ценой ликвидировать его как можно скорее, но подготовить приемлемую альтернативу. Однако ... оппозиция почти так же бессильна, как и власть. Если эта ситуация продлится до момента кризиса (который, независимо от поведения оппозиции, разразится рано или поздно, и, вероятно, в недалеком будущем), то последствия могут быть очень тяжелыми...»⁶⁹. В этом на самом деле заключалась самая серьезная проблема или, если хотите, настоящий «застой». Несмотря на живость дискуссий, проходивших в подпольных глубинах советского общества, нельзя утверждать, что в 70-е годы наблюдался истинный прогресс политической мысли или культуры либо что в это время вырисовывалась настоящая программа возможных реформ.

Основная забота стоявшего у власти брежневского руководства заключалась в том, чтобы сдерживать, а не стимулировать развитие идей, которые могли бы внести вклад в поиск новых решений. Под руководством главного идеолога Суслова политика Кремля была направлена на пресечение любого проявления, сколь-нибудь оригинального или смутно напоминающего отход от ортодоксальных постулатов. В создавшейся в результате этого обстановке процветали посредственность и приспособленчество.

В начале 70-х годов первой жертвой режима стал «Новый мир». У журнала была трудная жизнь начиная с конца 60-х годов, когда каждый номер выходил после изматывающих баталий с цензурой и потому нередко со значительным опозданием. Но смертоносный удар был нанесен именно нарождающимися русофильствующими правыми, которым противостоял журнал, публикуя серьезные материалы против «Молодой гвардии». Одиннадцать авторов правого толка опубликовали в еженедельнике «Огонек» письмо протеста, что послужило предлогом для указания о чистке редакционной коллегии «Нового мира»⁷⁰. Изолированный и обезоруженный Твардовский вынужден был уйти в отставку. Так заставили замолчать самый весомый голос советской публицистики, сохранявший среди реформистски настроенной интеллигенции наибольший авторитет даже несмотря на лояльность по отношению к социализму. «Новый мир» продолжал выходить, но публикации на его страницах вернулись в колею господствующего конформизма⁷¹. Твардовский умер в 1971 году. После похорон Хрущева его похороны, вторые за этот год, прошли под надзором милиции. Некоторое время спустя его самый

яростный противник, Кочетов, покончил жизнь самоубийством, и возглавляемый им журнал «Октябрь», в свою очередь, потерял отличавшую его неосталинистскую исступленность⁷².

Третья эмиграция

Вторым решением, более вредным, чем любое проигранное сражение, было изгнание Солженицына. Неспособность или, во всяком случае, нежелание советских верхов вступить в настоящую политическую и идейную борьбу с писателем стали свидетельством их начинающегося интеллектуального паралича. Бесчисленные обвинения, цензурные запреты и притеснения скорее воспламеняли, чем подавляли бойцовский темперамент Солженицына, увеличивая и уж никак не уменьшая его моральный авторитет. В ответ власти не представили никакой аргументированной критики его политических позиций, хотя они не были неоспоримыми. В конце 1973 года Солженицыну удалось опубликовать за границей свой капитальный труд, роман «Архипелаг ГУЛАГ» — грандиозное обвинение в адрес не только сталинской системы репрессий, но и всей советской политики начиная с 1917 года. Она была представлена как непрерывная цепь злодеяний, направленных против несогласных, которые всегда, даже в далекой гражданской войне, были лишь невинными жертвами. Солженицын расценивал публикацию этого романа как наивысшую миссию своей жизни. «Господь Бог, — писал он, — чудесным образом довел это дело до завершения»⁷³.

Но и тогда нигде, за исключением разве что диссидентской среды, не нашлось никого, кто был бы способен на критический, достойный слова «критика», анализ, отделяющий справедливые разоблачения от некорректных выступлений. После нескольких раздраженных атак в печати писатель был арестован, лишен советского гражданства и выдворен в Германию. Там он был принят с максимальным уважением. Высылка Солженицына вызвала во всем мире глубокое возмущение⁷⁴. Его книга, окруженная ореолом несправедливых гонений против автора, издавалась миллионными тиражами.

Но не один Солженицын был вынужден эмигрировать. И другим пришлось пойти на это, кому — по-хорошему, кому — по-плохому. Многие не видели иного выхода из сложившейся трудной ситуации. Солженицын сам никогда бы не решил сделать это добровольно и не одобрял других, уезжающих за границу, но его силой вынудили эмигрировать. Его друг и покровитель, всемирно известный виолончелист Ростропович должен был пойти на такой же шаг после того, как власти отменили многие его концерты на родине и за рубежом. Точно так же вынуждены были поступить скульптор Неизвестный, писа-

тель Виктор Некрасов, историк Некрич, поэт Бродский — люди, которых нельзя было всех разом отнести к стану неукротимых противников социалистической системы, но для которых жизнь в стране сделала невозможной. В конце концов эмиграция принимает массовый характер. Многие евреи уехали, и еще больше было тех, кто просил разрешения на выезд. Этому процессу способствовала международная солидарность, но более всего он провоцировался изнутри новыми националистическими тенденциями и сопровождающими их проявлениями антисемитизма. Подсчитано, что в промежутке между 1971 и 1974 годами страну покинули около 100 тыс. евреев и почти такое же число представителей интеллигенции с тяжелым сердцем последовали по этому же пути. Впечатляют не столько количественные данные, сколько качество этой диаспоры, вобравшей многие лучшие умы страны.

В третий раз в истории СССР наблюдалась волна политической эмиграции, после первых двух: в начале 20-х годов и после 1945 года. Конечно, третья волна эмиграции не приобрела масштабов первых двух⁷⁵, но последствия ее по многим параметрам травмировали сильнее. Предыдущие волны эмиграции прошли после гражданской и мировой войн и были в большой мере их следствием, в то время как волна 70-х годов случилась после многих лет мирного развития, когда ничто не предвещало ее. В большинстве случаев условия жизни в странах, принимающих эмигрантов, были лучше тех, в которых там оказывались эмигранты предшествующих волн. Появилось больше возможностей для работы, преподавания, самовыражения. Среди эмигрантов третьей волны, как и в среде любых политических эмиграций, возникали досадные споры, но в совокупности своей эмиграция составила опорную точку для внутренней оппозиции в СССР.

Основной причиной эмиграции оставались притеснения, которым подвергались в стране культура и политика. Слишком многие писатели вынуждены были работать «в стол». Слишком многим режиссерам не удавалось создавать задуманные фильмы, слишком часто случалось, что картины выпускали, расходуя на их создание значительные средства, а потом изымали из проката⁷⁶. В сентябре 1974 года группа не признанных официально московских художников попыталась устроить выставку в чистом поле на окраине Москвы. Чтобы воспрепятствовать этому, на поле прислали несколько бульдозеров, которые принялись расчищать территорию. Эта насильственная мера оказалась не только унижительной, но и бесполезной, потому что некоторое время спустя власти вынуждены были разрешить аналогичные выставки, в том числе из-за шума, поднятого по поводу этого эпизода за рубежом⁷⁷.

Бывало и хуже. По подсчетам Сахарова, в СССР находилось от 2 до 10 тыс. политических заключенных, не считая сидящих в тюрь-

ме по религиозным мотивам. Это не те цифры, которые известны на Западе: согласно им, число заключенных достигало чуть ли не 4 млн., но в любом случае они были неутешительны⁷⁸. Еще столетие тому назад замечательный русский историк писал: «Бесплодность полицейских мер выставляла напоказ порочность извечного метода плохих правительств: подавить последствия зла, углубляя причины, его порождающие». Репрессивный аппарат, знаменитый КГБ, насчитывал около полумиллиона человек, из которых почти половина — пограничники, и на содержание его уходило ежегодно 6 млрд. рублей. Его Пятое управление занималось исключительно борьбой с диссидентством⁷⁹. Слишком жестким был надзор за гражданами, даже самыми лояльными, слишком большой — неуверенность последних в своих правах.

В брежневский период предпринимались усилия в области законодательства и его кодификации. Однако если посмотреть, что это была за кодификация новых законов, касающихся государства и его взаимоотношений с обществом, то, как приходится констатировать, в них не было ничего нового по сравнению со сталинскими концепциями. Бесспорно, сталинизм Сталина во многих случаях оборачивался простым и неприкрытым деспотическим произволом в практической деятельности правительства: с законами сталинизм считался весьма мало. Поэтому попытка «легализовать» сталинизм открывала путь возникновению новых противоречий. Так, для подавления свободной мысли властям пришлось пойти на ужесточение существующих законов либо на введение в них статей, допускающих их весьма приблизительное и широкое толкование⁸⁰. Но даже после этого правительству все равно не удавалось соблюдать свои собственные законы, как, например, произошло в случае с Солженицыным. А именно в законах диссиденты могли найти обоснования для продолжения своей борьбы во имя законности и прав человека, утвержденных международными конвенциями, подписанными СССР и ратифицированными в начале 70-х годов.

Кульминационным моментом этого противоречивого процесса стало принятие в 1977 году новой конституции. Вначале, когда Хрущев взялся за разработку нового Основного Закона, эта инициатива, казалось, сулила прогресс демократии в СССР. Но потом подготовка конституции была отложена в сторону. Когда же в середине 70-х годов к ней вернулись снова, то речь пошла уже совсем о другом. Брежневский текст более пространно и более подробно воспроизводил прежние принципы сталинской Конституции 1936 года, остававшейся в силе, но никогда не соблюдавшейся в том, что в ней говорилось. Брежневской конституции также суждено было остаться только на бумаге. Ее обнародование не вызвало интереса. Источник, близкий к диссидентским кругам, мог оценить ее как документ,

«опасный в силу своей бесполезности»⁸¹. И еще одно решение, связанное с культурной жизнью страны, имело самые тяжелые последствия более для гражданского самосознания, чем для государственного или политического развития. Отмеченное в начале 60-х годов, несмотря на многочисленные трудности, пробуждение интереса к историческим исследованиям в 70-е годы оказалось полностью заблокированным. Решающий удар был нанесен в связи с разгоном школы, зарождавшейся в Институте истории Академии наук СССР вокруг отдела методологии, возглавляемого Михаилом Гефтером⁸². Исторические исследования и преподавание истории были заключены в рамки официальной идеологии, а сама история стала исправляться с учетом политических соображений того времени. Последствия этой акции были тем более тяжелы, что этот откат назад произошел именно в тот момент, когда в результате провала и кризиса подлинно советских, коммунистических и революционных идей в стране возрождались к жизни исторические принципы, восходящие к ее дореволюционному прошлому — до 1917 года.

К тому же полностью были заброшены исследования на тему сталинского прошлого. Все больше дело представлялось так, будто ничего особенного не происходило. Дошли до того, что стали отрицать сталинизм как явление⁸³. В таком случае сама история СССР теряла всякий смысл, ибо ни одна из проблем советского общества не могла стать понятной без рассмотрения и анализа того, что представлял собой сталинский период истории как для развития и утверждения страны, так и в плане происходивших в то время трагедий⁸⁴.

Невозможно понять, почему в общественном мнении отношение к сталинизму было двояким. Не будем говорить о тех представителях государственного аппарата или интеллигенции, которые видели в защите сталинского наследия путь к сохранению установившегося порядка вещей и, в конечном счете, своей доли власти. Все это — часть советской действительности. Но в то время в СССР сталинизм существовал также и в народе. Наиболее внимательные наблюдатели отдавали себе в этом отчет. Водители такси и грузовиков прикрепляли на ветровом стекле или на панели управления портреты Сталина. Некоторые ограничивались тем, что хорошо отзывались о Сталине. Были и такие, у кого Сталин вызывал ностальгию по сильной власти. «Со смерти Сталина, — говорили они, — в стране больше нет порядка»⁸⁵. Для третьих, причем не только пожилых людей, со Сталиным связывались воспоминания о героическом прошлом и страстной вере в светлое будущее. И наконец, наиболее обездоленные группы населения выражали таким образом «бессильное желание с помощью своего рода строгого высшего судии расквитаться за ежедневные унижения»⁸⁶. Все эти настроения оборачивались в конечном счете

против брежневского правительства, а не в его пользу, несмотря на все его снисходительное отношение к сталинизму.

Остается лишь сказать, что в России как тогда, так, к сожалению, еще и сегодня нет никого, кто счел бы это явление достойным изучения. Тогда за это дорого заплатили. Платили еще больше и потом, в послебрежневские годы. Платят и до сих пор. Только один человек имел мужество написать однажды: «Мне хотелось бы понять тот народный феномен, который выразил себя в сталинизме»⁸⁷. В ответ не прозвучало никакого отклика.

Продовольственный кризис

В середине 1976 года Брежнев перенес тяжелейший инфаркт. Состояние его здоровья давало повод для беспокойства начиная по меньшей мере с 1971 года¹. На Хельсинкской конференции в 1975 году как ее непосредственные участники, так и сторонние наблюдатели замечали, что глава советского государства был нездоров. После 1976 года Брежнев стал резко терять свои способности к работе, хотя и оправился после инфаркта. Он все еще встречался с главами иностранных государств и правительств, но был уже не в состоянии проводить важные переговоры или беседы, ограничиваясь зачитыванием предварительно составленных текстов². С этого времени в течение шести лет во главе СССР стоял физически неполноценный человек. В нормальной ситуации такой беспорядок достаточно легко можно было бы устранить, но он стал для Москвы 70-х годов роковым. Он как зеркало отражал прогрессирующий кризис страны и стремительную деградацию ее правительства.

В самые напряженные моменты Брежнев уже не мог работать более шести часов в день даже с перерывами на основательный отдых. В пятницу он уезжал из Москвы до конца недели. Два раза в год генсек брал длительный отпуск и проводил его на юге страны. Функционирование государственных учреждений было отрегулировано в соответствии с его возможностями. Заседания Политбюро и Секретариата партии стали краткими, поспешными, формальными: один-два часа максимум, не столько для решения вопросов, сколько для того, чтобы зафиксировать ранее принятые решения. Национальная политика в наиболее значительных проявлениях была доверена отдельным узким группам руководителей: внешние дела и оборона — триаде Андропова, Громыко, Гречко (после смерти маршала Гречко его место занял Устинов); экономика — Косыгину и Мазурову; идеология и вопросы партии — триумvirату в составе Суслова, Пономарева, Зимянина³. Все остальные лишь одобряли их решения. В результате отсутствовала не только общая программа советской политики, но и просто эффективное ее координирование.

Наиболее разумным решением была бы замена генерального секретаря. Но именно этого, казалось бы, в любом случае наиболее естественного выхода из положения тщательно избегало Политбюро из опасения нарушить сложившееся вместе с брежневской стабильностью равновесие на вершине власти. Олигархи, фактически сверстники Брежнева, предпочитали скорее управлять страной при

большом главе государства, нежели допустить мысль о политической борьбе, которую вызвало бы его отстранение. Так олигархия превратилась в геронтократию, и за этой «эволюцией» саркастически наблюдали как изнутри страны, так и за рубежом. Средний возраст членов Политбюро, на момент смерти Сталина составлявший 55 лет, во времена смещения Хрущева — 61, в 1980 году перевалил за 70 лет; в Секретариате средний возраст составлял 67 лет, среди основных членов правительственной команды — 68 лет. Люди в возрасте менее 50 лет практически отсутствовали. Аналогичный процесс, хотя и в более умеренных пропорциях, наблюдался и в других органах государства-партии, например в Центральном Комитете партии и среди первых секретарей обкомов⁴. В руках этих пожилых и одряхлевших руководителей находилась вторая «сверхдержава» мира, которой как раз в это время надлежало бы решать кардинальные проблемы.

Так происходила деградация целого поколения одряхлевших руководителей, удивлявших мир своим политическим долголетием: приведенные к власти Сталиным во второй половине 30-х годов, они и 40 лет спустя еще удерживали свои позиции. Именно это делало трагической проблему преемственности, чего, вероятно подсознательно, боялись коллеги Брежнева. Речь шла не о простой замене одного секретаря другим. За плечами высших руководителей страны стояло не одно, но два поколения, проталкивавших своих возможных кандидатов на все ответственные посты в ожидании момента, когда будет производиться смена руководства. Рядом с Брежневым не было никого, кто мог бы не то чтобы решить, а просто сформулировать проблему. Только в 1978 году в Москву был переведен секретарь обкома в возрасте «всего» 47 лет: Михаил Сергеевич Горбачев. И этого было достаточно, чтобы личность Горбачева начала привлекать к себе внимание.

Кризис обозначился к концу десятилетия, когда резко ухудшилось положение в области сельского хозяйства и продовольственного снабжения. Деревня продолжала висеть свинцовой гирей на ногах советской экономики. Некоторое оживление, наблюдавшееся во второй половине 60-х годов, продолжалось недолго. В 1971 году на съезде партии один из делегатов почувствовал себя вправе заявить: «Тяжелые времена прошли». Но это была иллюзия. Уже в следующем году собранный урожай обманул все надежды. Спад повторился и в 1975 году⁵. Советское сельское хозяйство продолжало страдать от свойственных ему хронических неурядиц, и главное, несмотря на предсказания, ему никак не удавалось встать на ноги. Четыре года подряд, начиная с 1979 года, плохой урожай чередовался с посредственным. Чтобы удовлетворить внутренние потребности страны, необходим был импорт. Но в конце десятилетия стали также ухуд-

шаться перспективы роста энергетической промышленности, откуда исходили основные источники финансирования закупок за рубежом⁶. Начала расти внешняя задолженность.

Этот, неизвестно который уже по счету, сельскохозяйственный кризис представлялся тем более обескураживающим, что наступил после десятилетия щедрых финансовых вложений. В сельское хозяйство было инвестировано 230 млрд. рублей; сумма, может быть, недостаточная, но, во всяком случае, превышающая выделенные на эти цели средства за весь предшествующий период советской истории. Деньги были вложены в мелиорацию, орошение, в использование современных химических удобрений, расширение автопарка. Однако достигнутое в результате увеличение объема производства не составило даже 1,5% в год, что было гораздо ниже показателей роста городского населения и роста спроса⁷. Даже эти огромные капиталовложения не смогли выправить структурные перекосы советской деревни: было подсчитано, что примерно треть сельскохозяйственной продукции терялась из-за непригодных условий хранения, из-за недостатка хороших дорог, из-за простой халатности⁸. Еще труднее было справиться с проблемами, которые создает природа, такими как эрозия почвы, действие ветров или вод, издавна затруднявшими развитие интенсивного сельского хозяйства на русских, украинских и казахских равнинах⁹.

В 70-х годах усилилось массовое переселение из деревни в город. Крестьяне дождались справедливости: в 30-е годы Сталин лишил их паспортов, теперь паспорта были им выданы снова и сельские жители получили большую свободу передвижения. Однако условия жизни в деревнях почти нисколько не улучшались и, вопреки многочисленным обещаниям, никак не приближались к городским. Поэтому продолжался исход из деревни. Само по себе это явление не стоило бы расценивать как сугубо отрицательное, поскольку по сравнению с более развитыми странами в советском сельском хозяйстве наблюдался переизбыток рабочей силы. Однако из деревни уходили самые молодые и сильные, оставляя менее способных к работе. Брежневское руководство не нашло ничего лучше, как в очередной раз усилить огосударствление деревенских хозяйств, все более преобразуя колхозы, которые, по крайней мере формально, оставались кооперативными предприятиями, в совхозы¹⁰. Напротив, попытки стимулировать более производительный сельский труд за счет предоставления автономным трудовым коллективам большей автономии не находили поддержки. Таким решениям противостояли не только идеологические предрассудки, но и неприятие более пассивной и инертной части крестьянства¹¹.

Трудности сельского хозяйства сказались на продовольственном снабжении города. Оно всегда оставляло желать лучшего в том, что

касалось качества и ассортимента. Тем не менее количество потребляемых продуктов питания постоянно увеличивалось. На рубеже 70-х и 80-х годов еще более увеличились трудности, связанные с продовольственным обеспечением. Даже в городах с относительно хорошим снабжением выбор продуктов в магазине был невелик, запасы их быстро истощались, цены на свободном рынке взлетали, некоторые продукты надолго исчезали с прилавков. Обеспокоенные горожане начинали скупать и складывать про запас все, что могли достать. Поговаривали о грозящем продовольственным кризисе. Такое случалось в советской истории не однажды, и если прежде это явление всегда говорило о приближающемся политическом кризисе, то и теперь не было причин надеяться, что кризис не повторится.

Рассмотренные в предыдущих главах взаимопереплетающиеся проблемы во второй половине 70-х годов постепенно, но неумолимо обострялись. Поэтому в 1979 году вернулись к более облегченному варианту экономической реформы, предлагавшейся Косыгиным в середине предшествовавшего десятилетия. Но эксгумация похороненной реформы прошла без особой подготовки и обсуждений, как одно из тех постановлений, на которые люди обращали теперь уже мало внимания. Никто не задался вопросом, почему эта реформа осталась нереализованной 15 лет тому назад. Вновь принятое решение о реформе принесло еще меньше результатов по сравнению с прежним¹².

Некоторые тревожные симптомы почувствовались и в отношениях между различными национальностями Советского Союза. Театром наиболее серьезных событий стала Грузия, которая (из союзных республик) всегда наиболее упорно отстаивала свою национальную самобытность. В череде сменяющихся республиканских конституций советской эпохи грузинский язык всегда признавался «официальным языком государства». В 1978 году при пересмотре этого основного закона Грузии для приведения его в соответствие с новой конституцией СССР пункт относительно грузинского языка в первом проекте был упразднен. Это сильно обострило обстановку. Толпы манифестантов выплеснулись на улицы Тбилиси, и в результате отмененный пункт конституции был восстановлен высшим тогда руководителем республики Эдуардом Шеварднадзе. Правды ради стоит отметить, что позднее, в лучшие времена, Шеварднадзе рассказал, что получил в тех трудных обстоятельствах поддержку Брежнева, несмотря на сопротивление Суслова. Здесь следует добавить одну деталь, подчеркивающую извечную сложность внутриэтнических отношений в СССР. При каждой вспышке грузинского национализма всегда наблюдалась ответная реакция населяющих Грузию народов других национальностей. Так происходило и в 1978 году, когда в той части Грузии, где находилась автономная республика Абхазия, прошли манифестации с требованием отделения от Грузии и перехода к России. Москва

была вынуждена срочно послать одного из своих руководителей, чтобы убедить абхазцев отказаться от своих притязаний¹³.

Конец разрядки

Признаки деградации во внешней политике наблюдались не менее, чем во внутренней. Частично они проистекали из-за ошибок в расчетах советских руководителей. Хельсинкское совещание и его Заключительный акт явились несомненным успехом дипломатии СССР, равно как успешным можно было рассматривать и весь процесс разрядки. Но Москва переоценила значение этого успеха. В феврале 1976 года на XXV съезде КПСС Брежнев с неоправданной эйфорией представил картину мирового развития. Капитализм был охарактеризован как «общество, лишенное будущего», а «сообщество» социалистических стран — как «наиболее динамичная сила мира». В социалистических странах нарастал «революционный процесс», в то время как Запад барахтался в «кризисе», который Брежнев сравнил с кризисом 30-х годов. Казалось, было рукой подать до «прочного мира». В отношениях с Соединенными Штатами также отмечался «поворот к лучшему»¹⁴. Был в этих выражениях оттенок пропагандистского триумфализма, становившийся характерным для брежневского правления. Но дело не только в этом.

Несомненно, западные страны испытывали в этот период ряд экономических трудностей, вызванных неразберихой в связи с повышением цен на нефть. Верно и то, что американцам никак не удавалось оправиться после окончательного поражения во Вьетнаме в 1975 году. Верно и то, наконец, что Европа в этот же период освобождалась от последних фашистских или профашистских режимов: диктатуры Салазара в Португалии, франкистского режима в Испании и режима «черных полковников» в Греции. В Москве, однако, из этого сделали вывод, что, продолжая оказывать давление на Запад, можно добиться и других успехов. Советские руководители отказывались видеть, насколько уязвимы СССР и его система союзнических связей. А ведь именно из-за усиления внутреннего кризиса, который никто в руководстве партии и государства не отваживался трезво оценить, чтобы противостоять ему, и происходила роковая слабость советской политики в международных делах.

Крах фашистских режимов в Испании, Греции и Португалии уже не привел, как могло бы случиться прежде, хоть к какому-то росту престижа СССР. И вновь, опять-таки по внутренним причинам, СССР терял последнюю возможность сохранить свои позиции перед лицом явления, названного одним независимым историком того времени «постнацистским возрождением буржуазной демократии», явления,

которое в 70-х годах не могло не представляться как господствующее направление всего послевоенного развития¹⁵. Даже достигнутые в Хельсинки значительные успехи превратились в пассив из-за неспособности правительства обеспечивать те самые «права человека», которые стали ценой, заплаченной Москвой за уступки, сделанные противоположной стороной по другим направлениям. Цена эта сразу же стала рассматриваться в Москве как слишком высокая. На всех международных совещаниях, призванных следить за соблюдением хельсинкских соглашений, сначала в Белграде, затем в Мадриде, СССР пришлось защищаться от обвинений в несоблюдении договоренностей. Диссидентство, формируя наблюдательные группы за соблюдением хельсинкских соглашений, обрело новую форму организации и самовыражения. Кончилось тем, что в Москве сделали вывод о необходимости создания новых препятствий на пути «идеологического проникновения» Запада, ибо, по мнению властей, «идеологическая борьба» должна ужесточиться без всяких «компромиссов и нейтралитетов»¹⁶. В мире, где происходила информационная революция, это была игра, заведомо обреченная на проигрыш.

Такие тенденции сводили на нет и результаты разрядки. Отношения с Соединенными Штатами постепенно ухудшались. В Вашингтоне Никсон сошел со сцены, и после краткого «междоцарствия» Форда на смену ему пришел демократ Картер. В целом в администрации Картера большинство хорошо относилось к Москве, начиная с госсекретаря Вэнса¹⁷. Разумеется, были и противники, но в общем это было одно из лучших правительств, на которое только могли рассчитывать советские руководители. Однако президент Картер идеологическим знаменем своей внешней политики сделал именно «права человека». Эта тема, естественно, стала источником постоянных трений между СССР и американскими партнерами как на руководящем и парламентском уровнях, так и в глазах общественного мнения. Только в 1979 году, после неоднократно возникающих расхождений и переговоров, Брежневу и Картеру удалось, наконец, подписать в Вене второе соглашение об ограничении ядерных вооружений (ОСВ-2)¹⁸. Однако было уже поздно.

Новое охлаждение отношений с Америкой не получило даже такой компенсации, как улучшение положения вдоль другой стороны стратегического треугольника, возникшего в начале 70-х годов, — в отношениях с Китаем. Хотя и здесь тоже появились предпосылки для изменений. В Пекине умер Мао, и пришедшие на смену руководители подвергли критическому пересмотру его деятельность, закрыв раз и навсегда трагическую страницу «культурной революции». Никто в Москве не смог воспользоваться благоприятным случаем, и после краткого периода нерешительности китайско-советские отношения вновь стали ухудшаться. Зато Картер в своей позиции по Китаю

продвинулся даже дальше Никсона. В результате стал приближаться тот предсказанный Киссинджером момент, когда все основные центры мирового могущества — США, Япония, Китай и Западная Европа — оказались в противостоящем СССР лагере¹⁹.

Правда, рядом с Москвой оставалась сложившаяся в послевоенной Европе коалиция стран Варшавского договора, все еще расценивавшегося как «одно из самых замечательных из когда-либо существовавших объединений военной силы»²⁰. Но и здесь чуткое ухо уловило бы уже начинающийся «треск по швам». Это замечали, к примеру, советские военные. Один из них рассказывал позднее: «Во второй половине семидесятых годов осложнилась ситуация и в Европе. Возросло напряжение в Польше, Германской Демократической Республике, Чехословакии и Венгрии. Со стороны это было малозаметно, но мы знали о тревожных симптомах внутренних процессов в этих странах». Тот же источник добавляет, что в Москве «с тревогой и беспокойством» следили за тем, как «растет недовольство политикой правительств этих государств и Советского Союза»; проблема даже обсуждалась в Генштабе²¹.

Источники, благодаря которым блок этих стран худо-бедно держался единым, постепенно иссякали. Прежде всего истощалась политико-идейная связующая основа. Страны Варшавского договора по-прежнему игнорировали кризис международного коммунистического движения, становившийся все более очевидным. Все попытки вновь созвать в Москве еще одно международное совещание коммунистических партий остались безуспешными. Единственное, чего удалось добиться Брежневу и Суслову, — это организовать в Берлине встречу представителей европейских компартий. Заключительное заявление этой конференции с трудом маскировало сохраняющиеся разногласия. Три основные коммунистические партии Западной Европы — итальянская, французская и испанская (их называли «еврокоммунистическими») — пытались соорганизоваться между собой. Эта недолго просуществовавшая коалиция также вступила в полемику с коммунистическими партиями, стоящими у власти государств Восточной Европы; политические позиции «еврокоммунистов» позволили укрепить позиции местных диссидентов и уж никак не усилили правящие группировки. С потерей коммунистическим движением своего всеобщего, универсального характера восточноевропейский союз все больше низводился до уровня простого блока государств, где доминировала одна «сверхдержава».

Еще большее политическое воздействие оказало исчезновение связующей идеи — внешней угрозы, особенно со стороны Германии. В первые послевоенные десятилетия в странах, составлявших основное ядро Варшавского блока, и прежде всего в Польше и Чехословакии, воспоминания о войне и призраки возможного реванша Германии

способствовали укреплению союза с СССР, рассматривавшегося тогда как меньшее зло. Это обстоятельство позднее признали различные не вызывающие сомнения источники²². С разрядкой, одним из главных действующих лиц которой стала именно социал-демократическая Германия, эти опасения исчезали, а на первый план выходили социальные проблемы, экономические нужды, стремление к независимости, к установлению более широких связей с Западной Европой. Даже руководители государств Восточной Европы все больше раздражались по поводу продолжающейся опеки Москвы. Венгерский лидер Кадар оправдывал в Париже осторожность своей реформистской политики в экономике, говоря, что «в его стране больше советских солдат, чем венгерских военных»²³. Однако было бы неверным говорить об эксплуатации этих стран Советским Союзом. Напротив, СССР поставлял сюда топливное сырье по очень выгодным ценам, импортировал продукцию восточноевропейских стран, обеспечивая широкий рынок для сбыта их товаров, даже старался стимулировать экономическую интеграцию стран Варшавского блока. Но все свои деяния Москва сопровождала мелочными политическими требованиями, которые страны-партнеры всячески норовили обойти²⁴. Широкие слои населения восточноевропейских стран видели в СССР угнетателя, особенно после вторжения в Чехословакию.

После поражения в Египте московское правительство искало некой компенсации в своих отношениях с «третьим миром», и особенно со странами Африки. Оно выступило в поддержку радикальных режимов, установившихся в Йемене, Сомали, Эфиопии, Мозамбике, Анголе. Это была дорогостоящая политика помощи, прежде всего военной: за 5 лет на нее ушло 30 млрд. рублей²⁵. Ее оправдывали соображениями «интернационального долга», призванного поддерживать правительства, которым был выдан патент на строительство социализма, хотя, по правде говоря, эти страны вряд ли имели права на такой патент даже в соответствии с обычными критериями советской идеологии. С другой стороны, и сами заинтересованные государства именовали себя социалистическими именно в надежде заручиться покровительством могущественной Москвы. И в этих случаях не обошлось без крупных осечек, не менее серьезных, чем в Египте. В 1976 году на XXV съезде партии Москва приветствовала сомалийского диктатора Сиада Барре как «товарища по борьбе», в своих выступлениях певшего, в свою очередь, хвалебные гимны Советскому Союзу. А пять лет спустя, на следующем съезде партии, Сиада Барре уже не было: он воевал с Эфиопией. Москва же, повторяя тот же ритуал гостеприимства, принимала и пела «осанну» его противнику, эфиопскому диктатору Менгисту²⁶.

На Западе такая политика расценивалась как следствие целенаправленного плана мировой экспансии. Это суждение можно пере-

смотреть в свете имеющихся ныне данных. Московские старички были не способны на такие далеко идущие планы. Военные, постоянно в составе специальных оперативных групп следившие за ходом военных действий в Эфиопии и Анголе, сомневались в целесообразности вмешательства: позднее они оценят его как «серьезную ошибку», дорогостоящую и вредную, поскольку это послужило еще большему осложнению отношений с Соединенными Штатами, повсеместно поддерживавшими противостоящие союзникам СССР силы²⁷. Политика Москвы отвечала не столько продуманному стратегическому плану, сколько необходимости найти некий суррогат для обоснования той функции центра революционного и освободительного движения, которую СССР прежде выполнял и которую, особенно после конфликта с Китаем, утратил окончательно. Это было механическое отстаивание исходной концепции — поддержки национально-освободительных движений²⁸. На практике все выливалось в еще один аспект давно возникшего противостояния сил между СССР и США, ставшего теперь объединяющим мотивом всех или почти всех весьма многочисленных «локальных конфликтов» — от Ближнего Востока до Центральной Америки. Такая ситуация порождала за рубежом лишь еще большее недоверие к Советскому Союзу.

«Евроракеты»

Успехи в области разрядки сопровождались надеждами на то, что она станет прелюдией к замедлению темпов гонки вооружений, позволяющему «обеим сторонам» сэкономить «огромные суммы»²⁹. В 1975 и 1976 годах советский Генштаб разработал проект замораживания военных расходов. Он даже не был представлен министру обороны Гречко, не желавшему и слышать о сокращении расходов. Его отдали на рассмотрение пришедшему на смену Гречко маршалу Устинову, но тот, в свою очередь, решил, что ничего предпринимать не надо³⁰. Подходящий момент был упущен. Гонка продолжалась.

Достигнутый «стратегический паритет» стал теперь особым предметом гордости советских военных и политиков³¹. Но паритет этот был непрочным. Он существовал главным образом в области ракет и ядерных вооружений. На море, несмотря на огромные усилия СССР в области судостроения, главенство американского флота оставалось значительным. Советский Союз мог рассчитывать на количественное превосходство в сухопутных вооруженных силах и обычных вооружениях. Но этот перевес компенсировался подтянутым к советским границам военными средствами, на которые могли полагаться Соединенные Штаты, благодаря своим союзникам и превосходству на море³². Таким было это «равновесие страха»: бессмысленным, как

считали многие, поскольку знали, что когда по какой-либо злополучной причине этот огромный военный потенциал будет приведен в действие, обе стороны уничтожат друг друга, увлекая в апокалипсическую бездну и остальной мир.

Во второй половине 70-х годов вследствие появления новых, более изощренных технологий гонка вооружений в мировом масштабе вступила в новую фазу. Даже так называемые обычные вооружения меняли свой характер благодаря новому качеству, точности и «электронному разуму». Советские руководители сочли долгом помериться силами и в этой области, дабы не скомпрометировать с таким трудом достигнутые результаты. Но тот же источник информации добавляет, что вскоре страна «начала задыхаться»: «Бремя нового пари... оказалось практически невыносимым»³³. Союзники по Варшавскому блоку отказывались брать на себя слишком большой груз. Румыния, в частности, не хотела и слышать об этом. К технологическому бремени добавлялись следствия все возрастающей международной изоляции. Среди военных и политиков начала распространяться мысль, что СССР должен располагать мощностью, способной уравновесить не только американскую военную мощь, но и силы любой коалиции, намеренной противостоять СССР, пусть даже она будет включать Китай и Японию³⁴. Но это явно превышало возможности страны.

Противостояние между СССР и США, охарактеризованное Киссинджером как противостояние между древними Спартой и Афинами, разворачивалось не только в военной области. Если Советский Союз стал «сверхдержавой», то он был обязан этим не только своему огромному военному потенциалу, но и политическим, экономическим и культурным факторам, связанным с бурной революционной историей страны. К концу 70-х годов военный фактор оставался единственной сильной стороной СССР. Чтобы обеспечить паритет в этой области, приходилось закрывать глаза на многочисленные проявления растущей слабости экономического, социального, морального и политического характера. Через несколько лет констатация этого положения и даст толчок политике Горбачева: «Да, мы достигли паритета. Но никто не подсчитал, во что это обошлось. А мы должны были подсчитать...» И еще: «Сколько срочных проблем откладывалось во имя этой гонки!» Когда эти слова будут произнесены, многие военные и политики уже будут отдавать себе отчет в истинном положении вещей. Один из них, никак не сторонник Горбачева, скажет, что никакая страна не выдержала бы подобного напряжения³⁵. Но в 70-х годах говорить такое не отважился никто.

В 1976 году советское руководство приступило к замене нацеленных на Западную Европу ракет, устанавливая вместо устаревших СС-4 и СС-5 современные СС-20, смертоносные, более точные и снабженные разделяющимися боеголовками. Речь шла не о простой

замене, потому что старые ракеты не демонтировались, а если и демонтировались, то очень медленно, и потому еще, что обращенный против европейских стран ядерный потенциал значительно увеличился. Поначалу Европа не была сильно обеспокоена. Но опасения возросли в 1979 году, когда в подписанном американско-советском договоре ОСВ-2 не был принят во внимание этот тип вооружений. Как раз тогда европейцы, гораздо более чувствительные к наличию этих ракет, достигавших их территории, но не территории США, попытались заставить Москву разъяснить свои намерения.

Решающая роль отводилась немецкому канцлеру, социал-демократу Шмидту, занявшему место Брандта. Во время своей остановки в Москве по пути в Токио Шмидт встретился в аэропорту с Косыгиным и предложил ему компромиссное решение, насчет которого он предварительно осторожно прозондировал почву. СССР должен был обязаться не увеличивать общее число нацеленных на Европу ядерных боеголовок; даже лучше, если бы он несколько уменьшил их количество, учитывая большую точность ракетополетов. Взамен Атлантический союз не принял бы контрмер. Нам известно ныне, как протекала дискуссия в Политбюро, где Косыгин изложил это предложение в довольно благожелательном свете. Министр обороны Устинов высказался против. Громыко молчал, опасаясь выступать против военных, и его молчание сыграло решающую роль, тем более что Брежнев в то время имел обыкновение выступать против всего, что поддерживал Косыгин. Предложение Шмидта не получило отклика³⁶. А в декабре того же года последовала убийственная реакция Совета НАТО: установка в Европе новых американских ракет, включая знаменитые, высокоточные «Першинги-2», способные всего за 5–6 минут достичь советской территории. Практически это было оружие, которому Советский Союз не мог ничего противопоставить.

Информированный и заинтересованный наблюдатель — польский генерал Ярузельский позднее расценил поведение советских руководителей как «отчаянную попытку предпринять какие-то шаги перед лицом все более очевидного превосходства Запада в передовой технологии»³⁷. Это суждение основывается на том, что генерал знал о настроениях, взявших верх в Москве. Но СС-20 были лишь первым из целой серии решений, принятых на рубеже 70-х — 80-х годов, отражавших близорукую и тупиковую внешнюю политику, которая не могла не привести к разрушительным последствиям. Столкновение вокруг «евроракет», как их тогда называли, свидетельствовало о поражении советской дипломатии на решающем участке. Как мы помним, «разрядка» началась в Европе, и ее наиболее убежденные приверженцы остались именно в Европе, как в Восточной, так и в Западной. По сравнению с Вашингтоном Бонн, Париж и Рим проявляли меньшую склонность ставить под вопрос отношения, в целом благополуч-

ные в годы разрядки, с Советским Союзом и другими странами Восточной Европы. Ракеты СС-20 бросали эти страны в объятия США и в то же время отдаляли Варшаву, Прагу и Будапешт от Москвы.

Советская дипломатия обосновывала установку СС-20 как раз необходимостью создания противовеса английскому и французскому ядерным арсеналам. И этим более всего раздражала Париж, ревниво относившийся к своему вооружению: оно рассматривалось как залог независимости перед лицом тех же американцев. Французы становятся решительными противниками всякого компромисса по вопросу о ракетах. Немцы и англичане, хотя и по разным соображениям, были настроены также против. Итальянцы, в свою очередь, поддерживали решение НАТО. Имея в распоряжении достаточно времени, СССР тем не менее оказался неспособным достичь соглашения на переговорах с американцами. В московском руководстве оставались еще люди, надеявшиеся, что в европейском общественном мнении и в правящих кругах Европы возобладает стремление спасти, по крайней мере, положительные плоды разрядки³⁸, и это было еще одним доказательством усугубляющейся неспособности советского руководства реально смотреть на вещи.

Афганистан

Однако более серьезный выбор предстояло сделать несколько позже, в декабре того же 1979 года. Это было решение о вторжении в Афганистан военного экспедиционного корпуса. Афганистан, расположенный у среднеазиатских рубежей Советского Союза, был хорошо знаком последнему. Само образование Афганистана как независимого государства было связано с ролью буфера между царской Россией и Британской империей, которую он выполнил, когда в XIX веке афганцы дали отпор устремившимся на север английским войскам. В 1919 году афганский эмир первым из иностранных глав государств признал Российскую Республику Советов в самый разгар гражданской войны: хорошо известен эпизод с обменом посланиями на сей счет между ним и Лениным. С той поры отношения с Москвой всегда были хорошими. Афганистан сохранял верность своему нейтралитету в отношении России. В 50-х годах он, естественно, примкнул к Движению неприсоединившихся стран.

Первое осложнение произошло в 1974 году, когда в результате дворцового переворота афганский монарх был сброшен и заменен принцем Даудом. Китайцы с тревогой следили за этими изменениями, подозревая Москву в причастности к перевороту³⁹. В апреле 1978 года принц Дауд, в свою очередь, был свергнут в результате переворота, организованного группой офицеров, закончивших военные академии

в СССР и почитавших себя марксистами. Советское руководство всегда уверяло, что оно ни о чем не знало заранее, что оно было ошеломлено и поставлено перед свершившимся фактом⁴⁰. Тем не менее СССР поддерживал новых руководителей, направив в Афганистан советников и финансовую помощь. Но вскоре оказалось, что инициаторы переворота не пользовались достаточной поддержкой в народе. Их социалистическое мировоззрение и атеистические убеждения наталкивались на глубокую враждебность в стране с племенными отношениями и мусульманской культурой. За несколько месяцев оппозиция превратилась в вооруженное сопротивление. Партизанскому движению нетрудно было найти поддержку в соседних странах, прежде всего в Пакистане. Как раз в тот период триумфом завершилась фундаменталистская исламская революция в Иране.

У побед всегда много родителей, а поражения остаются сиротами, и потому даже сегодня нелегко с точностью воссоздать механизм, приведший к вторжению советских войск. Однако многое уже прояснилось. Первая просьба о вооруженном вмешательстве прозвучала 18 марта 1979 г., когда глава нового афганского правительства Тараки сначала обратился с ней к Косыгину по телефону. Два дня спустя он повторил ее уже в ходе личной встречи в Москве. Ему ответили, что подобная гипотеза уже рассматривалась советским правительством и оно пришло к выводу, что непосредственное вмешательство СССР не улучшило, а только ухудшило бы положение дел. Больного Брежнева подняли с постели, чтобы он принял гостя и повторил тот же ответ. В течение последующих месяцев афганцы неоднократно возвращались к своей просьбе, но до октября Москва продолжала твердо отказывать. И только в октябре позиции начали меняться. Представляется несомненным, что решение о вторжении вызрело в рамках «тройки» Андропова, Устинова, Громыко, особенно усилиями первых двух, которые быстро затем убедили третьего. Появилось опасение, что в Кабуле может установиться враждебное СССР правительство исламистского либо вовсе проамериканского толка, что ослабит границу государства там, откуда никогда не исходила опасность. Но решающим, видимо, и на этот раз стало беспокойство, как бы «не потерять» страну, да еще такую близкую, которая могла рассматриваться как «социалистическая», как «завоевание системы», важное для «революционного» облика СССР, столь серьезно и повсеместно потрепанного. На это, похоже, делали упор идеологические руководители Суслов и Пономарев. Тем временем и сам Тараки был свергнут другим офицером из его группировки, Амином, на этот раз явно без ведома советских руководителей. Брежнев, считавший Тараки как бы своим подзащитным, позволил убедить себя не оставаться пассивным. Окончательное решение о вооруженном вмешательстве было принято 12 декабря и приведено в действие 29-го числа того же месяца⁴¹.

Несмотря на некоторые пробелы, такое восстановление событий и по сей день остается наиболее точным из возможных. В любом случае бесспорным остается факт (ибо в этом пункте сходятся все свидетельства), что все было решено узкой группой руководителей вне уставных процедур, предусмотренных для органов управления партии-государства. Пленум ЦК КПСС был созван для утверждения принятого решения в июне 1980 года, когда советские войска уже шесть месяцев воевали в Афганистане. Решение было утверждено, как всегда, единогласно: впрочем, к этому времени последствия были уже столь серьезными, что любая попытка оспаривать его была бы невозможна⁴². Сами военные позже заявили, что они тогда испытывали многочисленные сомнения относительно афганского предприятия, особенно потому, что полагали неадекватными предназначенные для него силы. Генштаб запросил, по крайней мере, отсрочку, но не получил ее. Такими были условия, когда СССР ввязался в войну, которой суждено было стать его Вьетнамом, с последствиями, оказавшимися для него в итоге много страшнее последствий индокитайской экспедиции для Соединенных Штатов⁴³.

Как нетрудно было предугадать и как доказывали многие советские специалисты, вторжение в Афганистан никак не улучшило состояния дел, а лишь осложнило со всех точек зрения. Гражданская война в Афганистане приняла характер борьбы за независимость, против иностранного нашествия. Помощь вооруженному сопротивлению поступала со всех сторон — из Пакистана, Ирана, Китая и особенно из Соединенных Штатов. Сами же советские войска были недостаточно подготовлены для военных действий в Афганистане, где они сражались не с соперничающей армией, а с вездесущими партизанскими отрядами, скрывающимися в малознакомых горных районах. Афганская война быстро стала для СССР изматывающей, поглощающей огромные людские, технические и материальные ресурсы.

Военные говорили потом, что в конце концов они смогли выйти из этого тяжелого предприятия, не потеряв своей чести. Они отвергли ответственность за поражение: высшие военные чины, получившие за Афганистан свои галуны, стали играть первостепенную роль в последующих военных и политических событиях страны. Однако на территории Афганистана они смогли лишь обеспечить контроль в городах и на основных линиях коммуникаций. Они использовали для этого 4 дивизии и 4 специализированные бригады численностью в 150 тыс. человек; общее число воевавших с учетом производимых замен составило 520 тыс.; на войне погибло 15 тыс. человек и 36 тыс. было ранено⁴⁴. Афганцам пришлось пережить более трагические потери: 1,5 млн. убитых и раненых, несколько миллионов беженцев. Финансовые затраты на войну составляли 11 млн. рублей в день, и это в то время, когда рубль еще чего-то стоил⁴⁵.

Афганская война оказала пагубное воздействие на моральное состояние советских людей. Если вторжение в Чехословакию получило широкую поддержку, то ничего подобного не отмечалось в случае с Афганистаном, особенно когда стало ясно, что речь идет не о молниеносной операции. Официальная пропаганда так никогда и не смогла разъяснить ни воюющим солдатам, ни населению, зачем нужна была эта война. Манифестаций протеста на улицах не наблюдалось. Более того (и это обстоятельство очень важно для понимания последующих событий в СССР), было отмечено, что даже в «самиздате» публикаций против войны было гораздо меньше по сравнению с другими сюжетами. Но особенно редко они встречались именно в печати республик Средней Азии, граничивших с театром военных действий⁴⁶. Но когда гробы с телами погибших стали доставляться домой, реакцией были непонимание и оторопь. Прессе было дано указание молчать. В Афганистане сражались не вольнонаемные, а регулярные войска. Даже подверженные цензуре солдатские письма домой позволяли представить гнетущую реальность войны. Не менее тяжелая картина возникала из рассказов вернувшихся из Афганистана. Точно известно, что и через пять лет после начала войны, когда еще ей не было видно конца, руководство в Москве получало письма, где задавался вопрос, ради чего молодые люди должны сражаться и погибать в Афганистане⁴⁷.

Последствия вторжения в Афганистан оказались разрушительными и для позиций СССР в мире. Реакция на войну в Афганистане была повсеместно отрицательной, и особенно в Америке, тем более что США только что потеряли Иран, не имея возможности как-то отреагировать на потерю. Естественно, Вашингтон старался извлечь максимум выгоды из неизбежного обескровливания противников. Президент Картер решил задержать ратификацию договора по ОСВ-2; отрицательно встреченный ранее в конгрессе США, этот договор в подобных обстоятельствах был обречен на провал. Реакция Китая была еще более обостренной, ибо как раз в это время начался вооруженный конфликт между КНР и Вьетнамом, вторгнувшимся в Камбоджу для подавления установившегося там кровавого режима прокитайски и антивьетнамски настроенного «красного» Пол Пота. СССР оставался союзником Вьетнама и поддерживал его. Тогда Картер сделал другой шаг, предложив Китаю военное сотрудничество. То есть не только все главные мировые державы оказались во враждебном Советскому Союзу стане, но вокруг него начинало сжиматься настоящее кольцо, проходящее вдоль всех его границ и возрождающее прежнюю тревогу насчет окружения. Стали также пропадать традиционные симпатии, которыми пользовался СССР в Движении неприсоединившихся стран, куда входил и Афганистан. В ООН Москва впервые за последние 20 лет, в течение которых она

не без успеха создавала вокруг себя довольно широкий круг поддерживающих ее стран, оказалась практически в изоляции.

Единственная попытка посредничества исходила и на этот раз от Европы. Она была предпринята поляком Герекем и французским президентом Жискара д'Эстеном. Последний согласился отправиться в Польшу, чтобы встретиться там с Брежневым, хотя для него эта миссия была рискованной: во Франции приближались президентские выборы. Встреча произошла в мае 1980 года, но не дала заметных результатов. Жискар надеялся добиться от своего собеседника пусть устного, но все же обязательства вывести в скором будущем войска из Афганистана. В ответ от этого все более деградирующего физически человека он получил лишь обещание поискать некое «политическое решение», по поводу которого сам Брежнев, казалось, не надеялся получить поддержку среди своих коллег в Москве⁴⁸. Этого было слишком мало и произошло слишком поздно. Для Жискара переговоры с Брежневым обернулись провалом. Но для СССР афганская авантюра была началом оползня, который так и не удалось остановить впоследствии.

Польша

Герек, организовавший встречу Жискара и Брежнева в Варшаве, был встревожен состоянием дел не только в далекой Средней Азии, но и в возглавляемом СССР блоке европейских стран, начиная с его родной Польши. Он не скрывал своих опасений при встрече с французским президентом. Но даже Герек был потрясен серьезностью кризиса, разразившегося несколько месяцев спустя в его стране. Несколько забастовок, случившихся в июле, в тот момент еще не представлялись драматическими. Но уже в августе, когда Герек был в Крыму, где все главы социалистических государств по заведенному обычаю встречались летом с Брежневым, в Гданьске на Балтийском побережье повторились инциденты, которые не могли не возобновить в памяти события, приведшие десять лет назад Герека к власти. И действительно, еще до конца августа Герек вынужден был уйти в отставку. Однако даже смены на вершине власти оказалось недостаточно, чтобы вернуть стране стабильность.

Это явление по своим масштабам и глубине в корне отличалось от кризисов послевоенного периода, пережитых многими социалистическими странами и самой Польшей. За десятилетие своего пребывания у власти Герек пытался направить страну на путь нового развития, широко используя финансовые кредиты западных стран, ставшие возможными благодаря разрядке. Поначалу казалось, что его политика была успешной. К середине периода правления Герека

обнаружилось, что и этот путь закрыт. Весьма внимательный в отношении национальных чувств своих сограждан, Герек давал отпор поступавшим из Москвы в его адрес зачастую необоснованным претензиям относительно внутренней политики. Он сумел опереться на тот факт, что Чехословакия занимала ключевое место в советском блоке в Европе, и заставил дорожить своей лояльностью по отношению к СССР в главных вопросах⁴⁹. Противники, вынудившие Герека уйти в отставку в 1980 году, были уже не теми коммунистическими реформаторами, которые выступили в 1968 году в Чехословакии. В социальных беспорядках на Балтике дали себя знать результаты деятельности тех групп общества, которые с начала 70-х годов пытались создать в Польше новые политические силы, независимые от партии, находящейся у власти, противоборствующие или хотя бы конкурирующие с ней. Задача облегчалась тем мощным влиянием, которым всегда пользовалась в Польше католическая церковь, тем более что в 1978 году ей удалось возвести польского кардинала Войтылу на папский престол. Организация, возглавившая массовую борьбу 1980 года, не была только профсоюзом, противостоявшим официальным профсоюзам. На самом деле «Солидарность» являлась огромным и разнородным политическим фронтом, способным повести за собой самые широкие народные массы.

С лета 1980 года Польша пережила 16 весьма драматических месяцев, когда стоящие у власти силы оказались не в состоянии контролировать ситуацию. СССР встревожился с самого начала. С течением времени тревога возрастала. В Кремле была создана «кризисная группа», следившая за развитием событий в Польше. В ее состав входили Суслов, Андропов, Устинов, Громыко, Пономарев и Русаков (последний был секретарем ЦК, ответственным за отношения с социалистическими странами)⁵⁰. Тревога этих людей была оправданна. Потеря Польши означала крушение опоры, на которой держалась вся советская система союзов в Европе, потерю страны, связывавшей СССР с ФРГ и с ГДР. Официальная формула поведения Москвы, изобретенная на случай любого возможного развития событий, звучала так: «Не оставим в беде братскую Польшу, не позволим трогать ее»⁵¹.

Еще и сегодня продолжают споры, готовы ли были тогда советские руководители пойти на риск вооруженного вторжения в Польшу⁵². Ответ на этот вопрос не прост. Более года Москва жила в сильной тревоге. Новые польские руководители не вызывали доверия, ибо они в ответ на нападки «Солидарности» пытались искать компромиссные решения. Но достигать компромиссов было делом все более трудным, и они во всяком случае далеко не удовлетворяли претензиям Москвы. Создалась такая же нервная обстановка, как перед кризисом 1968 года в Чехословакии. На руководителей Варшавы оказывалось всякого рода давление с тем, чтобы они прибегли к

жестким мерам. В Москве никак не удовлетворялись их ответами, отражавшими сомнения, продиктованные пониманием серьезности последствий, которые могла бы иметь любая попытка задушить оппозицию. Неясно лишь, заходила ли при этом Москва настолько далеко, чтобы спланировать вооруженное вторжение, такое как в 1956 году в Венгрию и в 1968 году в Чехословакию. Свидетельства на сей счет довольно противоречивы, хотя они, возможно, восходят к одному и тому же источнику. Поскольку все же это не взаимоисключающие свидетельства, то их сопоставление может помочь нам хотя бы частично отгадать загадку.

Нет оснований оспаривать информацию, предоставленную позднее польским лидером Ярузельским, согласно которой в Москве готовились планы вторжения и все было предусмотрено для приведения войск в действие. Надо отметить, что, в отличие от Чехословакии, в послевоенной Польше всегда сохранялось осязаемое присутствие Советской Армии, контролировавшей коммуникации с советскими войсками в Германии. Было бы странно, если бы в такой напряженной ситуации на всякий случай не был бы подготовлен оперативный план. Советский руководитель Эдуард Шеварднадзе, ставший позднее министром иностранных дел, считал «имеющими некоторые основания, как мне кажется» опасения по поводу вторжения, которые в те месяцы так угнетали варшавских руководителей⁵³. Неизменная угроза висела над их головами, как бы подвешенная искусственно, чтобы они действовали энергичнее⁵⁴.

Однако нельзя игнорировать и малозначительную информацию со стороны тех, кто, как Георгий Шахназаров, были тогда в курсе работы «кризисной группы» и позднее заявили, что гипотеза вооруженного вторжения не рассматривалась вовсе; она, более того, была со всей определенностью отвергнута⁵⁵. Тот же Шеварднадзе подтверждает это, вспоминая, что он лично слышал, как Суслов отвечал «нет и еще раз нет» тем, кто проталкивал идею использования силы; о подобной гипотезе «не следовало даже говорить». Ярузельский также написал позднее: «Ничто не давало мне права полагать ни тогда, ни позднее, что политическое решение (единственное, способное привести в движение эту гигантскую машину) было принято со всей определенностью»⁵⁶. Отсюда следует вывод, что угроза вторжения вовсе не использовалась в отношениях с поляками, чтобы заставить действовать их самих. Но в то же время в Москве делалось все возможное, чтобы не привести эту угрозу в исполнение.

Польша была слишком велика, и можно было предположить, что применение силы вызовет в стране народное сопротивление, а может быть, и партизанскую войну. Для СССР, уже втянутого в войну с Афганистаном, вооруженное вторжение в Польшу означало бы еще одно трагическое предприятие, успех которого, естественно, не был

гарантирован. Угрозы интервенции исходили также и от других стран Варшавского пакта, в частности от румынского лидера Чаушеску. В 1968 году он выступил против вторжения в Чехословакию, но теперь чувствовал внутреннюю опасность в своей собственной стране. Руководители такого рода также вынуждены были сдерживаться⁵⁷. Для Советского Союза ситуация в Польше 1981 года была более серьезной, нежели в Чехословакии 1968 года. Но именно потому, что тогда оружие было пущено в ход очень легко, теперь решение о его использовании становилось более сложным.

Дилемма разрешилась 13 декабря 1981 г. польским генералом Ярузельским, ставшим к тому времени первым секретарем коммунистической партии. Он сам ввел в действие польские войска, объявив в стране чрезвычайное положение. Решилась бы Москва сделать роковой шаг, если бы Ярузельский не принял такого решения? На этот вопрос до сих пор никто не в состоянии дать ответ, разве что гипотетический. В любом случае в конце 1981 года страшного выбора удалось избежать, хотя одержавшее верх решение никогда не воспринималось Москвой как абсолютно удовлетворительное. Меры были приняты польской армией, а не партией, как того хотели советские руководители. Партии, действительно, была отведена второстепенная роль, и Ярузельский рассматривал даже возможность ее роспуска⁵⁸. Премьер-министром был назначен Раковский, не пользовавшийся в Москве расположением коммунист реформаторского толка⁵⁹. Правда, почти все руководители «Солидарности» были интернированы. Но сила организации не была сломлена, и сам стоявший у власти генерал должен был принимать это во внимание, равно как и учитывать возросшее влияние церкви. Согласно критериям старых руководителей в Москве, ситуация в Польше никак не могла казаться «нормальной». Она была просто наименьшим злом для них, равно как и для поляков, но только по противоположным причинам.

Варшавский кризис замкнул круг. Можно сказать, что впервые, начиная с 20-х годов, причины для серьезного беспокойства обнаружились вдоль всех советских границ, на востоке, на юге и на западе. Итог внешней политики, еще в 1975 году представлявшийся великолепным, всего через несколько лет потерял смысл. Все слабые стороны Советского Союза слились воедино, ставя страну в кризисное положение. Может показаться странным, что советская держава и в этих условиях все еще расценивалась за рубежом как опасная. Но именно сильное военное могущество страны, сопровождающееся подспудно разрушающейся прочностью ее тылов, и внушало наибольшее беспокойство. В тот момент, когда брежневская геронтократия готовилась покинуть сцену, СССР представлялся миру в самом неприглядном свете: внушающим страх своей военной мощью и уязвимым со всех других точек зрения.

Старики умирают

В начале 80-х годов внешние отношения СССР снова оказались в атмосфере холодной войны. Олимпийские игры 1980 года было намечено провести в Москве. Выбор был сделан в наивысший момент разрядки, и любивший спорт Брежнев замыслил это событие как триумф своей политики. Столица по этому случаю была приведена в порядок и хорошо снабжалась. В последний момент в ответ на вторжение СССР в Афганистан американский президент Картер объявил о бойкоте Олимпиады, а также наложил эмбарго на экономические отношения с Советским Союзом. Игры состоялись, но в отсутствие спортсменов из Америки, Китая, Западной Германии и многих других стран. Олимпиада получилась «ополовиненной». Через несколько месяцев Картер проиграл на выборах. Его место в Белом доме занял республиканец Рейган. Памятуя об относительно хороших отношениях с республиканцем Никсоном, главы советского государства возлагали некоторые надежды на нового президента, хотя и знали, что он был деятелем правого толка⁶⁰. Очень скоро Рейган их разочаровал. Он приступил к программе перевооружения, увеличившей вдвое за пять лет американские военные расходы. Москве становилось все труднее поспевать за Америкой, и Рейган учитывал это⁶¹.

Дипломатическая изоляция СССР сопровождалась все более растущим неприятием ее политики за рубежом в глазах общественного мнения даже таких стран, как Франция, где прежде более всего симпатизировали Советскому Союзу⁶². Лишь с помощью экономических связей Москве еще удавалось приоткрывать какие-то отдушины в окружающей ее стене враждебности. Рейган, сообразуясь с желанием своих избирателей-фермеров, согласился возобновить продажу СССР зерна, приостановленную поначалу в связи с наложенным Картером эмбарго. Европейцы закупали советский газ и специально строили для этой цели газопровод, хотя американцы старались тому всячески воспрепятствовать: они не хотели «давать кислород» советской экономике⁶³. Но и таких отдушин, понятно, было недостаточно, чтобы реально облегчить экономическое положение СССР и тем более ослабить воздействие растущих политических трудностей.

На практике развитие страны остановилось на мертвой точке. Темпы роста производства, заложенные в новом пятилетнем плане, были снижены донельзя, но теперь уже в общественном сознании отчетливо царило мнение, что даже и заниженные показатели не будут выполнены. Это было единственным очевидным выводом из состоявшегося в 1981 году XXVI съезда КПСС⁶⁴, оказавшегося безжизненной церемонией, лишенной каких-либо политических обсуждений и глухой к реальным проблемам, загонявшим страну в кризис. Любая ссылка на реальность доходила сюда если не искаженной, то

амортизированной ритуалом, согласно которому все должно было выглядеть оптимистичным. Больной Косыгин оставил свой пост незадолго до смерти, и его место занял другой старик, Тихонов, ровесник и друг Брежнева, личность хотя и незаурядная, но уже утратившая гибкость ума, чтобы внести хоть каплю воображения в политику. Даже и в таких форс-мажорных обстоятельствах неизменным оставалось стремление как можно меньше нарушать устоявшуюся на вершине власти стабильность.

Еще до Олимпиады, в январе 1980 года, на одной из московских улиц был арестован академик Сахаров. Лишенный всех своих наград, он был выслан на поселение в Горький (теперь Нижний Новгород), куда въезд иностранцам был запрещен⁶⁵. Такое решение, принятое в самый разгар всемирной борьбы за права человека, представлялось еще одним признанием политической нецивилизованности. Но даже этим знаменитого ученого, которому была присуждена Нобелевская премия за борьбу за мир, не удалось полностью изолировать от организованного диссидентства и от его представителей в эмиграции⁶⁶. Если случай с Сахаровым в силу известности ученого-физика неизменно оставался в сфере внимания мировой общественности, то различного рода репрессии в отношении других граждан СССР не всегда становились известными за рубежом. Удары наносились даже по учреждениям, считавшимся весьма приближенными к властям, например по знаменитому Институту мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), где было произведено несколько арестов⁶⁷. Точно так же были разогнаны и некоторые молодежные кружки.

Однако именно в эти годы рождается первая легальная организация, отличная от коммунистической партии и пусть даже неявно, но все же противостоящая ей. Это была националистическая организация под названием «Память». Она зародилась как культурное движение, но направленность ее была политической, что и не замедлило обнаружиться при первой же возможности. Через несколько лет название этой организации будет увязываться с самыми шовинистическими и антисемитскими тенденциями. В начале же ситуация выглядела гораздо сложнее. «Память» возникла из слияния по меньшей мере двух обществ, одно из которых называлось «Витязь» и в намерения которого входили восстановление и возрождение памятников истории древней России, воскрешение памяти о деятелях дореволюционного прошлого, причем выбор этих персонажей был весьма эклектичным: сюда могли входить историк петровской эпохи Татищев, премьер-министр последнего царя Столыпин и знаменитейший бас Шалапин. Предлогом для создания общества послужила 600-летняя годовщина Куликовской битвы, в которой русские разбили татар. Образованию общества предшествовало издание исключительно

крупными тиражами окрашенного в националистические тона и пользовавшегося большим успехом романа-эссе Чивилихина, одного из душителей «Нового мира». Активное участие в обществе «Витязь» принимали писатели, художники, артисты, но также историки, военные, экологи. Его представителями были и организаторы первых баталей в защиту русской природы: наиболее известной среди них стало движение за спасение сибирского озера Байкал⁶⁸.

Осенью 1981 года московские политические круги сотрясал «скандал с икрой» — грандиозная афера, в которой было замешано министерство рыбной промышленности вплоть до самых высших уровней: икра упаковывалась в банки, предназначенные для дешевых рыбных консервов типа селедки, и отправлялась на экспорт, что позволяло наживаться на разнице в ценах между двумя видами продукции. Начались аресты в высоких кругах. Это дело обнаружило, что «теневая экономика» находила все более широкое поле деятельности, все менее считаясь с законом. В связи со скандалом один из заместителей председателя КГБ, Цвигун, покончил жизнь самоубийством. Намечалась «морализаторская» кампания во главе с Андроповым. Руководя политической полицией, он имел в руках все средства, чтобы энергично наносить удары по некоторым наиболее проблемным участкам, даже когда метастазы болезни подходили достаточно близко к Брежневу⁶⁹, как было в случае с Цвигуном.

Косыгин умер в 1980 году, Суслов — в начале 1982 года. Через какое-то время вынужден уйти в отставку еще один из старейших функционеров — уже неизлечимо больной Кириленко. В апреле того же года Брежнев перенес в Ташкенте второй инсульт. Ходили слухи, что он находился в состоянии клинической смерти, но был возвращен к жизни в центре реанимации⁷⁰. В этот момент Андропов оставил КГБ и вошел в Секретариат ЦК партии. Какая-то часть Политбюро противилась этому решению. Но, учитывая состояние, в котором находился Брежнев, решение было поддержано такими лицами, как Устинов и Громыко, и потому кандидатура Андропова была утверждена. На практике речь шла о назначении с целью последующего наследования власти. Действительно, Андропов заступал на место Суслова, многие годы занимавшего никогда не называемый официально, но молчаливо признаваемый всеми пост второго секретаря. Когда 11 ноября того же 1982 года умер Брежнев, Андропов без труда занял его место. Сложная проблема наследования, казалось, была урегулирована. Но только на очень поверхностный взгляд могло показаться, что все быстро уладилось. На самом деле в глубине как раз начинал вызревать политический кризис. Потребовалось еще несколько лет, чтобы он вырвался наружу.

Часть вторая

ПЕРЕСТРОЙКА

Междоусобица. Андропов и Черненко

Странная судьба выпала на долю Юрия Андропова. По уровню культуры и способностям он, несомненно, превосходил большинство своих сверстников в брежневском руководстве. В 60-е годы ему отдавали предпочтение интеллигенты-реформаторы. Но кончилось тем, что свои способности он проявил лишь в качестве руководителя тайной полиции. Даровитый и властолюбивый, он с самого начала стремился занять высший пост в стране, но ему удалось удовлетворить имеющиеся у него амбиции лишь на пороге своего 70-летия. На него смотрели как на возможного реформатора. Однако, став одним из наиболее влиятельных членов коллегиального руководства, он оказался у истоков некоторых из наиболее злополучных решений. Достигнув же вершины власти, он уже не имел времени показать, какими в действительности были его намерения.

Единственной линией поведения, относительно четко проявившейся в несколько оставшихся в его распоряжении месяцев, было стремление восстановить в стране порядок и дисциплину. Это обеспечило ему некоторый авторитет и даже популярность. Именно он начал борьбу с коррупцией, дойдя в наиболее громких случаях до судебных процессов в отношении друзей и родственников Брежнева. Он нанес удары по некоторым из наиболее важных партийных руководителей на местах: Рашидову в Узбекистане, секретарю Краснодарского обкома Медунову — фигурам впоследствии забытым, но тогда стоявшим на первом плане. Он свалил влиятельного министра внутренних дел Щелокова, впоследствии покончившего с собой. После многих лет брежневской стабильности Андропов произвел первое существенное обновление кадров среднего уровня как в центре, так и на местах¹. Среди всех этих эпизодов наиболее значительным по своим последствиям был, несомненно, первый — дело Рашидова. Тот превратился в местного сатрапа, однако борьба правосудия с ним и его окружением приобрела в конечном счете характер столкновения Москвы с одной из союзных республик — Узбекистаном, столкновения между русскими и узбекскими функционерами. В лице последних с чрезмерной, возможно, поспешностью в Москве увидели организованную «мафию», состоящую из воров и растратчиков. Короче, обнаружилась первая возможность межнационального конфликта.

Все же не имеет смысла давать всестороннюю оценку деятельности Андропова, учитывая, что его пребывание на посту генераль-

ного секретаря было мимолетным. Вступив в эту должность в ноябре 1982 года, уже в феврале следующего года он обнаружил, что неизлечимо болен. С тех пор он в основном находился в больнице, а не в Кремле, осуществляя оттуда руководство страной². В области внешней политики за 16 месяцев его правления происходило дальнейшее ухудшение отношений с Соединенными Штатами. Их уровень иногда падал до критической отметки, как, например, в сентябре 1983 года, когда самолет корейской гражданской авиации с 269 пассажирами на борту был принят за вражеский разведывательный самолет и сбит у острова Сахалин*.

Никакого прогресса не было достигнуто ни в Афганистане, ни в том, что касалось «евроракет». Дошло до того, что президент США Рейган провозгласил своего рода крестовый поход против СССР, назвав его «империей зла». Но помимо этой риторики более всего всполошил Москву рейгановский план создания «космического щита» — орбитальной антиракетной системы, способной блокировать самое смертоносное советское оружие. Только сегодня можно сказать, что эта угроза была нереальной: для Москвы это означало бы либо конец знаменитого «стратегического равновесия», либо начало новой, теперь уже научно-фантастической фазы гонки вооружений, и без того невыносимой для советской экономики.

Поэтому при Андропове не произошло да и не могло произойти в тех условиях никакого существенного поворота в политике, даже если во внутренних делах был дан импульс к разработке некоторых новых идей, выношенных в научно-исследовательских институтах.

* Многолетние расследования, проведенные также и международными комиссиями, и поныне не смогли выявить до конца причины этого трагического инцидента. И все же информация, полученная из независимых источников, свидетельствует о том, что экипаж корейской авиакомпания, вылетов с Аляски, несколько раз сознательно и безответственно нарушал советское воздушное пространство. Согласно наиболее достоверным исследованиям, самолет выполнял миссию по проверке охраны советских воздушных рубежей на Дальнем Востоке, причем осуществляя связь с американскими радарными, расположенными вдоль границ этого пространства. (См. Анатолий Итальяшев. «Le reexamen des affaires du vol 007 de la Korean Airlines et du RB-50» в «Revue d'Etudes internationales», март 1994 г., т. XXV, № 1.) В любом случае реакция советской стороны, в частности министра обороны Устинова, на всех этапах, как во время инцидента, так и после него, была настолько неуклюжей, что стимулировала худшие подозрения в отношении Москвы. По всей вероятности, к причинам несуразного поведения советских властей прибавлялось и осознание серьезных недостатков системы обороны Дальнего Востока, которые в любом случае обнаружили в это время этого инцидента (там же, с. 59–61; С.Ф. Ахромеев, Г.М. Корниенко. Указ. соч., с. 40–50).

Возможно, как утверждали позднее многие свидетели, Андропов готовил на роль преемника Горбачева — самого молодого из руководителей, которого, благодаря усилиям того же Андропова, за пять лет до того вызвали в Москву из провинции. В любом случае Андропову не хватило времени. Он умер в феврале 1984 года. По алхимическим нормам равновесия в «коллегияльном управлении» роль второго секретаря исполнял Черненко — невыразительная личность, посредственный чиновник, сделавший карьеру благодаря Брежневу. После смерти Андропова олигархи «повысили» именно его, выдвинув на первое место. В этом заключалась победа бюрократии над политической, отражение последних потуг брежневского окружения, настоящая порча, наведенная на страну.

Правление Черненко, если это можно назвать правлением, длилось еще меньше андроповского — чуть больше года. При нем угасли робкие проблески нововведений, промелькнувшие в предшествовавшие месяцы. Черненко был болен не меньше Андропова. Он тоже вынужден был делить время между кабинетом и больницей³. Кроме того, Черненко не доставало авторитета, которым пользовался его предшественник. Истинное руководство, особенно в том, что касалось внешней политики, оказалось в руках тандема Громыко—Устинов (но последний тоже умер осенью 1984 г.)⁴.

Во внешней политике не наблюдалось ни малейшего просвета: неопытный Черненко был не в состоянии заниматься ими. Но и внутренняя политика продолжала деградировать. Зимой 1984/85 года страна оказалась на грани паралича. Стояли сильные морозы, был гололед, шел сильный снег. Однако подобные природные условия не должны были стать неожиданностью для России. К ним добавились первые признаки энергетического кризиса. Многие предприятия оказались на грани закрытия⁵. Даже представители власти несколько недель жили в чрезвычайных условиях, из которых вышли только благодаря вмешательству более энергичных руководителей, таких как Горбачев и Лигачев.

Два факта характеризовали год правления Черненко. Первый, более тревожный, — ощущение безысходности, охватившее страну, ее интеллектуальные круги, но также и руководящий аппарат из-за посредственных качеств человека, поставленного во главе страны, и, следовательно, бездействия руководства перед лицом наступавшего кризиса⁶. Вторым заметным фактом были маневры по подготовке преемника. Все знали, что Черненко скоро сойдет со сцены. В момент избрания Черненко вторым секретарем практически стал Горбачев, что уже отводило ему важную роль, если принять во внимание частые отлучки генерального секретаря. Но многие из коллег Горбачева никак не хотели видеть его во главе страны, и весь год за кулисами разрабатывались операции по его смещению. Разработки велись

настойчиво. Правда, сам Черненко, издавна привыкший к строгому соблюдению иерархии, не допустил, чтобы они преступили известную черту. И это была его основная заслуга.

Позднее появлялись разнообразные версии того, что произошло после смерти Черненко в марте 1985 года. Те, которые впоследствии стали наиболее яркими противниками Горбачева, более других, каждый по-своему, пытались представить себя истинными организаторами его избрания, игравшими решающую роль в устранении встречавшихся на его пути препятствий⁷. Это было верно лишь отчасти. Другими словами, верно то, что они были приверженцами сделанного выбора. Но документы, которыми мы располагаем, не подтверждают таких заявлений, в частности не обнаруживают никакого драматического раскола при голосовании в Политбюро в решающий момент. Попытки блокировать избрание Горбачева были предприняты ранее, но не увенчались успехом. 75-летний Громыко, последний из оставшихся в живых представителей старой сталинской гвардии и ядра брежневской власти, покровительствовал Горбачеву. Это была единственная кандидатура, за которую высказывалось большинство секретарей обкомов, из среды которых вышел сам Горбачев. Политбюро по обыкновению единодушно одобрило кандидатуру.

С избранием Горбачева 12 марта 1985 г. открылась новая страница истории. Со смерти Брежнева, а точнее, со дня последнего случившегося с ним в Ташкенте сердечного приступа прошло три года. Нам остается только подчеркнуть, что эти годы были потеряны — годы продолжавшегося ухудшения обстановки, которая изначально была весьма сложной.

«Дети XX съезда»

Вечером накануне избрания Горбачев признался своей жене — человеку, которому он доверял и с которым всегда советовался: «Так дальше страна жить не может»⁸. Впрочем, он и прежде не скрывал своего убеждения в необходимости серьезных изменений, по крайней мере перед теми, кого он хорошо знал. Даже за рубежом на него обратили внимание как на человека, сильно отличавшегося от старых советских руководителей⁹. В самом руководящем аппарате Союза ССР на него смотрели как на лидера, способного избавить общество от коллективной депрессии, в которую оно впало во времена Брежнева и Черненко. Коммунисты в СССР связывали с ним большие надежды, диссиденты были настроены по отношению к нему скептически, большая же часть населения испытывала апатию. Друзья и враги признали потом, что он взялся за дело энергично,

мужественно и решительно¹⁰. И все же мы знаем, что его начинания оказались сопряженными с крупной неудачей, с одним из тех поражений, которые не прощаются. История его правления — это история провала.

Чтобы объяснить основные причины поражения Горбачева, достаточно вспомнить одно из лучших высказываний Макиавелли: «Нет ничего труднее, ничего, вызывающего больше сомнений в успехе, ничего опаснее в осуществлении, нежели возглавить введение новых порядков». Тот, кто делает это, добавляет флорентиец, «имеет врагами всех тех, кому было хорошо при старых порядках, и слабых защитников в лице всех тех, кто мог бы получить выгоду от новых порядков». Неуверенность последних «рождается отчасти из страха перед врагами, на чьей стороне стоит закон, а отчасти из-за настороженности людей, которые не доверяют новому, пока не появится основательный опыт». В то время как враги при малейшей возможности нападают на новатора, остальные его вяло защищают таким образом, «что все вместе подвергаются опасности». Помимо всего прочего, «легко убедить (людей) в чем-то, но очень трудно поддерживать их в этом убеждении». Когда люди «больше не верят», то хорошо бы «заставить их верить силой». Макиавелли, как мы знаем, делал из этого вывод, что все зависит от того, будут ли новаторы «при исполнении своего дела заниматься уговорами или же прибегать к принуждению». В первом случае они терпят крах, во втором — обычно преуспевают. Следует также понять, «действуют ли они по собственной инициативе или же зависят от других», имеют ли достаточно собственных сил или же должны опираться на силы других¹¹. Судьба Горбачева — это, помимо прочего, история его попыток создать такую собственную силу. Но великие истины, изложенные Макиавелли, окрашиваются в случае с Горбачевым в оттенки, различимые только при свете русской и советской истории. Наша задача — суметь распознать их.

Вместе с Горбачевым к власти приблизились и те, кто называл себя «детьми XX съезда»¹², поскольку с молодых лет и на всю жизнь они остались под влиянием хрущевского антисталинского съезда партии 1956 года. Сам Горбачев мог причислить себя к их числу: его поколение было поколением коммунистов-реформаторов¹³. Их и в политическом смысле называли «шестидесятниками», то есть людьми 60-х годов, которые к этому времени сами уже приближались к 60-летнему возрасту. Они были первыми и наиболее убежденными сторонниками Горбачева, стремившимися обеспечить кадры для проведения его политики. Часто это были блестящие интеллектуалы, но их опыт уже нес на себе груз поражения. Они сформировались во времена Хрущева, но поняли всю важность его дела лишь после того, как его отодвинули в сторону. Они были бессильными зрителями,

когда душили Чехословакию Дубчека. Над всеми ними тяготел — по определению одного из их противников — «синдром Хрущева»¹⁴, паническая боязнь не повторить тот опыт и одновременно паническое беспокойство, как бы не свергли и нового руководителя. Они искали для себя вдохновения в советской истории 20-х годов, в «Ленине последних лет», в нэпе, задушенном Сталиным. Но они не могли не чувствовать сожаления по поводу двух или трех потерянных десятилетий: тогда они находились рядом с властью, не умея оказать на нее влияния, и критиковали ее действия, не умея выйти за рамки стерильного фрондерства.

Горбачев пользовался их доверием, хотя был человеком иного склада. Его опыт был опытом секретаря обкома, провинциального политического руководителя: в своем родном Ставрополе он уже пытался действовать как реформатор в рамках предоставленных ему полномочий¹⁵. Его стимулировал оптимизм, без которого не может обойтись человек действия и которого, напротив, недоставало многим «детям XX съезда». Он встречался и дружил, особенно в молодости, не только с коммунистами-реформаторами, такими как чехословак Млынарж, но и с такими радикально настроенными интеллигентами, как грузинский философ Мамардашвили или социолог Левада¹⁶. Позднее, используя возможности и привилегии занимаемого им положения, он искал в спецхранах библиотек и переводах «ограниченного распространения» такие работы, которые открыли бы ему доступ к зарубежной политической мысли и лучшему пониманию истории своей страны¹⁷.

Человек пытливому уму, он никогда не ограничивался в своих интересах рамками чужой направленности, но стремился получать как можно более широкие знания в области как современных технологий, так и международных проблем, что вызывало подозрение его более пожилых коллег, раздражавшихся при виде того, как он «совал нос» в то, что «его не касалось»¹⁸. Он восходил на вершину власти в полном расцвете физических и интеллектуальных сил: динамичный, энергичный, способный увлечь, умеющий не только говорить, но и слушать¹⁹. Все эти качества он мог использовать для дела, к которому собирался приступить.

Чего недоставало Горбачеву, равно как и «детям XX съезда», так это точного плана действий. Все ощущали необходимость реформ, но ни у кого не было четкого представления ни об их содержании, ни о последовательности их проведения. Эта брешь и заключала в себе наиболее тяжелое наследие 20-летнего брежневского правления. Страна не просто была разорена. В условиях, когда была задушена сама возможность обмена идеями, не могла сложиться и программа нововведений, способных исправить положение. Ее не хватало не только Горбачеву и ориентировавшимся на него реформаторам, но и

диссидентству в целом, а еще более — ортодоксальным коммунистам. «Ни у кого не было готовых рецептов», — скажет позднее новый генеральный секретарь ЦК партии²⁰. Конечно, отдельные идеи имели хождение, но в момент практического их воплощения становилось ясным, что они не составляют последовательного единства и что никто даже не поставил вопроса о том, как обеспечить им поддержку народа. Отсутствие убедительных реформаторских программ в обществе, беременном реформами, — это и было доминирующей чертой политической реальности в СССР первой половины 80-х годов.

В последующие годы мысль Горбачева постоянно претерпевала изменения. Рассматривая нарастающий поток его инициатив, часто задаются вопросом, шла ли речь о подлинной эволюции его мышления или же о тактических приемах человека, который, зная, сколько препятствий ему предстоит одолеть, не сразу обнаруживал свои намерения. Признания самого Горбачева могут подтвердить обе гипотезы, и вполне вероятно, что в его действиях сосуществовали оба мотива. Из не только его слов, но и слов других мы понимаем, что психологически Горбачев был предрасположен вступить на новый путь, поскольку в его сознании вполне созрело понимание безотлагательности этого шага. Однако он также понимал, что должен действовать осторожно и осмотрительно²¹. Он должен был, наконец, привести свои представления в соответствие с бешеным потоком событий. Позже Горбачев скажет: «Если бы в 1985 году нам сказали, что с нами случится, мы бы воскликнули: невозможно!»²². Эволюция сознания была тем более необходима в связи с тем, что, как признавались потом сам Горбачев и его соратники, никто не понимал как следует ни самого общества, в котором они жили, ни его реальных проблем²³. Невозможность или неспособность понять это было худшим из свойств предшествующей системы власти. Неподготовленность руководителей отражала неподготовленность всего общества к решению встававших перед ним задач.

Во всяком случае, в Горбачеве эволюция происходила в соответствии с намерениями, оставшимися неизменными до самого конца. По своей природе и склонностям он был реформатором, но не разрушителем. Он хотел обновить общество, из которого вышел, но никак не собирался устраивать в нем переворот. Горбачев верил в ценности и идеи социализма и намеревался заставить их работать²⁴. Зная о всех происшедших в прошлом трагедиях, он не презирал советский период истории собственной страны. Однажды он сказал английскому премьер-министру госпоже Тэтчер: «Нельзя исходить из того, что Октябрьская революция была ошибкой и что социализм, Советская Россия — «ошибка» истории». «Мы не можем, — часто повторял он, — отречься от всего, что было создано нашими отцами и дедами»²⁵.

Не случайно его сравнивали со словаком Дубчеком: Горбачев также стремился к «социализму с человеческим лицом», а не к иному обществу, которое, в свою очередь, могло оказаться «бесчеловечным»²⁶. Однако в какой-то момент даже реформатор Горбачев охарактеризовал свою политику как «революцию». Впервые он сказал об этом летом 1986 года, а затем неоднократно возвращался к подобной терминологии²⁷. Но речь шла о риторическом приеме, призванном в ответ на скептицизм и сопротивление подчеркнуть глубину необходимых, по его мнению, преобразований. Прием, как мы увидим позднее, не лишенный целого ряда неудобств. В остальном Горбачев до конца оставался реформатором, пусть даже невезучим и неудачливым. Собственный опыт и привел его к выводу: «Счастливых реформаторов не бывает»²⁸. Это высказывание идет дальше идеи Макиавелли.

Первые нововведения

Руководство, осуществляемое Горбачевым, тут же дало о себе знать решительным изменением стиля. Спустя месяц после избрания на апрельском Пленуме Центрального Комитета партии вновь избранный секретарь предложил «ускорить» развитие советского общества, используя новые методы. С иностранными собеседниками Горбачев, удивляя их, говорил без бумажки, в непринужденной манере, свободно ведя беседу и гибко используя оригинальную аргументацию. Его первые интервью и публикации за рубежом произвели сенсацию живостью изложения и быстротой ответов на задаваемые вопросы. Во внутренней жизни страны были отменены привычные для предшествующих руководителей атрибуты: исчезли портреты, самовосхваления, награждения. И на собраниях руководящих органов Горбачев сразу сломал старый обычай обращаться к секретарю с напыщенной лестью и формальными почестями, показав тем самым, что эта практика ему неприятна. Уже первые его поездки по стране показали, что как руководитель он не ограничивался формальным общением, но любил окунуться в толпу, ему нравилось разговаривать с людьми, спрашивать их мнение, отвечать на вопросы, полемизировать. О возможности такого поведения в брежневское двадцатилетие забыли напрочь. Поток писем в адрес Горбачева от простых граждан значительно увеличился, да и сами письма стали более откровенными.

Изменение стиля поведения шло параллельно с первыми кадровыми переменами. В момент избрания Горбачев был еще окружен руководителями предшествующего поколения. Он сразу же стал искать новых людей на главные посты. Кадры он черпал из того партийного слоя, который знал лучше всего: среди секретарей обкомов,

в любом случае — из местных руководителей, из числа тех, кого выдвинул Андропов. В качестве второго человека в секретариате партии он выбрал сибиряка Лигачева, который был рядом с ним в трудный год правления Черненко. Престарелый Тихонов освободил место председателя Совета министров для приехавшего с Урала Рыжкова, специалиста с высшим техническим образованием. С того же Урала был переведен в Москву секретарь важнейшего, Свердловского обкома партии Ельцин, вскоре ставший секретарем партийной организации столицы вместо Гришина: тот до последнего интриговал, добиваясь, чтобы его избрали вместо Горбачева. Отдел пропаганды был доверен Яковлеву, функционеру, отстраненному от работы в ЦК в 1972 году, но которого уже Андропов вытянул из ссылки в Канаде, поручив руководство важным научным институтом. Горбачев избавился от советника по внешней политике Александрова-Агента, правой руки предшествующих генеральных секретарей, и заменил его «ревизионистом» Черняевым.

Однако самая крупная реорганизация касалась министерства иностранных дел. Громыко был избран председателем Президиума Верховного Совета — должность престижная, но скорее символическая и почетная, по традиции соответствовавшая должности главы государства. Начиная с 1977 года, когда она перешла к Брежневу, должность эта всегда автоматически сочеталась с должностью генерального секретаря партии. Горбачев отказался от нее. Неизвестно, была ли достигнута между ним и Громыко негласная, предварительная договоренность на сей счет. Возможно, и была. Факт таков, что не было предварительной договоренности насчет преемника на пост министра иностранных дел. На основании сугубо личного решения Горбачев обратился к человеку, прежде не имевшему никакого отношения к дипломатии, — Шеварднадзе, честному политику, партийному руководителю Грузии. Сделанный выбор говорил о решительном поиске нового в отношении людей, методов и ориентиров. Специалисты по Советскому Союзу, даже самые внимательные, после произведенных замен сделали вывод, что теперь Горбачеву большинство в Политбюро обеспечено²⁹. Однако все это не было так просто. Правила только еще начинавшейся политической борьбы оказались много более жесткими.

Это почувствовалось уже по принятию первых решений. Позднее Горбачев назвал себя применительно к этому периоду «начинающим реформатором»³⁰. Вместе со своими новыми соратниками Горбачев попытался привести в движение силы, погруженные в летаргический сон за долгий период брежневской «стабильности», вскоре охарактеризованной им как «застой». Важнейшие темы, дискутировавшиеся на рубеже 60-х — 70-х годов, и прежде всего проблемы научно-технического развития, вновь стали предметом бурных обсуждений.

Было проведено широкое совещание руководителей экономических отраслей в Москве по вопросам самостоятельности предприятий. Вновь развернулась начатая Андроповым кампания по борьбе с коррупцией. В трех университетах были созданы отделы социологических исследований, предусматривающие более глубокое изучение общества. Первые же исследования показали, что положение в стране тревожнее, чем можно было предположить: это подтверждали материалы и других специализированных институтов³¹. Поиски большей эффективности, напоминавшие наиболее характерные моменты краткого андроповского междуцарствия, позволили говорить о первой фазе правления Горбачева как об «андроповской»³². Такое определение было и остается опрометчивым.

Однако к решениям в андроповском духе относится самое злополучное решение этого периода, которое, как сказал один из участников событий, «в сильной мере предопределило трагический характер» последующего развития³³. В мае 1985 года была начата широкая «антиалкогольная кампания». Решение это было подготовлено задолго до избрания Горбачева. Пьянство действительно стало истинной напастью: оно всегда было таковым, но его масштабы особенно разрослись в последнее десятилетие брежневского правления, так что можно было говорить об «эпидемии пьянства». Тревогу подняли также «самиздатовские» публикации. Особенно горячо поддерживали эту кампанию два руководителя: Лигачев и Соломенцев. Горбачев относился к ней скорее скептически, если не иронически, но не воспротивился ей. Как всегда, инициатива в СССР проводилась бюрократически авторитарно. В некоторых районах было введено полное запрещение алкоголя; в регионах, специализирующихся на производстве вина, таких как Крым и Армения, нашлись руководители, приказавшие вырубить виноградники. Катастрофический опыт Америки 20-х годов не научил ничему. Бюджету государства, где водка составляла один из важнейших источников дохода, был нанесен урон. Мгновенно возросло подпольное производство спиртного (самогона), что стимулировало увеличение числа экономических преступлений. Бесконечные очереди за водкой, выстраивающиеся в часы ее продажи, стали самым серьезным поводом для недовольства. Популярности Горбачева был нанесен удар, от которого он так и не смог оправиться³⁴.

Что касается экономики, то новые руководители не скрывали истинного положения вещей. Теперь, когда в нашем распоряжении есть немало документов, мы знаем, что Горбачев на заседаниях Политбюро представлял факты с большой откровенностью. Однако, принимая первые решения, руководство обратилось к традиционному инструменту централизованной экономики. Поскольку наиболее дееспособные области экономики были связаны с армией (тогда и в

СССР получил распространение термин «военно-промышленный комплекс», пущенный в оборот в Америке 60-х годов президентом Эйзенхауэром для определения доминировавшего фактора экономики), то решено было распространить повсюду систему, гарантировавшую эффективность их работы, так называемый госконтроль. Практически никакая продукция не могла выйти с завода, если соответствующие комиссии не гарантировали, что она отвечает определенным параметрам качества. В военной промышленности такая система функционировала, потому что военные могли диктовать соответствующие условия. В других отраслях производства не существовало власти, способной в той же степени заставить себя уважать. Поэтому распространенный госконтроль создал массу проблем предприятиям, не достигнув намеченной цели.

В одном вопросе все же сделанный Горбачевым выбор тут же обозначил резкое изменение курса. Горбачев и некоторые из тех, с кем он работал, поняли, что ничего нельзя будет предпринять, не сократив военных расходов. Эту задачу предстояло решать с максимальным упорством. В противном случае страну ждал крах³⁵. Горбачев намеревался добиться необходимого сокращения путем международных переговоров, но не исключал и односторонних шагов. Он отдавал себе отчет в том, что в любом случае пересмотр международных обязательств СССР был неизбежен. В период между весной и летом 1985 года по его инициативе было принято секретное решение о выводе советских войск из Афганистана. Сроки обозначены не были. Но намерение было четко изложено как афганскому руководителю Бабраку Кармалю, которому посоветовали искать согласия со своими противниками в стране, отказавшись от чрезмерно революционных проектов, так и на Политбюро — в той инстанции, где надлежало принимать решения по вопросам такой важности³⁶.

Пересмотр распространился и на Европу, остававшуюся подлинным полем сражения в холодной войне. Как было позднее отмечено авторами советской мемуарной литературы, вместе с Горбачевым к власти пришло поколение руководителей, не знавшее войны, по крайней мере не воевавшее на фронте: эти люди пережили войну в тылу детьми или подростками. Они меньше своих предшественников были одержимы идеей, что надо любой ценой сохранить равновесие, сложившееся после второй мировой войны, и обезопасить себя от угрозы нападения с Запада³⁷. Если Громыко еще в 80-х годах ставил перед своими западными собеседниками в основном эти проблемы³⁸, Горбачев не считал, что основные угрозы его стране исходят именно с Запада. Никто не представлял себе в достаточной степени, чем следует заменить старую систему равновесия. Но логика наиболее энергичных новых руководителей была предельно ясной: гонка вооружений не кончится, если не будет положен конец холодной войне,

а она могла закончиться только там, где возникла, то есть в Европе. Это означало необходимость покончить с разделением континента на два противостоящих блока и, возможно, даже рассмотреть вопрос разделения Германии. Эти вещи не высказывались столь откровенно на публике, но немало свидетельств говорит о том, что в узком кругу подобные предложения были недвусмысленно сформулированы³⁹. Во время своего первого зарубежного путешествия в качестве генерального секретаря Горбачев выдвинул в Париже свою знаменитую идею «общеевропейского дома».

Другим пунктом резкого разрыва с традицией был отказ от всего того, что было унаследовано от Коминтерна: отказ от утопической идеи, будто СССР в любом случае может быть центром международного революционного или коммунистического движения. Вступив в должность, Горбачев все еще полагал возможным созыв международного совещания коммунистических партий. Но ему хватило нескольких встреч с противниками такого проекта, чтобы, в свою очередь, отказаться от него⁴⁰.

Престарелый Пономарев, возглавлявший Международный отдел ЦК КПСС, был заменен профессиональным дипломатом, к тому же специалистом по Соединенным Штатам, послом Добрыниным. Но Горбачев пошел еще дальше, давая понять, что в любом случае «социалистическое содружество», то есть система послевоенных связей СССР, не относилась к числу его приоритетов. Он ликвидировал неразбериху в компетенциях между партией и министерством иностранных дел: именно оно, а не партия, должно было заниматься отношениями с социалистическим содружеством. Горбачев был мало знаком с коммунистическими руководителями других стран Восточной Европы. Все они были тесно связаны с Брежневым. Некоторых из них Горбачев уважал, других презирал, как, например, Чаушеску⁴¹. Очень скоро он показал, что не намеревается никому навязывать свою политику, но и не позволит увести себя от нее. В любом случае он никогда не будет использовать войска, чтобы решать судьбу попавших в беду союзников: одним словом, еще одной Чехословакии не будет.

XXVII съезд партии и гласность

Первый манифест реформаторских планов Горбачева был представлен общественности в докладе на XXVII съезде КПСС, открывшемся 25 февраля 1986 г. Прошло менее года со времени его прихода к власти. Дата события была predetermined. Новый секретарь воспользовался случаем, чтобы изложить свои намерения. Картина съезда и форма самого доклада были еще традиционными. Тем более

очевидной представлялась глубокая новизна выдвигаемых предложений.

Доклад начинался и заканчивался заявлением о необходимости перемен: «перелом» — само это слово, выбранное докладчиком, означало более разрыв с прошлым, чем просто «поворот»⁴². Картина внутреннего положения была представлена сдержанно, но сурово: за многие годы развития страны больше скопилось нерешенных, нежели решенных проблем. Причина заключалась не во «внешних факторах», которые, несомненно, имели место, но не были решающими. Она заключалась в недостатках руководства. Говоря по поводу экономики и «механизма» ее функционирования, Горбачев впервые использовал программное слово «перестройка» и уточнил, что речь должна идти о «радикальной реформе»⁴³.

Побудительный импульс по-прежнему исходил из идей, лежавших 20 лет тому назад в основе несостоявшейся реформы Косыгина и еще ранее — в дискуссиях, ее предварявших, а затем в размышлениях о ее провале. Чтобы стало ясно, что на этот раз не могла идти речь о полумерах, Горбачев призвал даже вернуться к «исходному положению», к основным концепциям нэпа, к экономической политике 20-х годов, оставлявшей перспективу для самостоятельности предприятий, свободной торговли, рыночных механизмов и стимулировавшей первоначальное развитие советской экономики, — к тому самому нэпу, который был безжалостно задушен Сталиным в начале 30-х годов. Суть реформы состояла как раз в том, чтобы ослабить роль централизованного управления экономикой, призванного теперь сосредоточиться на выборе основных направлений развития и на определении того, что нужно для сохранения базовых макроэкономических равновесий, оставив больше пространства для инициативы отдельных предприятий. Это не означало отказа от управления экономикой, но предполагало осуществление его не административными методами, а с помощью «экономических рычагов» — норм, законов, кредитов, материальных стимулов. Предстояло также несколько расширить границы для свободного образования цен⁴⁴.

Прибегая к самой что ни на есть классической терминологии марксистского языка, Горбачев уточнял, что речь должна идти об изменении в «производственных отношениях», то есть самой структуры советского общества. До тех пор официальная доктрина считала эти отношения неприкосновенными, расценивая их как уже социалистические. Впрочем, Горбачев не собирался отказываться от социализма: он искал социализма лучшего. Он, однако, давал иное толкование основным социалистическим понятиям, полемизируя с теми, кто полагал, что в СССР уже построен «развитой социализм» и потому любая корректировка будет равнозначна «отказу от социализма». Он осмеливался строить гипотезы даже относительно эволю-

ции форм собственности или по меньшей мере форм использования и управления самой государственной собственностью, выдвигая идею широкого развития настоящих кооперативных предприятий, а также форм частной собственности либо семейного подряда, особенно в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания⁴⁵. Таким образом, он обрисовывал черты проекта смешанной экономики вместо экономики целиком «огосударственной», построенной Сталиным и названной им «социалистической».

В отличие от всех своих предшественников, Горбачев не считал, что экономическая реформа может быть оторвана от остальных сфер государственного бытия. В соответствии с ходом своих мыслей, которые он разовьет в последующие годы, Горбачев сознавал, что никаких реальных перемен в экономической жизни не произойдет, если в процесс преобразования не будет вовлечено все общество в целом. По его мнению, кризис касался не только экономики. Впервые начиная с 30-х годов советский руководитель предупреждал, что «социальная справедливость» не реализована и остается задачей, для решения которой нужна политика более продуманная, нежели в прошлом, когда, удовлетворяя приоритетные нужды тяжелой промышленности, прочие нужды удовлетворялись тем, «что осталось»⁴⁶. Кроме того, он понимал необходимость морального обновления, призывая всех, и в первую очередь коммунистов, возродить первоначальные идеалы; именно это определило основную тональность его слов, обращенных к партии, в которых звучал страстный призыв к честности⁴⁷.

Горбачев полагал более всего необходимым — и в этом заключался второй существенный признак нового в его выступлениях — широкую «демократизацию» страны. «Демократия, — говорил он, — это тот здоровый и чистый воздух, в котором только и может раскрыть свои возможности социалистическое общество». Без нее развитие СССР было бы «немыслимым и невозможным». Он заявил, что необходимо исправить существующую «избирательную практику». Ставка делалась на расширение «прямой демократии» и в сфере экономики. Горбачев более не считал возможным пренебрегать политическими и гражданскими правами человека — необходимым дополнением к обязанностям гражданина. И наконец, он пустил в оборот еще одно слово, призванное стать символом его правления: «гласность», то есть открытость в принятии решений и информации⁴⁸. Это обстоятельство также касалось в первую очередь партии, которая призывалась освободиться от «комплекса непогрешимости» и не рассчитывать, что «руководящая роль» гарантируется ей раз и навсегда⁴⁹. Даже во времена Хрущева на съездах в СССР не слышали ничего подобного тому, что говорил в этой связи Горбачев.

Новаторский характер доклада не будет раскрыт полностью, если не добавить, что Горбачев сказал по поводу остального мира. Анализ

международной обстановки был в то время наиболее традиционной частью доклада, где больше чувствовалась рука анонимных составителей, обычно готовивших официальные тексты. Но даже и в этом разделе Горбачев нашел ударную тему. Новый советский руководитель обратил внимание не столько на разобщенность современного мира и на его послевоенное разделение, сколько на «общность», на «взаимозависимость» составляющих его частей, на сложность «глобальных проблем», на их «общечеловеческий» характер, на то, что они «не могут быть решены силами одного государства или группы государств», но требуют сознательного взаимодействия государств и народов «в планетарном масштабе». И неважно — социалистические они или капиталистические, потому что, несмотря на противопоставление этих терминов, мир уже настолько взаимосвязан, что по многим аспектам составляет «единое целое»⁵⁰.

От экологических трудностей до экономического дисбаланса — таков был спектр глобальных проблем, о которых говорил Горбачев. Но над всеми проблемами он определил проблему угрозы ядерного уничтожения, которая поставила бы под вопрос само выживание человечества. Осторожно, говорил он, чья бы то ни было безопасность недостаточно гарантирована, если она обеспечивается военными средствами. Безопасность должна быть прежде всего «политической», «общей», «взаимной», одинаковой для всех. Даже знаменитое «стратегическое равновесие» не является достаточной гарантией там, где пытались обойтись «равновесием сил». Необходимо создать «равновесие интересов». Обратившись с предложением сотрудничества как к Соединенным Штатам и Европе, так и к Китаю, который он снова назвал «социалистическим», Горбачев предложил всем работать над созданием глобальной и «всеобъемлющей» системы международной безопасности, то есть создать систему, способную учитывать все проблемы и все существующие угрозы — военные, политические, экономические и «гуманитарные», то есть относящиеся к «основополагающим правам» человека⁵¹.

Советскую коммунистическую партию, собравшуюся на съезд, Горбачев призвал к обновлению. Но вне всякого сомнения, партия оставалась для него необходимым орудием борьбы, его политической армией, силой, — повторим опять Макиавелли — позволяющей ему чувствовать себя «самостоятельным», а не «зависеть от других», быть пророком «во всеоружии», а не «безоружным»⁵². Однако одно обстоятельство должно было насторожить его. Реакция съезда на его выступление была прохладной. Аплодисменты, конечно, были, но скорее формальные. В отступление от заведенного порядка брежневских времен, все основные руководители взяли слово. Ни в одном из выступлений не были подхвачены хотя бы в полемическом ключе вопросы, поднятые докладчиком, за исключением нескольких част-

ностей. На фоне радикальной новизны горбачевских тезисов эти выступления казались еще более косными. Даже те дискуссии, которые прошли в кулуарах съезда, никак не дали знать о себе⁵³.

Чернобыль

Все политические расчеты оказались бесполезными спустя два месяца после открытия съезда: в ночь с 25 на 26 апреля вся страна была взбудоражена катастрофой, случившейся в Чернобыле на Украине. На местной ядерной станции после взрыва одного из четырех реакторов вспыхнул пожар. Масштабы трагедии выявились не сразу. Радиоактивное облако затронуло ряд европейских стран, но самые тяжелые последствия касались советской территории в радиусе многих десятков километров. Огромный ущерб был нанесен обширным областям Советского Союза, особенно на Украине и в Белоруссии. Целые поселения должны были эвакуироваться: всего 120 тыс. человек. Число жертв так и не было подсчитано точно, поскольку трудно установить, для скольких умерших в последующие годы основной причиной смерти стало полученное тогда облучение. В течение многих недель колоссальные усилия были сосредоточены на том, чтобы ликвидировать по возможности последствия катастрофы. Целые районы пришлось эвакуировать и изолировать. С огромным трудом удалось предотвратить радиоактивное заражение водного бассейна и вместе с ним крупных рек потерпевших областей. Один из участников этих действий, маршал Ахромеев, нашел единственное подходящее сравнение: первые дни войны с Гитлером. Академик Легасов, одним из первых прибывший на место катастрофы (затем покончивший жизнь самоубийством), описал случившееся как «планетарный» катаклизм, подобный крупным вулканическим извержениям, и использовал образ погибшей Помпеи⁵⁴.

Чернобыльская катастрофа — незабываемая дата в истории современного мира. Для СССР она была нечто большее, чем для других. В то время на Горбачева и на других московских руководителей обрушился шквал упреков, особенно из-за границы, за то, что они не осмелились сказать всю правду, отказавшись тем самым от гласности, только что провозглашенной на съезде. Последующие убедительные свидетельства сняли обвинения: Горбачев говорил то, что знал, и открыл двери иностранным консультантам. Действительность оказалась серьезнее: даже сами советские руководители были не в состоянии сразу узнать всю ужасающую правду. Первопричиной инцидента стало небрежное проведение эксперимента. Но причины более глубокие были и более тревожными: с течением времени давали о себе знать непростительные недоработки, отсталые технологии,

недостаточные меры безопасности, низкое качество труда и материалов, халатность, беспечность. Высшее руководство страны вдруг увидело, что атомная промышленность, на которую до сего времени полагались, в которую было столько вложено и которой гордилась страна, страдает такими же серьезными недугами, что и другие отрасли производства. Председатель Совета министров Рыжков, возглавлявший правительственную комиссию по организации помощи, пришел к заключению, что рано или поздно эта катастрофа все равно бы произошла. Предпосылки этому были заложены в самих условиях организации ядерной энергетики. Не случайно некоторые ответственные лица пытались в первый момент приуменьшить масштабы случившегося. Секретность, призванная обеспечивать защиту советских атомных предприятий, превратилась в отсутствие контроля: военно-промышленный комплекс стал «государством в государстве». Тот же академик Легасов заявлял, что чернобыльская трагедия стала «кульминацией» длившегося многие годы порочного управления экономикой⁵⁵.

Глубокая травма была нанесена общественному сознанию. До того времени советские люди скорее гордились атомной мощью страны. Теперь они вдруг осознали связанные с этим опасности. Чернобыль стал одним из примеров тому, с чем может быть сопряжена ядерная война, способная породить десятки тысяч Чернобылей по всему миру. В результате возникло оппозиционное движение не только против ядерного оружия, но и против военной мощи вообще, более того, против мирного использования ядерной энергии. Еще на XXVII съезде партии атомная энергия рассматривалась как одно из важнейших направлений развития⁵⁶. Теперь обнаружилось, что в стране существуют 14 других атомных станций, таящих в себе опасности, подобные Чернобылю. Две из них характеризовались повышенной степенью риска: одна — в окрестностях Ленинграда, другая — в Армении. Планы экономического роста были нарушены, а энергетический кризис приобретал все более четкие очертания. Огромные средства пришлось переориентировать. Некоторые физики предупреждали, что второй Чернобыль разнесет вдребезги любой проект перестройки⁵⁷. В действительности можно было задаться вопросом: не был ли ей уже нанесен такой удар, от которого в любом случае трудно будет оправиться?

«Новое мышление»

В последующие месяцы Горбачев часто возвращался ко всем этим проблемам в самых различных аудиториях, каждый раз смещая акценты на наиболее новаторские аспекты тезисов, провозглашенных

им на февральском съезде 1986 года. Он все более обеспокоенно говорил о трудностях, об объективных и субъективных препятствиях, о скрытом и явном сопротивлении, об опасениях и подозрениях, с которыми встречали его реформаторские предложения в стране, в аппарате управления, в партии. В этих выступлениях с большей определенностью вырисовывались стиль и метод мышления нового руководителя, столь отличного от предшественников. Все более настойчивой и аргументированной становится критика положения в стране, все более настоятельным — призыв изменить отношение к делу, все более страстным — обращение поддержать новую политику практически, все более развернутыми — размышления о давнем и недавнем прошлом. Но чаще всего Горбачев возвращается к идее перестройки, которая, родившись в силу необходимости обновления экономического развития, в действительности должна была охватить все аспекты общественной жизни — задача сложная, «исключительно сложная», «более сложная, чем мы думали вначале», признавался он даже публично в моменты наибольшей открытости⁵⁸.

Венцом его размышлений стала книга, опубликованная на исходе лета 1987 года и адресованная как зарубежным, так и советским читателям. Теперь мы знаем, что она была написана с помощью группы соратников на основании стенограмм того, что Горбачев говорил при своих многочисленных встречах с зарубежными собеседниками и на закрытых заседаниях Политбюро. В результате получился текст очень личный, очень «горбачевский», где политический анализ перемешивался с философскими размышлениями, что было характерно для автора. Свои убеждения и программы он основывал на анализе советского прошлого, его положительных и отрицательных сторон; в любом случае его анализ сильно отличался как от стереотипов официальной идеологии, так и от традиционного опорочивания предшественников. Из книги следовало, что перестройка была делом «выстраданным», результатом противоречивой и живой реальности, а не импровизацией отдельного руководителя⁵⁹.

В размышлениях Горбачева были развиты все поднятые на съезде темы, начиная с «радикальной реформы» общества. Прежний порядок управления экономикой, названный «административно-командной системой», теперь предполагалось заменить системой, функционирующей в соответствии с экономическими законами. Горбачев постоянно возвращался к вопросам демократии, говорил о «демократизации всего общества», демократизации как «программе изменения существующей политической системы», демократизации как «основной движущей силе перестройки». Без нее невозможно будет привлечь к делу массу граждан, единственных, кто может сыграть роль подлинных героев преобразований. «Без демократии, — писал он, — нет и не может быть современного социализма»⁶⁰.

Наиболее значительные идеи Горбачева имели отношение не только к Советскому Союзу, но и к миру в целом. По этому поводу он определил то, что называл «новым мышлением». Речь шла о новом взгляде на мир, на отношения между населяющими его народами. При всех размежеваниях, противоречиях и конфликтах мир все более представлялся Горбачеву как единое целое с такой тесной взаимосвязью между различными его частями, которой никто уже не сможет разорвать. Эту мысль Горбачев высказывал весьма образно: мы все на одном корабле, все связаны едиными узами, все вынуждены жить в одном доме. Необходимость по-новому понимать реальность определялась для Горбачева прежде всего развитием современных технологий, начиная с ядерных. Политика ядерного века не могла оставаться той же, что в доядерное время. С появлением и накоплением новых вооружений «человечество утратило свое бессмертие»: если дело дойдет до «ядерного потопа», «второго Ноева ковчега уже не будет»⁶¹.

Предстояло отказаться от концепций, казалось бы, синтезировавших вековую мудрость. Война уже не могла рассматриваться как продолжение политики иными средствами, согласно знаменитой формуле Клаузевица, тем паче ядерная война, в которой не будет победителей. Нужно было отказываться от самого образа «врага», потому что «даже противники вынуждены вместе искать путь к общей безопасности»: «Победить должны все, иначе все проиграют». Столкновения идей и интересов, конечно, не исчезнут, но они должны найти выход в «мирном соревновании, в силу обстоятельств предполагающем также и сотрудничество». В этом смысле весь мир, а не только СССР нуждался в перестройке.

Призыв мыслить по-новому был обращен ко всем — к друзьям и вчерашним противникам. Своих сограждан Горбачев настоятельно побуждал к глубокому пересмотру традиционного советского мышления в области внешней политики. Все должны «очистить политические позиции от идеологической нетерпимости». Идеологии могли даже и противостоять друг другу, но «интересы выживания» стояли выше и выходили на первый план. Отсюда знаменитый призыв к «деидеологизации внешней политики». Горбачев просил сограждан не верить, что «мирное сосуществование» — не более чем «специфическая форма классовой борьбы». Никто для него не имел монополии на истину. «Новое мышление» требовало от каждого готовности сопоставлять свои позиции с позициями других, даже учиться у других: «Современные политики должны быть восприимчивы к интеллектуальному потенциалу других стран и других народов; иначе их деятельность обречена на провинциализм, на национальную ограниченность или еще хуже»⁶².

Эти общие идеи находили в книге подробное применение по всем

направлениям советской внешней политики, шла ли речь о Европе, Америке, «третьем мире» или Китае. Говоря о Европе, Горбачев постоянно возвращался к дорогой ему мысли об «общем доме», включающей точно поставленную задачу преодоления исторически сложившегося раскола континента на две части. При этом он не упускал из виду, что подобная цель предполагала пересмотр отношений между СССР и странами Восточной Европы, ибо предлагала им идею равноправных отношений, исключавшую не только притеснение со стороны СССР, но, возможно, и одностороннюю советскую гегемонию⁶³.

«Новое мышление» выигрывало в убедительности прежде всего потому, что предпринимаемые Горбачевым шаги в отношении его зарубежных партнеров не противоречили выдвигаемым им идеям. Он не искал согласия только лишь с самыми сильными. Некоторые из опорных пунктов его подхода к мировым делам нашли отражение в декларации, подписанной в Дели с индийским премьер-министром Радживом Ганди. Его предложения относительно примирения с Китаем были уточнены во Владивостоке в выступлении, обращенном в целом ко всем народам Тихоокеанского бассейна. Короче, слова не расходились с делами. На одной из встреч с советскими дипломатами, оставшейся тогда неизвестной для широкой публики, Горбачев еще более откровенно, нежели в своих официальных выступлениях, выдвигал идею пересмотра принципов внешней политики. Он хотел инициатив, «не сопряженных более с пропагандой», утверждал, что «мир — наивысшая ценность», а «мировая война есть абсолютное зло». Эти истины не могли быть подчинены «перспективе классовой борьбы в мировом масштабе». Горбачев заявлял, что «отношения с социалистическими странами вступили в новую историческую фазу», что хорошие отношения с Китаем «не менее важны для нас, чем отношения с Соединенными Штатами», что нельзя более ставить в кавычки «права человека», что целью переговоров должно быть достижение соглашения, ибо «не надо думать, что наш собеседник глупее нас»⁶⁴.

Рейкьявик

Укоряя министерство иностранных дел в «чрезмерной заамериканизированности», то есть ведении дел с точки зрения одних только отношений с Соединенными Штатами, Горбачев добавлял, что, конечно же, «никто и не думает отрицать принадлежавшую США главную роль»⁶⁵. С тех пор как в его руках оказались бразды правления страной, Горбачев уделял огромное внимание диалогу с американцами. Заинтересованные личностью Горбачева, они хотели встретиться

с ним еще до его прихода к власти. Однако Громыко предпочел тогда, чтобы это приглашение осталось без ответа⁶⁶.

Как бы то ни было, Горбачев почувствовал готовность американцев иметь с ним дело и не замедлил встретиться с президентом Рейганом в сентябре 1985 года в Женеве. Это был контакт промежуточного характера. Лидеры двух государств установили личные отношения и заявили, что «атомная война не может быть выиграна и никогда не должна разразиться». Но они не пошли дальше этого. В январе 1986 года Горбачев предложил план уничтожения ядерного оружия к концу тысячелетия. Это казалось все еще пропагандой, пусть и на высшем уровне. Но советский руководитель не отступал и искал случая, чтобы организовать новую встречу с Рейганом, которая была бы посвящена главным образом проблеме разоружения. Горбачеву нелегко было получить согласие партнера, но в конце концов он добился своего и вторая «встреча в верхах» состоялась в октябре 1986 года на полпути между двумя странами, в исландской столице Рейкьявике.

Горбачев подготовился к новой встрече чрезвычайно тщательно. Теперь, когда нам лучше известно, что происходило за кулисами, мы можем сказать, что период подготовки был для Горбачева не менее важен, чем сама встреча⁶⁷. Со времени «разрядки» переговоры о контроле над вооружениями и ограничении вооружений шли постоянно на различных форумах, причем как между двумя «супердержавами», так и между двумя военно-политическими блоками. В этих бесконечных переговорах каждый вопрос был вывернут наизнанку, но реального приближения к соглашению не произошло. Поэтому Горбачев задумал встречу в Рейкьявике как нечто совершенно новое и отличное от прежнего. Если продолжать обсуждение по-старому, возможно, с небольшими уступками то с одной, то с другой стороны, то главам двух «супердержав» не было смысла сниматься с места: достаточно было дипломатов и экспертов. Нужна была встреча, способная дать более широкое видение проблем. Такое видение, которое учитывало бы тревогу, неоднократно выраженную как с советской, так и с американской стороны, и одновременно повлекло бы за собой концептуальный прорыв, ведущий к существенному ядерному разоружению. К разработке этих идей Горбачев привлек всех своих соратников.

Но первое сражение Горбачев должен был провести в Москве, еще раньше, чем в Рейкьявике. Ему пришлось столкнуться с сопротивлением дипломатов своего министерства иностранных дел, столь же упорным, что и сопротивление военных руководителей. И те и другие никак не хотели оставлять сложившуюся за много лет традиционную линию поведения. Она состояла в том, чтобы пункт за пунктом, при несомненной технической компетенции экспертов,

оспаривать требования американцев. Дважды Горбачев отклонял разработанный соответствующими министерствами проект директив. После этого он вынужден был иметь дело также и с сомнениями, высказанными в Политбюро. Своих экспертов, наизусть знавших все пункты предыдущих переговоров, он укорял в том, что они заигноризированы частностями и не схватывают общий стратегический замысел. Среди его предложений было, к примеру, радикальное изменение прежней советской позиции по «евроракетам». Горбачев намеревался предложить полное уничтожение как советской, так и американской стороной этого вида вооружений в Европе, не принимая в расчет те, что были в арсенале англичан и французов. По этому пункту у него был весьма убедительный аргумент: расположенные в Германии американские «Першинги-2» — это «пистолет, приставленный к виску СССР». С этим аргументом был согласен и начальник Генерального штаба маршал Ахромеев, который, несмотря на некоторые сомнения относительно горбачевских концепций, в любом случае был одним из наиболее активных участников переговоров в Рейкьявике⁶⁸.

В Исландию Горбачев отправился с целым пакетом предложений, поразивших Рейгана и американскую делегацию отважной новизной⁶⁹. Было здесь, как уже говорилось, предложение об уничтожении находящихся на территории Европы СС-20 и других ракет двух «супердержав» — эквивалент «нулевого варианта», выдвинутого в свое время Рейганом, но рассматриваемого как пропагандистское предложение даже теми, кто его поддерживал. Кроме того, Горбачев предлагал наполовину сократить ядерные арсеналы СССР и США, а также количество стратегических ракетоносителей, способных преодолеть большое расстояние, достичь территории другой страны. Это последнее сокращение должно было равномерно распределиться между тремя категориями носителей (межконтинентальные ракеты, ракеты на подводных лодках и ракеты дальнего радиуса действия), составлявших наступательный потенциал двух «супердержав», пусть в разных пропорциях. После такого сокращения партнеры должны были перейти ко второй фазе, завершавшейся полным уничтожением ядерного оружия. В противовес американским проектам «космического щита» Горбачев предлагал, чтобы обе «супердержавы» в течение десяти лет соблюдали договор ОСВ 1972 года, запрещавший подобные системы вооружения. К концу десятилетия ракеты должны были быть уничтожены с обеих сторон. Получив тем временем возможность лабораторно определить реальность противоракетной защиты, обе страны вместе могли бы оценить целесообразность ее создания.

Об основных моментах встречи в Рейкьявике стало известно сразу же. Многие ее участники воссоздавали затем эту встречу в своих мемуарах. Нам достаточно напомнить основные из ее особен-

ностей. Она отличалась от всех предыдущих, рассчитанных на внешний эффект встреч глав двух «супердержав», когда практически все результаты были подготовлены дипломатами двух стран заранее, еще до начала встречи. На сей раз это были настоящие, упорные и драматические переговоры по существу, продолжавшиеся два до предела насыщенных дня. Несмотря на радикальную и неожиданную постановку вопроса Горбачевым, казалось, что до заключения соглашения рукой подать. По двум из трех направлений — «евроракетам» и стратегическим вооружениям — было достигнуто соглашение: советская сторона тут же, во время заседания, приняла некоторые американские контрпредложения. Но по третьему направлению, связанному с так называемыми «звездными войнами», Рейган и Горбачев не нашли точек соприкосновения. В целом складывалось впечатление, что встреча потерпела провал, хотя и Горбачев, и американцы пытались потом скорректировать эту оценку. В какой-то мере они были правы. Соглашения о разоружении, заключенные в последующие годы, по многим аспектам повторяли решения, намеченные на встрече в Рейкьявике. Но встреча не повлекла того перелома в отношениях двух стран, на который надеялся Горбачев. В этом она не удалась, и советский руководитель заплатил за нее гораздо больше американского. Ведь это он больше шел на уступки, не получая в ответ того, что было ему необходимо: прекращения гонки вооружений — единственного, чем он мог доказать соотечественникам свою правоту.

Когда теперь, спустя десятилетие, размышляешь над этим событием, нельзя не поразиться исторической ничтожности мотивировок, блокировавших договоренности. Так называемая «стратегическая оборонная инициатива», то есть возможность создания защитной сети против ракет, на чем настаивал Рейган, уже давно забыта. Выявились невыполнимость и чрезмерная стоимость проекта, что уже в первый период предвидели многие компетентные специалисты. Сам Горбачев скептически относился к реальным возможностям американских проектов, но его коллеги, напротив, боялись, что Соединенные Штаты ушли дальше, чем на самом деле представлялось⁷⁰. Однако подлинной точкой расхождения было другое. Как потом подтвердил госсекретарь Шульц (не выступавшее на первом плане, но важное действующее лицо в Рейкьявике), Соединенные Штаты не хотели терять такого важного средства давления, как СОИ, которая при всей своей гипотетичности все же грозила лишить СССР его самого эффективного оружия⁷¹. Горбачев, со своей стороны, признавал, что его страна не в состоянии нести бремя расходов даже на исследования, на эксперименты (не говоря уже о последующей реализации), необходимые для соревнования с американцами в этой совершенно новой области гонки вооружений, которую Рейган хотел продолжать. Это столкновение интересов и предопределило невоз-

можность соглашения. В последующие годы расчет американцев мог показаться выигрышным; остается посмотреть, был ли он еще и дальновидным.

Хотя Горбачев, как хороший боец, и продолжал говорить своим коллегам в Политбюро, что он оптимист и более чем когда-либо убежден в «необходимости диалога» с американцами, он все же понимал, что после Рейкьявика задача усложнялась. Отныне успех его идей в международной политике зависел от хода перестройки. Ему и прежде было ясно, что между этими двумя направлениями есть связь, и он надеялся, что улучшение внешней обстановки облегчит также и решение внутренних проблем. Теперь стало понятно, что здесь, скорее, обратная зависимость. Он понимал также, что времени мало. Он сказал об этом еще на XXVII съезде партии: теперь же было видно, что возможности выиграть время нет и что сроки начинают брать его за горло⁷².

Не идеализируя задуманного Горбачевым, мы знаем, что исходным для него пунктом было понимание того, насколько жизненно важно для перестройки облегчить бремя гонки вооружений, под которым стонала и задыхалась страна. То есть его толкал к этому весьма конкретный интерес, вполне понятный, в свою очередь, американцам, которые именно поэтому и не хотели уступать. Наибольшая заслуга Горбачева состояла в том, что форс-мажорные обстоятельства он использовал как отправную точку для выработки того «мышления», которое было в действительности революционным по духу, по оригинальности и масштабности видения, отвечавшего потрясающей новизне возникавших в новых условиях проблем. Это было предпосылкой политики, по выражению одного из его критиков, «обращенной в XXI век»⁷³, а именно понимание мира, которым предстояло отныне управлять как единым целым. Своим московским противникам он говорил: «Вы что, хотите в любом случае готовиться к ядерной войне? Я — нет. В этом и состоит разница»⁷⁴.

Дело биографов рассказать, какими путями и под воздействием каких культурных веяний Горбачев пришел к формулированию своих идей. Несомненно, в этом ему помогло чтение того, что традиционный советский политический деятель обычно не читал. В его размышлениях относительно ядерной эпохи можно обнаружить отражение мысли Эйнштейна и философа Рассела. Заметно также влияние сосланного в Горький диссидента Сахарова, которого в конце 1986 года Горбачев вернул в Москву в надежде найти в нем союзника⁷⁵. Но не менее ощутимым был и вклад, восходящий к лучшим традициям большевистского и советского интернационализма, как бы они ни были искажены политической практикой Сталина и его последователей. В 1986–1987 годах благодаря Горбачеву интернационализм достиг уровня, который впоследствии оказался наивысшим.

Но это был и самый высокий уровень, когда-либо достигнутый интернационалистским восприятием мира. Сегодня, как и с самого начала, мы можем констатировать, что концепция Горбачева контрастировала с тенденциями противоположного толка, развивавшимися в СССР и за его пределами. Конфликт, по-видимому, был неизбежен. Однако стоит вспомнить, что идеи Горбачева нашли тогда широкий отклик, особенно за пределами Советского Союза, и способствовали созданию той чрезвычайной популярности, которой он был многие годы окружен в самых различных регионах планеты.

В этой связи уместно вспомнить слова, которые крупный русский историк посвятил одному малоизвестному и неудачливому реформатору XVIII века: он был «из тех государственных деятелей, которые появляются и в темные времена народной жизни, помогая своим появлением мириться не с этими временами, а со страной, которая их допускает в своей жизни»⁷⁶. Такие определения годятся для пророков в том смысле, в каком этот термин использовался Макиавелли. Напомним и о том, как наш современник высказывался об одном из государственных деятелей XX века, живущем на другом континенте и весьма далеком от Горбачева по темпераменту и по масштабу: «Пророки выполняют свою роль, вдохновляя простых людей своими предвидениями, но платят за это тем, что эти предвидения пожирают их самих». Не подходят ли эти слова и для Горбачева? Тот же автор добавил, однако: «Но о государственном деятеле нельзя судить только как о философе или мечтателе. В определенный момент он должен воплотить свою интуицию в жизнь, наталкиваясь на жесткое противодействие материала»⁷⁷. Это опасный переход, который Горбачев не смог, не сумел или не имел времени пройти до конца.

Разногласия в верхах

В аналитических размышлениях, которыми сопровождался крах перестройки, распространение получила идея, что исход ее был предрешен. Речь идет о тезисе насчет нереформируемости СССР. Поскольку — нам говорят — советскую «систему» реформировать было нельзя, то горбачевская попытка преобразовать ее, при всем ее благородстве, была обречена на неуспех. Неизбежно, что конструкция советского государства рухнет, едва из нее вынимают какие-нибудь опоры. Подобные рассуждения получили широкое распространение как в бывшем СССР, так и за его пределами*.

Этот железный детерминизм не нов применительно к подходу к истории Советского Союза. И прежде, да и теперь он широко используется, к примеру, для объяснения генезиса сталинизма как явления также фатального, ибо в нем видят неизбежное следствие русской революции и деятельности Ленина¹. Должен признаться, что пишущему эти строки подобное видение мира довольно-таки чуждо. Даже если и существуют «законы», определяющие тенденции в развитии человеческого общества, то исход того или иного движения, результаты осуществления политического проекта далеко не предопределены. Они — результат выбора, сделанного в тот или иной момент действующими лицами. Это личное убеждение не могло не повлиять на представленное здесь изложение событий. Перестройка, несомненно, была делом чрезвычайно сложным. Любой информированный наблюдатель знал, что вероятность ее успеха составляла не более 50%. Глядя в прошлое, можно добавить, что для положительного исхода дела было обязательным по меньшей мере одно условие: единство намерений основных ее проводников. Не будем говорить обо всем руководстве догорбачевской КПСС: единство Политбюро, куда еще входило немало ближайших сотрудников Брежнева, в любом случае было невозможным, да и нежелательным для дела. Речь идет о том руководящем ядре, которое, казалось, сформировалось

* Следует отметить, что детерминистское истолкование советской истории приводит к позитивной оценке самых жестких консервативных установок, например, Брежнева или Суслова. В глубине души прежние руководители были убеждены, что как только будут начаты хотя бы некоторые изменения, рухнет все советское общество. В частных беседах, но иногда и публично они именно этим обосновывали свое неприятие реформистских предложений.

вокруг Горбачева, одобряло основные направления перестройки и сделало ее собственным знаменем. Менее чем за два года именно это ядро оказалось необратимо расколовшимся на противостоящие группы, враждебные не только в силу различных представлений о перестройке, но и в силу общего неприятия авторитета Горбачева как высшего ее представителя; причем каждая группа намеревалась заменить его своими кандидатами, стоящими на противоположных позициях.

Явление это станет понятным только в том случае, если в деталях вспомнить общее состояние духа того времени. Среди людей, писавших хронику событий и мемуары, было весьма распространено суждение, будто поначалу Горбачев и его перестройка были восприняты чуть ли не единодушно. На самом деле это лишь видимость. Не случайно это мнение особенно часто исходит от тех, кто в то время активно работал в партии, в ее аппарате, в руководящих учреждениях государства. Здесь, где более всего было комплексов по поводу пагубного воздействия долгого брежневского иммобилизма, действительно преобладала надежда, что наступило время перемен, динамизма, хотя никто толком не понимал, в чем именно должно было состоять обновление. Однако в целом по стране дело обстояло гораздо сложнее.

В глазах общественного мнения перестройка стартовала с тяжелым балластом, избавиться от которого было нелегко. Чтобы добиться доверия к себе и своим намерениям, Горбачев не мог избежать критического пересмотра деятельности своих предшественников. Только на такой основе в широких кругах общества были готовы поверить в его искренность. Но такой прием слишком часто применялся и раньше, когда вся вина сваливалась на одного человека, на вчерашнего главу государства. Так было тридцать лет назад, после смерти Сталина, и через десять лет после нее, когда сместили Хрущева. В обоих случаях критика исходила из уст людей, до последнего момента разделявших ответственность за те решения, которые они теперь критиковали. В первый раз страна была потрясена. Во второй раз — испытала чувство горечи. В третий раз эта запоздалая критика не оказывала воздействия. Никто более не мог убедить, что ответственность лежит на одном человеке или на нескольких государственных деятелях, а не на всем правящем слое, а точнее говоря, на стоящей у власти партии в целом².

Весьма отлична от изображения всеобщей поддержки картина, полученная на основании первых проведенных в то время социологических исследований. Речь, правда, идет о работах, не вполне вызывающих доверие, поскольку такого рода исследования в СССР имели за плечами небогатые традиции: во многих областях они едва начинались³. Однако в нашем случае эти исследования находят опре-

деленное подтверждение в многочисленных непосредственных наблюдениях. Социологи говорят, что уже в 1986 году новая политика встречала небольшую поддержку со стороны общественного мнения и эта поддержка быстро слабела в течение двух последующих лет, особенно потому, что немногие ощущали непосредственные выгоды от преобразований. Исследования 1987 года показывают, к примеру, что лишь 16% опрошенных считали, что перестройка идет хорошо, в то время как треть опрошенных не видела реальных результатов, а еще 31,4% полагали, что она идет медленно и с трудом.

Что касается правящих структур, то ответы опрошенных были еще суровее: только от 7 до 14% (в зависимости от области) замечали какие-то улучшения. За год до этого, в 1986 году, этот показатель был почти вдвое выше. Уже в начале 1988 года лишь 20–25% рабочих высказывались в пользу экономических реформ и ожидали от них хороших результатов. В провинции, особенно в деревнях, довольно распространено было мнение, что перестройка — это что-то далекое, о чем говорили в Москве и что затрагивало руководителей, а не простых граждан. Отсутствие энтузиазма, замешательство и даже опасения — вот довольно распространенная реакция в различных социальных слоях общества, не исключая интеллигенции и особенно многочисленной ее части — сотрудников научно-исследовательских институтов⁴. Как показывает опрос, проведенный в начале 1988 года, в некоторых промышленных районах от 60 до 80% рабочих не замечали особых изменений, а половина из тех, которые изменения замечали, расценивали их как изменения к худшему⁵.

То есть в общем преобладали безразличие, скептицизм и даже подозрительность. Хуже всего было то, что доверие и надежду испытывали в основном люди, пережившие в прошлом аналогичные всплески убежденности в необходимости нововведений. Им не хватало поддержки молодого поколения, которому брежневские годы оставили в наследство склонность к неверию и пессимизму. Эту картину не следует принимать за оппозиционную атмосферу: реакция на перестройку была более сложной и неопределенной. Это говорит о том, что нужно было в любом случае много потрудиться для мобилизации людей. Такая работа была под стать только сознательным политическим силам, организованным и сплоченным. Но именно на сей счет и прозвучали самые тревожные сигналы.

КПСС, имеющая в своих руках все рычаги власти, распоряжающаяся 19 млн. членов партии, присутствовавшая во всех социальных слоях и национальных группах⁶, по-прежнему представляла собой подавляющее большинство политически активного слоя страны. Не удивительно, что Горбачев рассматривал КПСС как организацию, в руки которой предстояло отдать судьбу перестройки,

особенно в самом начале, когда она была единственной политической силой в его распоряжении. Но партия, хотя по привычке и одобрила единогласно документы, в которых говорилось о реформах, в целом вовсе не была перетянута на сторону новой политики хотя бы потому, что сама должна была пройти радикальную перестройку. Эта задача позднее окажется «самой сложной из всех задач». В течение двух лет после XXVII съезда, на котором Горбачев раскрыл свои карты, он не раз жаловался на непонимание именно в рядах партии, в управленческом аппарате. Он ожидал, что именно на уровне промежуточных кадров и образуется настоящая пропасть между ним и страной, но с присущим ему упорным оптимизмом полагал, что все же здесь проявится склонность или даже готовность броситься в великое реформаторское предприятие⁷.

Причины неприятия, на которое натолкнулся Горбачев, были весьма многочисленны. В политической полемике того времени внимание привлекалось более всего к беспокойству руководителей на тот счет, как бы защитить интересы и привилегии их социального слоя, пресловутой номенклатуры, чувствующей угрозу в намерениях Горбачева. Этот фактор несомненно присутствовал и был отнюдь не мало важен. Но он не был единственным. Привыкшие думать совершенно по-иному, многие даже не поняли новых программ. Если для большинства основная забота состояла в том, чтобы не потерять власть, привычно осуществляемую авторитарными методами, то другие просто не знали, как выполнять свои функции в условиях демократии. И наконец, были и такие, кто искренне опасался за судьбы социализма, издавна отождествляемого с существующими порядками.

Приведу цифру, наглядно обобщающую сложность поворота партии к новым идеям. В первые два года горбачевского правления было заменено 60% секретарей райкомов и обкомов. Цифра эта не чрезмерна, если принять во внимание, что замены производились после долгих лет брежневской стабильности. Но даже такое широкое обновление не изменило общих тенденций. У молодых руководителей, призванных на смену старым, обнаруживались те же черты закостенелости, непонимания, нерешительности, неспособности изменить стиль руководства, стремления защитить собственные привилегии, действовавшие наряду с привилегиями других⁸. С аналогичной проблемой, хотя, правда, с обратным знаком, столкнулся в 30-е годы Сталин. Но сталинские методы, иногда циничные и жесткие, не соответствовали не только политическим целям Горбачева, но и образу мышления последнего. «Новым 1937 годом, — говорил Горбачев, намекая на массовый террор, к которому прибегнул тогда Сталин, — мы не принудим людей к перестройке»⁹.

¹¹ Зак. № 484

Ельцин и Лигачев

Разлад в верхних эшелонах власти начался с 1987 года. Последовавшая за ним политическая борьба изображалась, по наиболее распространенному стереотипу, как столкновение между реформаторами и консерваторами. Но это — журналистское упрощение. Оно вполне простительно в суеде описания повседневных будней, но не помогает пониманию того, что произошло позже. Горбачев считал 1987 год «критическим» для судеб перестройки¹⁰. Он начался с шага, который мог казаться решающим, что, впрочем, именно так и было оценено за рубежом. В январе состоялся пленум ЦК КПСС, где Горбачев как раз и поднял вопрос о руководящих кадрах, предлагая решить его на путях всемерного развития демократии в партии и в обществе. Этой программе суждено было еще более взбудоражить общество, но оно неизбежно испытывало все возрастающий страх, усиливало противоречия, а не старалось преодолеть их. Несколько месяцев спустя Горбачев признался на Политбюро, что испытывал давление «как справа, так и слева»¹¹.

В любом случае первый серьезный удар по его авторитету нанес не противник перестройки, но человек, представлявший себя решительным сторонником обновления. В сентябре 1987 года секретарь Московского горкома партии Ельцин подал заявление о выходе из Политбюро, куда он входил в качестве кандидата. Ельцин был уже тогда неординарной фигурой, хотя он еще и не пользовался широкой известностью. Ровесник Горбачева (ему было тогда 56 лет), он тоже вышел из среды секретарей обкома. В течение семи лет он возглавлял на Урале Свердловскую партийную организацию, третью по значимости после Москвы и Ленинграда. Если Горбачев имел два гуманитарных образования, одно из которых юридическое, то Ельцин, как и положено главе огромной промышленной области, имел техническое образование и по профессии был инженером-строителем. Его перевод в Москву был свидетельством постоянно возрастающего в советское время не только экономического, но и политического веса восточной части страны, Урала и Сибири. Сразу после назначения на пост секретаря столичной парторганизации Ельцин открыл местную партконференцию смелым, полным критики докладом. Отсюда и пошла его популярность¹². Месяц спустя, на XXVII съезде партии, его выступление было наиболее интересным после горбачевского. Он по своей инициативе включил в него важный пассаж: «Вы можете меня спросить: почему же об этом я не сказал на предыдущем съезде? Ну что ж. Могу ответить, и откровенно ответить: видимо, тогда не хватило смелости и политического опыта». Действительно, на предшествующем съезде Ельцин, как и все остальные, произнес хвалебную речь в честь Брежнева¹³. Но он

был единственным, кто в этом публично покаялся. Его популярность резко возросла. Он проявил необычайное политическое чутье. Более того, этим заявлением он показал замечательную способность уловить российское общественное настроение. Ельцин был глубоко и прежде всего русским человеком, по крайней мере настолько, насколько Горбачев был, напротив, интернационалистом. В чем и состояло первое глубокое различие между ними.

Уход Ельцина из Политбюро также оказался умелым политическим шагом, более значительным, чем показалось поначалу. Когда Горбачев отдыхал в Крыму, Ельцин написал ему о намерении оставить свой пост в Политбюро, поскольку и он встречал слишком много сопротивления и непонимания по ходу своей реформаторской деятельности. Горбачев позвонил ему, чтобы переубедить; попросил хотя бы повременить с исполнением этого решения. Приближалась годовщина, требовавшая деликатного подхода: 70-летие большевистской революции, и в качестве Генерального секретаря Горбачев намеревался предпринять серию новаторских инициатив, с которыми, он знал, будут нелегко соглашаться его коллеги. Все поднятые Ельциным проблемы Горбачев предлагал обсудить сразу после праздника. Ельцин согласился, по крайней мере такое впечатление сложилось у Горбачева. Но в октябре, как раз тогда, когда Центральный Комитет партии собрался для обсуждения доклада, с которым Генеральный секретарь должен был выступить в годовщину революции, Ельцин вновь поднял этот вопрос. Он просил отставки по трем причинам. Во-первых, из-за медлительности, с которой осуществлялась перестройка. Во-вторых, из-за конфликта с секретариатом партии и, в частности, с Лигачевым, хотя и содействовавшим его переезду в Москву, но чьей поддержки он не чувствовал. А третий мотив был самым неожиданным: Ельцин говорил, что вокруг Горбачева начинает складываться новый «культ личности», чего, впрочем, в то время никто не замечал, даже если Горбачев и казался неоспоримым лидером перестройки. Здесь-то и заключалась суть его жеста: это была первая жесткая личная атака на Генерального секретаря.

Эти факты, как и последующие, подтверждаются документами. Многие из них, если не все, имеются в нашем распоряжении¹⁴. Выступление Ельцина показалось присутствующим довольно двусмысленным и путаным. В заключение он подтвердил намерение выйти из Политбюро, оставив за Московским горкомом право определять кандидатуры на посты в руководстве столицы. Это было воспринято как намерение использовать московскую парторганизацию как личную крепость в борьбе против центрального руководства. Выступление Ельцина вызвало на пленуме целую бурю: 94 человека попросили слова и 25 из них выступили. Все набросились на Ельцина. Во многих выступлениях звучали нарекания по поводу «излишеств» перестрой-

ки. Как будто вдруг открылся клапан, через который получило наконец выход все недовольство, накопившееся за последние два года. Это были выступления, предупреждавшие Горбачева по крайней мере столько же, сколько и критиковавшие Ельцина. Горбачеву говорили пусть в косвенной форме, что он не должен заходить слишком далеко по избранному им пути. Говорилось, однако, не только это: против Ельцина выступил и такой убежденный сторонник перестройки, как министр иностранных дел Шеварднадзе.

Дело потом передали Московскому горкому партии. Его заседание напоминало аналогичные эпизоды в прошлом, особенно в хрущевские времена: публичная атака Горбачева против Ельцина, серия выступлений с осуждением виновного, путаная самокритика последнего (писавшего позднее в своих воспоминаниях, что он был серьезно болен в то время). Горбачеву, ощущавшему давление, возможно, даже шантаж со стороны двух своих противников, эта процедура могла показаться обязательной, поскольку следовала традиционным для партии правилам. Но именно с этого момента вокруг Ельцина возник ореол мученика, имевший столь важное значение в его последующей политической судьбе. Это не удивительно, если вспомнить о роли, которую фигура мученика веками играла в русской политической жизни. Та же тенденция в условиях общего кризиса в стране вновь выходила на поверхность.

Конечно, сегодня нам гораздо легче констатировать, что в тот период сторонники перестройки сильно недооценили важность возникшего конфликта. Многие тогда оценивали поведение Ельцина как политическую неотесанность, неопытность, торопливость или нетерпение: он хотел как лучше, а получилось неуклюже, как у медведя¹⁵. Последующие события показали, что на самом деле он обладал способностями куда более высокого уровня. Горбачев, вероятно, лишь отчасти понял это. Он медлил рвать с Ельциным. Он все еще рассматривал его как возможного союзника в борьбе против многочисленных явных и скрытых противников перестройки. По свидетельству многих очевидцев, он неоднократно пытался в те дни предложить Ельцину зацепку с тем, чтобы вывести его из-под наиболее тяжелых обвинений. Не преуспев в этом, Горбачев мог бы отделаться от Ельцина, сослав его в какое-нибудь посольство. Но он предпочел, чтобы тот остался в Москве, хотя и на второстепенном посту, где, тем не менее, Ельцин имел возможность продолжать строить свой политический сценарий¹⁶. Тогда под влиянием этих горбачевских решений родилась легенда о своеобразной игре с распределением ролей между Генеральным секретарем и, как его называла печать, «камикадзе перестройки», отважным первопроходцем, посланным вперед Горбачевым, вынужденным действовать более осмотрительно, но во всяком случае готовым прийти ему на помощь, как

только будет возможно¹⁷. На самом деле конфликт был гораздо глубже. Он не был следствием одного лишь столкновения характеров двух деятелей, как тогда принято было думать. Разница в характерах была. Но в выступлениях Ельцина уже наметилась политическая платформа, противостоящая позициям Генерального секретаря.

Как бы то ни было, но в те же дни, когда разгорелся конфликт с Ельциным, было очевидно, что Горбачеву приходилось иметь дело и с другими своими противниками. На роль выразителя иного политического направления выдвигался Лигачев, занимавший место второго секретаря партии. Он, так же как Горбачев и Ельцин, вышел из рядов секретарей обкома, в течение 17 лет возглавляя партийную организацию Томской области в Сибири. Старше Горбачева и Ельцина более чем на десяток лет, он был переведен в Москву Андроповым, доверившим ему тот организационный участок партии, от которого зависел подбор руководящих кадров. По своим взглядам и манере поведения он, несомненно, мог считаться среди новых руководителей партии человеком, стоявшим ближе всех к андроповским идеям, хотя сам Андропов, кажется, считал Горбачева способнее его. На посту второго секретаря он имел весьма могущественные позиции: по традиции со времен Хрущева и Брежнева в его обязанности входило председательствовать на секретариате — органе, наиболее влиятельном в партии после Политбюро (где председательствовал первый секретарь, т.е. Горбачев).

Все признавали за Лигачевым такие качества, как честность, высокую нравственность, даже аскетизм¹⁸. Что касается политических убеждений, то он, имея в виду общую положительную характеристику консерватизма, в том числе и на Западе понятую как «постепенное и осторожное» применение нововведений, не колеблясь объявлял себя консерватором¹⁹. «Самый последовательный из консерваторов Политбюро» — справедливо скажут о нем.

В первый момент создалось впечатление, что Лигачев в Политбюро противостоят скорее Яковлеву, нежели Горбачеву. С Яковлевым они не только различались по стилю и по характеру, но также расходились в понимании перестройки. В эти разногласия оказался втянутым Горбачев, в то время бывший ближе к Яковлеву, нежели к его противнику*.

Лигачев тоже говорил о перестройке, но его представление о ней, по его собственному признанию, было более «андроповским», нежели «горбачевским». В отличие от некоторых других членов Политбюро, он не выступал против каких бы то ни было преобразований.

* Уже в конце 1986 года расхождения между Лигачевым и Горбачевым заметил опытный иностранный наблюдатель, итальянский коммунист Оккетто. (А.Рубби, указ. соч., с. 118–119).

Критикуя правление Брежнева, он ратовал за борьбу с коррупцией, хотел больше порядка, дисциплины, больше эффективности, лишь бы это происходило при сохранении основных параметров советского государства и его экономики, как было до тех пор, и при твердом удержании в руках КПСС рычагов управления страной²⁰. Поэтому и пересмотр им прошлого не выходил за рамки критики некоторых прежних руководителей. Он был искренен в убеждении, что такой подход единственно совместим с общим благом. Поначалу он не столько выступал против Горбачева, сколько пытался перетянуть его на свою сторону. Но этого же хотел и Яковлев²¹.

Конфликт между Горбачевым и Лигачевым стал очевидным в марте 1988 года. Но уже за год до этого Горбачев говорил на заседаниях Политбюро о проявлениях того, что он называл «возникающей оппозицией» своей политике²², заключавшейся в плохо замаскированной настороженности, в непонимании, в неприятии самого слова «реформа» и даже в саботаже принимаемых решений. Он досадовал, что политическая дискуссия грозит перейти в диспут относительно того, «кто больший, а кто меньший сторонник социализма»²³. Но именно эту почву Лигачев выбрал для обоснования своей концепции перестройки. Темой столкновения стали размышления по поводу советской истории, с которыми выступил Горбачев в 70-ю годовщину революции. Лигачев выступил осторожно. Не вступая в полемику с Генеральным секретарем, он представил свои идеи как более «уравновешенное» видение прошлого, которому он во всяком случае был склонен дать более положительную оценку по сравнению с горбачевской. Но истинное расхождение было связано не столько с историей, сколько с политикой и, соответственно, с характером и размахом предстоящих реформ в социалистическом обществе²⁴.

Было еще несколько стычек, но искрой, от которой разгорелось открытое столкновение, стало письмо неизвестной тогда преподавательницы из Ленинграда Нины Андреевой, опубликованное на видном месте в газете «Советская Россия» под полемическим заголовком «Не могу поступиться принципами»²⁵. Горбачев в это время находился в поездке по Югославии. Статья была написана умелой рукой. Автор выступала как раз в защиту ценностей социализма и прошлой советской истории, против тех, кто слишком плохо о ней отзывался. Хотя в общем плане она и была направлена против «очернителей» прошлого и его ценностей, в ней нетрудно было заметить атаку на позиции Горбачева. Сама по себе статья не вызывала нареканий, по мнению Горбачева, поощрявшего свободу мысли. Однако, вернувшись в Москву, он обнаружил, что целый ряд крупных партийных организаций, начиная с Ленинградской, воспринял эту статью как «директиву» Москвы, как официальную позицию. Во многих местах статью поторопились перепечатать и распространить²⁶. В своих вос-

поминаниях Лигачев уверяет, что не имел отношения ни к редактированию письма Нины Андреевой, ни к его распространению, хотя и не отрицает, что был согласен с его общей установкой и основными тезисами²⁷. Вскоре Горбачев обнаружил, что многие из его коллег в Политбюро поддержали инициативу и представили ее как пример для подражания. Помимо Лигачева в ее поддержку выступили также Воротников и Громыко. Тогда Горбачев попросил официального прояснения дела.

Следующее заседание Политбюро длилось два дня — 24 и 25 марта: ситуация была на грани раскола. Горбачев не скрывал ощущения, что он находится перед лицом «платформы, направленной против перестройки», но вынужден был также констатировать, что тезисы Андреевой разделяли и некоторые из тех присутствовавших на заседании, кого он прежде считал своими сторонниками. Правда, некоторые из них поменяли свои позиции в ходе обсуждения²⁸. Было решено, что «Правда» опубликует ответное письмо. Оно было написано группой авторов, возглавляемых Яковлевым, и вышло в свет 5 апреля. Письмо Нины Андреевой было определено в нем как «антиперестроечный манифест». Письмо было опубликовано несмотря на нежелание главного редактора «Правды», который, в свою очередь, не колеблясь, объявлял свою газету, неизменный официальный орган КПСС, самой консервативной из всех советских газет²⁹.

Горбачев таким образом заработал очко в свою пользу. Но в сочетании с делом Ельцина этот эпизод показал, что политическая борьба против него только началась. Когда он собрал секретарей обкомов, чтобы «прощупать» настроения в партии, то получил заверения в лояльности, но его искушенный слух не мог не уловить, что в этой группе ответственных за управление страной людей исподволь присутствовала невысказанная враждебность к его политике. Сама Нина Андреева была малозначительной фигурой. Но то, что она написала, или то, что ей предложили написать, отражало довольно распространенное направление взглядов. Причем, в отличие от того, что думали в то время, они были характерны не только для тех в аппарате, кто не желал ничего менять в существующем порядке вещей.

Яковлев и интеллигенция

В ходе этих критических месяцев на первый план выступила также фигура Яковлева. Его имя уже несколько раз мелькало на страницах этой книги. В событиях после XXVII съезда партии ему отводилась роль «идеолога перестройки»; сам он поощрял использование этого определения, хотя оно и мало соответствовало действительности.

ти³⁰. Неизвестны его статьи, где высказывались бы оригинальные тезисы. Хотя он неоднократно давал понять, что было бы лучше, если бы Горбачев больше с ним соглашался. Невозможно найти его собственную концепцию перестройки, которая отличалась бы от горбачевской или хотя бы в чем-то упреждала. Возможно, что плохую службу Яковлеву сослужили его посредственные литературные и ораторские данные. Значимость сыгранной им роли является, скорее, результатом его способности выразить в рамках горбачевского Политбюро настроения и чаяния наиболее активных групп интеллигенции того периода. Яковлева можно было бы назвать рупором интеллигенции. Хотя последняя его нередко обгоняла. Таким образом, фигура Яковлева приобрела значение только в качестве отражения влияния, оказанного интеллигенцией в последующих превратностях перестройки вплоть до ее краха.

Русская история не раз побуждала интеллигенцию брать на себя политическую инициативу, если не руководство, что в других странах в различных обстоятельствах делалось иными социальными группами. Горбачева подтолкнули к тому, чтобы он ориентировался именно на интеллигенцию с первых шагов своего правления, как только он осознал, что не может рассчитывать на активную поддержку КПСС в целом, — ту движущую силу перестройки, которую он искал и которую армия коммунистов смогла поставить ему лишь отчасти. Горбачев должен был найти среди интеллигентов тех, кто принял бы его сторону и мог заделать брешу, обнаружившиеся в рядах КПСС. В этом выражалась его надежда, по крайней мере на бумаге: интеллигенция представляла собой единственный социальный слой, сразу получавший от перестройки определенные блага.

Огромным завоеванием, которым русская интеллигенция обязана Горбачеву, стала свобода мысли и слова. Гласность дала ей большие возможности. Еще до официального ее провозглашения в политическом климате страны слышались голоса, призывающие людей открыть наконец рты. Свободы печати еще не было: официально в форме специального закона она будет провозглашена только в 1990 году. Но от цензуры еще до ее отмены отказались: в газетах и журналах цензоры еще сохраняли свои кабинеты, но уже не влияли на то, что публиковалось. Новые инструкции отнимали у них охоту делать это. Попытка блокировать некоторые публикации была дезавуирована сверху. Были заменены главные редакторы многих периодических изданий, особенно журналов, принимавших наиболее активное участие в культурных дискуссиях. На съездах некоторых крупных союзов, в первую очередь кинематографистов и писателей, были обновлены секретариаты организаций. Так началось широкое и в первое время многообещающее коллективное размышление относительно советского общества и его проблем. Периодическая печать

также обрела былую живость. Темы, еще несколько месяцев назад считавшиеся запретными, заполнили страницы газет, сталкивались противоположные мнения. Люди, прежде обреченные на молчание, публиковали свои воспоминания. Стали обычным делом дискуссии, «круглые столы». В общем, доселе серая печать брежневского периода вдруг расцвятилась всеми цветами радуги. Из занудной она в течение нескольких недель стала захватывающей: тиражи изданий выросли и раскупались мгновенно.

Гораздо медленнее приходила в движение работа среди историков. Даже исследования и обсуждения прошлого поначалу проводились не ими, а людьми других профессий — литераторами, кинематографистами, драматургами, авторами мемуаров. Отсюда и тот специфический уклон, который с самого начала получило обсуждение проблем. Преобладала моральная, философская, религиозная, а не фактическая направленность.

Потрясением стал выход на экраны в начале 1988 года фильма грузинского режиссера Абуладзе «Покаяние». Используя специфический язык, сочетавший яркую аллгорию с документальным реализмом, фильм осуждал сталинизм во всех его проявлениях и все современные диктаторские режимы. Некоторые из выражений, использованных в фильме, вошли в повседневный обиход. Темы искупления, общие темы относительно угрызений совести, трансцендентального смысла истории получили много более широкое распространение, нежели вопросы научного исторического исследования³¹.

Решающим для возникновения исторической дискуссии — пусть запоздалой — стало выступление Горбачева 6 ноября 1987 г., в канун 70-й годовщины Октябрьской революции³². На этот текст мы уже ссылались неоднократно, поскольку он оказал воздействие как на политическую борьбу, так и в плане свободы культуры. Текст выступления во время его подготовки вызвал дискуссии в Политбюро, где многие были озабочены, как бы Горбачев в нем «не сказал лишнего». Горбачев защищал свой текст, отвечая, что «многие, если уж говорить, ждут большего и во всяком случае меньше сказать нельзя»³³. В своей речи он высказал насчет прошлого суждения, коренным образом отличавшиеся от того, что прежде говорилось в официальных публикациях по истории партии. Основные этапы советской истории были рассмотрены под иным углом зрения. Сталин обвинялся в «преступлениях, которым нет прощения», о его противниках говорилось либо с симпатией (например, о Бухарине), либо с уважением (о Троцком). Впервые руководитель государства публично произнес их имена. Обращаясь к ученым, Горбачев призвал их устранить многочисленные «белые пятна», мешавшие советскому народу узнать собственное прошлое. Но самым ценным было то, что он не претендовал на создание новой официальной версии истории

СССР, а распахивал двери перед исследователями, чтобы они занялись, наконец, своей работой.

Лишь после этого раскрепощающего выступления — да и то не сразу — стали появляться исторические публикации в книгах и журналах, где часто менялись редакционные коллегии³⁴. Однако весьма быстро обнаруживалась тенденция просто ставить с ног на голову предыдущие суждения. Вновь разгорелась дискуссия о сталинизме, но и в этом случае место анализа заняло усердие в обвинениях. Появилась тенденция к созданию нового ортодоксального варианта советской истории, пусть и не официального, который был бы просто ее обратным изображением относительно прежнего, то есть появилась тенденция к превращению исторической науки в орудие политической борьбы. Все это, по правде говоря, произошло не сразу. В первый момент возобладал эффект ниспровержения как следствие разрешенной свободы. Были возвращены из небытия давно вычеркнутые или забытые имена, скрытые трагедии, неведомые исторические эпизоды. Возобновилась планомерная юридическая и моральная реабилитация жертв сталинских репрессий без разбора, как это было во времена Хрущева. С имен осужденных в громких процессах 1936–1938 годов (Бухарина, Каменева, Троцкого), а также в процессах, организованных против людей самой различной политической ориентации, были не только сняты позорящие клеветнические обвинения, тяготевшие над ними полвека, но им была возвращена честь. Возникло общество «Мемориал» с целью отдать должное тем, кто тогда пострадал. В общем, создавались предпосылки для того, чтобы общество вновь обрело ту память, которой оно так долго было лишено. Наконец, были освобождены все последние политические заключенные.

Неудивительна поэтому надежда Горбачева на то, что именно из рядов интеллигенции, увидевшей перед собой долгожданные возможности, и придет новая политическая поддержка перестройки, что она наведет мосты, вновь налаживающие связи между страной и властью, взявшей за выполнение трудной реформаторской задачи. Но именно здесь его ждали самые жестокие разочарования. Один из его самых верных сотрудников написал позднее: «Издавна заложенный в природе русской интеллигенции разрушительный комплекс в отношении к любой власти, не раз губивший дело прогресса в стране, сказался здесь вновь. И это имело драматические последствия для расстановки сил в демократическом лагере, для всего процесса реформ»³⁵. Там, где такой реформатор, как тогдашний министр иностранных дел Шеварднадзе, напоминал, что «переход к демократическим формам правления должен осуществляться мягко... не разрушая существующих структур, но преобразуя их постепенно (...поскольку), постепенность эволюции приоритетна», напротив, уже начиная с 1988 года распространилось

среди интеллигенции убеждение, что реформа не может быть успешной, если прежде не разрушить «до основания» старую систему, если полностью, *tabula rasa*, не отказаться от существующих порядков. Значительную роль в этом резком обращении в новую веру сыграли именно те научно-исследовательские коллективы, которые так сильно разрослись во времена Брежнева. И несколько не помогали предостережения того же Шеварднадзе, напоминавшего: «Прошлое — это здание: разрушая его, мы рискуем погибнуть под развалинами»³⁶. Но это были слова, которые никто не хотел слушать.

Русскую интеллигенцию нередко упрекали в том, что она колеблется между бесцельным бунтарством и преклонением перед властью, как только та становится деспотической. Упрекали многие. После неудавшейся революции 1905 года упрек такого рода был сформулирован либеральными интеллектуалами в знаменитом сборнике «Вехи». Он был повторен в 20-х годах историками из кадетской партии, потерпевшей поражение в гражданской войне. Во второй половине 80-х годов мы находим его в работах столь далеких друг от друга людей, как консерватор Лигачев и находящийся в изгнании Солженицын³⁷.

И все же в такой формулировке упрек не отражает с необходимой точностью то, что представляло собой историческую слабость русской интеллигенции, за которую она часто платила очень дорого. Помимо заслуг в области культуры за русской интеллигенцией, по меньшей мере за ее лучшими представителями, следует признать выдающуюся способность в решающие моменты руководствоваться высокими соображениями морали, что сопровождается, к сожалению, почти полной политической немощью. Некоторые из представителей самой интеллигенции говорили даже об «инфантилизме» или о политической «безграмотности»³⁸. Более точно звучит высказывание современного историка, определившего это свойство как «нравственный максимализм, обреченный на поражение и превозмогающий эту предопределенность, у которого нет прямого перевода в Дело и который поэтому остается без Дела»³⁹. Интеллигенция проигрывает в политической борьбе, потому что отказывается признавать требования политики, всегда рассматриваемые ею как нечто порочное. Она проявляет или недостаточную склонность, или прямое презрение к конкретным программам, к постепенности в достижении целей, к необходимости посредничества и компромиссов, но особенно к терпеливому достижению консенсуса, кропотливого обеспечения народной поддержки выдвинутым ею же предложениям. Интеллигенция точно знает, чего она не хочет. Хуже знает, чего хочет. И вовсе не знает, как добиться желаемого.

Недопустимо не принимать во внимание влияние, которое этот вид «политической культуры», распространенный более всего среди

левых, но не только среди них, оказал на развитие и результаты русской революции 1917–1918 годов. Не забывал об этом и Горбачев, который в конце концов адресовал свои упреки самому Ленину⁴⁰, что справедливо лишь отчасти, ибо если правда, что Ленин и большевики были слишком снисходительны к проявлениям этой тенденции в революционном процессе, также верно и то, что позже именно они, и прежде всего Ленин, пытались по ходу дела скорректировать эту культурно-политическую особенность сформировавшей их традиции. Как бы ни оценивать революцию, нельзя не видеть, в какой степени эта особенность в процессе русской истории парализовала всякое реформаторство в России, способствуя его многократным провалам. Начиная с 1988 года эта тенденция привела к появлению среди тех, кто все еще считался сторонником перестройки, радикального крыла, называвшего себя демократическим. Оно как бы присвоило себе монополию на это определение и сыграло значительную роль в последующие три года, прежде чем было опрокинуто и сметено на обочину жесткой реальностью политической борьбы. Горбачеву пришлось пережить этот процесс не только как общественную, но и как личную драму⁴¹. Неудачное использование им термина «революция» применительно к перестройке поощрило разрушительный радикализм больше, чем задуманное им реформистское обновление. Не проводя вводящих в заблуждение аналогий, отметим, что его судьбу сравнивали с судьбой Александра II, царя-реформатора XIX века, погибшего от руки других радикалов из среды интеллигенции⁴².

Во время горячих дискуссий в верхах КПСС Горбачев выступал в защиту радикалов из интеллигенции при поддержке одних, например того же Яковлева или менее известного на Западе Вадима Медведева, но при несогласии других. Нападки на перестройку в Политбюро или в ЦК партии почти всегда акцентировались на средствах массовой информации, печати и телевидении. Нападающие требовали, чтобы руководство партии снова взяло их под контроль, используя в том числе и авторитарные методы. Горбачев не поддавался этим требованиям. Даже когда он не разделял избранной газетами политики, он предпочитал встречаться с главными редакторами, обсуждать, доказывать, может быть, полемизировать, но не прибегать к насильственным мерам. Он пытался скорее ввести в те органы печати, которые были призваны ему помогать, интеллектуалов, обладающих бесспорным авторитетом. Как и в контактах с иностранными собеседниками, он применял методы убеждения, рациональные доводы, опирался на силу слова, веря в его эффективность и в свои незаурядные способности его использования. Вера эта оказалась чрезмерной. Его укоряли: слишком много говорит. Он действительно говорил очень много. Но в последний раз обратимся к Макиавелли:

делал он это — неизвестно, осознанно или нет, — потому что все чаще был вынужден «просить», а не навязывать свое.

Правовое государство

Показательным примером непонимания между Горбачевым и интеллигенцией был случай с историком Юрием Афанасьевым, одним из наиболее активных участников культурно-политического движения, которому дала начало перестройка. (Не путать с ранее упомянутым Виктором Афанасьевым, тогдашним главным редактором «Правды».) Горбачев сделал все, чтобы Ю. Афанасьев был избран делегатом на XIX конференцию КПСС в июне 1988 года. Поскольку в первый раз кандидатура Афанасьева была отклонена, Горбачев настоял на том, чтобы его выбрали по линии другой парт-организации. Вскоре после конференции Афанасьев стал непримиримым противником Горбачева, выступая со все более радикальных позиций. И это не единственный пример такого рода. Многие другие интеллектуалы Москвы и Ленинграда были обязаны Горбачеву своим участием в конференциях и вообще своим политическим влиянием в этот период, но немного было нужно, чтобы, в свою очередь, и они обрушивались на Горбачева, более-менее с тех же позиций, что и Афанасьев⁴³.

XIX партконференция была важным этапом в истории перестройки. Она состоялась в момент, когда трудности на ее пути повсюду становились очевидными. Экономика не обнаруживала признаков того подъема, на который рассчитывали. За некоторые дела взялись с чрезмерным легкомыслием. Было дано обещание решить жилищную проблему к концу текущего столетия, предоставив всем необходимую жилплощадь. Но уже с первых шагов стало понятно, что принятая программа вряд ли будет выполнена⁴⁴. Не видно было положительных последствий новых инвестиционных программ. Позднее, критически анализируя это время, Горбачев скажет, что он совершил ошибку, сделав ставку на быструю модернизацию обрабатывающей промышленности, в то время как доходнее было бы начать с сельского хозяйства и производства товаров широкого потребления⁴⁵. Может быть, это и верно, но речь идет об одном из тех гипотетических размышлений, которые никогда не удастся проверить.

Реформы начались. В период с 1987 по первые месяцы 1988 года было принято три закона. Один — о предприятиях, предоставлявший отдельным промышленным предприятиям значительную свободу действий и управления, стимулируя их к самофинансированию. Второй закон — о кооперативах, особо поощрявший деятельность в области мелкого производства, в сфере обслуживания и в торговле. И нако-

нец, третий — закон о сдаче в аренду отдельным группам крестьян или семьям земель и техники для независимой от колхозов работы. Все три закона столкнулись с немалыми трудностями в практическом их применении.

Преграды возникали не только из-за сопротивления консерваторов, определялись не только ущербом, нанесенным их интересам. Такое было всегда достаточно очевидно. Но новым законам противостояли и явления, возникшие, как мы видели, во времена Брежнев и не исчезнувшие после его смерти. Все меньше выполнялись распоряжения центрального руководства. Прежнюю дисциплину было трудно восстановить, особенно в то время, как доминирующими ценностями становились факторы самостоятельной инициативы. С другой стороны, «теневая экономика», в значительной степени основанная на противозаконной деятельности, находила в возникавших формах кооперативной и частной деятельности новые возможности для развития. Выработанные нормы были рассчитаны на то, чтобы дать «теневой экономике» юридические рамки, сбрасывающие с нее покровы «подпольности». Но там, где она сформировалась вопреки закону, «теневая экономика» чуждалась перехода на рельсы правовых норм, как бы либерально они ни формулировались. Сопротивление выполнению законов нередко оказывали работники сферы распределения и торговли, более других выигрывавшие в прошлом от существования параллельных экономик⁴⁶. В свою очередь, противники преобразований черпали в этих явлениях свои доводы, чтобы огульно отрицать необходимость реформ или избежать их осуществления.

Почти никто из политических руководителей, в первую очередь Горбачев, не имел экономического образования. Они просили совета у экономистов. Но и те не имели готовых ответов на их вопросы — сказывался длительный застой экономической мысли в СССР. Впрочем, дискуссия на экономические темы очень быстро была подмята требованиями политической борьбы. Борьба в верхних эшелонах власти стала одновременно причиной и следствием возникшей напряженности. Не только печать переживала счастливые времена и позволяла звучать различным голосам в открытом споре. Если образование новых партий еще не было юридически дозволено, то какой-то компенсацией стала открытая возможность учреждать «неформальные организации», которые должны были создать предпосылки партийной деятельности. В течение нескольких месяцев их появилось несколько тысяч: в основном это были мелкие группы на местах, особенно молодежные⁴⁷.

Столкнувшись с трудностями, Горбачев решил удвоить ставку, решительно нацелившись на реформу политической системы. Такая реформа и была целью XIX партийной конференции. По крайней

мере в стремлениях Генерального секретаря. По мере приближения конференции ужесточились стычки в верхнем эшелоне власти. Готовясь к ней, Горбачев обращал внимание прежде всего на решения и документы, которые должны были быть приняты. Для их разработки он организовал авторитетные и компактные рабочие группы, действовавшие эффективно, несмотря на не раз возникавшие внутренние расхождения. Общим смыслом конференции должны были стать политические изменения, не менее радикальные, чем в области экономики. В группе наиболее близких соратников Горбачева проложила себе путь идея, что одно невозможно без другого. Мысль, которую позднее Горбачев обобщенно сформулирует следующим образом: «Если бы мы не предприняли политической реформы, перестройка бы погибла»⁴⁹.

Центральной идеей всего проекта была замена идеологизированного государства, построенного Сталиным, государством правовым.

Горбачев использовал термин «правовое государство» накануне конференции. Еще и сегодня можно задаться вопросом, было ли тогда ясно, что за этим стоит. Правового государства не существовало не только после революции в СССР, но и в предреволюционной России. Правда, в первый момент приоритет был отдан восстановлению старой революционной формулы: «Вся власть Советам!» Что уже само по себе представляло важный поворот, поскольку означало отобрать высшую власть у партии, которая сохраняла ее по сталинской и послесталинской конституциям, и передать ее избранным органам. Но по ходу подготовки и проведения конференции, а также в последующем развитии получила распространение уверенность, что этого недостаточно, поскольку правовое государство требует, чтобы произошло разделение основных ветвей власти и чтобы власть не сосредоточивалась в органах только одного рода, сколь бы демократическими они ни были.

На XIX партконференции Горбачев обязался провести в течение года подлинные выборы, где могли бы соперничать несколько кандидатов. Данное обещание оказалось выполненным до означенного срока, хотя это был нелегкий шаг. Начиная с 1936 года, то есть в течение более 50 лет, выборы в СССР неизменно оставались плебисцитарными. Они являлись, по выражению самого Горбачева, «выборами без выбора». Каким образом организовать переход от одного к другому, поначалу было неясно даже ему. Горбачев предложил, чтобы секретари партийных организаций различных уровней, то есть те, кто до тех пор оставался высшим держателем власти, выдвинули свои кандидатуры также и в председатели исполкомов Советов. Предложение могло показаться противоречащим идее отделения государства от партии, но оно приобретало смысл при соблюдении условия, которым его сопровождал Горбачев: секретари тоже должны избираться

на основе состязания, конкурентной борьбы кандидатов, а в случае провала должны оставлять также и руководство комитетом партии. В общем, никто не мог надеяться на командный пост по праву иного рода, чем избирательное. Таким образом, Горбачев бросал вызов большей части наиболее влиятельных делегатов конференции, которые вынуждены были проходить проверку, если хотели сохранить свое место. Но еще большему испытанию он подвергал свое собственное положение, и оглушительные аплодисменты, раздавшиеся со стороны некоторых его критиков, показали ему это, хотя никто еще не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы требовать его головы.

Конференция отличалась от съездов партии, к которым советские люди привыкли за 60 лет. Надо было вернуться к первому после-революционному десятилетию, чтобы найти там нечто подобное. Страсти сдерживались с трудом. Видимость единодушия, кое-как сохранявшаяся еще два года назад на XXVII съезде партии, теперь вдребезги разбилась о выступления, дерзко противоречащие одно другому. Открыто сталкивались две противоположные концепции перестройки. Ельцин и Лигачев взяли слово во взаимной полемике. Но чуткое ухо уже могло уловить, что и тот и другой метили не столько в противника, сколько в самого Горбачева. Начать с того, что оба пытались навязать ему свои условия. Но была в их словах тень угрозы: мы можем и сбросить тебя, если не пойдешь с нами. Горбачев не уступил ни одному, ни другому, хотя вновь полемизировал с Ельциным. Позднее все и по разным причинам ставили ему в упрек этот отказ сделать выбор⁵¹. Но у Горбачева уже зарождалось беспокойство, как избежать преждевременных разрывов, которые, он чувствовал, предвещали грядущую катастрофу.

Горбачев знал, что идея, на которой он построил конференцию, сама по себе могла «ошеломить товарищей из Политбюро»⁵². Удар теперь приходился в самое сердце сталинских концепций. Отделение партии от государства было плодом правового государства. Наиболее рискованный вызов состоял в другом: КПСС не должна была более оставаться государственным институтом, важнейшим из всех институтов советского государства. Она должна была стать политической партией, силой, способной выдвигать идеи, обеспечивать консенсус, в том числе и за рамками официальных государственных каналов, то есть способной помериться силами с соперничающими организациями. Но партия по ее исходной концепции, задуманной и осуществленной Сталиным в противовес самому Ленину, была структурой, несущей на себе всю конструкцию государства. Сдвинуть этот столп — значит подвергнуть риску обвала всю конструкцию⁵³. Один из основных сотрудников Горбачева констатировал, что «сразу после XIX партконференции по всей стране начали ослабевать структура и

авторитет власти», а через несколько месяцев эти явления резко обострились⁵⁴.

Не отступая от идей конференции, Горбачев ускорил реформу самих руководящих органов КПСС. Речь шла не только о смене лиц, входивших в их состав, притом что несколько месяцев спустя, в апреле 1989 года, сотне старых руководителей пенсионного возраста было предложено подать в отставку. Горбачев потребовал сокращения аппарата, необходимого в связи с отказом КПСС от административных функций. И наконец последовал самый решительный шаг: Горбачев выдвинул идею о некотором приземлении вознесшегося в заоблачные выси Секретариата партии⁵⁵. Номинально он продолжал существовать, но выживал чисто формально. Главные функции его были переданы комиссиям Центрального Комитета, возглавляемым наиболее влиятельными членами ЦК. Комиссии, в отличие от Секретариата, могли лишь ориентировать, а не руководить, как в прошлом Секретариат. По традиции Секретариат оставался самым узким по составу органом партии, тем, что действовал подобно Политбюро, нередко подминая его под себя. Сталин задумал его как средоточие своей необъятной власти. Та роль, которую исполнял Секретариат, обеспечивала легитимность власти всех преемников Сталина и последнего из них — Горбачева. В его исчезновении более, чем в какой-либо другой реформе, отразилось стремление Горбачева дать жизнь правовому государству.

Наступление национализма

Выполняя роль опорного столпа государства, коммунистическая партия, кроме того, была структурой, цементирующей Союз Советских Республик. Такой она была со времен Ленина, задумавшего ее как партию наднациональную и всегда противившегося ее превращению в федерацию национальных партий. Со Сталиным партия превратилась в орудие жесткой централизации государства, ограничения самостоятельности республик: Сталин создал централизованную партию — гарант унитарного государства. Именно по этому пункту и разгорелся его наиболее острый конфликт с Лениным⁵⁶. Эта установка осталась практически неизменной и после смерти Сталина, особенно когда закончился хрущевский период. При всем том было бы упрощением рассматривать ее только как средство проведения имперской политики. Вернее будет сказать, что между центростремительными и центробежными силами, постоянно пересекающимися друг с другом в жизни советских народов, КПСС более отражала первую, нежели вторую тенденцию, хотя последняя неоднократно проявляла себя в коммунистических организациях союзных республик.

То есть реформа Горбачева не могла не затронуть структуру Союза. И все-таки можно сказать, что Горбачев еще рассчитывал, как в свое время Ленин, сохранить объединяющий характер партии, пусть в рамках государства, которому в целях своего демократического развития предстояло децентрализовать многие функции, передав их республикам.

Это была нелегкая задача. Ситуация была слишком напряженной. Осложнилась считавшаяся слишком долго решаемой, а значит, запущенной, проблема национальных отношений в Советском Союзе. Позднее свою основную вину руководители перестройки видели в том, что с самого начала не рассматривали эту проблему как определяющую для будущего⁵⁷. Хотя тот же Горбачев давал понять, что осознает ее важность, говоря о ней с иностранными собеседниками еще в то время, когда не был Генеральным секретарем⁵⁸. Нам трудно судить, могла ли большая оперативность изменить ход событий. Один из сигналов поступил достаточно быстро. В конце 1986 года был смещен Кунаев, руководитель партии в Казахстане. Кунаев был типично брежневским руководителем — могущественным и ловким, почтительным к Москве, но способным сохранить для себя пространство для самостоятельных действий на родине, где он окружил себя доверенными и не очень разборчивыми людьми. Он рассчитывал на свое окружение. На его место был поставлен русский, Колбин. В ответ последовали яростные демонстрации протеста в Алма-Ате, но значение их было тогда недооценено⁵⁹. Все же Колбина вскоре были вынуждены снять.

1988 год знаменовал начало первых кризисов в межнациональных отношениях. Важно, однако, сразу же отметить, что первый конфликт, который со временем стало невозможно устранить, возник вовсе не на основе противоречий между русскими и нерусскими. Последующий распад Советского Союза слишком часто изображают как своего рода восстание окраинных народов против господства русских. Однако факты говорят об ином. Ни вначале, ни позднее не возникало никакой национально-освободительной борьбы, ничего, что можно было бы сравнить с тем, что произошло в середине нынешнего столетия в Азии и в Африке, когда начались выступления местного населения колоний против метрополий. Цепную политическую реакцию, приведшую к распаду СССР, развязал конфликт между двумя кавказскими народами — армянами и азербайджанцами, возникший по поводу спорной территории — Нагорного Карабаха. Этот конфликт, разгоревшийся в феврале 1988 года, не утих до сих пор, хотя минуло несколько лет насилия, бесконечных разрушений и несчастий.

Нагорный Карабах представляет собой горный массив, населенный в основном армянами, но окруженный землями, где живут пре-

имущественно азербайджанцы, народ тюркской группы. В рамках Советского Союза это была автономная область Азербайджана. Однако в действительности его автономия была сведена на нет, особенно в последние два десятилетия. Азербайджан и Армения входили в состав СССР как две республики с равными правами. Армян веками притесняли их соседи: турки, иранцы и грузины. Дореволюционный и послереволюционный союз с Россией был для армян фактором, повлиявшим на их силу. Это одна из причин того, что Нагорный Карабах всегда поставлял сначала царскому, а потом и советскому государству деятелей, в том числе и высокого уровня. В 1988 году именно армяне подняли непростую проблему изменения политического статуса Карабаха, требуя не просто большего уважения к его автономии, но выхода из состава Азербайджана и присоединения к Армении, то есть изменения границ внутри Советского Союза. Тем самым они вступили в конфликт с Москвой и Горбачевым, который, впрочем, был готов рассмотреть их требования, но в более умеренном варианте⁶⁰. Равно чуждыми какой-либо форме компромисса оказались и азербайджанцы. Группы азербайджанских экстремистов устроили жуткий антиармянский погром в Сумгаите. Позиции обеих сторон превратились, таким образом, в открытый вызов московским властям, которые не хотели (а может быть, уже и не могли) авторитарно навязать свое решение.

В том же году на другом конце страны обозначилось сепаратистское движение прибалтийских республик. Конечно, там не было нехватки в унаследованных от прошлого основаниях для недовольства. Латыши, литовцы и эстонцы недолго имели независимые государства. Правда, они пользовались независимостью в период между двумя мировыми войнами. Однако этого самого по себе не было бы достаточно, чтобы активизировать стремление к выходу из Советского Союза, с которым они были связаны по многим причинам, особенно экономическим. Однако потеря независимости усугублялась жесткостью, с которой Сталин подавлял здесь всякую оппозицию, навязывал свою социальную и государственную модель, скопированную с остальной части СССР, включая насильственную коллективизацию земель, которая здесь была еще менее оправдана, чем в России. Слишком глубоко оказался след никогда до конца не исчезавшего недовольства. Оно проявилось, когда в этих трех странах образовались народные фронты радикально националистического направления. Эти неформальные организации в течение нескольких месяцев приобрели политический характер и получили массовую поддержку.

Все же факторы, способные удержать единый Союз, сохранялись даже в случае с балтийскими республиками и оставались сильными, разнообразными в других регионах страны. Уровень экономической интеграции между различными республиками был настолько высок,

что трудно было даже представить себе возможность их существования по отдельности. Не менее важными были и факторы, связанные с международной стабильностью, с обороной и, в частности, с ядерным вооружением СССР. Но весомее любых других были факторы, связанные с хитросплетением народов в пестрой мозаике этнических групп, которую всегда представлял собой Советский Союз. В самом деле, не было ни одной однородной по своему национальному составу республики. Каждая имела в своем составе меньшинства, отличные от той численно преобладающей нации, которая определяла наименование республики. Нередко эти меньшинства получали автономию. Казахстан, где число русских почти равнялось числу казахов, являл собой наглядный пример совместного бытия народов. Из 285 млн. человек, каким было население СССР конца 80-х годов, 55 млн. проживало в республиках с иной национальной доминантой. По другим подсчетам, эта цифра доходила до 75 млн. Кроме того, еще 6 млн. (греки, поляки, немцы и пр.) не имели в рамках СССР своих государственных образований⁶¹. Разница в этих двух показателях определялась смешанным характером многих миллионов семей. Распад СССР должен был неизбежно повлечь за собой бесконечные человеческие драмы, причем еще в большей мере, чем драмы политические.

В демократических диссидентских кругах в брежневский период никогда не выдвигались требования раздела Союза. Они не возникали никогда, даже когда подчеркивалась их чувствительность к попранным правам некоторых народов. Академик Сахаров в 1974 году, когда репрессии уже вынудили его ужесточить свои позиции, писал: «Не следует забывать, что каждый народ нашей страны имеет свою часть вины (за ошибки прошлого) и свою часть (заслуг) в проведенной позитивной работе, и, чтобы там ни говорили, в любых обстоятельствах их судьбы останутся связанными надолго»⁶².

Однако в конце 80-х годов два фактора подталкивали народы на путь отчаянного национализма, вплоть до сепаратизма. Первый — экономический. Тенденции к отделению имеют мало шансов на успех, когда экономика процветает. Шансов появляется больше, когда экономика испытывает трудности. При Горбачеве экономика СССР переживала трудные времена. Продовольственное снабжение городов было недостаточным. В период Брежнева товаров широкого потребления тоже не хватало, но теперь недовольство можно было высказывать открыто. Даже в столице полки магазинов все более пустели, поскольку товары мгновенно расхватывались. «Теневая экономика» все глубже пускала корни. Финансовое положение страны ухудшалось, поскольку рост доходов не соответствовал росту производства. Памятуя о голодных годах, население скупало продукты, едва они

появлялись в магазинах, складывая их про запас. В каждой союзной или автономной республике, в любой русской или нерусской области появилась тенденция подсчитывать, сколько она дала общей государственной казне, т.е. отдала другим, и сколько получила. Расчеты подтасовывались, и потому каждый чувствовал себя кредитором, каждый думал, что ему недодали. В действительности же, как писал внимательный наблюдатель, «ни Россия не обобрала другие республики, ни другие республики не раздели Россию. Все были ограблены, раздеты военными расходами»⁶³.

Это замечание позволяет нам выявить второй фактор, оказавший решающее влияние на развитие сепаратизма, — быстрое распространение русского национализма. Обвиненные в эксплуатации других народов, русские, в свою очередь, чувствовали себя эксплуатируемыми. Это были иррациональные реакции с обеих сторон. Они подогревались теми группами внутри и вне партии и ее разветвлений в республиках, которые определяли тем самым знамя своей политической борьбы. Среди русских эти тенденции вновь поддержал Солженицын. В своем первом политическом обращении, посланном на родину из изгнания, где он все еще находился, писатель призывал русских предоставить другие народы своей судьбе, иными словами — отделаться от этого бремени, сохранив единство только со славянами, то есть с украинцами и белорусами⁶⁴. На поверку и это заявление оказалось близоруким, но в то время оно нашло своих приверженцев.

Как уже случалось во времена диссидентства, в период перестройки наибольшее распространение в стране получали не демократические, а националистические течения. В России наблюдался не только рост национализма, но и его разветвление на различные направления. Общество «Память», первым устроившее в 1987 году публичную демонстрацию на улицах Москвы, также раскололось. Ельцин согласился встретиться с его представителями⁶⁵. Более умеренные вышли из «Памяти» и влились в другие организации, а сама «Память» осталась в руках наиболее шовинистических, нередко антисемитских элементов. Впрочем, разнородность националистов рано или поздно толкала все основные силы, борющиеся за влияние на судьбы перестройки, к тому, чтобы искать среди них свой возможный резерв. Не все, как мы увидим, преуспели в этом. Растущая сила русского национализма уже сама по себе стимулировала соперничающих националистов, что не мешало тому, чтобы между всеми ними обнаружили точки соприкосновения. Если с одной стороны умножались межэтнические противоречия и повсеместно — в России не меньше, чем где бы то ни было, — развивались политические течения, пусть даже и враждующие между собой, то все они были заняты

сознательным, при объективном совпадении намерений, разрушением Союза, его центрального правительства, его интернационалистской идеологии. В России, как и в любой другой республике, все, кто не хотел перестройки, и все, кто хотел чего-то иного, те, кто хотел уничтожения советской системы, и те, кто хотел сохранения ее в брежневском варианте, — все грызлись между собой, но все видели врага в Союзе ССР, в его руководстве, которое, собственно, и начало перестройку.

IX. ПОРАЖЕНИЕ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

«Боже мой, этот человек настроен серьезно!»

«С тех пор, как в 1918 г. президент Вудро Вильсон представил свои Четырнадцать пунктов, или с тех пор, как в 1941 г. Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль опубликовали Атлантическую хартию, ни один деятель мирового уровня не проявил такой широты воззрений, какую показал Горбачев, выступая в Организации Объединенных Наций» — так начиналась передовая статья газеты «New York Times» от 8 декабря 1988 г. За день до этого советский руководитель произнес речь на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Из многих восторженных эпитетов, использованных в тексте статьи, газета для заголовка выбрала три: «отважный, искренний, героический»¹. Американская печать не скупилась на похвалы.

На самом заседании Генеральной Ассамблеи ООН Горбачеву устроили овацию, вышедшую далеко за рамки норм дипломатического этикета. В этот момент Горбачев достиг наивысшего авторитета как лидер мирового уровня. В течение нескольких лет, куда бы он ни приезжал, его повсюду встречали с уважением и любовью. Не было в мире сколько-нибудь значительного политического деятеля, который не считал бы необходимым встретиться с ним. Неудержимый рост популярности Горбачева на международной арене, к сожалению, сопровождался падением его авторитета на родине.

В своей речи в ООН (которая остается одним из немногих документов нашего времени, стоящих того, чтобы перечитать его от начала до конца) Горбачев после анализа происшедших в мире изменений отметил необходимость «пересмотреть совокупность проблем международного сотрудничества с самих его основ». Заявив о необходимости «свободного выбора» для всех, он призвал к «совместным поискам пути, ведущего к верховенству общечеловеческой идеи над многочисленными центробежными силами, чтобы спасти, быть может, единственную во Вселенной цивилизацию... Каждый из нас должен участвовать в процессе все более широкого единства мира». «Необходимо, — добавил Горбачев, — сделать ставку на интернационализацию диалога и переговоров». Он ратовал за приращенность конструктивным идеям ООН, а затем пошел дальше, призвав государства «по-новому посмотреть на свое отношение к такой уникальной организации, какой является ООН». Выдвинув серию предложений, Горбачев подвел итог: «Наш идеал — это мировое сообщество правовых государств, которые подчиняют правовым

принципам и свою внешнюю политику». Понимая, что его могут обвинить в романтическом идеализме, Горбачев все же объявил об одностороннем сокращении СССР своих вооруженных сил на пол-миллиона человек, сопровождаемом выводом воинских частей из нескольких иностранных государств. Несмотря на сложность проблемы, он заявил о возможности «перехода от милитаристской экономики к экономике разоружения»².

Горбачев еще раз подтвердил, что его заявления на публике не расходятся с позициями, высказанными в частных беседах. Несмотря на занятость внутренними проблемами страны, он всегда уделял существенную часть своего времени встречам с видными зарубежными представителями. Ему нравилось не только обсуждать крупнейшие политические проблемы того времени, но и углубляться в дискуссии более общего, концептуального или «философского» плана, как он любил говорить. Именно по такому случаю, в связи с беседой Горбачева с президентом Рейганом, один из присутствовавших на ней американцев — председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Пауэлл — про себя, как он потом признался, подумал: «Боже мой, этот человек настроен серьезно!»³.

Резонанс, вызванный речью Горбачева, был столь широким потому, что она не была обычным заявлением о намерениях — за ней стояла целая серия конкретных действий, прежде всего в сфере ограничения вооружений. В Вашингтоне был заключен договор по сокращению пресловутых «евроракет» — ракет среднего радиуса действия, и не только в Европе, но и в Азии: СССР в конце концов согласился с предложенным Рейганом «нулевым вариантом» без оговорок, в отрыве от проблемы возможных договоренностей по другим видам стратегических вооружений. Таких договоренностей еще не было. Но удалось оживить переговоры на многих направлениях — как по сокращению советских и американских ядерных сил (СТАРТ), так и по значительному сокращению обычных вооруженных сил и вооружений обоих военных блоков.

Горбачев принял принцип асимметричных сокращений. Практически СССР шел на более масштабные (по сравнению с западными оппонентами) сокращения оружия: он должен был вывести и уничтожить 1500 ракет средней дальности, американцы — 350⁴.

Вот еще один красноречивый факт: когда Горбачев выступал в ООН, вывод советских войск из Афганистана был уже начат. Прошло почти три года с того времени, как он в самом узком правительственном кругу впервые высказал на сей счет свои намерения. Кто-то заметил, что с тех пор много воды утекло. На самом деле с честью выйти из такой войны, как афганская, не так уж просто. Это очень хорошо знали американцы по своему вьетнамскому опыту. Они зна-

ли это тем лучше, что поставляли в Афганистан оружие, обращенное против советских вооруженных сил, а также поскольку в их среде высказывались и те, кто предпочел бы до бесконечности затягивать войну в Афганистане, чтобы еще больше «обескровить» Советский Союз⁵. Окончательное решение о выводе войск было принято на Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 г. в обстановке строжайшей секретности. Вопрос вызвал было спор, однако после доклада маршала Ахромеева, из которого следовало, что война проиграна, самому Громыко ничего не оставалось делать, как согласиться. Был установлен срок окончательного вывода войск — один или два года⁶. Запоздали только на несколько месяцев.

Официальное заявление о выводе войск было сделано Горбачевым 9 февраля 1988 г.; американцы были проинформированы об этом раньше. Вывод войск начался в мае того же года, после заключения соглашения с Пакистаном и США в Женеве при содействии ООН. Но даже на заключительной стадии вывода войск Горбачев неоднократно оказывался под давлением афганской стороны, добивавшейся согласия на проведение новых военных операций — массированных бомбардировок противостоящих правительству Кабула войск, производимых с самолетов, базирующихся на советской территории, или наземных операций против сосредоточений противника вокруг отдельных городов. В обоих случаях просьбы афганского лидера Наджибуллы получали в Москве одобрение, в том числе со стороны Шеварднадзе, то есть им оказывалась более чем авторитетная поддержка, ибо министр иностранных дел был не только одним из лидеров перестройки, но и главой рабочей группы Политбюро по Афганистану. Горбачев в обоих случаях держался твердо и отвергал любое дальнейшее использование советских сил в этом конфликте⁷.

Вывод войск проходил организованно и завершился 15 февраля 1989 г. Советский экспедиционный корпус, сосредоточившись на трех плацдармах, покинул сначала приграничные зоны и отдельные районы. Затем — округ Кабула. Столица и прилегающая территория были оставлены в последний месяц. Командующий генерал Громов последним покинул Афганистан, пройдя по пограничному посту вдоль развевающихся знамен. В последний раз советская армия вела себя с достоинством, не посрамив своих традиций. Вскоре она познает тяжелые времена. Правительство Наджибуллы благодаря непрерывающимся советским военным поставкам сумело удержаться у власти еще три с половиной года. Затем оно было свергнуто. Однако на его смену не пришло демократическое правительство. Гражданская война так и не прекратилась. Она продолжается до сих пор, и будущее Афганистана остается более прежнего неопределенным.

Примирение с Китаем. Тяньаньмень

Вывод войск из Афганистана дал решающий импульс примирению с Китаем. Сближение потребовало многотрудных дипломатических усилий с обеих сторон. В действительности Афганистан был не единственным и не главным препятствием. И даже противостояние войск на границе не было главным препятствием, войска там могли быть и действительно были отведены от границ и сокращены. Самой болезненной проблемой было наложение противоречий в Индокитайском регионе: во-первых, конфликт между Китаем и Вьетнамом, союзником СССР; во-вторых, гражданская война в Камбодже, которая была составной частью первого конфликта.

Весь характер этих проблем был таков, что один из ближайших коллег Горбачева даже заявил, что «ключ к нормализации лежит скорее в Ханое, нежели в Москве или Пекине»⁸. Переговоров между двумя странами и первых визитов китайских руководителей в СССР было недостаточно, чтобы рассеять всякую напряженность. Понадобились встречи с третьей заинтересованной стороной. Зеленый свет дала беседа Горбачева с вьетнамским руководителем Нгуен Ван Линем в июле 1988 года⁹. В этих контактах была заложена основа того, что впоследствии станет и что до сих пор остается решением камбоджийской проблемы при участии ООН.

4 февраля 1989 г., в дни, когда завершалась афганская эпопея, наследник, ученик и одновременно противник Мао — Дэн Сяопин — принимал в Шанхае Шеварднадзе. Их беседа предшествовала встрече в Пекине в мае того же года Дэн Сяопина и Горбачева. Разногласия, имевшие место на протяжении тридцати лет, были преодолены. Прошлое было отодвинуто в сторону, но не забыто. Каждый признавал свою долю вины, думая, однако, что у другого она больше. Во всяком случае, время взаимных обвинений прошло. Надо было начинать строить будущее, основанное на партнерских отношениях двух великих государств, а не на соперничестве между двумя коммунистическими партиями¹⁰. Это было, пожалуй, одним из самых больших достижений «нового мышления» и политики, которую оно породило. Если удалось не все, то в этом на сей раз не виноваты ни Москва, ни Пекин.

Пребывание Горбачева в КНР было сокращено, официальная программа визита ограничена, а внутренние события в Китае ослабили его резонанс. В дни этого «визита примирения» Пекин был охвачен студенческими манифестациями в окружении армии. В центре города, через который проходил официальный маршрут советских гостей, проводились стихийные митинги и голодовки протеста с требованиями дать и Китаю больше демократии. Не исключено, что репутация гостя и его перестройка способствовали развитию собы-

тий¹¹. Как только Горбачев уехал, китайские власти с помощью кровавого применения вооруженных сил подавили выступления. Эпизентром столкновений стала площадь Тяньаньмень в самом центре города. Китайская трагедия быстро затмила эффект от поездки Горбачева. Волнения в Пекине тяжело сказались и на политической борьбе в Москве.

При Дэн Сяопине в Китае проводилась серия важных экономических реформ. Начало им было положено в 1979 году — раньше, чем в СССР. В течение нескольких лет — последние годы брежневского «застоя» и следовавших за ним междоусобиц и геронтократии — китайский премьер стимулировал советских реформаторов.

Несмотря на разницу в историческом развитии, происходящее в Пекине всегда интересовало Москву, в том числе и при Горбачеве. Противникам перестройки и даже некоторым нерешительным ее сторонникам подавление выступлений на площади Тяньаньмень казалось примером для подражания для наведения порядка в СССР. Горбачев никогда не прислушивался к советам такого рода, хотя в середине 1989 года он еще располагал средствами для принятия подобных мер; так, по крайней мере, говорил один из его наиболее близких сотрудников. Горбачев не хотел делать этого, так как понимал, что тогда наступит конец его «гордой мечте построить демократию в собственной стране», осознавая, к тому же, что одной «Тяньаньмень» в СССР не обойдешься: возможно, их понадобится несколько — самая настоящая «кровавая баня»¹².

Влияние китайских событий ощущалось и по другим направлениям. В самом горбачевском лагере и в еще большей степени среди колеблющихся укрепилась идея, что невозможно, а значит, и ошибочно пытаться проводить реформу экономической и политической систем одновременно. Лучше провести сначала одну, а потом уже другую реформу. Китайцы, как казалось, доказали, что можно изменять экономическую систему, не затрагивая политического устройства¹³. Горбачев был уверен в обратном. Но даже в наиболее радикальной среде (и к этому вопросу мы еще вернемся) получила развитие мысль, что в России только авторитарное правительство — пусть и не такое, как прежде, но все же способное действовать с помощью железного кулака — в состоянии проводить какие бы то ни было реформы. Результатом было дальнейшее дробление политических сил, поддерживавших перестройку и ослабление позиций Горбачева-реформатора.

Прощай, Восточная Европа!

Изменение отношений со странами Восточной Европы, или, как их раньше называли в Москве, «социалистического содружества», с

самого начала было одной из характерных черт политики Горбачева. Не все это заметили за рубежом или, по крайней мере, не все в это поверили. Возможно, не сразу поверили и сами заинтересованные лица.

На встречах с главами союзных стран или на заседаниях совместных органов (Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора) Горбачев делал заявления, что СССР не намерен больше вмешиваться в их внутренние дела и что, таким образом, каждая страна должна сама выбирать путь дальнейшего развития.

Горбачев подробно рассказывал о перестройке, объяснял, почему он считал ее благотворной для судеб социализма, приводя при этом убедительные, как он думал, аргументы. Он не настаивал, чтобы другие следовали его примеру, не стремился к тому, чтобы в каждой стране к власти пришли сторонники его идей либо верные ему люди. И действительно, ни в одной из этих стран не произошло заметных изменений в руководящих кругах.

Внешне все шло, как и раньше. График официальных мероприятий, съездов, государственных визитов оставался неизменным. Горбачев совершал поездки в страны-союзницы. Со временем все больше людей оказывали ему горячий прием. Проявления симпатии к нему становились все более непосредственными, искренними. Никакого другого советского руководителя в этих странах так еще не встречали. В нем видели олицетворение реформ, перестройки — одним словом, перемен. В каждой стране были люди, которые хотели видеть своего собственного «Горбачева». Тем более неприязненно реагировали местные руководители, особенно в странах, враждебно настроенных по отношению к реформизму.

Только с поляком Ярузельским у Горбачева были хорошие личные отношения. С венгром Кадаром они были довольно прохладными, но, во всяком случае, уважительными. То же самое с Гусаком; с другими чехословацкими руководителями — просто холодными. Очень скверно складывались взаимоотношения с немцем Хонеккером, болгаринном Живковым и особенно с румыном Чаушеску (после встречи с последним Горбачев сказал, что тот «плохо кончит»¹⁴). Большая часть из них не принимала и не понимала перестройку, считая ее губительной. В поведении руководителей этих стран больше всего поражает, что никто, за исключением, может быть, поляков и венгров, не попытался своевременно начать какие-нибудь изменения, дабы приспособиться к новой ситуации, сложившейся из-за разлада с бывшим московским покровителем. Чехословацкие руководители только и делали, что умоляли Горбачева не осуждать приведшее их к власти военное вторжение 1968 года. Возможно, они надеялись не на то, что Горбачев одумается, а на то, что верх возьмет

кто-нибудь из его мощных соперников, с которыми можно будет поддерживать доверительные отношения¹⁵.

Когда в середине 1988 года развитие советской политики пошло ускоренными темпами, события в Восточной Европе приобрели обвальный характер и в 1989 году пошли в таком быстром и бурном темпе, которого никто, включая их участников, никогда не ожидал¹⁶. Для детального рассмотрения всего, что произошло в Восточной Европе за эти два года, понадобились бы подробное описание событий и специальный анализ таковых для каждой страны в отдельности. Но это не входит в нашу задачу. Те выводы, которые мы сделаем, будут носить довольно общий характер. В частности, они обходят стороной вопрос о каком бы то ни было воздействии извне на длинную цепь событий. На эту тему еще нет достаточно документов. Мы только ограничимся кратким изложением наиболее важных моментов общеизвестных фактов, особенно с точки зрения их влияния на ситуацию в СССР.

В каждой стране были серьезные причины для недовольства и формирования оппозиционных сил. Они были хорошо организованы и открыто действовали в Польше и Венгрии.

В других странах оппозиция действовала более скрыто — на манер русского «диссидентства». Находившиеся у власти коммунистические партии могли бы использовать в игре имевшиеся у них козыри, но в течение нескольких месяцев они их лишились. Надо отметить два фактора: в большинстве находившихся у власти компартий предшествующие попытки реформаторского толка потерпели поражение и были преданы забвению, а руководители не предпринимали ни малейших усилий к достижению согласия демократическим путем. Оба эти фактора становились решающими, когда общественное мнение начало осознавать, что Москва не пошевелит и пальцем, чтобы спасти какое-либо из правительств стран-союзниц.

Процесс начался в Польше, где правящая группировка в феврале 1989 года организовала «круглый стол» с участием «Солидарности» и католической церкви. Вскоре «круглый стол» превратился в подлинные переговоры о согласовании путей выхода из кризиса. Началу было найдено компромиссное решение, оставившее у власти армию и компартию, но открывшее двери парламента для сильного меньшинства, избранного в ходе свободных выборов. Последние, однако, обернулись настоящей катастрофой для власти имущих.

В это же время в Праге серия манифестаций, следовавших за студенческими выступлениями, в кратчайший срок приобрела такой массовый характер, что неуверенные попытки полиции подавить их силой ни к чему не привели. После небольшой паузы в результате мирных переговоров коммунисты вышли из правительства, которым руководили более 40 лет.

Под влиянием событий в Варшаве и Праге нечто подобное произошло и в Болгарии. Здесь процесс развивался медленнее, так как коммунистам удалось быстрее перестроиться и сохранить тем самым большое число голосов избирателей, что свидетельствовало об укреплении их связей в обществе.

В Венгрии, где политический плюрализм развивался спонтанно, удаление коммунистов из правительства происходило более мирным путем — путем свободных выборов.

Единственной страной, где потребовалось восстание и было применено насилие, стала Румыния. В декабре Чаушеску был свергнут разъяренной толпой, арестован и вскоре убит полицией.

В то же время Польша, как бы стоявшая у истоков этого процесса и где часть коммунистов еще находилась у власти, казалось, отстала от всех остальных. Но и там после всеобщих выборов представители прежнего режима были удалены из правительства. Позже глава «Солидарности» Лех Валенса сменил генерала Ярузельского на посту президента Республики.

Особенно радикальными эти изменения стали в 1990 году. Сначала представлялось, что перемены коснутся лишь руководства каждой из стран и что новые правители, настроенные провести ряд экономических и политических реформ, намерены сохранить общие черты общества, построенного за четыре трудных десятилетия. Однако вскоре стало ясно, что новые руководители нацелились на самый настоящий демонтаж социализма в любом его проявлении. Под влиянием радикального либерализма, доминировавшего последнее десятилетие в Великобритании и в Соединенных Штатах, они торопились восстановить классический капитализм. Их не смущало возвращение к тем специфическим формам экономического и социального порядка, которые существовали в каждой из этих стран до второй мировой войны. Предвоенные режимы были взяты за образец несмотря на то, что все они прошли через период парализующего кризиса и тяжелой смуты. Переход к рынку, который раньше в ходе дискуссий представлялся как целенаправленный отход от жестких рамок административного планирования и централизованного управления экономикой, стал идеологическим мотивом для оправдания выбора нового пути развития.

Быстрое падение коммунистических правительств и их репрессивных структур было, как представлялось, неизбежным. Такие резкие перемены в странах, до недавнего времени считавшихся «братскими», не могли не оказать сильного воздействия на политическую жизнь в СССР. Они внесли в дискуссии о перестройке стремление к форсированию событий, чего раньше никогда не отмечалось. Застигнутые врасплох горбачевские руководители проявляли к новым правителям лояльность и нежелание влиять на сделанный ими выбор, даже когда он вел к ликвидации социализма. Они старались

показать, сколь серьезным было их «новое мышление»¹⁷. Однако в реальности дело обстояло сложнее.

Страны Восточной Европы были не только частью того, что Москва с 1956 года называла «мировой системой социализма». Они составляли существенную часть целого международного бастиона, выстроенного после войны вокруг СССР как условие первостепенной важности для его безопасности и экономического роста. Вместе с СССР они входили в состав СЭВ и Варшавского Договора. После некоторого колебания новые руководители этих стран заявили о намерении распустить обе организации. Речь здесь шла о намерении, продиктованном только политическими соображениями. В жертву им были принесены даже рациональные экономические интересы, что особенно очевидно в случае с СЭВ.

Каким бы малоэффективным и громоздким он ни был, для экономики стран-участниц Совет представлял собой наиболее важное средство международного партнерства. Советские руководители пытались спасти СЭВ. Другие хотели ликвидировать его в считанные месяцы. Как ни парадоксально, переход к рынку начался с разрушения единственного и широкого международного рынка, которым располагали производственные структуры стран-участниц. Столь резкому повороту событий способствовала иллюзия новых руководителей, что они быстро смогут войти в Европейское экономическое сообщество.

С самого начала развернулось своего рода соревнование между правительствами различных стран, с тем чтобы доказать свою пригодность для вступления в Сообщество.

В общей антисоциалистической тенденции исключение составляла Югославия, хотя она никогда не входила в коллективную «систему» восточноевропейских государств, сохраняя, однако, многочисленные связи с ней. Но Югославия стала первой жертвой того, что вскоре произошло в СССР: она тоже оказалась втянутой в процесс внутренней дезинтеграции.

Варшавский Договор, продленный в 1985 году еще на двадцать лет, ожидала та же судьба, что и СЭВ. Советские руководители пытались спасти Договор, согласившись радикально преобразовать его. Они рассчитывали на параллельную эволюцию Североатлантического блока¹⁸. Однако время было упущено. Смертельный удар был нанесен из Германии.

Объединение Германии

Стержнем всего послевоенного устройства Европы был факт разделения Германии на два противостоящих государства. Это было

главным следствием начала агрессии и поражения нацизма, а затем холодной войны. Советскому Союзу раздел Германии казался лучшей гарантией безопасности. В этом отношении Горбачев также отошел от позиций своих предшественников, придя очень скоро к убеждению, что рано или поздно объединение Германии все равно произойдет. Он рассматривал эту тенденцию как поступательный исторический процесс, который должен был завершиться в рамках нового, более гармоничного европейского устройства после завершения строительства того «общеевропейского дома», который стал бы гарантией безопасности для всех¹⁹. Однако события 1989 года в Германии опрокинули его расчеты. Послевоенное европейское устройство рухнуло в течение нескольких месяцев, а плана создания новой системы на континенте еще не было.

Отношения между правительством Горбачева и руководителями Германской Демократической Республики никогда не были хорошими. Так же как раньше, старый Хонеккер, глава ГДР, и его соратники выступали против назревших реформ в Чехословакии и Польше, они и теперь не поняли и не оценили перестройку²⁰. Восточная Германия превратилась в крупный очаг сопротивления горбачевской политике и таковой, видимо, оставалась бы, несмотря на нарастающие, как снежная лавина, перемены в остальной Восточной Европе. Во время своей поездки в Берлин в 1989 году на празднование сорокалетия восточногерманского государства Горбачев окончательно убедился, насколько руководители этой страны не приемлют никаких перемен. Правительство ГДР оставалось глухим к требованиям перемен в руководстве государства, которое доживало последние месяцы, хотя его руководители не отдавали себе в этом отчета. В обществе, недовольном властями, уже формировалось открыто оппозиционное «движение граждан»²¹. У некоторых руководителей зрело убеждение, что от Хонеккера надо избавляться, однако никто не был готов действовать. В сентябре 1989 года бегство немцев с Востока на Запад снова приобрело широкий размах. Бежали через Чехословакию и Венгрию, не способные более препятствовать массовой эмиграции. К концу года около 350 тыс. граждан ГДР перешли в Западную Германию: речь шла в большинстве случаев о молодых людях с хорошей профессиональной подготовкой, что было невозместимой потерей²².

Случилось так, что 9 ноября 1989 г., когда Хонеккер был наконец смещен, новое правительство, чтобы облегчить переход границы между Восточной и Западной Германией, приняло решение на сей счет, которое было воспринято населением Берлина как сигнал к действию. Люди ночью бросились крушить знаменитую «стену», разделявшую город надвое с 1961 года. Никто не мог воспрепятствовать этому стихийному и эйфоричному разрушению. Построенная для изоляции западноберлинского анклава от окружающей территории

ГДР, эта стена из цемента стала символом раскола страны надвое. И все же лучшие исследования по этому вопросу сходятся в одном: падение «стены» само по себе не означало объединения Германии в том смысле, в каком это произошло потом. Даже «движение граждан» — единственная в то время оппозиционная организация в Восточной Германии — ставило перед собой задачу создания демократического режима в ГДР, а не возврат к единству Германии. В Федеративной Республике Германии проблема объединения была отодвинута в коллективном сознании, даже забыта. Постоянно напоминала об этом лишь официальная пропаганда²³. Однако тут дала себя знать сильная политическая воля, ускорившая сроки принятия решения. Эту волю олицетворяли канцлер Коль — в Германии и президент США Буш — на международной арене.

2–3 декабря 1989 г. Буш встречался с Горбачевым на советском корабле вблизи Мальты. Инициатива встречи исходила от США. В течение трех лет, начиная с Рейкьявика, советско-американский дипломатический диалог становился все более насыщенным. По завершении десятилетнего интервала (1975–1985 гг.), прошедшего под знаком возобновившейся холодной войны, встречи «в верхах» между руководителями обеих стран вновь стали привычными.

Однако уже год, как Буш сменил в Вашингтоне Рейгана в Белом доме, и с того момента не было проведено ни одной встречи на высшем уровне. В Москве полагали, что новый президент США с подозрением относится к перестройке и, похоже, намерен усилить давление на СССР. Сам Буш признал на Мальте, что такие настроения в его стране действительно имели место и он их даже разделял, добавив, однако, что его предложение встретиться с Горбачевым представляло собой «поворот на 180 градусов» по сравнению с предшествовавшей позицией²⁴. Он заверил собеседника, что его правительство заинтересовано в успехе перестройки, понятой им, однако, как радикальное изменение в советской системе, что шло намного дальше намерений, заявлявшихся до сих пор Горбачевым. Главы обоих государств в течение двух дней обсуждали основные мировые проблемы: анализ ситуации, проведенный обеими сторонами, позволил сделать вывод о появлении новых возможностей для заключения соглашения как в области сокращения вооружений, так и в деле расширения экономических связей между обеими странами²⁵.

Однако основная цель поездки Буша была все же иной: необходимо было понять реакцию советской стороны на обвальное развитие событий в Восточной Европе, а также на возможное объединение Германии, по поводу которого он высказался: «Понимаете, вы не можете просить нас не одобрять его»²⁶. Горбачев призывал своих собеседников к осторожности, просил «не форсировать» события, не пытаться автоматически переносить на восток то, что Буш называл

«западными ценностями». Европейский процесс, убеждал он, необходимо удерживать в рамках Хельсинкских соглашений, основанных именно на сосуществовании двух немецких государств, соглашений, которые можно было бы расширить и дополнить. «В противном случае, — пояснял он, — позитивное развитие событий может повернуть вспять и положить конец стабильности в Европе»²⁷. Но он не захотел или был не в состоянии сказать, во всяком случае, не сказал, что СССР энергично и любыми средствами воспротивится объединению, как было до тех пор. Нет ничего удивительного, как потом отмечали советские наблюдатели, что Буш уехал убежденным, что советское противодействие не будет чрезмерным и может быть преодолено, хотя все же пообещал «действовать с осторожностью» и заверил, что не хочет «ускорять объединение»²⁸.

Возможное единство Германии тревожило не только советских руководителей, но и всех основных союзников США в Европе. В своих официальных заявлениях они всегда выступали за объединение, но делали это в полной уверенности, что в течение продолжительного времени ничего подобного не свершится²⁹. Внезапно они оказались в трудном положении, так как ни англичане, ни французы, ни многие из итальянцев, ни маленькие государства, граничащие с Германией, не хотели видеть в центре Европы объединенную Германию, что по объективным причинам нарушило бы равновесие на континенте. Причины несогласия с таким ходом событий были потом вполне откровенно изложены в воспоминаниях г-жи Тэтчер, к тому времени уже около десяти лет находившейся на посту премьеры. «Объединение Германии, — писала она, — не только сильно подорвало бы позиции Горбачева в его стране, но и отрицательно повлияло бы как на Западноевропейское сообщество, так и на сам Североатлантический союз... Объединенная Германия слишком велика и могущественна, чтобы быть просто игроком на европейском поле[...]. По природе своей Германия представляет на континенте силу, не стабилизирующую, а дестабилизирующую»³⁰. Возвращаясь из поездки на Дальний Восток, Тэтчер специально сделала остановку в Москве, чтобы высказать Горбачеву свою тревогу. Так же поступил затем и французский президент Миттеран, совершивший экстренную поездку в Киев, чтобы встретиться с советским руководителем и выразить ему аналогичные опасения. Французы и англичане безуспешно пытались скоординировать свои позиции. Напрашивается вопрос: почему, несмотря на столь авторитетное и многостороннее сопротивление, о котором Буш был хорошо осведомлен, объединение Германии под руководством канцлера Коля осуществилось менее чем за год? Неумолимое, как бульдозер³¹.

Пока на Мальте Буш обещал «не форсировать», Коль пошел дальше. Не проконсультировавшись с союзниками, он обнаружил в

своей стране план из десяти пунктов, где предложил двум немецким государствам создать «конфедеративные структуры с целью образования федерации». Он без обиняков поставил задачу «достижения нового государственного единства» Германии. Эта речь вызвала резкую реакцию со стороны Горбачева в его разговоре с министром иностранных дел Геншером³². Дело было не только в самом по себе принципе: объединяться или нет. Необходимо было договориться о времени и формах. Как надеялась Тэтчер, процесс мог затянуться на годы. Это могла быть конфедерация, что на переходный, более или менее продолжительный период сохраняло бы устройство обоих государств, как это предлагали и сами социал-демократы ФРГ. Процесс мог сопровождаться международными гарантиями. В действительности же все эти предложения были отвергнуты. Из многочисленных свидетельств, которыми мы располагаем, и с учетом того обстоятельства, что основные архивные документы являются секретными, можно заключить следующее. Зеленый свет был дан Колю американским президентом Бушем, единственным человеком, который мог остановить такой ход событий. Действовавшие тогда соглашения, способные обусловить процесс объединения — а речь шла о послевоенных соглашениях между четырьмя державами-победительницами (США, Великобританией, Францией и СССР) — в течение нескольких месяцев были отодвинуты в сторону.

В отсутствие конкретных предложений из Лондона и Парижа в Москве создалось впечатление, которое раньше, накануне второй мировой войны, привело к фатальным последствиям. Казалось, что англичане и французы, не желавшее, конечно же, объединения, но стремящиеся не заявлять об этом публично, подталкивали СССР сказать «нет», навязывая ему тем самым такую политическую линию, которая породила бы между СССР и немцами глубокую, может быть, непримиримую вражду³³. Несогласие СССР не было бы неожиданностью. Но чтобы эта позиция стала эффективной, она должна была осуществляться всеми средствами, не исключая применения силы (например, в случае беспорядков в Восточной Германии, неважно, стихийных или спровоцированных). Но тогда весь процесс примирения в Европе, инициированный Горбачевым, оказался бы подорванным. Что касается англичан и французов, то они знали, что их решительный отказ вызвал бы кризис во всем Атлантическом блоке, а рисковать они не хотели, поскольку это неминуемо привело бы к конфронтации с Соединенными Штатами. Их поддержка советской позиции могла бы наметить нечто похожее на пересмотр союзнических отношений. Дальше всего на этом пути зашла г-жа Тэтчер, не скрывавшая своих разногласий с Бушем³⁴. Что же касается Коля, он действовал весьма умело, пытаясь убедить своих западных союзников, что объединенная Германия останется под контролем Северо-

атлантического блока (НАТО) и в рамках Европейского сообщества. Одновременно Коль выдвинул перед Горбачевым перспективу широких договоренностей между обоими государствами³⁵. Коль действовал без колебаний, чтобы до конца, не теряя ни дня, использовать благоприятную для объединения политическую конъюнктуру, глубокий кризис всех структур Восточной Германии и добиться максимального результата «в честной, но жесткой игре», как потом заметил один из сотрудников Горбачева³⁶.

В Москве не только в коллегиальных органах, но и в кругах, близких к Горбачеву³⁷, велись жаркие споры. Убедившись в невозможности противодействовать объединению из-за быстрого развала госструктур Восточной Германии, в Москве предприняли попытку хотя бы повлиять на ход и последствия объединения. В советском руководстве возникло предложение провести переговоры по формуле "4 + 2": четыре державы-победительницы в войне плюс два немецких государства. Предполагалось получить на этих переговорах какую-то дипломатическую поддержку. Но как только начались переговоры, они практически свелись к формуле "5 + 1". Новые руководители Восточной Германии оказались на стороне своих соотечественников на Западе, а англичане и французы не посмели возражать их требованиям, так как видели, что их поддерживают американцы³⁸. Представители СССР оказались, таким образом, в изоляции. Их попытки замедлить процесс, включив его в общую схему изменений по обеспечению безопасности и на Европейском континенте, оказались безуспешными. Намеченный накануне переговоров «график» был «нарушен и сбит [...] ускоренным ритмом событий»³⁹. Горбачев и его дипломатия попытались по крайней мере воспротивиться включению объединенной Германии в НАТО. Они выдвинули странное предложение, чтобы объединенное германское государство одновременно стало членом обоих блоков: Североатлантического и Варшавского. В конце концов, они были вынуждены отказаться и от этого условия в обмен на гораздо более скромные гарантии ограничения будущих германских вооруженных сил⁴⁰.

Для советских представителей согласиться с этим было болезненно и трудно. Это весьма убедительно пояснил в своих воспоминаниях министр иностранных дел Шеварднадзе, который от имени СССР вел переговоры об объединении. «В нашем сознании, — писал он, — слишком укоренилось убеждение, что существование двух Германий эффективно гарантирует безопасность нашей страны и всего континента. Мы заплатили за это высочайшую цену, что нельзя было сбрасывать со счетов. Воспоминания о войне и о победе были сильнее новых представлений о безопасности, и мы не могли игнорировать врожденного недоверия наших людей к идее немецкого единства, [...] историю и народную память, две мировые войны,

развязанные Германией в течение одного века, память о последней войне, унесшей 27 миллионов человеческих жизней [...]». И было затем убеждение, что 45 годами, прожитыми без войн, мы обязаны порядку, установленному в Европе после 1945 года [...] и оплаченному понесенными нами жертвами, страхом, недоверием, ненавистью, ежедневным ожиданием обострения положения, огромными затратами противостояния, что привело к материальным лишениям и постоянно низкому уровню жизни по эту сторону демаркационной линии [...]. Все оказалось бы напрасным. Когда сердце болит, как оно болело у нас, остается мало возможностей для политического благоразумия [...]»⁴¹.

Нельзя не оценить политическую смелость руководителей, которые в создавшихся условиях пришли к выводу, что они больше не в состоянии сохранять разъединение Германии. Нельзя также не понять, что они, доказав реалистичность своего подхода, пытались в то же время добиться иных условий объединения, сравнительно с теми, на которые они затем согласились. С другой стороны, развитие событий вынудило их работать в спешке, и они даже не могли (или не имели для этого времени) с необходимой точностью и эффективностью сформулировать свои условия. Но что их особенно выбивало из колеи, так это слабость тылов, все более усложняющаяся внутриполитическая обстановка в стране. Шеварднадзе рассказывает: «На все вопросы о причинах и предпосылках эволюции наших позиций у меня только один ответ: посмотрите на нашу страну, условия, в которых она оказалась в начале 1990 года»⁴². Политическая борьба в СССР все более отчетливо приобретала тогда характер безнадежных конфликтов. Горбачев объявил Колю о своем окончательном соглашении во время их встречи на родине советского лидера — в Ставрополе — вскоре после XXVIII (и последнего) съезда КПСС,

* Впервые официальный советский руководитель приводил такую цифру о потерях СССР во второй мировой войне. Мы не знаем, из какого архива она взята. Со времен Хрущева в Москве всегда говорили о 20 миллионах погибших. Все равно речь шла о приблизительной оценке, которая грешила скорее преуменьшением, чем преувеличением. Мы в свое время сами говорили, что цифра должна быть уточнена и что она окажется более высокой (Дж. Боффа. История Советского Союза, т. 2, с. 300). Некоторые газеты на Западе (например, «Gardian» от 30 апреля 1994 г.) недавно называли значительно большие цифры — 40 и даже 50 миллионов человек. Эти цифры, хотя и основываются на проведенных в советских архивах исследованиях серьезными учеными, такими как англичанин Джон Эрикссон, в действительности включают и демографические потери, то есть число неродившихся как в годы войны, так и в послевоенный период, когда снижение рождаемости объяснялось огромным количеством молодых людей, погибших в 1941–1945 годах.

прошедшего в обстановке крайней напряженности. Запись беседы между двумя государственными деятелями — это документ, свидетельствующий об историческом повороте, масштабы которого пока еще трудно оценить⁴³. После ставропольской встречи Коль с неодолимым рвением сразу же приступил к реализации своих планов. Встреча с Горбачевым прошла 15 июля 1990 г. Акт окончательного объединения был зафиксирован в Берлине 3 октября того же года.

Если оставить в стороне все дипломатические разговоры, немецкое единство на практике означало аннексию Восточной Германии со стороны ФРГ, что вызвало недоумение и растерянность даже у восточных немцев, которые оказывали поддержку действиям канцлера⁴⁴. Коль обеспечивал себе не только успех на приближающихся выборах в объединенной стране, но и почетное место в истории своей родины. Если же говорить о единой теперь Германии, то «только будущее покажет, что из этого выйдет» — так прокомментировали событие двое разочарованных участников переговоров с советской стороны⁴⁵. Ответ на этот вопрос до сих пор интересует всех в Европе.

Какой быть внешней политике? Схватка в Москве

Потеря влияния в Восточной Европе и объединение Германии привели к тому, что и внешняя политика стала предметом крайне острой борьбы в Москве. С конца 1989 года и до конца 1990 года внешние и внутренние дела переплелись так, что не отличались одно от другого. Те, кто отвечал за дипломатическую деятельность, «не могли ни на минуту отвлечься от тяжелых внутренних проблем и напряженности» в стране, и для них прожитые месяцы были «насыщены как десятилетия»⁴⁶.

За последние два года пребывания Горбачева у власти была заключена целая серия соглашений с Западом, которых Горбачев настойчиво добивался со времени встречи в Рейкьявике. События в Германии и Восточной Европе облегчили поиск договоренностей по крайней мере для западных держав, которым СССР уже не внушал былого страха. В 1990 году завершились затянувшиеся на годы переговоры в Вене по сокращению так называемых обычных вооружений в Европе. В 1991 году между США и СССР было достигнуто соглашение о масштабном сокращении ядерных арсеналов обеих стран. Таким образом были заключены договоры, до сих пор имеющие большое стратегическое значение и составляющие своего рода основу международных отношений, особенно в Европе. Почти полувековая губительная гонка вооружений была приостановлена; более того, начался попятный процесс. Значение этих соглашений трудно было

переоценить. Но именно в Москве, которая теоретически была более всех заинтересована в этих договоренностях, они вызвали слабый энтузиазм. Заключение соглашений стало возможным, так как СССР пошел на большие уступки. Некоторые американские руководители с определенной долей гордости заявляли даже, что на уступки пошла одна лишь Москва. Соединенные Штаты проводили твердую линию. Один из главных американских представителей на встречах с Горбачевым в свое время пришел к такому заключению: «Он (Горбачев. — *Ред.*) действовал с позиций слабости, мы же чувствовали свою силу, и я понимал, что надо действовать решительно»⁴⁷. Железная логика игрока одержала верх над глобальными идеями советского руководителя.

В ноябре 1990 года, когда в Париже был подписан договор о сокращении обычных вооружений, там же, во французской столице, состоялась общеевропейская конференция, планируемая Горбачевым как повторение Хельсинки⁴⁸. На ней государства — члены обоих блоков, НАТО и Варшавского Договора, подписали заявление о прекращении взаимной вражды, положив тем самым конец холодной войне. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, явившееся главным достижением хельсинкского процесса, было преобразовано в постоянно действующую организацию со своими механизмами консультаций. Все это были родившиеся в Москве проекты, навязанные Горбачеву «новым мышлением». Однако почти никто не признал за ним этой заслуги — ни в обеих Германиях, ни в Европе в целом, ни уж тем более на родине. Его идея о единой системе европейской безопасности, об «общем доме», где все бы чувствовали себя комфортно, основывались на существовании как бы двух столпов одного здания: западного и восточного. Она зижделась также на параллельной эволюции, пусть не синхронной, двух прежних альянсов, которым надлежало становиться более политическими, все менее военными и враждебными друг другу, все более интегрированными. Горбачев отстаивал эту идею на встрече с Бушем на Мальте⁴⁹.

Однако восточный столп рушился. Вскоре после встречи в Париже Варшавский Договор будет распущен. Североатлантический блок продолжал действовать. У СССР больше не было союзников в Европе, но США сохраняли своих. Холодная война закончилась, но после ее завершения оставалась в силе логика, с которой она велась; логика, предполагавшая победителей и побежденных. Поэтому неудивительно, что в сложившихся обстоятельствах противники Горбачева в Москве нашли дополнительный аргумент для усиления нападков на него. С этого момента внешняя политика вызвала противоречия, в том числе и среди сторонников Горбачева, множились столкновения даже среди его советников.

Еще в 1988 году, после XIX партийной конференции, Лигачев в своей критике линии Горбачева стал затрагивать и внешнюю политику. Он обрушился не на конкретные ее проявления, а на общие ее идеологические основы, вновь требуя возврата к «классовому» антиимпериалистическому подходу к мировым проблемам. В его весеннем выступлении 1990 года нападки на внешнюю политику Горбачева стали резкими и открытыми: «Социалистическое содружество в Европе рухнуло. Страна теряет союзников. Позиции империализма укрепляются»⁵⁰. Однако одних выступлений Лигачева было недостаточно, чтобы поколебать позиции Горбачева, если бы они не были избраны мишенью со стороны других кругов, в частности военных.

Командование вооруженных сил СССР никогда не играло самостоятельной политической роли. В том числе и во времена Горбачева. С 1986 года он, руководствуясь принципами «нового мышления», добился, чтобы «стратегическая доктрина» страны была пересмотрена и носила исключительно оборонительный характер. С конца 40-х годов все военное строительство и подготовка личного состава основывались на идее, что в Европе, которая рассматривалась как главный театр военных действий возможной войны, оборонительные операции в случае наступления противника не займут много времени. Предусматривался переход к целой серии наступательных операций, способных гарантировать победу как обычными вооружениями, так и ядерными. Структура советских вооруженных сил и их дислокация были подчинены этой концепции, учившей горький урок, полученный в первый год войны с гитлеровской Германией. После встречи в Рейкьявике доктрина была пересмотрена в пользу подготовки к длительной обороне в случае агрессии. Согласно этой доктрине, к наступательным действиям предполагалось переходить только на втором этапе, когда будут исчерпаны все возможности прекратить конфликт дипломатическими методами. В качестве главного поборника этой новой доктрины в Генеральном штабе был маршал Ахромеев. Он сумел убедить высшее военное руководство и вооруженные силы в целом, хотя они неохотно принимали изменения, переворачивающие весь образ мышления, на котором они были воспитаны⁵¹. На Мальте Горбачев рассказал Бушу, что советские вооруженные силы в Европе претерпевают изменения в соответствии с новой доктриной и пересмотр настолько глубок, что Соединенные Штаты не считаются более вероятным противником⁵².

Трения между военными и политическими руководителями все же проявились в ходе переговоров о вооружениях. Сейчас нет необходимости вспоминать о каждом разногласии. В качестве примера можно отметить, что в области обычных вооружений в Европе воен-

ные руководители настаивали на том, что договор возможен только на условиях согласия американской стороны включить в его рамки свои военно-морские силы. Если американцы сократили бы свое превосходство в этой области, то советские военные были бы готовы отказаться от превосходства в сухопутных войсках. Еще на Мальте Горбачев тщетно пытался добиться от Буша каких-либо уступок в этом плане. В конце концов он вынужден был уступить, лишь бы завершить венские переговоры и заключить договор по обычным видам вооружений⁵³. Окончательно испортили отношения между политическими и военными руководителями события в Восточной Европе и объединение Германии. Было бы чрезмерным упрощением возлагать ответственность за это на консервативность военных. Конечно, они оказали свое влияние, но если вспомнить размышления Шеварднадзе, то можно понять, что в игру вступали значительно более крупные исторические, политические, моральные и эмоциональные факторы, поскольку на глазах советских людей исчезали все те основы, на которых они в течение десятилетий дорогой ценой строили могущество страны и (по крайней мере так они думали) свою безопасность.

Реакция военных усугубилась соображениями практического характера. Одностороннее сокращение вооруженных сил на полмиллиона человек не было пустяком, так как необходимо было для каждого военного найти соответствующее место в гражданской жизни. Новые европейские соглашения предусматривали возвращение на родину в течение нескольких лет еще полмиллиона военных, по большей части кадровых офицеров и сержантов, служивших в Германии и странах Восточной Европы. Для них всех существовала проблема не только трудоустройства, но и жилья⁵⁴. Хотя Федеративная Республика Германия обязалась построить за свой счет определенное число домов, эта компенсация оказалась не адекватной, если не смехотворной. Впрочем, для всех этих людей материальный урон не был самым тяжелым последствием. Профессия военного была в СССР почетной и престижной, уважаемой и надежной. В кратчайший срок она внезапно потеряла эти характеристики. В регионах страны, где нарастала волна национализма, с офицерами и солдатами обращались как с «врагами» и «оккупантами», их оскорбляли и унижали. Их реакция на это выливалась в неприязнь к центральному правительству, неспособному защитить их. Таким образом, между горбачевским руководством и большей частью военных образовывался все больший разрыв.

То, что можно называть трениями в высших руководящих кругах, перерождалось в открытые конфликты, взаимные подозрения, оскорбления и обвинения. Между Шеварднадзе и Ахромеевым, оставившим свой пост в Генеральном штабе и ставшим авторитетным

советником Горбачева, развернулась своего рода скрытая война. Но Ахромеев был одним из наиболее уравновешенных людей среди высших офицеров. Шеварднадзе и его сотрудники из властных структур начали подозревать военных (и в некоторых случаях небезосновательно) в нелояльности, в скрытом саботаже переговоров по сокращению вооружений, коварных попытках обойти соглашения путем принятия решений, о которых, как отмечалось, политическое руководство даже не ставилось в известность. С другой стороны, даже признавая за Шеварднадзе политическую хватку, его обвиняли в слабой профессиональной подготовке, импровизациях, в преувеличенной склонности идти на слишком большие уступки американцам и их союзникам, в чрезмерном сокращении вооруженных сил СССР. С развитием событий взаимные обвинения стали еще более резкими. С другой стороны, хотя Шеварднадзе был всегда главным объектом критики, она в действительности была обращена на Горбачева. Политических руководителей критиковали «за потерю» Восточной Европы и Германии, за изоляцию и ослабление страны, за перечеркивание неразумными политическими действиями итогов войны и ее завоеваний, за которые заплатили непомерную цену целые поколения, за напрасно «пролитую советским народом кровь во имя освобождения Европы от нацизма». В ответ на эти, зачастую несправедливые, обвинения раздавались не только встречные заявления о «склерозе» и об идеологическом ретроградстве. Подчеркивалось, что сами обвинители несут подлинную ответственность за то непосильное бремя военных расходов, под которым страна задыхалась, и за постоянное игнорирование интересов других народов в их стремлении к независимости⁵⁵. Эта весьма эмоциональная по характеру полемика обостряла политическую борьбу, никак не способствуя ослаблению напряженности внутри страны.

Объединение Германии крайне негативно отразилось также на оставшихся сторонниках Горбачева. Фалин, видный дипломат, руководивший тогда Международным отделом ЦК КПСС, до конца пытался сопротивляться принятию объединенной Германии в НАТО, но последующие события захлестнули и его⁵⁶. Общественное мнение, несмотря на сильное эмоциональное потрясение, могло бы смириться с происшедшим. Но для этого нужны были какая-то компенсация во внутреннем плане, повышение уровня жизни, перспективы быстрого развития или по крайней мере преодоления наиболее критической фазы. Но ничего подобного произойти не могло.

На церемонии подписания Договора по обычным вооружениям в Европе маршал Язов, советский министр обороны, пробормотал: «Мы проиграли третью мировую войну без единого выстрела⁵⁷». Язов был солдатом, неспособным на тонкости. К счастью для всех, третья мировая война не случилась. Однако заявление генерала без прикрас

отражало душевное состояние большинства военных. Впрочем, холодная война все-таки была. И с того момента идея, что Советский Союз ее несомненно проиграл, получила широкое распространение как на Востоке, так и на Западе. Конечно, высшие руководители американского правительства обладали достаточным тактом, чтобы избежать повторения подобных заявлений на публике. Но другие государственные деятели Запада не были столь сдержанны. И без них эта оценка находила широкое распространение среди не только противников, но и сторонников Горбачева. Один из его сотрудников писал, что он пошел навстречу Западу, «подняв белое знамя капитуляции в холодной войне». Аналогичные слова были сказаны философem в эмиграции Зиновьевым, а также многочисленными учеными и политическими аналитиками Запада⁵⁸.

Со всей очевидностью можно говорить о несправедливости таких суждений. Горбачев принял на себя руководство страной, которая по многим параметрам уже находилась на грани поражения, и он употребил всю энергию, чтобы избежать этого. Он хотел закончить холодную войну, не проиграв ее. Горбачев всеми силами добивался равноправного сотрудничества на международной арене. Но механизмы, с помощью которых он предполагал добиться своей цели, были разрушены. Горбачев оказался слишком слабым, а слабость редко встречает сострадание. Какими бы ни были намерения Горбачева, складывалось впечатление, что он обречен на поражение.

Честность и последовательность стремлений Горбачева были вознаграждены в ноябре 1990 года всеобщим международным признанием — присуждением ему Нобелевской премии мира. Никто из других советских руководителей никогда не мог на такое рассчитывать. Но это признание пришло тогда, когда его политика уже вступила в стадию непоправимого кризиса. Известие о премии было встречено в СССР с иронией, сарказмом и даже недовольством, и эти чувства противоречили уважению, которое Горбачев снискал во всем мире⁵⁹.

Может быть, по этим причинам и потому, что его обуревали заботы, от которых он не мог отделаться, Горбачев в течение длительного времени колебался, ехать ли ему в Осло за наградой. На церемонии вручения премии в июне 1991 года он произнес речь, где еще раз продемонстрировал высоту своих стремлений, благородство целей и глобальность проектов, которыми он руководствовался на своем, полном риска, пути. Эта речь может считаться сегодня его духовным завещанием и лебединой песней. В ней прозвучали тревожные, пророческие ноты. Защита перестройки была эмоциональной, хотя сопровождалась описанием критической ситуации, в которой она находилась. Советская печать, та самая, что недавно получила свободу от Горбачева, не опубликовала об этой речи ни единой строчки⁶⁰.

Война в Персидском заливе

В один из наиболее тревожных моментов 1990 года убедительно подтвердилось, что политика Горбачева включала широкое международное сотрудничество СССР, в том числе и с теми, кто до последних лет считался его противником. 2 августа Ирак, возглавляемый диктатором Саддамом Хусейном, совершил нападение на соседний Кувейт и за несколько дней аннексировал его. Ирак не впервые совершал такого рода действия. Десятью годами ранее он напал на Иран, рассчитывая застичнуть его врасплох, надеясь, что он ослаблен хомейнистской революцией, однако просчитался и натолкнулся на сильное сопротивление. Последовала восьмилетняя война, которую Ирак мог и проиграть, если бы не получил помощь со стороны тех, кому не нравился исламский фундаментализм Ирана.

Теперь Ирак вновь брался за прежнее, но уже в другом направлении. Для СССР вопрос осложнялся тем, что Ирак был его союзником в холодной войне. Его армия была оснащена оружием советского производства и функционировала так же, как и экономика, с помощью специалистов из Москвы. Их там находилось около 8 тыс., как военных, так и гражданских. За экспортные поставки Ираку СССР получал нефть и внушительные суммы в твердой валюте⁶¹. Очевидно поэтому Хусейн рассчитывал если не на поддержку, то по крайней мере на благожелательный нейтралитет Москвы.

Агрессия Ирака по времени совпала с завершением переговоров по объединению Германии и с достижением важных договоренностей по сокращению как ядерных, так и обычных вооружений. Горбачев и Шеварднадзе сразу поняли, что одобрение ими агрессии сделало бы бесполезными эти достижения проводимой ими внешней политики, за которые пришлось заплатить высокую цену. Если другие кризисы, в том числе тяжелые международные кризисы прошлого, могли интерпретироваться по-разному, то случай с Ираком был практически хрестоматийным примером агрессии, одним из тех, по которым Устав ООН без тени сомнения предусматривает применение коллективных санкций, а если потребуется, то и силы. Укрепление ООН Горбачев считал одной из основ своей программы; он не мог дать задний ход в тот момент, когда надо было от слов переходить к делу.

Ни он, ни министр иностранных дел на попятную не пошли. Из воспоминаний их сотрудников известно, что они даже не колебались. В телефонном разговоре с Бушем Горбачев подтвердил, что, по его мнению, речь идет о непростительной агрессии. Эту же точку зрения высказал Шеварднадзе своему американскому коллеге Бейкеру, который сделал специальную остановку в Москве по пути из Монголии⁶². Согласие между СССР и США предопределило дальнейший ход событий. Совет Безопасности ООН одобрил энергичные

резолуции, предусматривающие строгое наказание Ирака в случае, если он не покинет Кувейт. Буш попросил Горбачева о специальной встрече. Советский руководитель предложил в качестве варианта Хельсинки. Здесь состоялась очередная «встреча в верхах», посвященная исключительно положению на Ближнем Востоке, где обе стороны подтвердили прежние договоренности.

Сохранить согласие с США было главной заботой Горбачева в течение всего кризиса. Он преследовал эту цель с начала и до конца и добился своего. Однако при этом он не шел на поводу у Вашингтона, пытаясь, напротив, влиять на его поведение. У него никогда не было сомнений относительно необходимости безусловного вывода иракских войск, но он не пожалел усилий, чтобы это произошло, не унижая Ирака. В диалоге с Саддамом Хусейном иногда было необходимо прибегать к языку угроз: только так удалось добиться, чтобы советские специалисты в Ираке смогли вернуться на родину, не подвергаясь риску из-за возможных военных операций. В целом Горбачев пытался избежать применения силы и ни на день не прерывал контактов с правительством Багдада. Он снова рассчитывал на свою способность убеждать. Для него было ясно, что без вывода своих войск Ирак подвергнется жестокому наказанию. Однако ему не удалось переубедить своего иракского собеседника, который предпочел, чтобы на страну легли тяжелые последствия его отказа вывести войска⁶³.

Одновременно Горбачев, лояльно оказывая свою поддержку Бушу, старался убедить его не прибегать к использованию оружия, попытаться другими методами давления достичь желаемого результата и заставить Хусейна изменить свое решение. Горбачеву снова не удалось добиться успеха, хотя его усилия получили поддержку во многих странах Западной Европы. Мы пока не располагаем достоверными данными из американских источников, чтобы судить о том, были ли руководители США с самого начала настроены задействовать свою мощную военную машину, созданную в сжатые сроки у границ с Кувейтом, или же, наоборот, позже приняли решение о наступлении. Многие сотрудники Горбачева сразу же посчитали, что действительности отвечал первый вариант⁶⁴. Но президент СССР настаивал на своем и в период неопределенности американской позиции, и когда они начали бомбардировки с воздуха, и когда они решили привести в действие сухопутные силы. Еще накануне принятия последнего решения, 23 февраля 1991 г., Горбачев целый день провел у телефона, беседуя со всеми главными политическими деятелями мира и уговаривая их отложить операцию⁶⁵. Но тщетно.

Однако с большим успехом Горбачев добился другой цели. Его позиция имела решающее значение для формирования согласия между частью стран арабского мира, выступавших против иракской

агрессии. Туда вошли государства, на политику которых СССР сохранил свое влияние. Горбачев еще на хельсинкской встрече пытался убедить Буша пообещать, что, как только с агрессией будет покончено, будет созвана международная конференция для решения палестинской проблемы. Хусейн, выставляющий себя поборником интересов палестинцев, оказался бы таким образом в еще большей изоляции. Американский президент не согласился с этим предложением, опасаясь, что Хусейн мог бы присвоить себе заслугу в таком повороте американской политики. С 70-х годов США неоднократно отвергали предложение о созыве такого рода конференции⁶⁶. Но когда война в Заливе закончилась, идея Горбачева возобладала. Конференция начала свою работу в апреле того же года в Мадриде. Но для Горбачева, который с полным основанием мог бы считаться одним из ее главных инициаторов, было уже слишком поздно.

Проводимая им политика в связи с кризисом в Заливе была подвергнута критике на родине. Но обвинения выдвигались главным образом со стороны наиболее экстремистски настроенных националистических противников Горбачева. И наоборот, со стороны военных кругов если и оказывалось давление, то весьма незначительное⁶⁷. Война в Заливе сказалась на глубоком кризисе доверия, возникшего с развитием событий в Германии и Европе в целом. С постепенным исчезновением точек соприкосновения внешняя политика превратилась в арену открытого противостояния. Война в Заливе определенно не внесла успокоения, хотя и не затронула наиболее чувствительные струны общественного мнения. В самый разгар кризиса Горбачев вдобавок лишился одной из своих надежных опор. 20 декабря 1990 г. Шеварднадзе подал в отставку с поста министра иностранных дел. Он находился под огнем беспощадной критики. На него еще больше, чем на Горбачева, возлагали вину за то, что произошло в Европе. Шеварднадзе не устоял перед безжалостными атаками. Позже он писал, что прежде, чем решиться на этот шаг, он целый год раздумывал. Горбачев, считавший его «настоящим другом», пытался в течение месяца уговорить министра не уходить. Шеварднадзе потом рассказывал, что чувствовал себя недостаточно защищенным перед лицом своих врагов, хотя имел право рассчитывать на это, так как их целью был Горбачев, и не в меньшей степени, чем он сам. Критики Шеварднадзе приписали его отставку оппортунистическим расчетам. Конечно, Горбачев расценил такое решение как удар в спину, почти как измену в момент серьезнейшей опасности. «Я хотел бы проявить понимание этого его шага, — писал он Бушу, — но в любом случае не могу его одобрить»⁶⁸. В своем заявлении Шеварднадзе говорил о нависшей над страной угрозе авторитаризма и сокрушался по поводу слабости демократического фронта. Это были слова человека, чувствовавшего себя в изоляции. Он сдался, доведенный до

крайности обоснованным беспокойством по поводу нестабильности в самом Советском Союзе⁶⁹.

Несмотря на благородство устремлений, общий итог внешней политики дуэта Горбачев—Шеварднадзе в тот период, конечно, нельзя назвать позитивным. Однако даже сегодня наша оценка должна быть более нюансированной. В действительности сейчас трудно предполагать, к каким последствиям привела бы эта линия, если бы главный участник событий — Советский Союз — не перестал существовать. Решающий удар по нему был нанесен не извне, а изнутри.

Выборы 1989 года

Обещание провести подлинные выборы было выполнено Горбачевым через девять месяцев: о них было объявлено на XIX партконференции в июне 1988 года, а состоялись они уже в марте следующего года, причем на территории всего Союза. Выборы сопровождались первыми изменениями конституционного характера. Орган, который избрали, оказался теперь не Верховным Советом СССР, как это предусматривалось Конституцией, а структурой более многочисленной и сложной, предусмотренной специальной поправкой к Основному Закону. Речь шла о Съезде народных депутатов, состоящем из 2250 депутатов, по широте полномочий схожем с законодательным органом в Китае. Треть состава (750 депутатов) съезда назначалась признанными социальными и политическими организациями, а на две трети депутаты избирались в одномандатных округах, где в выборах участвовало несколько кандидатов. Из вышеназванных 750 депутатов только 100 были назначены Центральным Комитетом КПСС. Среди них был и Горбачев, который долго колебался, прежде чем решиться, каким образом он будет избираться в новый парламент. Тогда его избрание не повлекло бы проблем. Однако они возникли бы у многих его коллег из Политбюро, и Горбачев предпочел не выделяться среди них, поскольку с этим постоянным коллегиальным органом ему в любом случае приходилось считаться¹.

Несмотря на некоторую двусмысленность, выборы ознаменовали собой разрыв с прошлым и новый поворот в советской политической жизни. Не во всех округах были выдвинуты несколько кандидатов в депутаты — примерно в половине². Во многих случаях, однако, кандидаты, поддержанные КПСС, потерпели поражение.

В некоторых крупных городах выборы приобрели скандальный характер, особенно в Москве и Ленинграде, где среди потерпевших поражение оказались большей частью местные партийные руководители. Часто все кандидаты были выходцами из рядов КПСС, но представляли отличные друг от друга программы — явный признак дезинтеграции в рядах партии, которая претендовала на монолитность. Организациям КПСС было рекомендовано сохранять нейтралитет³. Когда давление все-таки оказывалось, оно не всегда было нацелено на поддержку тех, кто выступал с официальных партийных позиций. Типичным был случай с некоторыми периферийными республиками (например, Грузией), где более заметны были националистические тенденции, способные бойкотировать тех,

кто им противился, — неважно, были ли они коммунистами или нет.

В итоге выборов образовалась весьма разноликая ассамблея, не имеющая прецедентов в истории страны. Без тени сомнения избранные депутаты выражали многообразие позиций, однако они не были организованы в партии. Существовало лишь несколько партийных эмбрионов — тех «неформальных групп», которым удалось провести в депутаты кого-то из своих представителей. Роль центров притяжения для новых депутатов играли скорее некоторые наиболее известные деятели. Одним из первых постановлений съезда было решение о трансляции всех его заседаний по телевидению. Это решение, не имевшее аналогов в истории парламентов, сначала имело положительный эффект, не замедливший вскоре превратиться в свою противоположность. На первых порах начинание вызвало в стране настоящую политическую лихорадку. Миллионы людей проводили свое время перед экранами, чтобы следить за зажигательными дебатами съезда, — это была как бы яркая театральная премьера. В учреждениях и на предприятиях никто не работал. Благодаря телевидению неизвестные ранее люди одним махом возносились на вершины известности. Русский парламентаризм, получивший новое начало, приобрел, таким образом, вечевой характер. Как следствие, повсюду только и говорили, что о политике. Но и этот длившийся неделями и месяцами спектакль в конце концов надоел. В мире нет парламента, способного выдержать такое испытание. Занятые своими повседневными заботами, люди устали, и начальный интерес к съезду постепенно перерос в раздражение по поводу пустой «болтовни» «политиков».

Вскоре после начала работы съезда на нем впервые в СССР после далеких 20-х годов сформировалась легальная оппозиция. Она выбрала себе маловыразительное название — «межрегиональная группа», что соответствовало ее слабо определенной политической ориентации. У группы было целых пять сопредседателей: академик Сахаров, вновь «воскресший» Ельцин, почти что триумфально выигравший выборы в Москве, историк Афанасьев, экономист Попов и эстонец Пальм. Группа объединила наиболее радикальных депутатов и, казалось, представляла собой крыло наиболее решительных сторонников перестройки. В действительности это уже был признак кризиса, означавший, что те, кто причислял себя к наиболее ярким сторонникам новой политики, вставал в оппозицию к тому, кто был ее инициатором. Горбачев оказался между двух огней, так как в собственной партии ему приходилось противостоять и другой оппозиции, в то время куда более мощной, но не желавшей считать себя таковой и скорее предпочитавшей активнее самого Горбачева выступать проводниками преемственности и легитимности советской власти.

После первого крупного боя, который в качестве главного действующего лица дала «межрегиональная группа», была отменена статья 6 Конституции — та самая, которая еще в старом, сталинском Основном Законе 1936 года, а еще в более категорической форме в брежневской Конституции 1977 года утверждала «руководящую роль» коммунистической партии во всех советских структурах. Кампания по ее отмене была начата и проводилась Андреем Сахаровым — единственным, кто из крупных представителей диссидентства брежневского периода сохранил лидирующую политическую роль. Его предложение поначалу было встречено с оговорками не только Горбачевым, но самими же «регионалами». Некоторые опасались, что, поднимая вопрос о власти, они открывают двери хаосу, гражданской войне, призраки которых уже начали вырисовываться на горизонте все более встревоженной страны⁴. Затем, однако, и Горбачев дал свое согласие, так как это предложение шло в русле его демократических проектов. Соответствующая конституционная поправка была принята в феврале 1990 года. В декабре 1989 года внезапно умер Сахаров. Эта потеря имела самые печальные последствия не только в связи с его непрекращаемым моральным и интеллектуальным авторитетом. Он был, может быть, единственным среди «межрегионалов», кто за тяжкие годы диссидентства и ссылки выносил политическую идею и концепцию трудного перехода СССР к демократии. Его отличало также то чувство равновесия, которое только и может балансировать самые радикальные предложения, не давая им превратиться в демагогию. Тот факт, что эти способности ушли вместе с ним, тяжелым грузом лег на последующие дела.

С отменой статьи 6 КПСС становилась политической партией и уже более не оставалась первой среди основных госструктур, что создавало проблемы для функционирования и деятельности всех других государственных органов, начиная с армии. Все они раньше были подчинены КПСС⁵. В то время нельзя еще было говорить о ней как об одной из партий, такой же, как другие, так как других партий пока не существовало. Или, вернее, существовали, так как в течение нескольких месяцев возникли мириады партийных образований, имевших самые невероятные названия — те, которые переняли форму партий Западной Европы, плюс все те, что носили партии, пробиравшие себе путь в дореволюционной России, и еще многие другие⁶. Но это были лишь этикетки, эфемерные аббревиатуры, в лучшем случае группки из нескольких десятков человек — выражение всего намерений или амбиций какого-либо самоутверждающегося деятеля. Ни одна группировка не была в состоянии доказать свою жизнеспособность. Ни одна из них не выражала интересов какого-либо движения или социального слоя.

КПСС тем временем продолжала существовать. Но ее существо-

вание оказывалось под вопросом. Было немыслимым, чтобы она безоговорочно отказалась от власти, которой распоряжалась 70 лет. В Центральном Комитете КПСС Горбачев никогда не пользовался поддержкой большинства. Даже если точных подсчетов сделать невозможно, так как практически по спорным вопросам в ЦК никогда не прибегали к голосованию, наиболее заслуживающие доверия источники говорят, что там его поддерживали не более 30%⁷. До 1989 года противники его политики не осмеливались открыто выступать против. Все изменилось уже в ходе пленарного заседания Центрального Комитета, прошедшего накануне выборов. Ситуация обострилась сразу после подсчета голосов, оказавшегося малоприятным для официальных представителей КПСС, не привыкших держать экзамен на выборах. С этого момента каждый Пленум Центрального Комитета превращался в арену стычек, когда Генеральный секретарь и оставшиеся верными ему сторонники занимали позиции обороны⁸. Оппозиция в партии отражала в первую очередь реакцию аппарата, старых и молодых представителей, чувствовавших, как из их рук вырывают всегда им принадлежавшую власть. Но истоки этого сопротивления нельзя сводить лишь к эгоистическому интересу. Его подпитывали, по крайней мере, еще две причины: откровенная тревога, не потерпит ли крах советская система, и непонимание новых методов руководства (в экономике, в институциональных вопросах), с которыми не могли свыкнуться даже те, кто более этого хотел.

Горбачев — президент

После выборов и отмены статьи 6 начался пересмотр Конституции. Как только была ограничена роль КПСС, возникла необходимость пересмотра всего устройства советского государства. Выборы нового парламента были первым шагом широкой реформы, к которой юридическая мысль была мало готова. В соответствии с новыми положениями Съезд народных депутатов должен был выбрать из своего состава Верховный Совет, состоящий из двух палат — по несколько сотен депутатов в каждой. Палатам надлежало заниматься текущей законодательской деятельностью. Предстояло определить формы исполнительной власти, которая не могла ограничиваться лишь Советом министров. Депутаты хотели получить право обсуждать его состав и одобрять руководителей каждого министерства в отдельности. У Горбачева и его коллег созрела идея президентской республики, в чем-то напоминающей американскую. Эта идея получила воплощение в проекте государственного устройства — чем-то среднем между американской и французской моделями⁹. Идея учреждения президентской республики, казалось, лучше соответствовала

русской и советской традициям, согласно которым высший правитель был ключевой фигурой.

Но путь к этой цели оставался неясным. Сначала Горбачев занял пост председателя Съезда народных депутатов. Но после отмены статьи 6 было решено образовать институт президентства в СССР, где президент является главой советского государства. В марте 1990 года Съезд народных депутатов избрал Горбачева на этот пост.

Почему это сделал съезд, а не народ прямым тайным голосованием? Именно здесь, в том числе и многие советники Горбачева, увидели роковую слабость, непоправимо подорвавшую его позиции на вершине власти. О причинах такого подхода мы знаем от близко стоявших к Горбачеву. Его после довольно долгих сомнений удержали даже не опасения оказаться неизбранным, а перспектива новых противостояний, неизбежных в ходе выборов в стране, и без того охваченной все более глубоким кризисом¹⁰, тем более что ему пришлось отбивать еще одну атаку, нацеленную на подрыв его власти. Она вновь возникла в рамках КПСС и сводилась к требованию признать недопустимым совмещение должностей президента и Генерального секретаря партии. Если разъединить эти два института, то возник бы дуализм власти, создающий, что легко предвидеть, проблемы¹¹. Именно по этому вопросу в парламенте впервые сформировалась коалиция двух наиболее враждебных Горбачеву лагерей: одного — внутри КПСС и другого — из наиболее радикальных демократов. Предложение разъединить две эти должности было проголосовано большинством Съезда народных депутатов (1303 против 607). Решение не прошло только потому, что его сторонники немного недобрали до необходимого кворума¹². Горбачев был избран в результате серии драматических голосований по различным статьям конституционного закона, учреждавшего пост президента. Именно тогда, аргументируя необходимость избежать разделения этих должностей, уважаемый всеми ученый-филолог, старейший академик Лихачев упомянул о появившемся призраке гражданской войны. Такое говорилось впервые¹³. С того момента эта угроза так больше и не исчезла из русской политической жизни. Относительно поведения радикалов из «межрегиональной группы», которые в ходе многочисленных голосований присоединились к противникам Горбачева в КПСС, один из близких к ним депутат Собчак отметил позже, насколько опасными в их среде были проявления «демократической незрелости, политического дилетантизма, митинговых замашек и неспособности просчитать самые элементарные последствия своих действий», не скорректированных «традициями, опытом, профессионализмом»¹⁴. Собчак рассуждал как политик: болезни, которые он увидел, распространялись по всему организму СССР. Началась бескомпромиссная борьба. Предложение, чтобы Горбачев оставил один из двух

постов, вскоре было вновь вынесено на повестку дня, на сей раз в самой КПСС. Горбачев подтвердил, что если он будет поставлен перед необходимостью покинуть один из двух постов, то уйдет сразу с обоих. Идея подать в отставку неоднократно приходила ему в голову и не была, по словам его наиболее близких сотрудников, просто полемическим приемом: Горбачев неоднократно угрожал отставкой, будучи убежденным в том, что если он поддастся своим противникам, то с ним и его перестройкой будет покончено¹⁵.

Театром наиболее ожесточенных схваток был XXVIII (и последний) съезд КПСС в июле 1990 года — событие, не сравнимое ни с каким другим форумом советских коммунистов. Это была бурно проходившая ассамблея 6 тыс. делегатов, заполнивших громадный зал Кремлевского Дворца съездов, где импровизированные ораторы толпились возле многочисленных микрофонов и выступали возбужденно и протестующе. Одно за другим следовали часто противоречащие друг другу по результатам электронные голосования. Царила напряженная подозрительность, в которой руководители партии, сидевшие за столом президиума, не казались уже начальством, а скорее выступали в роли обвиняемых огромного хорового процесса. Вот некоторые из наиболее выразительных метафор съезда: «гора, подъем на которую потребовал нечеловеческих усилий, на очень сильном ветру... порывы которого сбивали с ног... в буре страстей» (Шеварднадзе); «море, где больше скал, чем воды» (Яковлев); «попытка превратить съезд в специальный трибунал» (Горбачев); «скачки на спине степного тигра» (Гельмут Коль)¹⁶.

Все, кто там присутствовал, знают, что Горбачев оказался в абсолютном меньшинстве¹⁷. Если ему и удалось, по крайней мере формально, выйти из сложившейся ситуации невредимым, то только благодаря своему умению маневрировать, способности играть на разобщенности и неподготовленности его противников, на противоречиях, в том числе и внутри партии, вызванных полемикой между представителями различных республик Союза, на отсутствии убедительной программы у тех, кто пытался его сместить. Ему помогло то обстоятельство, что он уже являлся президентом СССР. Когда Лигачев попытался провести последнюю атаку, выразив намерение быть избранным заместителем Генерального секретаря партии, за него было отдано всего несколько сотен голосов — поражение, положившее конец его политической карьере. В самый разгар баталии против противников перестройки, составлявших на съезде большинство, с противоположного фланга политических сил последовал жесткий удар: слово взял Ельцин, в кратком заявлении объявив, что выходит из КПСС, и предложив партии самораспуститься. Его примеру последовали несколько других радикалов. Это было объявлением войны. Победа Горбачева теперь представлялась более при-

зрачной, чем реальной: в итоге съезда его позиции сильно пошатнулись.

Создать крепкий институт президентства было уже невозможно. Образовали президентский Совет, куда Горбачев попытался ввести руководителей главных министерств, некоторых из наиболее способных своих сотрудников и отдельных деятелей культуры, непосредственно политической работой не занимавшихся. Кто-то определил этот орган как «государственное Политбюро». Но и эта структура оказалась неработоспособной¹⁸. Слабая юридическая конституционная культура страны помешала бы эффективной работе новых государственных институтов и в более спокойные периоды. Как потом отмечалось, организационное решение проблемы могло быть лучшим. Однако причины провала заключались не в этом: новые структуры даже не имели времени, чтобы пройти проверку, — их снес усиливающийся политический ураган.

Характеристика этой первой попытки конституционного строительства была бы некорректной без следующего соображения. Первый и последний парламент СССР, родившийся на зыбкой правовой основе, сформированный надуманно, действовавший в атмосфере раскалывающих его политических дискуссий и обреченный на преждевременную смерть, этот парламент перестройки, спровоцировавший президентство Горбачева, оставил истории наследство, которое не пошло в ее пассив. Были одобрены законы, имеющие определенную ценность, от Закона о печати до закона, предоставляющего право путешествовать за рубеж или жить за границей. Многие права граждан нашли юридическое оформление. Почти все то немногое, что есть от демократии в странах — наследницах СССР, является результатом бурной и недолгой деятельности этого парламента.

Экономический кризис

В результате отчаянной политической борьбы и спада экономики сформировался своего рода замкнутый круг. Старая «административно-командная система», как сейчас называют навязанный Сталиным режим, просуществовавший до смерти Брежнева (и позже), больше не работала: отчасти из-за развивавшегося паралича, проявившегося уже в середине десятилетия, и отчасти из-за начавшегося слома ее проржавевших механизмов. Не получалось привести в действие новые рычаги, которые должны были определить грамотное управление экономикой, открыть простор инициативе и самостоятельности ее отдельных составляющих. Они по-прежнему предполагали наличие эффективной государственной администрации, в то время как госу-

дарственные рычаги управления становились все менее послушными командам, откуда бы те ни исходили. Старые связи между производственными предприятиями рушились, но на смену им не складывались новые отношения. Где надеялись на ощутимое улучшение условий жизни граждан как следствие перестройки, получали обратный результат. В этом в первую очередь заключалась причина радикализации политической борьбы. Но она вместе с тем выхолащивала попытки преодолеть экономические трудности.

Первым следствием такой ситуации был кризис государственной финансовой системы. Чтобы дать какую-то компенсацию населению, государство и отдельные предприятия в 1988 году пошли на резкое увеличение личных доходов¹⁹. Однако отсутствие роста производства не позволило удовлетворить увеличивающийся спрос на товары и услуги. Это, в свою очередь, породило мощное инфляционное давление. Резко увеличилась циркулирующая денежная масса. Цены же, установленные государством, оставались неизменными. Теперь уже не успевали поставлять товары в магазины, как их прилавки пустели. Почти круглосуточно магазины оставались без товаров. Напротив, полными были домашние холодильники.

Не выходя на свет, теневая экономика стала всепроникающей, разливаясь по хитросплетениям обменных операций, все более просачиваясь в государственные предприятия. Она с легкостью овладевала смешанными, получастными или кооперативными предприятиями, чье существование было разрешено новыми законами, провоцируя недовольство тех, кто не был туда допущен. Незаконными путями она действовала также во внешней торговле, переживавшей период роста, но в нездоровых формах. Чтобы удовлетворить запросы потребителей, был увеличен импорт на кредитной основе. Государство влезало в долги, но стабилизировать рынок ему не удавалось. Для того чтобы сдерживать рост цен на внутреннем рынке, оно было вынуждено их компенсировать путем субсидий производственным предприятиям, которые в отсутствие у государства соответствующих поступлений все более пробивали брешь в госбюджете.

Наиболее тревожным по экономическим и политическим последствиям был эпизод с забастовками шахтеров, которые, начинаясь в Кузбассе, дважды в Западной Сибири, дважды, летом 1989 и 1990 года, распространялись на большую часть других угольных бассейнов. Говорили, что эти забастовки возникли по политическим причинам: к их организации подтолкнули прибывшие из Москвы агитаторы-радикалы²⁰. Объяснение вполне приемлемое, хотя не было недостатка и в экономических причинах. Этими забастовками не было положено начала независимого профсоюзного движения, как случилось бы, если бы они возникли стихийно. Парламент в срочном порядке легализовал забастовки, когда они уже начались. С тех пор

их проведение стало возможным, и все же в последующие годы они не повторялись с таким размахом, хотя условия работы и жизни этих же самых горняков значительно ухудшились. Какой бы ни была причина забастовок, они заставили правительство Москвы и самого Горбачева вести изнуряющие переговоры в период, когда шли решающие политические бои — вводилась парламентская система, открывался последний съезд КПСС. Забастовки закончились капитуляцией центральных властей, принявших основные требования забастовщиков. В результате произошло резкое увеличение прямых и косвенных выплат трудящимся, кругами распространившихся на другие секторы экономики.

Финансовый кризис затруднил всякую возможность проведения глобальной реформы экономической системы. Чтобы выработать удовлетворительный проект этой реформы, Горбачев был вынужден прибегнуть к помощи лучших отечественных экономистов. Некоторые из них (Шаталин, Петраков) уже входили в число его главных советников. Другой, Абалкин, был в июле 1989 года даже назначен заместителем председателя Совета министров, и ему было поручено руководство Комиссией по проведению реформы. Они были специалистами высокого класса, но их мнения расходились. Все они несли на себе груз многолетнего догматизма советских общественных наук, иссушившего экономическую мысль. Отсюда и родилась тенденция брать напрокат решения, предложенные западной наукой, мало сошедшие со специфическими проблемами советской экономики. Некритический импорт идеи — обычный соблазн в русской культуре. Еще 150 лет назад философ Чаадаев писал: «Своего развития, естественного прогресса нет (у нас); новые идеи пробивают себе дорогу среди старых, потому что не вытекают из них, а появляются у нас неизвестно откуда»²¹. В этом также можно найти одно из объяснений того, почему тогда, как и впоследствии, было так трудно заручиться народной поддержкой проводимых реформ.

Из кругов экономистов поступали противоречащие друг другу проекты²². Один из них был довольно быстро подготовлен Абалкиным. Другой был представлен группой специалистов из Госплана. Председатель Совета министров Рыжков попытался обобщить оба проекта. Представленный им синтез и был одобрен Съездом народных депутатов в декабре 1989 года²³. В то же время молодой экономист из Комиссии Абалкина, до того еще мало кому известный Явлинский, выработал свой, отличный от других проект, так называемую «программу 400 дней», где вынашивалась идея массовой приватизации советской экономики. План Явлинского, по содержанию подрывавший существовавшие устои, методологически отражал встречающуюся в советской традиции иллюзию: поиск чудотворного решения посредством молниеносной акции. На проходившую дис-

куссию повлияла борьба, начатая Российской Федерацией против Советского Союза. Проект Явлинского, несколько растянутый по срокам и превратившийся в «программу 500 дней», был взят на вооружение Советом министров Российской Федерации и противопоставлен проекту центрального правительства²⁴.

То, что поначалу было просто дискуссией между специалистами, переросло в политический конфликт. Горбачев попытался достичь соглашения с российским правительством, ставшим оплотом Ельцина. Экономисты обоих лагерей взялись за совместную работу. В ходе ее советники Горбачева разошлись во мнениях: Шаталин и Петраков поддержали «программу 500 дней»; правительство Рыжкова с Абалкиным остались верными своему предложению²⁵. Хотя Горбачев был ближе к первым, но попытался найти компромисс. Другому экономисту, академику Аганбегяну, было поручено найти приемлемое решение, но он ничего не смог сделать. Реформа оказалась заблокированной. Там, где предполагалось найти согласие, возникло еще одно основание для конфликта. Провал попытки реформирования экономики оставил за собой шлейф полемики, горечи и незаживающих ран.

Политическая борьба становилась все более ожесточенной. Один из самых видных сотрудников Горбачева потом высказал мнение, что в тех условиях никакая программа, будь она самой совершенной, не могла быть реализована²⁶. Новый Закон о предприятии, рожденный под влиянием наиболее передовых реформаторских идей, был одобрен в июне 1990 года и должен был вступить в силу 1 января 1991 г. Однако он так и остался на бумаге.

За противоборством между различными проектами уже просматривался более глубокий конфликт. Впервые под вопрос ставился социальный строй СССР. Решение проблемы затруднялось необходимостью принятия жестких мер по финансовой стабилизации. Это было действительно необходимо, так как в противном случае никакая структурная реформа не имела бы успеха. Речь шла о болезненном шаге, неизбежно вызывавшем сомнения. Однако основные пункты спора касались коренных вопросов: объемов приватизации, масштабов частной собственности, которая, по мнению некоторых, должна была стать чуть ли не единственной формой собственности; целесообразности или нецелесообразности регулирования рынка, если согласиться, что его законы и потребности должны уважаться; социальной защиты, к которой привыкло советское население; поэтапности принятия мер. Один из иностранных советников, появившихся тогда на московской сцене и находившихся среди вдохновителей «программы 500 дней», отмечал: «Быстрая перемена системы необходима в целях народного благосостояния, поднять которое можно только с приходом капитализма»²⁷. Это уже была не перестройка, а нечто совсем другое.

Разворот части реформаторов в сторону экстремизма был вызван различными факторами. Некоторые из них носили международный характер. Самые убежденные сторонники либерализма, находившиеся тогда у власти как в Вашингтоне, так и в Лондоне, провели в этом направлении довольно умелую акцию убеждения. Шульц и госпожа Тэтчер даже не скрывают этого факта в своих воспоминаниях²⁸. К тому же в развитие ситуации вмешались резкие перемены, происшедшие в течение нескольких месяцев в Восточной Европе. Но были также и внутренние причины. «Теневая экономика» оказывала давление, стремясь избавиться от оставшихся препятствий. Экономист Селюнин, который был поначалу одним из рьяных сторонников перестройки, призывал к формированию в 1990 году нового правительства, «не связанного с выбором, сделанным в 1917 году... Такое правительство осуществит переход к рынку и послужит изменению социального строя»²⁹. Но на это Горбачев не хотел соглашаться. Его отказ от «программы 500 дней», насколько мы знаем, был мотивирован различными соображениями. Он был убежден, что обещать такие быстрые перемены означало бы обман, так как в ходе перестройки он убедился — для эффективной реформы потребовались бы годы напряженного труда. Горбачев с недоверием относился к «шоковым терапиям», к которой, например, прибегло польское правительство в начале 1990 года. Однако наиболее отчаянные радикалы хотели, чтобы такая «терапия» была применена в СССР. Горбачева беспокоила цена, которую народ должен будет заплатить за подобную реформу, и он хотел реализовать «менее болезненную» программу. Наряду с этими суждениями прагматического характера он продолжал вынашивать убеждение — и останется верен ему до конца, — что от социалистических ориентиров, хотя и существенно подправленных, не следует отказываться³⁰.

Он дорого заплатил за это убеждение. Непримируемая враждебность его противников в КПСС не ослабевала и после XXVIII съезда. В то же время отказ Горбачева от «программы 500 дней» дал его принципиальным противникам и сторонникам Ельцина предлог для широкого наступления и подсказал тактику против него. Его обвинили в переходе в лагерь «консерваторов». Поначалу они повели атаку на председателя Совета министров Рыжкова, выступившего против «программы 500 дней», и потребовали его отставки. Рыжков, конечно, не был исключительной личностью, но и не принадлежал к противникам реформ. С самого начала перестройки он работал вместе с Горбачевым, возглавляя правительство. Он не был близок к Лигачеву, напротив, в их отношениях ощущалась неприязнь. Горбачеву пришлось расстаться с Рыжковым еще до конца года. Так советский президент оказался в еще большей изоляции.

Что касается доводов, к которым прибегали в ходе полемики представители обоих лагерей, то как одни, так и другие их привер-

женцы настаивали и настаивают на них. Трудно дать им оценку, если, конечно, не сделать это чисто гипотетически. Можно только отметить, как в свете происшедшей затем в стране катастрофы выдвинутые против «программы 500 дней» оговорки нельзя считать малозначащими. Только один пример. Одной из основных причин разногласий был вопрос о частной собственности на землю с постепенным переходом от коллективного землепользования в сельском хозяйстве к частному. После этого в России один за другим были приняты декреты и законы, провозглашавшие эти принципы. Каждый раз их принятие приветствовалось как крупное историческое событие, настоящая революция (или контрреволюция, кому как нравится). Но на практике, несмотря на трагедии, или, может быть, именно из-за них, сопровождавших весь период советской коллективизации, мало что изменилось в организации труда в сельском хозяйстве и в жизни деревни.

Борьба вокруг экономической реформы имела и второе существенное политическое последствие. Среди аргументов Рыжкова, к которым прислушивался Горбачев, был один, гласивший: никакая реформа не будет иметь успеха, если до ее начала не вернуть государству хотя бы минимум авторитета и эффективность функционирования³¹. Требование «навести порядок» в стране широко распространилось в общественном мнении. Аналогичные тенденции пробивали себе дорогу также и в радикальном лагере, в среде интеллигенции, среди тех, кто вначале разделял основные принципы перестройки и даже требовал идти дальше. Именно им мы обязаны рождением того, что можно назвать «неоавторитаризм». Он нес в себе идею, что экономическая реформа — главная задача момента и, чтобы реализовать ее на практике, необходимо на какое-то время пожертвовать демократией, так как дело требует слишком много сил, оно слишком трудное, чтобы ставить его осуществление в зависимость от поисков согласия. Если нет согласия, «переход к рынку» все равно должен быть навязан.

«Нужен ли «железный кулак»?» — так называлась дискуссия между двумя интеллигентами-реформаторами начального периода — Миграняном и Клямкиным, в которой они со второй половины 1989 года отстаивали эти тезисы³². Первый из них стал наиболее рьяным теоретиком этих идей, хорошо прижившихся в радикальном лагере. В условиях, когда вновь вошло в обычай широко использовать историю в политических целях, приверженцы «неоавторитарных» идей также обрели и свой пример, и своего героя. Они превратили в мифическую фигуру Столыпина, царского премьер-министра, диктаторскими методами пытавшегося, хотя и не без успеха, после революции 1905 года ускорить развитие российского сельского хозяйства по капиталистическому пути³³.

Этот миф, кстати сказать, Солженицын возродил задолго до «нео-авторитарных» теоретиков конца 80-х годов. Но с политической точки зрения имеет значение факт, что эти деятели уже занимались поисками иного лидера вместо Горбачева, которого сочли неспособным реализовать их идеи и использовать при этом необходимые силовые приемы.

Кризис в межнациональных отношениях

Возник еще один заколдованный круг, появилась взаимосвязь между продолжающимся ухудшением дел в экономике и напряженностью в межнациональных, межэтнических отношениях. Если бы положение в экономике улучшилось, возможно, и националистические тенденции не нашли бы столь благодатной почвы, но, поскольку экономическая ситуация ухудшалась, те же местные партийные руководители были склонны переключать недовольство народа на переживавшее кризис центральное правительство. Они направляли это недовольство и на другие народы, откапывая в далекой истории поводы для споров, скрытые или исчезнувшие было разногласия. Неприязнь между правительствами отдельных республик Союза способствовала ухудшению ситуации в экономике, строившейся десятилетиями как одно целое. Ухудшение экономического положения и межнациональная напряженность взаимно питали друг друга.

В 1989–1990 годах на окраинах Союза возникли два очага кризиса, когда понятное стремление к утверждению собственного национального достоинства трансформировалось в сепаратистские движения. Первый очаг возник в трех Прибалтийских республиках — Литве, Латвии и Эстонии. Второй — в Грузии — добавился к непрекращающемуся на Кавказе конфликту между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха.

В балтийских республиках народные фронты, заявившие о себе в начале как организации в поддержку перестройки, превратились в самые настоящие движения за независимость. Даже местные коммунистические партии, бывшие частью КПСС, решили отделиться и стать национальными партиями. Из трех этих стран ведущую роль с самого начала взяла на себя Литва. С этнической точки зрения ее население выглядело компактнее, чем в других двух республиках, — там было только 20% нелитовского населения. В республике была создана национальная партия «Саюдис», ее лидер Ландсбергис требовал, чтобы страна вышла из Союза. Руководитель коммунистов Бразаускас также требовал суверенитета для Литвы. Очень скоро народные фронты получили массовую поддержку. Их выступления становились все более внушительными, а печать — все радикальнее.

Изменения были особенно заметны среди коренного населения: в меньшей степени среди русскоязычных или других этнических меньшинств, составлявших треть жителей в Латвии и почти 40% в Эстонии.

Общим требованием прибалтов было осуждение соглашения 1939 года между Советским Союзом Сталина и нацистской Германией, сделавшего возможным присоединение Прибалтийских стран к СССР.

Сложнее складывалась обстановка в Грузии. Здесь движение отличалось резко шовинистическими настроениями, всегда, пусть скрытно, присутствовавшими в этой маленькой кавказской республике, враждебными не только к русским, но ко всем негрузинам. Самым крупным представителем движения оказался Гамсахурдия, человек, склонный к экстремизму и не гнушавшийся любыми средствами для достижения своих целей. Среди соплеменников Гамсахурдии не было недостатка в противниках. Наиболее знаменитым среди них был, возможно, философ Мамардашвили — воплощение благородного грузинского космополитизма. Мамардашвили умер, когда конфликт с Москвой только начинался.

Сепаратистские тенденции получили довольно серьезное развитие, так же как и напряженность в отношениях между различными нациями. Однако действовали два фактора, позволяющие оспорить утверждение, что лишь роспуск Союза давал выход из создавшегося положения.

Первый фактор — это периферийный характер движений, наиболее бескомпромиссно требовавших выхода из СССР. Как Прибалтийские страны, так и Грузия, расположенные на западной и южной окраинах Союза, оставались в конце концов маленькими республиками. То же самое относится и к Молдавии, где с небольшим запозданием проявилась аналогичная тенденция. В последнем случае события развивались под влиянием изменений в соседней Румынии: в 1990 году молдавский сепаратизм проявлялся как требование не только выхода из Союза, но и вхождения в состав соседнего румынского государства, с которым существовала общность языка и исторических традиций.

Это не означало, что националистические тенденции не проявлялись на остальной территории Союза. Но в других республиках они носили более умеренный характер и поддерживались меньшинством населения. На практике эти республики, требуя для себя большей автономии и суверенитета, были отнюдь не уверены, надо ли настраиваться на отделение. Было две группы таких республик. Первая — славянские республики. Если в Белоруссии национализм совсем или почти не проявлялся, то он, наоборот, получил широкое распространение на Украине, где глубже укоренились его традиции. Однако наиболее радикальные националистические настроения ограничива-

лись западными областями и несколькими политическими группами националистов (впрочем, довольно малочисленными) в Киеве. Сепаратистские тенденции практически никак не проявляли себя во второй группе республик — центральноазиатских — Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении. Эту особенность следует отметить специально, так как во всех ранее проведенных аналитических исследованиях и прогнозах, особенно зарубежных, относительно возможного кризиса Союза народы этих республик назывались вероятными инициаторами развала СССР, особенно с учетом их религии и мусульманской культуры, а также значительного прироста населения. Ничего подобного в начале 90-х годов не происходило³⁴.

Второй фактор заключался в том, что именно в республиках, где сепаратистские движения были сильнее, этнические меньшинства, зачастую многочисленные, выступали против доминирующей сепаратистской тенденции и являли собой первую и серьезную линию сопротивления любому предложению об отделении от Союза. Требования об отделении каждой из республик выдвигались всякий раз от имени национального большинства и сопровождались отказом в элементарных правах человека проживавшим там этническим меньшинствам. Приходившие или пытавшиеся прийти к власти группы националистов действовали в отношении собственных меньшинств более репрессивными методами, чем центральное правительство, решительнее прибегали к насилию и шовинистической пропаганде. Здесь возможно возражение, что именно в праве собственноручно определять положение меньшинств они видели первое свидетельство своей столь желанной суверенности. Однако в ответ на это меньшинства видели единственную эффективную защиту своих прав в Союзе, в Советской Конституции и в «ленинских принципах» или, когда такой защиты не стало, в требованиях выхода, в свою очередь, из состава республик, в которые они входили³⁵.

Крайний национализм, возобладавший в Грузии с приходом к власти Гамсахурдия, вызвал немедленную и резкую реакцию. Начались вооруженные выступления абхазов и осетин, народов не только многочисленных, но и наделенных по Советской Конституции собственной государственностью (автономные республики в составе Республики Грузия). Новые руководители Тбилиси хотели поднять их под себя. В ответ абхазы и осетины провозгласили свое отделение от Грузии и настаивали на создании соответствующих суверенных республик или же на вхождении в Российскую Федерацию. Произошедшее в Грузии не составило исключения. Затянувшийся конфликт между армянами и азербайджанцами из-за Нагорного Карабаха был, по существу, крайним проявлением того же явления. Нечто аналогичное происходило в Молдавии в отношении русского и турецкого

(гагаузы) меньшинств. И наконец, это же явление отмечалось в Прибалтийских странах, особенно там, где русские меньшинства были более многочисленными. В первый период они пытались доказать свою лояльность в отношении доминирующей нации, поддерживая даже ее требования суверенитета. Они были вынуждены изменить свою позицию, как только сами стали подвергаться дискриминации.

Два других обстоятельства еще больше затягивали гордиев узел национализма. Во-первых, за некоторым исключением (Грузия и особенно Литва), выразителями националистических тенденций были не только и не столько новые политические организации, сколько местные коммунистические руководители или, по крайней мере, часть из них. В критические моменты национализм всегда и для всех оказывался удобной идеологией. Ныне, когда Союз и КПСС переживали кризис, национализм использовался на местах в качестве инструмента для сохранения своих властных позиций, которым угрожала горбачевская перестройка. Во-вторых, в республиках, где национализм набрал наибольшие обороты, под прицелом прежде всего оказались советские войска, против которых разворачивались демонстрации протеста. К ним относились как к оккупационной силе, их оскорбляли и поносили, совершали акты вандализма над памятниками погибшим воинам. После вынужденного ухода из Восточной Европы это второе и еще более горькое испытание на родине сделало практически невыносимым кризис в армии, вызвало подавленность и недоверие военных к политическому руководству страны, породило у многих из них своего рода чувство оскорбленного патриотизма³⁶.

Подобные обстоятельства послужили фоном к целому ряду трагических событий. 9 апреля 1989 г. в Тбилиси армия открыла огонь по толпе демонстрантов, которые пытались ворваться в правительственные здания. Местные гражданские и военные власти сами настояли на использовании оружия. Довольно неясной до сих пор остается ответственность центральных властей. Горбачев узнал о тяжелой ситуации в грузинской столице только по возвращении из поездки в Великобританию, у него не было времени, чтобы дать более четкие указания. Шеварднадзе, которому он поручил немедленно направиться на место событий, не поехал туда, так как решил на основании поступивших к тому времени сообщений из Тбилиси, что там все нормализовалось. Лигачев, которого обвиняли в случившемся в Тбилиси, безусловно, дал в отсутствие Горбачева указания о передислокации войск. Однако нет доказательств, что он пошел дальше этой предупредительной меры. Работа многочисленных комиссий по расследованию так и не прояснила случившегося³⁷. В Тбилиси были убитые и раненые. Стычка произошла накануне сессии вновь избранного советского парламента. Она породила яростные дебаты, безрезультатно длившиеся в течение месяцев.

Летом того же года в плодородной Ферганской долине в Узбекистане несколько дней продолжались ожесточенные стычки между узбекским населением и подвергшимся безжалостному нападению национальным меньшинством — турками-месхетинцами. Это был еще один конфликт среди нерусского населения. Наученная горьким опытом Тбилиси, армия на этот раз осталась в стороне, а когда попыталась что-то сделать, было уже поздно. Кровавые события в Фергане положили начало новому явлению в жизни советских этнических групп: внутренней миграции меньшинств, которые, оказавшись незащищенными, покидали области, где они уже давно проживали. В рамках СССР возникли потоки беженцев, хотя все они были советскими гражданами. Еще более тяжелыми были аналогичные инциденты в январе 1990 года в Баку, в которых отразился конфликт между азербайджанцами и армянами из-за Нагорного Карабаха. Здесь была задействована армия, обвиненная затем с обеих сторон в содействии противнику.

Кульминацией трагической цепочки столкновений было событие 12 января 1991 г. В литовской столице Вильнюсе армия открыла огонь по демонстрантам, взявшим под свою защиту местное телевидение, перешедшее на националистические позиции. Ответственность за случившееся пала на Горбачева. Отметим для ясности, что еще никем не доказано, что приказ о применении силы в Вильнюсе, как и в Тбилиси, исходил от Горбачева. Его основной обвинитель, Ельцин, возложил в дальнейшем ответственность на главу КГБ Крючкова³⁸. Но это важно лишь до определенной степени. Президент всегда несет ответственность за все, и, даже если, как это представляется вероятным, приказ исходил не от него, случившееся лишь свидетельствовало о потере им контроля над ситуацией. Армия открыла огонь еще и по той причине, что была доведена до крайности обстановкой ненависти, которая ее окружала. Но случай был использован противниками Горбачева в демократическом и радикальном лагере для неслыханно яростной кампании. Его обвинили в том, что он диктатор хуже Гитлера и Сталина, что его линия преступна, он вел себя как убийца, что он изменил своему же делу, оказался пленником консерваторов. Последние, в свою очередь, считали Горбачева предателем и, наоборот, обвиняли его в слабости³⁹. Отовсюду стали раздаваться требования его отставки.

Как мы теперь знаем, в ходе всего кризисного периода в международных отношениях линия Горбачева сохраняла свою последовательность, хотя и была обречена на поражение. Конечно, были сомнения, раскаяния, противоречия. Но она до последнего отвечала некоторым его твердым убеждениям. Первое и самое глубокое заключалось в том, что Союз, понимаемый как необходимая форма сосуществования между различными народами СССР, должен быть в

любом случае спасен. Его второе убеждение состояло в том, что для этой цели Союз предстояло радикально реформировать, для чего нужно было дать каждой республике гарантированный суверенитет и демократический контроль над своими внутренними делами, оставив за Центром функции, обеспечивающие совместную жизнь в Союзе. Горбачев неоднократно высказывался в том плане, что в отдельных случаях могут быть приняты и другие решения, учитывающие различие исторических и культурных условий народов Союза. Он допускал, хотя и осуждал подобные намерения, отделение одних народов от других. Однако он требовал, чтобы все это происходило в рамках закона, и одобрил целую юридическую процедуру, позволявшую каждой нации реализовать свое конституционное право на отделение по согласию сторон. Он хотел избежать поспешных решений, способных вызывать цепные реакции. Но и эти его убеждения вызывали многочисленные нападки. Одни обвиняли его в том, что он разваливает Союз после того, как «потерял» Восточную Европу, другие вменяли ему великодержавные имперские устремления. Здесь, как и в других случаях, единственным его оружием оставалось слово, сила убеждения. Он использовал его до конца с непреклонной настойчивостью и в уверенности или в надежде, что призыв к разуму даст результаты. К сожалению для него, особенно в вопросах этнических конфликтов, время рациональных дискуссий безвозвратно прошло.

И все же в этих условиях ему удалось записать в свой актив два очка. В марте 1991 года, когда кризис достиг критической отметки, он почти по всей стране организовал референдум (не участвовали наиболее сепаратистски настроенные прибалты, грузины и молдаване). Три четверти участников проголосовали за сохранение Союза, реформированного на демократической основе. Пользуясь этим успехом, в следующем месяце он запустил переговорный процесс между республиками в целях заключения договора, определяющего основы обновленного государства. Союзником в этих его усилиях выступил президент Казахстана Назарбаев (во всех республиках проявилась тенденция, согласно которой местные секретари КПСС стали президентами). По имени резиденции вблизи Москвы, где этот документ был составлен, его назвали Ново-Огаревским договором. Согласно документу признавались суверенитет и независимость каждой отдельной республики, которые соглашались делегировать центральному правительству целый ряд полномочий в области обороны, внешней политики, координации в экономической сфере. В тот момент казалось, что Горбачеву удалось увести страну от края пропасти, на который она вышла.

За Россию договор подписал Ельцин. Это могло стать решающим достижением. Однако не стало. Различные факторы, как мы увидим, определили провал этого последнего усилия. Смертельный удар, од-

нако, был нанесен не каким-либо народом среди многих, населявших страну, а наиболее важной из всех республик — Россией. Союз мог выжить без любой из других республик, которая рано или поздно пришла бы к пониманию, как вредно оставаться в изоляции. Но без России Союза быть не могло.

Ельцинская коалиция

Развал Советского Союза стал возможным, когда пересеклись пути русского национализма как культурного и политического течения, сложившегося в ходе, по крайней мере, двух десятилетий, и такого решительного и амбициозного политического лидера, как Борис Ельцин. Столь ловкого и безжалостного противника у Горбачева еще не было. О себе Ельцин сказал: «Итак, быть первым — это всегда было в моей натуре, только не знаю, отдавал ли я в этом себе отчет в первые годы моей жизни». Этот человек видел свое предназначение в больших свершениях, он даже поверил, что «какая-то неведомая сила постоянно сопутствовала ему»⁴⁰. Он был и остается, много больше чем Горбачев, равнодушным к символам, внешним атрибутам, к демонстрации власти: в день его провозглашения президентом России он распорядился отсалютовать себе 21 артиллерийским залпом. Его главный соперник скажет: «...может быть, именно здесь его секрет... царь должен жить по-царски». После отмены советской символики он выбрал в качестве герба России герб Романовых — двуглавого орла, несмотря на его имперскую символику или, может быть, именно благодаря ей. Инстинктивно он сумел воплотить часто встречающийся в русской истории миф о самозванце, то есть человеке, провозглашающем себя царем, но царем простонародья, остающегося бунтарем, пришедшим, чтобы восстановить справедливость. Он знает, как настроиться на волну народных чаяний, и люди поддаются очарованию этого мифа.

Его потерпевший поражение противник воскликнет: «Странные происходят вещи. [...] Ни за границей, ни на родине его не слушают. [...] Но люди продолжают твердить: это наш человек»⁴¹. Сдержанный даже со своими сотрудниками, над которыми он сумел утвердиться как руководитель, Ельцин в то же время демонстрировал особенности отчаянного политического игрока: любовь к риску, непредсказуемость в решениях и действиях, стремление делать ставку на полную победу, пренебрегая частичным успехом, а значит, и гибкость в поведении только до момента нанесения решающего удара.

Его долгое время недооцененные качества не ограничивались тактической ловкостью и отсутствием комплексов. Трудно понять, в чем его политические убеждения. Нет ни одного его выступления, ни

одной статьи, которые бы запомнились. Но именно ограниченность его политической мысли не позволила вовремя (что также не ново в русской и советской истории) выявить его политические планы. А ведь он сам сжато и весьма эффектно изложил основную причину своего противостояния Горбачеву: тот «продолжал... твердить о социализме, о дружбе советских народов, о достижениях советского образа жизни, который нужно развивать и обогащать... Я пришел с идеей самого радикального освобождения от советского наследия». В нем трудно увидеть демократа и по существу, и по стилю. Но так же трудно не видеть, как он сумел выразить душевное состояние, доминирующее, по крайней мере, в наиболее активной, хотя и меньшей, части населения, когда он выступал с лозунгом «разрушить, чтобы затем построить». Этот лозунг взяли на вооружение широкие круги русской демократической интеллигенции⁴².

На рубеже 80-х и 90-х годов все эти качества Ельцина позволили ему сформировать ту разнородную коалицию сил, с которой он должен был, не постояв за цену, «завоевать» власть, «Россию» и, как заявил он сам, столь желанную роль «первого». Английский «Economist» писал, что за свою карьеру Ельцин одевал много различных политических масок⁴³. Но это можно сказать не столько о нем, сколько о разноликой политической силе, которую ему удалось создать за своими плечами, силе, более подходящей для разрушения СССР, чем для управления Россией. Но в 1990–1991 годах Ельцина более интересовало разрушение, все-таки время управлять тогда еще не пришло.

Первый период его правления был временем ярого популизма. Слово употреблено здесь не в том смысле, в каком его сделала общеизвестным русская культура прошлого века, для этого, вообще-то, в русском языке существует другой термин — «народничество»*. Оно употреблено в смысле, взятом из политического и политологического языка американцев, откуда и был позаимствован русскими. Популизм означает, по существу, стремление говорить народу то, что в данный момент он в своей массе предпочитает слышать⁴⁴. Первая большая пропагандистская кампания Ельцина, поддержанная значительной частью средств массовой информации, была направлена против привилегий «номенклатуры». Эта кампания будет одной из причин его головной боли, когда он окажется у власти, но в тот момент она весьма ему помогла обрести широкую популярность⁴⁵. Он сумел уловить важность темы и сделать из нее своего боевого конька по приезду в Москву, еще будучи партийным руководителем. Он тем более воспользуется этой темой, когда его отстранят от руко-

* В итальянском языке «народничество» и «популизм» обозначаются одним словом, а именно «populismo». — *Прим. пер.*

водства. Ельцин использовал ее также и для выпадов против Горбачева лично, причем в ход пошли непроверенные слухи о якобы имевшихся у последнего дачах, которые он себе построил, о сокровищах, кстати никогда не обнаруженных, собранных им за рубежом, о драгоценностях жены Раисы. Это был популизм, работавший на него, позволявший людям говорить: «Молодец, ну и дал он Горбачеву!»⁴⁶.

Вторым рычагом, который использовал Ельцин, был радикализм. Это течение, состоящее в большинстве из интеллигентов, искало своего лидера. Со смертью Сахарова в наличии оставался только Ельцин. Нельзя сказать, что представители этого течения испытывали к нему особое уважение. Наоборот, многие из них думали воспользоваться им, а затем от него отделаться: намерение, заявленное в частном порядке, но без обиняков таким деятелем, как Попов, первым мэром Москвы⁴⁷. Но это были люди, строившие свои планы без учета особенностей Ельцина и его тактических способностей. Именно он послал в наступление радикалов, чтобы затем пожать плоды их атаки. Он всегда находился сзади, никогда не связывая себе руки слишком большими обязательствами перед ними.

Третьим важным компонентом коалиции была значительная часть российских чиновников из аппарата. В условиях наступающего кризиса авторитета государства многие чиновники, в том числе на высоком правительственном уровне, в наиболее важных службах, таких как милиция или министерства, усмотрели в его решительной и авторитарной хватке единственно возможное решение проблемы и постепенно перешли в его лагерь — и для того, чтобы обеспечить себе будущее, и потому, что хотели что-то спасти таким образом от российского государства, неважно — старого или нового. Они не отказывали ему в поддержке, по возможности окончательно не порывая с Горбачевым. Петровы, Скоковы, Волгогоновы, Арбатовы, Голушко, Красиковы — все это были лица первого плана в блоке Ельцина, а одновременно видные представители так называемой номенклатуры*. Но они представляли собой лишь авангард тех, кто

* Чтобы лучше понять разнородность состава, а также пестроты ельцинской коалиции, необходимо учесть, что эти люди, за исключением Арбатова, были не сторонниками перестройки, а ее противниками, выступая с позиций, которые обычно называют «консервативными». Юрий Петров, бывший секретарь Свердловского обкома, выступил против Горбачева в поддержку «письма» Н. Андреевой (А.С. Черняев. Указ. соч., с. 221). Генерал Волгогонов, бывший заместитель начальника Военно-политического управления армии, то есть органа контроля КПСС над вооруженными силами, протестовал против пацифизма, которое «новое мышление» несло в среду военных. В написанном им доносе он перечислял тех, кто, по его мнению, несет за это ответственность (там же, с. 152). Став ученым-историком, он отличился, написав биографию Сталина на базе секретных архивов, допуск к которым

пытался вычислить будущего победителя. Их роль становилась решающей в момент испытания сил⁴⁸.

К Ельцину потянулись также те интеллигенты, которые были убеждены в необходимости нового авторитаризма, чтобы реформировать экономику. Их представители, люди 1989 года, перешли в ельцинский генштаб, так как Ельцин казался способным применить «железный кулак». И наконец, формируя свое движение, Ельцин обратился к тем, кому было тогда около тридцати, людям, мало связанным с прошлым, глухим к его проблемам и его трудностям, решительно настроенным как можно быстрее пробить себе дорогу. То есть он зарабатывал очки на втором поколении тех, кто был отлучен от власти по причине длительного правления брежневских стариков. Горбачев в лучшем случае мог рассчитывать на первое поколение, то есть на пятидесятилетних и шестидесятилетних.

Но настоящей козырной картой Ельцина, связующим звеном его коалиции был национализм, или, как предпочитал говорить он сам, идея «российской независимости», «суверенитета России», ее верховенства над Союзом: «Россия прежде всего, на первом месте»⁴⁹. Борьба с Горбачевым была превращена им в конфликт между Россией и Союзом. Без систематического прокручивания этого мотива в наиболее важной среди республик вряд ли ельцинская коалиция получила бы столь широкое развитие.

Это совсем не означает, что все русские националисты перешли на сторону Ельцина. Распространенный в общественном мнении русский национализм имел тенденцию к разьединению на различные противоборствующие между собой течения. Те, кто нападал на Горбачева, с ностальгией вспоминая о статусе страны накануне его избрания и осуждая перестройку, делали это во имя националистических великодержавных ценностей, поставленных под угрозу политикой президента, и обвиняли его в развале родины. Их коньком стало образование российской коммунистической партии, что не было новой идеей в советской истории: ее уже выдвигали, но отвергали и откладывали в сторону как при Сталине сразу же после войны, так и при Хрущеве. Выдвижение этой идеи оправдывали тем, что поскольку все федеративные республики имели свои партии в рам-

он получил благодаря своей должности, но проигнорировал при этом обычные нормы корректности, требующие, чтобы источники цитировались так, чтобы другие ученые могли их проверить. Скоков был одним из крупнейших руководителей промышленности, представителем так называемого «военно-промышленного комплекса» (*Б. Ельцин. Указ. соч.*, т. 2, с. 127–128). Голушко — ветеран КГБ, где с 1974 по 1985 год он был одним из руководителей, ответственных за борьбу с диссидентами («Реф. сбор. Исследования», 5 ноября 1993 г., с. 16). Примеры можно было бы продолжить.

ках КПСС, то и Россия во избежание дискриминации должна иметь свою. Но этот аргумент всегда наталкивался на контрдовод: необходимо сохранить интернациональный характер КПСС, играющий в СССР объединяющую роль. Такая роль была бы утрачена партией, ибо она оказалась бы значительно сильнее других, вместе взятых, и неизбежно взяла бы верх.

Горбачев также воспротивился формированию Коммунистической партии России, но в 1990 году был вынужден капитулировать. С самого начала новое политическое образование оказалось в руках его противников — лигачевцев — и возглавлялось одним из самых решительных и экстремистски настроенных из них — Иваном Полозковым. Эта партия, как и Горбачев, защищала Союз, в пику ему вкладывала в это понятие имперскую идею — Союз, понимаемый как продолжение России. Горбачев пытался нейтрализовать это течение, пригласив в президентский Совет одного из его представителей (как представлялось Горбачеву, наиболее умеренного) — писателя Распутина. Но и этот восстал против Горбачева, заявив на заседании парламента, что если и надо выходить из Союза, то первой республикой, которая это сделает, должна стать Россия⁵⁰.

Распутин никогда не станет сторонником Ельцина. Их подходы к национализму разнились. Национализм Ельцина напоминал солженицынский. Россия должна позаботиться о себе сама. Она — жертва Советского Союза. Поэтому она должна уйти в свои границы, оставив другие республики, бывшие для нее «тяжелой ношей» колониального типа. Россия обескровлена Союзом, «империей», как тогда все чаще говорили. В крайнем случае, она должна остаться с другими славянскими республиками — Украиной и Белоруссией. Она благодаря своим богатствам и таланту своего народа быстро бы навела у себя порядок и пошла навстречу новому процветанию. Тогда смирились бы и другие республики, пытаясь договориться с великой Россией, интегрироваться с ней, так как в одиночку они были бы мало на что способны. Вот почему Союз представлялся врагом, подлежащим уничтожению. Перед этими доводами временно бледнели даже противоречия между славянофилами и западниками — двумя традиционными течениями русской политической культуры, проявившими в России 70-х и 80-х годов свою историческую живучесть. В обоих лагерях были ярые сторонники идеи превосходства России над Союзом⁵¹.

Если Союз был врагом, то все сепаратисты становились драгоценными союзниками. Ельцин не колебался, чтобы заполучить их поддержку. Стал знаменитым его призыв ко всем, кто стремился к суверенитету: берите столько власти, сколько хотите и можете взять⁵². Он и с прибалтами искал соглашения, но не с наиболее умеренными националистами (Бразаускас, г-жа Прунсене), как это еще

пытался делать Горбачев, а с крайними экстремистами, такими как литовец Ландсбергис. Он поощрял его к выходу из Союза, а после кровопролития в Вильнюсе поехал туда, чтобы от имени России поддержать требование немедленного предоставления независимости прибалтам. Без России движение за развал Союза было бы делом меньшинства, с Россией оно становилось доминирующим. Главным противником был Горбачев. Но, чтобы было ясно, эта тенденция вела также к конфликту с теми националистами, которые, напротив, видели миссию России в сохранении Союза как ее неотъемлемого придатка, выступали скорее против идеи советского интернационализма, главенствовавшей при рождении СССР в далекие 20-е годы и оправдывавшей официальной идеологией существование СССР. Такая националистическая тенденция, коренившаяся в России и временами весьма сильная, не могла, однако, найти союзников в других республиках.

К политическим ориентирам Ельцин приспособил и тактическую линию. Его стремительный взлет начался, когда в конце 1989 года он решил баллотироваться в российский парламент (тогда еще РСФСР) с намерением стать его председателем⁵³. Выборы должны были состояться в марте 1990 года. Для участия в предвыборной кампании в январе в Москве было сформировано движение кандидатов под названием «Демократическая Россия». Уже само наименование стало первым свидетельством перехода части демократического лагеря на националистические позиции, как это отметил один из вдохновителей движения Астафьев, сам также националист⁵⁴. Ельцин обрел в этом движении одну из опор своей коалиции. Через год после общесоюзных выборов выборы в российский парламент прошли во многом по-иному, что показывало, с какой скоростью развивалась политическая ситуация в Москве. Уже не было квот предварительно назначаемых депутатов. В 97% округов в списки включались, по крайней мере, два кандидата с конкурирующими программами и платформами. Среди избранных от 20 до 25% были связаны с «Демократической Россией»⁵⁵. В своем родном Свердловске Ельцин был избран подавляющим большинством. Он сразу же нацелился на место председателя новой Ассамблеи, что ему удалось в том числе и потому, что Горбачев не был способен или был не в силах противопоставить ему достойную кандидатуру⁵⁶. Победа Ельцина оказалась решающей. Благодаря ей Ельцину удалось установить в советской столице дуализм двух центров власти — его и Горбачева, России и Союза.

Действуя из своей новой крепости, Ельцин стал предпринимать систематические шаги для смещения равновесия в сторону своего центра. Среди его первых актов было провозглашение суверенитета России, что предопределило превосходство законов, одобренных

Ассамблеей, перед законами, принимаемыми Союзом. Это был первый смертельный удар для существования СССР. Прежде чем перейти в прямую атаку против Горбачева, Ельцин выждал несколько месяцев. Он начал наступление осенью 1990 года не только с прямых личных выпадов против советского президента, но и противопоставляя правительство России федеральному правительству, представителя своего правительства Силаева — премьеру СССР Рыжкову, российских министров — министрам союзным. Он использовал «программу 500 дней» как знамя против противника. С наступлением нового года пошли особенно тяжелые бомбовые удары. Ельцин обвинил Горбачева в намерении стать диктатором. В феврале 1991 года он публично потребовал от него отставки. Он организовал в Москве внушительные демонстрации против Горбачева. Единственная хорошо удавшаяся контрмера Горбачева — референдум за сохранение Союза и Ново-Огаревский договор — заставила его на несколько недель перейти в оборону. Но это было только передышкой, так как схватка между ними в промежутке переместилась на другую почву.

Для Ельцина должность Председателя Верховного Совета не была достаточной. Он уже действовал как глава российского государства, но хотел еще и официальным путем стать президентом республики⁵⁷. Он пожелал, чтобы вместе с референдумом о сохранении Союза в России был проведен второй референдум об учреждении должности президента. На этом референдуме он получил большинство голосов. В Конституцию РСФСР была внесена поправка. Выборы президента состоялись в июне 1991 года. Ельцин их выиграл, набрал 57% голосов. Его главный соперник — бывший Председатель Совета Министров Рыжков — получил лишь 17% голосов. Третьим, с 8%, оказался тогда еще малоизвестный демагог, «либеральный демократ» Жириновский. Другие претенденты набрали еще меньше голосов. Противостояние между двумя властями становилось тотальным: в Москве оказалось два главы государства.

В гонке за пост президента Ельцин еще раз продемонстрировал свои тактические способности. В парламенте крайне важную поддержку ему оказал ярый националист Руцкой, летчик, неоднократно награжденный герой афганской войны, возглавивший оппозиционную Полозкову парламентскую группу «Коммунисты за демократию» и тем самым спровоцировавший раскол только что народившейся Компартии России. Руцкой примкнул к Ельцину. Последний предложил ему баллотироваться вместе с ним на пост вице-президента. В своих воспоминаниях, где Ельцин все же пытается минимизировать этот свой выбор, он не скрывает, что эта помощь военного ему была крайне необходима для привлечения голосов, особенно с учетом того обстоятельства, что другой герой афганской войны, генерал Громов, выставил свою кандидатуру вместе с Рыжковым. Операция удалась.

Единственную вещь, которую Ельцин скрыл от своего товарища «по связке», — это его концепция относительно роли вице-президента, концепция, согласно которой «даже ученик средней школы прекрасно знает, что вице-президент — это фигура не более чем представительская — он исполняет лишь отдельные поручения президента»⁵⁸. Не удивительно, что такое видение институционального баланса было чревато неприятностями. Но это было далеко не единственное противоречие, таившееся в эклектической ельцинской коалиции.

Тревожная весна 1991 года

Любой, кому пришлось находиться в Москве весной 1991 года, не мог не отделаться от ощущения угрозы фатального кризиса. Многие очевидцы сравнивали ситуацию с 1917 годом: складывалось впечатление, что они переживают события этого самого знаменитого из всех года⁵⁹. Ситуация была действительно аналогичной 1917 году, но не было революции.

Прилавки магазинов представляли собой все более удручающее зрелище. Даже частичное и запоздалое повышение цен не оживило их. Развивалась «теневая экономика». Она хватала даже такие товары, как соль, сигареты или спички, которые были в продаже даже в самые тяжелые моменты. В качестве средства оплаты получили хождение доллары. Их использование, пока робкое по сравнению с тем, что произойдет шесть месяцев или год спустя, было все же однозначным свидетельством обесценивания рубля. Производство, на первый взгляд, продолжало работать на стабильном уровне; тем не менее стали заметными первые признаки спада. 1990 был годом весьма урожайным, но в общем хаосе экономики никто не был в состоянии извлечь из этого выгоду.

На улицах завязывались споры, устраивались демонстрации, распространялись самые различные экстремистские печатные издания: от листовок анархистов до воззваний монархистов, антисемитов, «черносотенцев», как их называли в начале века. Такая же разногласица была и в потерявшей ориентир печати: от конформизма пересказывали на клевету и порнографию. Множились апокалиптические предсказания. Все чаще слышались разговоры о предстоящей гражданской войне. Ползли слухи и прогнозы насчет государственного переворота. Первым об этом еще летом 1989 года заговорил академик Сахаров⁶⁰. Год спустя такого рода разговоры стали обычными. Группы интеллигентов публиковали в печати призывы к бдительности. Шеварднадзе мрачно указал на возможность переворота в своей речи, объявляя об отставке. В июне 1991 года дело дойдет до срочного звонка Горбачеву из Вашингтона. Буш сообщил ему, что

ЦРУ только что проинформировало американского президента о готовящемся на следующий день перевороте. Горбачев поблагодарил его и постарался успокоить⁶¹. Позднее все эти разговоры будут считаться предвидениями. В действительности это был скорее бесполезный галдеж — напряжение нарастало, а ни одна из проблем не решалась.

На глазах слабел авторитет государства. Осенью 1990 года, чтобы противостоять кризису, Горбачев добивается особых полномочий. Однако у него не оказалось рычагов, чтобы их реализовать. И не потому, что исчезли органы или ведомства, которые должны были выполнять распоряжения, а потому, что все они находились в состоянии паралича из-за отчаянной политической борьбы в КПСС, в парламенте, между двумя правительствами — России и СССР, между республиками и внутри их. Ни один Пленум обновленного в июле 1990 года Центрального Комитета партии, ни одно заседание российского и советского парламентов не проходило без ожесточенных схваток или личных выпадов.

Трудно выстроить события этих месяцев в логическую цепочку. Как и события в стране, так и свидетельства, которыми мы располагаем, остаются отрывочными и противоречивыми. Горбачева покинули даже люди из его окружения: Яковлев, потом Шеварднадзе, Шаталин, Петраков. Нереалистичной с самого начала оказалась их инициатива по созданию движения демократических реформ, которое обозначило бы промежуточный путь между противостоящими сторонами, изолировало бы экстремистов, примирило бы Ельцина и Горбачева. Ельцин дал понять, что он еще раньше должен был выйти из КПСС, поскольку партия формально оставалась под руководством Горбачева. Угрожающим стало наступление национализма на Украине, особенно в западных областях республики, второй в СССР по важности. 70% украинцев еще на мартовском референдуме проголосовали за сохранение Союза, однако стремление повернуть дело вспять не стихало и продолжало нарастать.

Как ни странно, единственным, кто сохранял определенное спокойствие в это время, был Горбачев. Иногда он доверительно признавался наиболее близким сотрудникам, что чувствует себя усталым, смертельно усталым⁶². Но все свидетельствовало о том, что он продолжал оставаться спокойным и убежденным в правоте дела, за которое боролся. Это спокойствие не соответствовало состоянию духа его окружения, все больше напоминавшего численно тающий осажденный отряд, которому не на что надеяться. Горбачев продолжал встречаться с иностранными гостями и совершать трудные поездки за рубеж, такие как его визиты весной 1991 года в Японию и в Южную Корею. Нередко он встречал у иностранных собеседников, таких как Никсон и Коль, большее понимание.

Последним его козырем был авторитет занимаемой им должности. Цареубийство, даже если оно носит метафорический характер, всегда пугает русских (которые именно в эти месяцы снова вспоминали и часто осуждали расстрел царской семьи в 1918 г.). Несмотря на бушующие политические страсти, Горбачев отказывался выбирать между группировками, одинаково яростно выступавшими против него. Это стоило ему обвинений, с одной стороны, «в повороте вправо», в том что он пленник своих коллег по КПСС, а с другой стороны, что он игрушка в руках оголтелых «демократов». Он не только тогда и впоследствии отвергал эти обвинения, отмечая, что только таким способом он смог избежать худшего. Он вовсе не скрывал, что его симпатии, как и вся его политическая деятельность, больше связаны с реформаторами. В своей речи в марте 1991 года в Минске эту свою позицию он впервые определит как «центристскую». В действительности это была последняя отчаянная попытка удержать руль, проходя в бурных волнах между Сциллой и Харибдой, где с обеих сторон его поджидали боровшиеся друг с другом, но безжалостные к нему противники.

Заговор 19 августа 1991 г.

Ни о каком событии современной истории столько не говорилось, как о происходившем в Москве 19–21 августа 1991 г., ни о каком другом столько не писалось, никакое другое так не исследовалось. Действие разворачивалось на глазах всего мира. Телевидение круглосуточно вело прямую трансляцию. Сотни журналистов сообщали о событиях в мельчайших подробностях. Многие из тех, кто выступал в них на первом и втором планах, впоследствии делали на них ссылки. Судебные расследования и свидетельства очевидцев пытались пролить свет на закулисную сторону событий. Конечно, до сих пор еще остаются темные пятна, но они относятся больше к деталям, чем к сути того, что произошло.

Вкратце дело обстояло так. Вечером 18 августа Горбачев находился в Крыму, где проводил очередной беспокойный отпуск — нечто среднее между отдыхом и работой. На следующий день он должен был вернуться в Москву, где на 20-е число было назначено подписание так называемого Ново-Огаревского договора о создании нового союза, окончательно согласованного до его отъезда в Крым. Неожиданно на виллу прибыла делегация из четырех высокопоставленных лиц, которые в ультимативной форме потребовали от него объявить в стране чрезвычайное положение. Горбачев отказался. Тогда ему было заявлено, что в Москве уже образован Комитет (ГКЧП), куда вошли главные деятели государства и многие члены правительства, для того, чтобы в любом случае ввести чрезвычайное положение, хочет того Горбачев или нет. С этого момента президент оказался полностью изолированным от страны и мира, лишен всех средств связи и практически взят под домашний арест. Утром 19 августа Комитет предстал перед страной в качестве органа, наделенного всеми властными полномочиями. Было объявлено, что Горбачев болен.

Требование введения чрезвычайного положения уже в течение нескольких месяцев было предметом столкновений между Горбачевым и группой влиятельных членов правительства, в частности новым премьер-министром Павловым, председателем КГБ Крючковым и министром обороны Язовым¹. В нем как таковом ничего незаконного не содержалось. На тот случай, если такой шаг потребуется, был принят специальный закон. Он предусматривал, что решение о введении чрезвычайного положения принимается только парламентом, который в связи с этим наделял бы президента необходимой полнотой власти. Это-то и ответил Горбачев четырем эмиссарам

ГКЧП. Но он не впервые воспротивился подобному требованию: в предшествующие месяцы это произошло дважды: на Пленуме Центрального Комитета партии и на одном из закрытых заседаний Верховного Совета. В обоих случаях ему было заявлено, что если он не согласен, то должен оставить свой пост. Горбачев не уступил. Новостью на сей раз стал тот факт, что бывшие коллеги решили действовать без его ведома и против него.

Отсюда определение «переворот» или «путч» — применяемое обычно по отношению к действиям Комитета 19 августа. Государственным переворотом это с самого начала называл и Горбачев². Определение, строго говоря, неточное, так как предполагает замену людей, стоящих у власти. Однако те, кто вводил чрезвычайное положение, этой властью уже обладали: кроме Крючкова, Павлова и Язова в Комитет входил сам вице-президент, грубоватый и недалекий Янаев и как бы находившийся в тени глава парламента Лукьянов. Незаконными их действия делало сопротивление Горбачева. Чтобы преодолеть препятствие в его лице, они были вынуждены тайно, за его спиной, принимать незаконные меры. Абстрагируясь от поспешных определений, можно утверждать: то, что произошло 19 августа, представляло собой первый шаг к переходу от политической борьбы к незаконным и антиконституционным методам. Попытка переворота 19 августа была пресечена в течение трех дней. Но период применения незаконных методов борьбы на этом вовсе не закончился. Наоборот, он только начинался, и ему не суждено было быстро завершиться.

Чтобы понять, что именно толкнуло заговорщиков на столь рискованный шаг, приводились различные версии. Наиболее распространено мнение, что решающей причиной было предстоявшее подписание Ново-Огаревского договора, против которого они выступали, так как он давал широкий простор суверенитету республик. Это обстоятельство не было опровергнуто ни самими заговорщиками, ни их противниками. Однако причины были значительно шире. Говорят, что некоторые из заговорщиков узнали, будто в беседах Горбачева с руководителями ряда республик вентилировались большие перестановки в руководящих органах: многие потеряли бы свои посты³. Не исключено, что это способствовало привлечению кого-то к путчу, но все же речь шла о побочном факторе. Заговорщики были убеждены, как они потом сами говорили, что действуют, чтобы не допустить развала Советского государства. Многие из них в последующих событиях нашли оправдание своему поведению. Горбачев и оставшиеся с ним его сторонники ответили на это, что предпринятая акция только способствовала развалу Союза. По нашему мнению, такое суждение справедливо, но инициаторы заговора не были в состоянии осознать это. Все же нет причин оспаривать, что основной

целью было сохранение структур государства, потрясенных перестройкой.

Интересна, однако, и другая гипотеза, по крайней мере относительно выбора времени. Руководитель КГБ Крючков — подлинный организатор заговора⁴ — убедился на событиях последних месяцев, когда Горбачев подвергался нападкам со всех сторон, включая и членов своего же правительства, что президент теперь остался в изоляции и ему не на что опереться. Поэтому надо было спешить с его заменой, чтобы заполнить вакуум власти. Этот анализ принадлежит Ельцину и представляется убедительным, так как идет от человека, который больше всех выиграл от развития событий, больше, чем любой другой сделал для изоляции Горбачева и не отрицавший собственной причастности к свертыванию перестройки⁵.

Крючков получил от своих разведслужб доклад, по которому и за рубежом, в правительственных кругах Соединенных Штатов, и вообще среди руководителей на Западе Горбачев уже считался поверженным и шел поиск того, кто займет его место⁶. Так открывается глава, повествующая о поведении западных держав в последний отрезок этого решающего года, об их роли, — глава непростая и неоднозначная.

В середине июля 1991 года Горбачев разыграл важную карту в своих переговорах с Западом — попросил и получил приглашение прибыть в Лондон на ежегодное совещание в верхах «семерки» крупнейших капиталистических стран (Соединенные Штаты, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия и Канада). Это приглашение отнюдь не вдохновляло, так как было направлено не от равных к равному: ему было предназначено только место «наблюдателя», то есть не кресло, а «откидное сиденье» к нему. Это то, что касается формы. Но на карту было поставлено слишком много, чтобы останавливаться на протокольных проблемах. Стоило сконцентрироваться на сущности проблемы, и Горбачев согласился, надеясь, что существо встречи будет отвечать переживаемым им трудностям. Он оказался прав, так как в глазах всего мира встреча «в верхах» приобрела с формальной точки зрения характер совещания между «семеркой» и советским президентом. Престиж был спасен. Однако встреча, если взять ее существо, спасена не была, она далеко не вышла на уровень ожиданий Горбачева, в чем и состоял его неуспех.

В течение двух месяцев ожиданий Горбачев готовил эту встречу, проговорив ее содержание практически со всеми своими собеседниками на Западе⁷. Со всеми, но особенно с наиболее влиятельными, в первую очередь с Бушем. Горбачев не скрыл, сколь тяжелыми были проблемы, стоявшие на его пути. Он твердо намеревался подключить свою страну к мировой экономике. Хотя он лучше, чем его радикальные критики, сознавал необходимость действовать поэтапно, чтобы

не вызвать слишком тяжелых ответных ударов, он не скрывал от себя и от других, что потребуются принятие весьма трудных решений, не замалчивал кризиса, который переживал теперь весь процесс перестройки. Он просил Запад помочь в преодолении кризиса, поддерживая его политически и экономически. В противном случае последствия могли быть очень тяжелыми. Он протягивал руку за помощью. Делал он это не унижаясь, но и с настойчивостью, которая ни у кого не вызывала сомнений.

Его рассуждение, неоднократно повторенное в разговорах с Бушем и другими, было четким. Чтобы решить трудную, но все же региональную по масштабам проблему Ирака, говорил он, сразу нашлась сотня миллиардов долларов. Возможно ли не найти достаточных средств, чтобы помочь его стране преодолеть весьма опасную фазу переходного периода? Ему казалось ясным, что кризис СССР рано или поздно вовлечет весь мир. При этом подразумевался, но от того был не менее очевидным и следующий аргумент. Я вам помог, говорил, по существу, Горбачев, решать драматические международные проблемы — от конфликта в Ираке до гонки вооружений, от объединения Германии до похорон холодной войны. Возможно ли, чтобы теперь, когда я оказался в беде, не нашлось способа помочь мне?⁸

Горбачев пошел даже на то, хотя и с некоторыми сомнениями и осторожностью, чтобы способствовать контактам между некоторыми молодыми советскими экономистами во главе с Явлинским и их коллегами из Гарвардского университета по выработке проекта, предусматривающего прямо-таки обмен (говорили о «большой бартерной сделке») значительной западной помощи на план «либерализации» советской экономики. В американских правительственных кругах и в печати эта программа была встречена с сарказмом⁹. Она и на самом деле несла в себе ту академическую претенциозность, которая уже нашла свое отражение в знаменитой «программе 500 дней» и которой было суждено еще сыграть столь скверную роль в последующих головокружительных экономических экспериментах в России. В Москве все же надеялись, что это, по крайней мере, знак доброй воли. Напрасно надеялись, так как западные правительства в те месяцы не обсуждали никакой эффективной программы поддержки советской экономики¹⁰.

В Лондоне советский президент услышал много добрых слов, получил много знаков внимания к своей персоне, несколько общих обещаний, но ничего конкретного. Он должен был выслушать несколько высокомерных лекций, его учили, что такое свободный рынок и какие преимущества он сулит¹¹.

Один из участников «семерки», председатель Совета министров Италии Андреотти, вынес из встречи впечатление, что Горбачев с

достоинством рассказал о положении дел, но все же был вынужден вернуться домой с пустыми руками¹². Он не получил не только экономической помощи, но даже понимания своей политики по отношению к прибалтийским странам, хотя пытался объяснить, что готов согласиться с их отделением и независимостью, лишь бы путь к этому пролегал через согласие и уважение к праву¹³.

Когда в конце июля Буш направился с визитом в СССР, он попытался исправить положение. В Киеве он произнес речь, в которой высказался против украинских сепаратистских и националистических тенденций. Слишком мало, и слишком поздно.

Конечно, было не очень-то легко западным державам вести себя иначе. Теперь уже будущее СССР представлялось довольно неясным. Найти и выделить необходимые суммы также не было просто. Более того, вызывало сомнения, что крупной финансовой помощи хватит, чтобы остановить кризис. Однако не в этом состояли главные препятствия. Было еще одно, более общего характера. Хотя холодная война была провозглашена завершенной, ее дух еще не развеялся. Особенно среди тех, кто держал в руках приводные ремни биржи, мало кто был намерен ослабить их, чтобы помочь вчерашнему врагу. Боялись, что неровен час — завтра он снова станет врагом. С другой стороны, вполне возможно, что мощная демонстрация политической и экономической солидарности была еще в состоянии оказать положительное воздействие на судьбы перестройки. Но это чисто гипотетическое рассуждение. Ничто, во всяком случае, не говорит за то, что Крючков и другие заговорщики отказались бы от своих действий. Слишком уж укоренилось в них убеждение, что только применение силы и чрезвычайные меры могли восстановить в стране порядок и стабильность.

Причины поражения

Прецедентом в русской и советской истории, сравнимым с событиями 19 августа, был «мятеж» генерала Корнилова, когда он в 1917 году попытался спасти старое русское государство от советов и их «хаоса»¹⁴. Многие черты этих выступлений совпадают: неорганизованность, недооценка новой расстановки политических сил, слепая вера в эффективность силы. Особенно схожими были последствия, так как в обоих случаях единственным результатом были ускорение и радикализация процессов, которые намеревались заблокировать: в 1917 году это было революционное развитие, в 1991-м — развал Советского Союза. Здесь, однако, сравнения кончаются. Причины молниеносного провала августовского заговора специфичны и должны анализироваться как таковые. Нам надлежит обобщить их, определив, пусть приблизительно, каждую по степени важности.

Первой причиной было поведение самого Горбачева. Только его оппозиция подтверждала незаконность предпринятого. Он был президентом в соответствии с конституцией. Им интересовались и за рубежом, и на родине. Он с самого начала был против. Позже со стороны некоторых, не исключая кое-кого из его старых союзников, но особенно самих заговорщиков, предпринимались попытки посеять сомнения относительно его твердости. Крючков, Лукьянов и их товарищи не видели другого способа, чтобы оправдать себя¹⁵. Ни одного элемента какой-либо двусмысленности в поведении президента не найдено и до сих пор, несмотря на то что в этом направлении делались многочисленные попытки. Свидетельства людей, бывших с ним рядом в те дни, в унисон говорили об обратном. И наконец, совсем уж трудно сомневаться в свидетельстве Ельцина, его наиболее безжалостного противника, который позже подтвердил, что план заговорщиков предусматривал арест Горбачева, что последний пережил «ужасные часы» и что его «ясный и категорический» отказ от какого-либо сотрудничества с самого начала спутал планы ГКЧП¹⁶.

Вторым источником провала заговорщиков, как это ни парадоксально, было существование в Москве второго центра власти, независимого и даже соперничавшего с властью Горбачева. Речь идет о президенте России Ельцине. Его роль была недооценена заговорщиками. Арест Ельцина, как и других многочисленных представителей возможной оппозиции, был предусмотрен, но не был осуществлен. С другой стороны, поведение Ельцина было смелым и решительным. Из резиденции президента России, знаменитого Белого дома, он сумел с утра 19 августа организовать сопротивление, о чем немедленно узнала не только его страна, но и весь мир. Оттуда, с берегов Москвы-реки, он смог подготовить коллективный политический и военный ответ заговорщикам. После чего дело выглядело так, что все высшие законные органы власти были против заговора. После некоторого колебания и внешний мир выступил против «антиконституционного путча». Чтобы подавить оппозицию, был необходим вооруженный штурм Белого дома, вроде того, который Ельцин без колебаний организовал два года спустя, когда роли полностью поменялись. Штурм входил в планы, однако его так и не смогли предпринять. Крючков не сумел даже изолировать Белый дом, как это у него получилось в отношении резиденции Горбачева в далеком Крыму. Ельцин даже наладил связь с Бушем, который на базе получаемых с американских спутников сведений информировал его о военных передислокациях, осуществляемых противником¹⁷.

Мы, таким образом, подходим к третьему фактору, определившему провал путча. По разным причинам он мог бы считаться решающим. Заговорщики рассчитывали на применение значительных сил,

находящихся в распоряжении государства: армии, милиции, правительственного аппарата. Их главные представители участвовали в заговоре. Но эти органы за время перестройки подверглись внутренним потрясениям и разделились по противоборствующим тенденциям. Вот и на этот раз все говорит о том, начиная со свидетельства Ельцина, а объективное воспроизводство событий его подтверждает, что в высших руководящих центрах, в самом КГБ Крючкова и в основных министерствах было большое число колеблющихся или лиц, в чьи намерения не входило вмешательство в события. Армия была приведена в действие Язовым. Москва была окружена и затем занята войсками. Те части, на долю которых выпали самые delicate задачи, такие как арест Ельцина или штурм Белого дома, отказались выполнять приказы или выполняли их неохотно и с запозданием, в результате чего их действия теряли всякую эффективность. Многих командиров сдерживал призрак нависшей гражданской войны. «Самая важная часть» событий «происходила за кулисами», рассказывал потом Ельцин, поддерживавший необходимые контакты со многими правительственными учреждениями. Это позволило ему обеспечить поддержку или необходимый нейтралитет именно там, где были сосредоточены рычаги управления силовыми структурами государства¹⁸.

Наконец, выступившие против путча могли рассчитывать на определенную народную поддержку. Значение этого фактора было потом преувеличено. Как это всегда случается, вокруг такого рода политических схваток зачастую создаются мифы. Около Белого дома в Москве собралось несколько десятков тысяч человек. Их число даже в момент наивысшей напряженности вряд ли превышало 30–50 тыс. человек. Более внушительной была манифестация, тут же организованная горсоветом в Ленинграде. Не было ничего такого, что не могло быть подавлено вооруженными силами, как на площади Тяньаньмень в Пекине. Но, конечно, пролилась бы кровь, и немалая, что помогло остановить репрессию. С другой стороны, участие в манифестациях было символичным, поскольку выражало настроение едва пробудившихся групп интеллигентов, деловых людей, верующих, молодежи, журналистов, не желавших согласиться с такой диктатурой, которая угадывалась с провозглашением заговорщиками чрезвычайного положения. Правду сказать, остальная часть огромной страны пассивно ждала развития событий¹⁹. Но верно также и то, что Крючков и его люди не сумели организовать в свою поддержку даже сколько-нибудь заметного народного выступления.

Последним фактором, определившим провал путча, была международная реакция, которая, за редким и малозначительным исключением, была направлена против заговорщиков. Организаторы заговора оказались в полной международной изоляции. Не нам судить, были

ли какие-либо основания для докладов КГБ, но ясно одно, что если кто-то за рубежом и искал возможную замену Горбачеву, он явно не смотрел в ту сторону, где находились Крючков или Лукьянов. Если там и был кто-то, готовый смириться с быстро свершившимся фактом, сама неспособность заговорщиков следовать по ими же избранному пути подводила к тому, чтобы отдать предпочтение Горбачеву или Ельцину, которые, во всяком случае, представляли законную власть. Среди первых, кто высказался в этом смысле, был американский президент Буш, а поскольку за годы перестройки СССР довольно широко распахнул ворота для зарубежной информации, то и советское общественное мнение получило возможность узнать об этой реакции. Короче, нельзя отказать в правоте Горбачеву, сказавшему впоследствии, что его руководство создало такие внутренние и международные условия, в которых путч, вроде случившегося 19 августа, не мог иметь успеха²⁰.

Уже во второй половине дня 21 августа два самолета вылетели из Москвы в Форос, где Горбачев провел в изоляции три дня. В первом находились главные заговорщики во главе с Крючковым. Хотя до сих пор не ясно, чего они хотели добиться, все говорит о том, что перед лицом провала их заговора они намеревались предпринять последнюю попытку для достижения компромисса с Горбачевым. Во втором самолете был вице-президент Российской Федерации Руцкой с группой высших советских и российских руководителей, ставившие себе целью освобождение Горбачева и возвращение его в Москву. Горбачев отказался видеть первых, но принял вторых. Ночью он вернулся в Москву. Заговорщики были арестованы.

«Сто дней» Горбачева

Заговор завершился провалом. И все же одной цели он достиг, даже если она была не главной целью, которую заговорщики ставили перед собой. По возвращении Горбачев вновь занял свой пост в Кремле, но по его власти был нанесен смертельный удар. Последние ее рычаги, которые он мог использовать, оказались сломаны. Трагедия носила и весьма личностный оттенок. Среди заговорщиков были люди, которых он считал своими друзьями, такие как Лукьянов или глава его секретариата Болдин, на которого он долгое время рассчитывал. В течение трех дней в Крыму он был принудительно изолирован от всего мира. Перед глазами всех, на родине и за рубежом, спор за обладание столицей вели только его противники, пусть даже принадлежавшие к противоборствующим силам. Верно, конечно, что один из участников столкновения — Ельцин вновь показал свои тактические способности, избежав в этот фатальный момент прямого

столкновения с Горбачевым. Напротив, он предстал перед всеми как руководитель, взявший его сторону. Но теперь, когда все закончилось, именно Ельцин представлялся победителем²¹. Соответственно, он, в свою очередь, спешил предъявить Горбачеву счет и сделал это в обычной для него резкой форме.

Первая политическая трибуна, с которой Горбачев взял слово после возвращения в Москву, был парламент Российской Федерации. Ельцин не преминул сразу же воспользоваться случаем, чтобы подвергнуть его резкому унижению, вынудив зачитать некоторые документы правительства СССР, из которых следовало, что оно в действительности не выступило против заговора. Из документов не следовало ничего предосудительного для Горбачева, крымского затворника. Но он потерял на этом эпизоде, поскольку перед телевизионными камерами всего мира много значил тот повелительный тон, которым соперник Горбачева заставил его подчиниться своей воле. Это было символическим началом периода, который затем назовут «ста днями» Горбачева (125 — для точности)²².

Вторым шагом была ликвидация последних инструментов власти, на которые Горбачев мог рассчитывать, выполняя свои функции. Явная вовлеченность многих руководителей в августовский заговор диктовала необходимость значительной замены в руководстве основных министерств. Ельцин воспользовался этим, чтобы снять и тех руководителей, которые были лишь косвенно втянуты в путч или вовсе никак не замешаны в нем, но в любом случае ему не подходили. Новые назначения должны были согласовываться с ним, так как только таким способом можно было добиться, чтобы в период развала всех государственных структур они сохраняли в Москве тот минимум влияния, который позволял работать. Единственный случай, когда Горбачеву удалось обойти это условие, произойдет позже, в ноябре, когда в ответ на стремление Ельцина лишить авторитета советское министерство иностранных дел в пользу российского МИД, он вновь призвал Шеварднадзе занять министерский пост. Но, как потом говорили, именно этот умелый ход вызвал обратную реакцию правительства Ельцина по ускорению развала Союза, опасавшегося, что горбачевский центр вновь обретет власть и влияние²³.

В сентябре, октябре и ноябре различные российские министры и их соответствующие ведомства развернули ожесточенную борьбу за овладение министерствами Союза, аккумулируя их аппараты и системы управления. Операция затронула прежде всего КГБ. С 23 августа с согласия Ельцина Горбачев назначил главой ГКБ Вадима Бакатина, одного из партийных руководителей (он также был выходцем из секретарей обкома), принадлежавшего к наиболее убежденным сторонникам перестройки, которому было поручено провести радикальную реорганизацию всей системы «безопасности государст-

ва», понятую им как роспуск КГБ. Он принялся за выполнение этого задания, имея в своем распоряжении несколько месяцев, однако вскоре понял, что руководители Российской Федерации были намерены осуществить лишь простую замену вывески, вследствие чего КГБ СССР должен был превратиться в аналогичную полицейскую организацию России²⁴. Позже, когда Бакатин уже не будет занимать этот пост и самого СССР уже не станет, вывески будут меняться часто, существо же — гораздо реже.

Себе вопреки и несмотря на упорное сопротивление, Горбачев был вынужден распустить и КПСС. Он не хотел этого делать. На этот счет есть много убедительных свидетельств: и не только заявление Ельцина, говорившего об «огромном сопротивлении» Горбачева, но также более беспристрастное суждение самого Бакатина. Он писал: «Могу свидетельствовать, что президент долго этого не хотел. [...] Даже по возвращении из Фороса он не представлял себе своего разрыва с партией. Он был вынужден пойти на это вопреки собственной воле»²⁵. Горбачев всегда надеялся трансформировать КПСС в политическую партию, способную конкурировать с другими силами. Это была цель, соответствовавшая его глобальному замыслу. Он был убежден, что уже намного продвинулся к решению этой задачи до августовского заговора. В июле на том, протекавшем, как и другие, в бурных дискуссиях, Пленуме Центрального Комитета, который окажется последним, Горбачев добился решения о созыве осенью чрезвычайного съезда партии на платформе типичной социал-демократической программы. Он рассчитывал на силы, способные следовать за ним по этому пути. Он подозревал также, что заговорщики ставили своей целью не допустить такого развития событий. Может быть, он хуже понимал, что на стороне Ельцина были другие силы, намеревавшиеся в любом случае отделаться от КПСС, какой бы ни была ее трансформация.

Горбачев мог подать в отставку с поста Генерального секретаря и сделал это. Он призвал Центральный Комитет самораспуститься. Роспуск КПСС послужил причиной того, что от Горбачева отошел Рой Медведев, исторический лидер любого «диссидентства», вновь принятый в КПСС в начале перестройки, избранный в состав последнего Центрального Комитета. В знак протеста Медведев сразу же предпринял одну из первых попыток возрождения коммунистической партии, пусть под измененным названием и с новой программой. Причина, служившая оправданием этих шагов, заключалась в том, что руководящие органы партии не воспротивились заговору, не встали на защиту своего руководителя и даже были замешаны в дела заговорщиков. По мнению Горбачева, ответственность за случившееся должна была возлагаться индивидуально. Но это уже не удовлетворяло ельцинский лагерь. Российский президент потребовал

запрещения деятельности КПСС и контроля над ее имуществом. Горбачеву выломали руки. Белый дом организовал уличные демонстрации. Все учреждения КПСС были закрыты. На Лубянке демонстранты удовлетворились тем, что снесли памятник Дзержинскому, основателю ЧК, предшественницы КГБ. Затем, также по указанию из Белого дома, демонстрации вдруг прекратились²⁶. Впрочем, это были единственные демонстрации, сопровождавшие драматические события, в итоге которых между сентябрем и декабрем был развален Советский Союз.

Властным актом Ельцин взял себе знаменитый комплекс зданий на Старой площади, где находились центральные органы КПСС и откуда они десятилетиями управляли страной. Как сказал один из ближайших сотрудников Горбачева, ему осталась территория внутри кремлевской стены: за ней в Москве уже командовал российский соперник²⁷. Что же касается остальной страны, то с постепенным разрушением союзных институтов местные органы власти оказались предоставленными сами себе.

За рубежом также задавались вопросом: кто же руководит в СССР? Внешние атрибуты власти оставались за Горбачевым. В эти последние «сто дней» его международная деятельность, несмотря на обвалный ход событий внутри страны, проходила довольно интенсивно. Подсчитано, что за этот период он провел около семи десятков далеко не формальных бесед с иностранными представителями²⁸. Он принял участие в двух важных международных конференциях: созванной в Москве в сентябре по правам человека и в Мадридской — по Ближнему Востоку, где председательствовал вместе с американцами. По отношению к нему неизменно демонстрировалась должная почтительность. Его сопровождало всеобщее уважение, даже, может быть, более глубокое, чем прежде. Благодаря своему авторитету ему еще удалось на время приостановить разгоравшуюся гражданскую войну в Югославии. Но каждый собеседник — это впервые проявилось на Мадридской конференции — уже задавался вопросом, насколько он пользуется влиянием у себя на родине²⁹.

Августовский заговор свел на нет и попытки дать новое обрамление Союзу республик. В те знаменитые три дня большая часть их руководителей сохраняла осторожный нейтралитет³⁰. События и неуверенность в будущем подталкивали их к тому, чтобы на всякий случай держаться подальше от Центра. Этими руководителями были в основном высшие представители КПСС на местах, пусть и прошедшие в ряде случаев проверку перестройкой. Дистанцироваться теперь, когда КПСС больше не существовала, было для них лучшим способом, чтобы сохранить контроль над событиями и, значит, власть у себя дома, вопреки Москве, столице, где никто не знал, в чьих руках эта власть находилась. Между последними днями августа

и первыми числами сентября республики одна за другой провозглашали независимость от Союза, закрепляя в ряде случаев эти акции всенародными референдумами, не чуждыми советской традиции. В этот период из состава Союза вышли также три Прибалтийских государства — Эстония, Латвия и Литва. Их отделение, официально признанное ельцинской Россией, должен был ратифицировать и Горбачев, затем последовала волна международных признаний.

Однажды прибегнув к практике свершившихся фактов, не слишком беспокоясь об их законности, было трудно ввести процесс в правовые рамки, то есть пойти по пути, который амбициозно провозгласила перестройка. Жертвой этого явления стал и советский парламент. От имени глав республик Горбачев предложил ему самораспуститься, уступив место временному Верховному Совету³¹. Предложение вызвало протест, но было ратифицировано, никто не затруднил себя слишком тщательной проверкой относительно законности этой процедуры. Переходный законодательный орган оказался мертворожденным. Собирался он крайне редко, и, когда это случилось, из-за отсутствия кворума он почти никогда ничего не мог решить. С разрушением КПСС и роспуском федерального парламента расплзлась соединительная идеологическая, юридическая и организационная ткань, удерживавшая до сих пор страну от развала. История российского парламентаризма пережила еще одну мрачную страницу. Она не станет последней.

Последний бой

И все же Союз не мог еще считаться разваленным. Мы задались вопросом, почему Горбачев, обессиленный и нередко униженный, не оставил свой пост после того, как убедился, насколько ему трудно осуществлять реальную власть и что ему, более того, придется подчиняться воле других. Вопрос более чем законный. Нельзя исключать, что он питал иллюзию, будто события по-прежнему шли в русле перестройки, начатой им в 1985 году. Многие его рассуждения на этот счет в тот период дают основания так и полагать³². Однако перестройка, как она им задумывалась, была уже опрокинута. Оставив же в стороне возможные просчеты в оценках, его нахождение у власти в те судорожные «сто дней» находит подлинный смысл только в свете отчаянных, до последней возможности, попыток Горбачева спасти Союз. Горбачев воспринимал его как единственную форму государства, способную еще объединить население, совместно проживавшее в СССР. Это был его последний бой, приобретший и в глазах многих зарубежных наблюдателей оттенок трагического представления.

Перипетии этой отчаянной попытки пересказывались уже не одним ее участником³³. И нет необходимости воссоздавать ее в деталях. Распуск советского парламента объяснялся созданием некоторых других органов, имевших своей целью «воссоздание» Союза. Наиболее важным был Государственный совет, орган, куда входили главы республик (девять или десять, в зависимости от обстоятельств) и Горбачев. Этот орган он пытался использовать для возобновления ново-огаревского процесса, готовя заключение нового договора о Союзе и структурного соглашения о создании единого экономического пространства между всеми республиками, которые хотели бы вступить в него. Он неоднократно пытался убедить своих собеседников, что всем им необходимо держаться вместе: без Союза никакая республика не проживет, всем будет плохо, России не лучше других³⁴.

Несмотря на то что Горбачев лишился авторитета, был унижен и изолирован, он оставался президентом Союза. Должность, которую он занимал, сама по себе вызывала уважение. Он мог ею воспользоваться, чтобы вновь взять в свои руки политическую инициативу. И действительно, он пытался это сделать. Пока он занимал свой пост, главы республик, начиная с самого важного среди них — Ельцина, выглядели подчиненными. «Первый» в России, Ельцин, пользуясь его же словами, пока существовал Союз, оставался «вторым», как бы он себя ни назвал (подыскивалось новое название), и не имело значения, какое это будет название. С другой стороны, пока Горбачев оставался в Кремле, Союз, пусть крайне ослабленный, продолжал существовать. Хотя неизвестно, насколько он был значимым (а мы уже высказали законные сомнения относительно использования подобных инструментов в тогдашнем СССР). Зондирование общественного мнения, проведенное еще в ноябре, подтвердило, что процент тех, кто хотел сохранить Союз, был примерно тот же самый, что и на предыдущем мартовском референдуме (в больших городах, в Москве, Ленинграде и Киеве, он даже возрос)³⁵.

Заседания Государственного совета для обсуждения вопроса, в каком виде должен сохраниться Союз, проводились довольно регулярно. На нем заседали кроме Горбачева еще десять глав заинтересованных республик. Но все смотрели на Горбачева и Ельцина, желая уяснить себе, чем кончится их дуэль, прежде чем определиться с собственной позицией³⁶. Наиболее активными сторонниками Союза были главы пяти центральноазиатских республик, особенно казах Назарбаев. Он возглавлял республику с многонациональным населением, где «титовская» нация, так же как и русские, не составляла даже половины, и он больше других опасался распада СССР. Более двусмысленной была позиция Кравчука, руководителя украинской компартии: высказывалось предположение, что его неожиданный

националистический радикализм был вызван более всего предстоящими выборами, назначенными на 1 декабря, на которых он баллотировался на пост президента Украины, после чего он смягчит свою позицию³⁷. Определяющей для всех была позиция Ельцина: если он не хотел Союза, никто бы его не захотел.

В течение трех месяцев переговоры шли с переменным успехом, и сегодня не имеет смысла их описывать. Они обуславливались скорее тактическими соображениями, чем глубокими убеждениями. В середине октября дошло до того, что был парафирован договор об экономической координации между различными республиками³⁸. После чего не прошло и десяти дней, как Ельцин пустил соглашение по ветру, объявив по собственной инициативе, что Россия самостоятельно осуществит радикальные экономические реформы (которые действительно начали реализовываться с 1 января под руководством его приближенного Гайдара). Небольшое значение также имели дискуссии относительно характера взаимосвязей, которые должны существовать между различными республиками — федеративными или конфедеративными. Горбачев выступил за первое, но был вынужден согласиться на второе, что не принесло больше успеха. В центре спора был вопрос о том, сохранит ли Союз характер единого государства, пусть децентрализованного, однако выглядевшего единым в глазах всего мира, или это будет, наоборот, слабая коалиция различных государств, намеренных действовать каждое по-своему. Горбачев попытался обойти препятствие. Не затыкая время на поиски формулировок, он предложил прагматический подход: определить полномочия, которые отдельные республики соглашались оставить за Союзом. Но и этот метод не сработал.

Мы не знаем, когда Ельцин решил, что по Союзу надо нанести смертельный удар. Были люди в ту пору, считавшие, что он долго сомневался. Такого мнения придерживался сам Горбачев, предпочитавший верить заверениям, время от времени получаемым от своего собеседника. Однако есть основания сомневаться в справедливости такой оценки. Мы знаем, что уже в конце сентября двое его главных советников того периода, Бурбулис и Шахрай, подталкивали дело к развалу Союза, чье наследие должно было целиком перейти к России. Теперь весьма трудно представить себе, что они действовали без одобрения российского президента, так как Ельцин, как сказал потом один из его собеседников, «не тот тип человека, которым можно манипулировать»³⁹. 1 октября Бурбулис, действовавший в качестве правой руки Ельцина и считавшийся затем основным зачинщиком всей операции, изложил нескольким группам российских депутатов свою концепцию, которая теперь уже должна была осуществляться. Его предложения были сконцентрированы в документе, названном впоследствии «меморандумом Бурбулиса», получившем хождение в

тот период в различных вариантах, более или менее сходных между собой⁴⁰. События последующих трех месяцев подтвердили ценность этого документа*.

Тезис Бурбулиса, который Ельцин ни разу не опроверг, заключался в том, что Россия, вышедшая с победой из августовского кризиса, теперь рисковала потерять инициативу, если бы позволила Горбачеву воссоздать Центр. Если бы было достигнуто соглашение с другими республиками, Россия превратилась бы в «заложницу» федерального правительства, в то время лишенного реальной власти. Горбачев, казавшийся в августе поверженным, вновь обретал свои полномочия и роль, которые не должны ему больше принадлежать, так как они основывались на идее, что существование федеративных органов еще возможно. Россия же должна идти своим путем, без колебаний, заняв свое место на международной арене как единственная наследница того, чем был Советский Союз, и взяв на себя ответственность за выживание «сильного русского государства».

В отношении других республик Россия не должна действовать с «позиции силы». Им самим решать, хотят ли они быть с ней ассоциированы или нет. Никто, таким образом, не может обвинить ее в имперских устремлениях. Ее могущества было вполне достаточно, чтобы обусловить развитие республик. В ее руках находились газовый и нефтяной «краны», то есть энергоносители, в которых нуждались другие республики. Никакой федеративный орган теперь не должен существовать: все структуры старого советского государства, включая армию и милицию, должны перейти под российскую юрисдикцию. Отношения с другими республиками должны войти в проблематику международных отношений. Место СССР в Совете Безопасности ООН должно принадлежать России.

Интересно отметить, в какой степени сторонники этой программы были также убеждены, что, следуя этим путем, Ельцин «найдет поддержку как среди демократически настроенных людей, так и у

* Бурбулис уже за год до того был руководителем предвыборной кампании Ельцина, баллотировавшегося на пост президента. Как и его шеф, он происходил из Свердловска (теперь Екатеринбург), где преподавал в местной партшколе марксизм-ленинизм. Его влияние в последние месяцы 1991 года достигло зенита. Ельцин сам признал, что выбрал молодого и неопытного Гайдара в качестве главного проводника экономических экспериментов именно по совету Бурбулиса, с кем Гайдар был тесно связан. «Он был его креатурой», — как говорит Б. Ельцин (*Дневник Президента*. Указ. соч., с. 242). Верно и то, что со временем Ельцин дистанцировался от Бурбулиса как по причине непостоянства его характера, что создавало немалые проблемы (там же, с. 245–250, 301), так и потому — но об этом не говорится, — что его имя, как и имя Шахрая, слишком связывалось с развалом Союза, а это со временем становилось все более непопулярным.

традиционалистов». Под это последнее определение подпадали, в частности, те, кто был убежден, что Советский Союз был не чем иным, как «одной из форм существования российского государства»⁴¹. Нетрудно уловить в этих утверждениях отзвук политических тезисов, изложенных в свое время Солженицыным. Стоит только добавить, что в течение нескольких месяцев в конце 1991 года Ельцин действительно сумел на этой платформе заполучить одобрение различных течений русского национализма — от тех, кто называл себя демократами, до тех, кто за пределами советского опыта искал вдохновения в старом имперском царском государстве. Вновь появляющиеся, даже будучи очень слабыми, монархические движения или вновь образованные формирования казаков могли иметь значение лишь в фольклорном плане, но они в конце года составляли те фрагменты общей политической картины, которые позволили Ельцину осуществить окончательный демонтаж Союза и, значит, решающую победу над Горбачевым. По крайней мере, в решающие месяцы правительство Ельцина сумело заставить молчать тех, кто мог озвучить тревогу относительно развала Союза, сумело сохранить за собой более или менее в прежнем виде разнородную коалицию, приводящую его к власти в Российской Федерации*.

Было бы невозможно понять, что произошло, если не принять во внимание нарастающий кризис, вызванный провалившимся августовским заговором. Оставим описание положения самому Ельцину: «Кризис обострился до предела: полки магазинов были абсолютно пустыми и во многих городах населению были розданы карточки, был дефицит всего: соли, сахара, хлеба, спичек. Политическая атмосфера также была довольно мрачной. Бывшие республики Союза относились друг к другу с большим недоверием, и особенно к России»⁴². В действительности же все то, чего не было в магазинах, можно было достать в параллельных, теперь уже доминировавших структурах «теневой экономики». Все это усугубляло кризис государства, всех государств, какими бы они ни были — федеративными или республиканскими. Впрочем, никто не скрывал сложности положения, в том числе и на заседаниях Государственного совета, где молодой Явлинский, взявший сторону Горбачева в отстаивании необходимости сохранения Союза, сделал доклад об экономическом кризисе⁴³.

Важным же было то, что теории Бурбулиса сделали осенью 1991 года реальным союз, пусть и временный, с наиболее сепаратистски

* Среди немногих западных ученых, признавших решающую роль Ельцина в демонтаже Советского Союза, был американский советолог Симес. Именно он говорил о «гигантской роли правительства Ельцина в разрушении советской империи» (*Simes D. Op. cit.//«Foreign Affairs». Jen.—Febb. 1994. P. 81*).

настроенными главами различных республик, особенно с украинцем Кравчуком. Пользуясь двусмысленностью своей позиции, он решил до конца разыграть карту независимости. Между ним и эмиссарами из России поддерживались негласные контакты, о которых у нас все еще недостаточно информации. Однако уже в публичных заявлениях постепенно вырисовывались контуры возможного соглашения. Ельцин утверждал в Москве, что он отверг бы любое соглашение о конфедерации, если бы в ее состав не вошла Украина. С учетом этого Кравчуку ничего не оставалось, как довести до конца свою политическую линию на отделение, зная, что в ельцинском лагере в Москве он найдет ту же поддержку, какую получили прибалтийские сторонники независимости. Среди главных действующих лиц схватки изолированным оставался Назарбаев, избранный президентом Казахстана. Кравчук, наоборот, победил в Киеве, высказываясь за отделение от Союза. В день своих выборов на пост президента он провел референдум, на котором украинцы высказались за полную независимость, вступив в противовес тому, за что они выступали на предыдущих общенациональных референдумах. Дело дошло до того, что даже многочисленное русское население Украины слепо проголосовало за то, чего хотел Кравчук.

Самым сильным аргументом оставшихся сторонников обновленного Союза всегда было предостережение о тяжелых последствиях, которые повлечет за собой развал Союза для всех республик, включая Российскую и Украинскую. И прежде всего трудности в экономике, ибо экономика республик была прочно интегрирована, получив развитие как единое целое. Оторванные одна от другой, экономики этих республик были бы обречены на спад, может быть, на паралич. Во-вторых, неизбежна была бы и человеческая трагедия, так как многие граждане жили, работали, старели в республиках, где они, не являясь представителями «титульной» нации, были уверены, что все равно находятся на родине, ибо с рождения видели свою страну единой. И это относилось не только к нациям и этническим группам, составляющим большинство, таким как славянские народы, в частности русский народ, но также и к нацменьшинствам. Многие миллионы смешанных семей жили по всей стране, браки между выходцами из различных этнических групп давно уже стали обычным делом. Наконец, проблема международного характера: страна могла подвергнуться раздирающим амбициям других держав, которые могли рассчитывать на установление своего контроля над ее богатствами, а неизбежное противостояние между республиками порождало бы гражданские войны, расчленило бы и советские вооруженные силы, десятилетиями составлявшие единое целое, и — беспрецедентное в истории явление — вдребезги разбивало бы единое обладание и контроль за централизованным управлением огромным ядерным

потенциалом. Все эти аргументы, сколь бы они ни были рациональными, не получили в последние месяцы 1991 года никакого отклика еще и потому, что средства массовой информации предпочли в условиях националистической лихорадки того времени оставить их без внимания.

Смертельный удар

«Выстрел в затылок» Союзу был сделан 8 декабря 1991 г. тремя деятелями. Собравшись в Беловежской пуще в Западной Белоруссии, близ польской границы, русский Ельцин, украинец Кравчук и белорус Шушкевич объявили о конце Советского Союза и решили образовать Содружество Независимых Государств. Последнее не было определено в том смысле, что ничего определенного не было сказано насчет распределения власти и полномочий между этим образованием и отдельными республиками, которые должны были войти в него. Встреча прошла в напряженной обстановке и в условиях абсолютной секретности: несмотря на то что подготовка к ней велась довольно продолжительное время, Горбачева держали в полном неведении. Когда все было сделано, американский президент Буш был проинформирован прежде Горбачева. По свидетельству Ельцина, когда документы и решения были уже готовы, о них был поставлен в известность и казах Назарбаев, которому было предложено присоединиться к достигнутым договоренностям, но он от этого отказался⁴⁴. Впрочем, было маловероятным, чтобы он повел себя иначе, так как к этому мероприятию его пригласили одного, без представителей других республик и, более того, когда все уже было решено. В самом деле, через несколько дней он добился того, что три президента славянских республик прибыли в Алма-Ату и подписали другой документ, из которого следовало, что Содружество включает также Казахстан и другие четыре центральноазиатские республики плюс Азербайджан. Облик нового образования оставался весьма расплывчатым еще и потому, что не предусматривалось создания какого-либо совместного органа, способного реально выполнять объединяющие функции.

Ни с кем не консультируясь, три человека положили конец тому старому содружеству народов, которое, нравилось оно или нет, называлось Советским Союзом. Определения «переворот» или «заговор», относящиеся к 10 августа, были использованы и для характеристики происшедшего 8 декабря. Похоже, первым, кто его использовал, был Шеварднадзе⁴⁵, вызванный Горбачевым вместе со своими оставшимися советниками. Другие потом это определение повторили. То, что можно утверждать с уверенностью, — применение незаконных мето-

дов в ходе политической борьбы, начатое в августе, так и продолжалось без ограничений и удержу. Пару недель Горбачев еще пытался, по крайней мере, направить события в рамки конституционной процедуры, через референдумы или созыв чрезвычайного съезда депутатов СССР. Никто на его требования и призывы не откликнулся. Перед Ельциным стояла единственная проблема: выгнать его из Кремля, где, несмотря на замешательство своих же сотрудников, он решил, в свою очередь, обосноваться⁴⁶. 25 декабря Горбачев должен был оставить должность президента государства, которого больше не существовало. Не было никакой церемонии. Он зачитал заявление о своей отставке. На следующее утро он оказался выселенным из своего кабинета. Кабинетом уже завладел президент России.

В те дни, когда СССР был положен конец, ни в Москве, ни в других местах не произошло ни одного народного выступления. Впрочем, их не было с первых дней сентября. Фатальные события этого последнего отрезка 1991 года происходили без какого-либо участия масс. Окружение Ельцина хотело компенсировать это тем, чтобы такие события получили характер окончательного свертывания всего советского опыта. Меняли названия улиц и городов. Ленинград вновь стал Санкт-Петербургом. Красное знамя было спущено. На его месте было водружено русское трехцветное знамя: бело-красно-голубое. Страна, где жило столько людей, разваливалась, и никто не отдавал себе в этом отчета. Вот и для России, а не только для других народов СССР, завершался длительный период ее истории. Безмолвно открывалась другая, полная мрачных предзнаменований страница. И даже жители Москвы, не говоря уж об остальных гражданах, населявших великую Россию, не получили возможности высказать свое мнение о происходящем⁴⁷. Ошеломленный и растерянный народ молчаливо созерцал эти перемены, сравнимые по значимости лишь с событиями октября 1917 года.

По итальянскому телевидению один известный политический комментатор, которому задавали вопросы о многочисленных неизвестных проблемах, нависших над Россией, ответил: «О, этот день для меня слишком хорош: об остальном подумаем завтра». Автор этих строк получил в те дни письмо от своей далеко не молодой московской знакомой, которое он хранит в своем личном архиве. Ее никто не мог бы назвать «консерватором». Она писала: «Мы вновь переживаем 1941 год (год нацистской агрессии и молниеносного немецкого наступления), даже не зная, наступит ли когда год 1945-й».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Свобода» и «воля»

Невозможно рассматривать события, последовавшие за развалом СССР, с исторической точки зрения. Это проблема текущего дня. Пока еще нет необходимого отстранения. Применительно к другому переломному периоду прошлого века историк Ключевский, только что переживший этот перелом, сказал: мы знакомы с событиями, мы знаем даже, чем они вызваны, но мы «не знаем их последствий и потому не можем сделать их объектом истории»¹. Однако именно в силу того, что нам известны причины тех или иных событий, возможны некоторые размышления о проблемах сегодняшнего дня в свете недавней или более отдаленной истории.

Задача эта представляется необходимой и безотлагательной, по крайней мере, по двум соображениям. Во-первых, потому, что искажение исторических фактов в политических целях в бывшем Советском Союзе вовсе не прекратилось. Скорее наоборот, складывается впечатление, что оно по-прежнему доминирует. И примеров тому достаточно. Ими полна московская пресса. Манипулирование эпизодами прошлого в злободневной полемике осталось в традициях политической борьбы. Весьма прискорбно констатировать, что современная публицистика изощряется в доказательствах того, что дурная в этом отношении традиция была присуща не только Сулову и Пономареву.

Второе соображение еще более важно. Оно относится к самому серьезному изъяну современных руководителей России. До сих пор они претендовали на то, чтобы в одночасье перечеркнуть всю революционную и послереволюционную историю страны. Установка была дана президентом Ельциным, когда он заявил, что весь советский период был не чем иным, как «неудачным экспериментом, который не следовало бы проводить в такой огромной стране», и что в любом случае было бы лучше, «если бы Ленин никогда не родился». Подобного рода суждения могут вызвать продолжительные аплодисменты в американском конгрессе, но гораздо труднее с их помощью руководить такой страной, как Россия. Если принять во внимание, что первые зарницы революции относятся к 1905 году, то это практически означает готовность вычеркнуть из национального прошлого почти столетнюю историю, историю нашего века. А поскольку, как мы знаем, русская история насчитывает более тысячелетия (а точнее, почти одиннадцать веков), то отказ от десятой и последней части этой истории — дело нешуточное. Тезис, что революционная и со-

ветская история России со всеми ее стихийными и противоречивыми процессами может оказаться результатом идеологического заговора, а не следствием усилий самого русского народа, его стремлений — неважно правильных или неправильных, но направленных на осмысление проблем, возникших в глубине русской истории, может отвечать религиозному национализму людей типа Солженицына, но он ни в коей мере не может способствовать разрешению трагических дилемм, присущих современному обществу. Вместо многочисленных «белых пятен», которые Горбачев хотел устранить при воссоздании прошлого, появляется одно гигантское черное пятно. А это никак нельзя назвать прогрессом. Его нет не только в том, что касается точной реконструкции прошлого, что может интересовать только одних историков, но его нет и в том, что полезно для общества в целом, которое должно прежде познать себя, чтобы устранять свои неизбежные противоречия. Вчерашние советские руководители дорого заплатили за то, что не поняли этой необходимости. Что касается теперешнего российского руководства, то счет к оплате им еще не поступил. Поступит. Такое убеждение служит отправной точкой в моем рассмотрении настоящего.

Среди известных мне языков единственно в русском существуют два различных слова для определения понятия свободы. Первое слово «свобода» используется скорее в политико-юридическом аспекте. Но есть и второе слово — «воля». Оно указывает прежде всего на отсутствие принуждения. *Воля* — это свобода птицы, вырвавшейся из клетки. *Воля* — это и та свобода, которой искал крепостной, бежавший от помещика в бескрайние южные степи. Соответственно, этим словом назывались и сообщества таких людей, вынужденных жить вне рамок каких-либо законов, за исключением тех, которые они устанавливали сами для себя. В результате исторических, географических особенностей и социальной структуры России второе определение свободы со временем заняло важное место в русской политической культуре. Это слово входило в наименование двух важнейших народнических организаций прошлого века: *Земля и Воля* и *Народная Воля*. Анархическая идея в существенной мере базируется на концепции свободы, выраженной в слове «воля». Излишне напоминать, сколь значительным оказывалось влияние анархии на русскую политическую мысль в прошлом и поныне. Мы можем увидеть неоднократные попытки практического использования анархических идей в моменты наибольших социальных потрясений. Сама аполитичность интеллигенции, о которой мы упоминали ранее, является здесь одной из первопричин.

Лексическое богатство, отраженное в наличии двух определений одного явления, не превращается в такое же политическое богатство. Скорее наоборот. Результатом стало раздвоение, напоминающее не-

сфокусированное изображение. Притом, что до сих пор так и не удалось выработать приемлемую концепцию свободы, которая основывалась бы на твердом фундаменте правовых учреждений и законов. Отсюда же последовала концепция демократии, отождествляемая как вчера, так и сегодня не столько с наличием юридической базы, сколько с «хорошим правительством» в рамках «справедливого общества». Важнее всего при этом, чтобы власть находилась в руках «демократов», рассматриваемых как блюстители справедливости, знакомые с нуждами народа. Именно поэтому они уполномочены всеми средствами подавлять выступающих против, которые только в силу своего несогласия считаются «недемократами». («Раздавить змею» призывал Ельцина осенью 1993 г. слышущий «либеральным» интеллигентом писатель и журналист Юрий Черниченко².)

Таким образом, совокупность факторов довольно различного свойства предопределила непрекращающуюся драму русской истории. В этом чуть ли не неизбежность ее — разрываться между требованием демократии, которая перерождается в анархию, отсутствие контроля, управления и «порядка», и столь же постоянным и противоречащим первому требованием стабильности, которое, в свою очередь, склонно перерастать в авторитаризм и автократию, вплоть до деспотизма. В русской истории многие реформаторские усилия были раздавлены клещами этих противоборствующих требований и потерпели крах. В современную эпоху этот конфликт повторяется и распространяется, находя для себя новую почву на обширных евроазиатских территориях, так или иначе контролируемых российским государством, которое уникально в своем роде именно по причине разнородности и сложности. Такой обреченности не избежала и советская история, хотя она и началась революцией, свершившейся с целью раз и навсегда порвать с самым тяжелым наследием национальной истории. Не избежала ее перестройка 80-х годов, наиболее масштабная и органическая попытка реформировать общество, сформировавшееся в результате далеко не поступательного развития послереволюционной истории. Не избавлен от нее — и это мы вынуждены на данный момент констатировать — и нынешний период.

Русское государство и демократия

После развала СССР в России, которая теперь стала самостоятельной республикой, уже с начала 1992 года было отмечено, что характерные для истории страны тенденции, сформировавшиеся в столкновениях между противостоящими идеями, пошли в обратном направлении. Ответом на требование созревших в обществе демо-

кратических идей стала горбачевская перестройка, но довольно скоро она переродилась в беспорядок и анархию. Однако новое российское руководство пыталось по-своему использовать противодействующее требование, толкавшее к утверждению государственности. Они готовы были пожертвовать созданием демократических институтов вплоть до возвращения не только к элементам авторитаризма, но и к прежней автократии. Во избежание ложного толкования разъясним это утверждение. Речь идет именно об изменении тенденций, а не о том, что такой переворот уже произошел. Впрочем, как и все человеческие устремления, новая тенденция может увенчаться либо не увенчаться успехом: утверждение о ее торжестве было бы слишком вольным. Но надо четко определить, что произошло изменение направления. И это обстоятельство следует подчеркнуть именно потому, что нередко оно ускользает от наблюдателей текущих событий, которые увидели в развитии событий после 1991 года некую непрерывность, просто более решительно и последовательно ведущую к реформированию в русле перестройки. На самом деле начиная с этого момента перемены приобрели характер очень глубокого и радикального перелома. Нельзя сказать, что в России сегодня уже установилась новая автократия. Но не менее ошибочно было бы игнорировать то, что один из самых внимательных американских исследователей определил как «новые элементы автократии и железной руки в московской политике»³.

Некоторые завоевания перестройки еще не зачеркнуты. Печать пользуется предоставленной ей тогда свободой (правда, дело обстоит иначе в случае со средствами массовой информации, и в первую очередь телевидением)⁴. То же самое можно сказать и относительно права на ассоциацию, в том числе и в политических целях. И наконец, выборы еще проходят, как и положено, при наличии конкурирующих кандидатов. Но в то же время не наблюдается никакого прогресса (даже наоборот) в создании, утверждении и развитии демократических институтов. Политические партии по-прежнему остаются бескровными образованиями, неспособными выразить социальные интересы или насущные стремления. Функционирование властных структур, которое должно было бы характеризовать русскую демократию, не сильно отличается от функционирования ранее существовавших режимов и довольно далеко отстоит от характерных признаков демократического государства. Причем это относится как к центру, так и к периферии.

В различных республиках бывшего Советского Союза ситуация представляется по-разному. Не задерживаясь на кавказских республиках, сотрясаемых внешними и внутренними противоречиями, гражданскими войнами и, соответственно, низведенных до состояния, при котором невозможна никакая демократия, обратимся к та-

ким странам, как Туркмения и Узбекистан. Здесь прежние руководители, бывшие секретари обкомов, установили сильную личную власть с отчетливыми признаками деспотии. В других республиках, таких как Казахстан или Киргизия, президентская власть, как и прежде, сильно сконцентрирована, но старается представать в одеяниях просвещенности. Было бы трудно говорить об успехах демократии где бы то ни было, проводя сопоставление с последними годами горбачевского правления. Это относится и к республикам бывшего СССР, расположенным на европейской части территории. Но для нашего анализа больше всего по-прежнему важна Россия.

Разнородная коалиция, образовавшаяся вокруг Ельцина на рубеже 80-х и 90-х годов и позволившая ему даже «завоевать» Кремль и всю Россию, стала расслаиваться, едва началось испытание властью. Очевидные трещины появились уже в первые месяцы 1992 года, и с каждой неделей они становились все глубже. В результате возник конфликт между исполнительной властью, представленной президентом и его советниками, и властью законодательной в лице парламента, который сам вознес Ельцина на вершину власти и который сам осенью 1991 года доверил ему исключительные полномочия, в том числе возможность управления с помощью указов. При нарастании острых разногласий в сентябре 1993 года столкновение разрешилось сначала роспуском парламента в соответствии с указом президента, явно нарушавшим Конституцию, не допускавшую подобного применения силы; позднее тот состав парламента был переизбран, а расположенный в центре Москвы дом парламента подвергли артобстрелу и, наконец, заняли штурмовые отряды. Нельзя и представить себе более жесткого решения, сыгравшего на руку исполнительной власти.

Правда, новая конституция, не разработанная парламентом, но составленная президентом и его советниками, была одобрена в декабре 1993 года простым референдумом, который едва набрал нужное количество голосов и результаты которого многие подвергали сомнению⁵. В то же время был избран и новый парламент. Но его полномочия были почти сведены на нет. Новый закон сильно ограничивает прерогативы парламента. Президент сохраняет право управления и законотворчества посредством указов: на самом деле он почти только так и действует. Исполнительная власть одержала победу, поскольку, как было отмечено, она «свела к минимуму парламентский контроль за своей деятельностью». Остается понять, могло ли способствовать стабильности решение, «по которому политические задачи, выбранные в тот момент исполнительной властью, определяли бы принципы конституционного порядка»⁶.

На практике принцип разделения властей был перечеркнут во имя установления сильной президентской власти. Это уже само по

себе характеризует наметившуюся тенденцию. Но еще более значителен тот факт, что жертвой всего этого стала «конституционность», то есть первооснова любой конституции, которая понимается как фундаментальное соглашение о сосуществовании граждан в рамках государства. А это означает, по мысли ученого, «что, в отличие от последних лет, в будущем конституционность уже не сможет служить сдерживающим фактором, важным препятствием на пути возможного диктатора... Она станет лишь условным понятием, которое легко может быть загнано в угол политиками»⁷. Даже уже сегодня нельзя утверждать, что и новая конституция, предоставляющая президенту широчайшие полномочия, соблюдается и уважается⁸.

От центра страны подобная ситуация волнами расходится по периферии. Сегодня отсутствует закон о полномочиях местной администрации в России. Новая конституция на сей счет молчит. Есть только несколько изданных в конце 1993 года президентских указов общего характера, согласно которым старые Советы распускаются, но что должны и что могут делать приходящие им на смену органы — неизвестно. Видимо, столь неопределенное законодательство не очень годится для такого случая. Отсюда, действительно, и исходит попытка укрепить власть не избранных, но назначенных президентом губернаторов, которые нередко выбирались из старых руководителей обкомов и которые также не подлежат контролю выборных органов. Едва став верховным руководителем России, Ельцин в конце 1991 года и в начале 1992 года старался определить их как своих личных представителей на местах.

Это решение в свое время тоже объяснялось необходимостью противостоять маячившей тогда угрозе развала России. Развал СССР рисковал повториться в виде аналогичного явления уже внутри российского государства, которое и сегодня, несмотря на отделение от других республик бывшего Советского Союза, занимает обширную территорию с разнородным населением, где рядом друг с другом живут различные этнические группы. Причем некоторые из них, довольно многочисленные, имеющие богатую историю, уже располагали относительной государственной автономией в рамках бывшего Союза. Центробежные тенденции проявлялись по всей России, и не только в районах, представлявших собой сложную этническую мозаику, но и в регионах с количественно преобладающим русским населением, например в некоторых районах Сибири. В ответ на это Москва заявила, что хочет воспрепятствовать анархическому дроблению страны. Аргумент вполне понятный, но, как мы знаем, не новый, поскольку на него всегда ссылались и в России, и в СССР для оправдания политики централизации власти и авторитаризма. Но этот аргумент подтверждает изменение тенденции сравнительно с периодом перестройки в том, что касается соотношения между явлениями

федеративного и унитарного государства. По форме российская республика является федеративным государством и в этом качестве входила в состав бывшего Советского Союза. Однако новая, ельцинская конституция сильно смягчила эту ее характеристику. Здесь надо внести одно уточнение. Похоже, что даже эти меры не смогли восстановить авторитетную центральную власть. Внешне очень сильное правительство Ельцина сегодня кажется неспособным заставить исполнять и уважать свои указы в российских провинциях.

В этих обстоятельствах неудивительно, что спустя два года после развала СССР избирательная активность населения резко упала. Представляется спорным, что политические выборы в декабре 1993 года (выборы плюс референдум по конституции) действительно привели к урнам те 50% избирателей, позволивших считать их состоявшимися. Факт таков, что проходившие весной следующего года выборы в местные органы власти во многих областях не собрали и 25% избирателей и в силу этого были объявлены недействительными. Временный и поверхностный характер существующих политических партий, представляющих собой всего лишь коалиции верхушек, — еще одно проявление того же феномена, который не зря был охарактеризован как «растущее охлаждение многих русских к демократической практике»⁹.

То достаточно ограниченное и нестабильное пространство, в котором демократические идеи получили в России развитие в годы перестройки, теперь сильно сократилось. Критический поворот наметился именно с насильственным роспуском парламента осенью 1993 года. Все те, кто в различных странах мира высказывались в пользу этой меры, сослужили дурную службу делу российской демократии. Многими гражданами этот момент воспринимался как начало трагедии, когда русские снова пытались решить политические проблемы, убивая друг друга. «Это только начало, худшее еще впереди», — говорили многие, видевшие в этом событии призрак гражданской войны¹⁰. Возможно, что такое мнение было чрезмерно пессимистическим. Но верно и то, что недоверие к демократии, к политике в целом и к «политикам» в частности, которое в течение многих месяцев постепенно усиливалось, начиная с этого момента стало еще более глубоким. Если это демократия, то лучше уж обойтись без нее — таково было мнение многих. Даже роковая схватка августа 1991 года поблекла в памяти народа. Об этом говорит сам Ельцин, считающий себя героем тех событий: «Люди неохотно вспоминают об этом. Если раньше они с гордостью рассказывали друзьям о ночах, проведенных на баррикадах, то теперь хвастаются тем, что не встали ни на ту, ни на другую сторону, что не вернулись из отпуска и не приняли абсолютно никакого участия в событиях»¹¹.

На этом основании никто не возьмется утверждать, что Ельцин уже установил в России свою диктатуру, даже если он и обнаружил

явную склонность к правлению диктаторскими методами, чтобы компенсировать резкое снижение собственной популярности. Так что некоторые московские интеллигенты, бывшие его приверженцы, теперь прямо-таки вопиют о «необрежневизме»¹². Подозрение в отношении Ельцина существует: некоторые серьезные западные исследователи утверждают, что в результате ельцинской политики Россия «не получила никакой политической системы [...], на ее долю пришлось лишь попытки установить режим личной власти»¹³. Но наиболее серьезная проблема не связана с личными наклонностями Ельцина. Настоящая опасность заключается в том, что «столь слабый политический организм», каковой сложился в России в последние годы, «не смог бы противостоять резкому и решительному развороту своего руководителя к авторитаризму»¹⁴. Либо этого руководителя, либо, надо уточнить, любого другого кандидата в диктаторы. Трагедия состоит в том, что «русские сегодня... готовы передать власть и полномочия в руки одного человека». Потому что «желание иметь энергичного лидера и могущественное государство еще никогда не было таким сильным»¹⁵.

Впрочем, тоска по всевластному диктатору и по железной руке свойственна не только простым гражданам России. В интеллигентских кругах Москвы уже раздаются похвалы в адрес «чилийской модели» и одобрительные отзывы о генерале Пиночете. Актер, режиссер и аристократ Михалков, приверженец национальной идеи, заявил: «В России невозможно заставить соблюдать законы, не прибегая к террору»¹⁶.

И теперь, чтобы не допустить ошибок и не обидеть русских, считая их «негодными» для демократии, как часто пишут в самой России и за ее пределами, следует поразмыслить над некоторыми другими аспектами их послесоветского опыта.

Самая крупная распродажа в истории

Вычеркивание значительной части собственной истории служит дурную службу не только культуре страны, но и ее политике. Иначе было бы трудно понять, как в конце 1991 года могла распространиться в России странная мысль о том, что наскоком, издав несколько указов, можно осуществить переход к капитализму, который чаще всего представляется как путь в «цивилизованный мир» и, более того, единственно возможный путь в «нормальный», цивилизованный мир. А этого следовало бы избежать хотя бы из политической осмотрительности, поскольку такая мысль равнозначна сентенции о том, что русские — народ нецивилизованный и никогда не был цивилизованным.

Ведь и русский капитализм имеет свою историю, из него, кстати, выросли и сама революция, и последующее развитие. Обычно в исследованиях на эту тему подчеркиваются прежде всего его «худосочность» и структурная слабость, поскольку он всегда в значительной мере зависел от государственного и иностранного капиталов. Но это лишь один аспект исторической реальности. Определяющую роль в формировании, развитии и становлении специфических свойств русского капитализма сыграл торговый капитал, единственный, носивший явно выраженный национальный характер. Это была излюбленная тема академика Покровского, историка-марксиста, работавшего в начале века и продолжавшего оказывать доминирующее влияние на исследования в течение 15 послереволюционных лет. Потом деятельность Покровского долгое время оставалась в тени, поскольку Сталин не разделял его взглядов. Но даже после смерти Сталина, когда труды Покровского снова были признаны, они не получили достаточно широкого распространения. А жаль, потому что, даже при всем критическом подходе к ним, исследования Покровского заслуживали и заслуживают большего внимания. Проанализированная им наиболее специфическая особенность русского капитализма не могла не стать заметной опять, в момент, когда официальная политика страны была нацелена как раз на принудительный возврат к капитализму.

Кроме того, есть еще и второй аспект, который в силу обстоятельств должен был в решающей степени обусловить политику реставрации капитализма. Единственный, но важный элемент капитализма, который, как мы видели, сформировался в чреве самого социалистического общества, — «теневая экономика». Зародившаяся и развивавшаяся вопреки закону в среде торговцев и коррумпированных чиновников, «теневая экономика» имела криминальную основу. Но и она вынуждена была энергично утверждаться в тот момент, когда без какой-либо подготовки власти бросили призыв действовать, заниматься «предпринимательством», посвятить себя бизнесу, как наиболее достойному и самому доходному из всех возможных видов деятельности.

В ельцинской России начиная с 1992 года капитализм получил лихорадочное развитие (некоторые его называют «диким»). Он распространился в сфере торгового и финансового посредничества, в сфере обслуживания и перепродажи товаров. Но он практически отсутствует в сфере производства, где сызга надеются на помощь иностранного капитала (хотя эти надежды пока необоснованны), а многие производители рассчитывают и на помощь государственного капитала. Исключения, конечно, встречаются, но они незначительны. На улицах городов появились многочисленные палатки и киоски, но новые заводы не строятся, а реконструкция старых идет крайне

медленно. Все заполнили малые и крупные банки, деятельность которых практически не подлежит никакому контролю. Крайне незначителен и рост «сельского капитализма», проявляющийся в виде частных сельских хозяйств — ферм. Несмотря на соблазнительную перспективу завладеть русскими богатствами, иностранные капиталы не текут обильным потоком, опасаясь вести дела в джунглях беззакония. Напротив, утечка за границу денег, полученных с помощью операций, возможных в рамках этой экономики, достигает десятков миллиардов долларов в год.

Однако в данном случае задача не в том, чтобы эмоционально рассуждать об этих проблемах с точки зрения психологии. Гораздо интереснее наблюдать, как воспроизводятся исторические черты русского капитализма, которые уже однажды предопределили его крах. Вот непредвзятое, продуманное мнение одного наблюдателя: «Как сделать, чтобы новый русский капитализм, дикий или не дикий, стал производить продукцию вместо того, чтобы спекулировать до бесконечности на одних и тех же импортируемых товарах и на одном и том же экспортируемом сырье? Чтобы русские бизнесмены были не только банкирами, находящимися в большем или меньшем плену у мафии, но стали бы настоящими промышленными предпринимателями? Пока этого не произойдет, маятник будет двигаться в сторону тех, кто провозглашает себя единственным производителем, главой крупных комбинатов и военно-промышленного комплекса»¹⁷, то есть прежней государственной промышленности.

В капитализме нынешней России взяли верх не только исторические формы старого русского капитала, но и возникшие во времена Брежнева формы «теневого капитализма», характеризующиеся в первую очередь своими криминальными свойствами. Иногда сами советники президента Ельцина предоставляют нам самое безжалостное тому подтверждение, когда описывают ситуацию беззакония, где «каждый владелец платит рэкету, никто не доверяет милиции и законы никогда не будут соблюдаться». Один из депутатов парламента заявил, что 81% голосов в административных советах частных предприятий контролируется преступным миром, и предостерег, что «Россия может стать самым крупным из когда-либо существовавших криминальных государств»¹⁸.

Впрочем, самые красочные описания предоставляет та самая западная печать, которая так ратовала за возрождение капитализма в России. «... (в рыночной экономике) угроза исходит из убеждения, что собственность сопряжена с воровством. В России так часто и случается. Многие из новых русских сделали деньги, расхищая государственную собственность и называя все это «стихийной приватизацией» либо коррумпировав какого-нибудь чиновника, чтобы получить право на захват части какого-либо рынка» («Economist»).

«Оценки варьируют, но большинство экспертов говорят, что гангстеры контролируют по меньшей мере половину частных предприятий страны. Тысячи банд действуют совершенно свободно, открыто требуя денег как у владельцев небольших киосков, так и у дирекции больших промышленных предприятий, а также у всех, кто стоит между теми и другими» («New York Times»). «Трудно понять, кто — плохой, кто — хороший. Иногда бизнесмены оказываются жертвами криминальных группировок, а подчас они сами их возглавляют. Лишь немногие из преуспевших предпринимателей не относятся ни к тем, ни к другим. Многие же, как представляется, сочетают в себе и то и другое» («New York Times»)¹⁹. К сожалению, среди некоторой части московской интеллигенции в качестве утешения получила распространение псевдомарксистская теория, согласно которой капитализм всегда и везде, и в частности в Америке, рождался только так²⁰: ни один из пропагандистов социализма в самом яростном антикапиталистическом угаре никогда не додумался отстаивать подобные тезисы.

Единственной операцией, при которой попытались учесть факт укоренения социалистических идей в России, стала так называемая приватизация. Всем гражданам страны безвозмездно были розданы ваучеры (странный выбор слова, которое не имеет ничего общего с русским языком). Номинальная стоимость каждого ваучера составляла 10 000 рублей, и каждый мог по собственному усмотрению вложить его в экономику, став таким образом владельцем акций какого-нибудь предприятия. Такое решение объяснялось стремлением придать «народный» характер возрождающемуся капитализму. Но мало кто осмелился утверждать, что этот замысел осуществился.

А ведь еще до распределения ваучеров у людей были средства, которые они могли бы выгодно вложить в экономику. В 1991 году на вкладах в сберкассах находилось примерно 500 млрд. рублей. Обвальная инфляция, развязанная неожиданной либерализацией всех цен с 1 января 1992 г., в течение нескольких недель обратила все эти накопления в ничто. Перед этой грубой операцией бледнеет жесткая денежная реформа, проведенная Сталиным после войны²¹. Сбережения, нередко собираемые в течение всей жизни, разом были обращены в прах, причем так, что экономика не смогла извлечь из них ни малейшей выгоды. Сталинская реформа, по крайней мере, была использована для производства. Безжалостная ликвидация сбережений никак не способствовала развитию производства. Столь же бесполезными оказались и ваучеры, клочки бумаги, розданные народу вместо реальных денег.

Последующая приватизация была задумана как некая самоцель, мотивированная идеологией и лишенная каких-либо иных целей — финансового оздоровления, роста производства, структурного преобразования экономического аппарата, планируемого перераспреде-

ния доходов, подготовки политики кредитования и создания соответствующей сети банков. Впрочем, приватизация была проведена так же, как и многие другие кампании старого советского руководства, форсируя темпы без учета возможностей, чтобы зафиксировать на бумаге какие-то результаты и внести данные в статистические отчеты, не обращая внимания на реальные итоги. И наконец, легкое манипулирование ваучерами, которые свободно продавались в условиях всеобщей спекуляции, обратило и эту инициативу в простой эпизод беспощадной борьбы за обладание российскими богатствами. «Financial Times» характеризовала ваучерную кампанию как «крупную битву за контроль над ресурсами, собственностью и политической властью, которые с падением старого порядка оказались без хозяев»²². В действительности, как говорят многие русские, произошло «разбазаривание государственной собственности». Еще более резкие заголовки появлялись в западной прессе: «Самое крупное хищение в истории» («Le Nouvel Observateur»); «Распродажа века» («Economist»)²³.

Многочисленные авторитетные источники возлагают значительную долю ответственности на западных советников, в частности на экспертов Международного валютного фонда, которые поспешили в Москву со своими советами относительно «переходного периода». Джон Гэлбрэйт высказал мнение, что этот переход должен был представлять собой постепенный процесс, а не резкое введение «чистого и жесткого капитализма, который неприемлем даже для нас на Западе»²⁴. Несомненно, что вмешательство иностранных специалистов, нередко имеющих весьма поверхностное знание механизмов советской экономики, усложнило ситуацию. Как писала американская «Time», «Запад [...] оказался скупым и расчетливым; он щедро давал советы относительно азов капитализма и не давал ни полушки, когда речь шла о финансовой поддержке»²⁵. Таким образом, доля ответственности ложится и на Запад. Но все это не имело бы большого значения, если бы здесь не действовали более мощные местные импульсы, корни которых уходят в русскую и советскую историю.

Результаты оказались разочаровывающими как для России, так и для Запада. Для первой «переход [...] был столь поспешным и непродуманным, что обеспечил непоправимо дурную славу капитализму в глазах большинства нынешнего поколения русских»²⁶. По мнению западных наблюдателей, «русские могут справедливо жаловаться, поскольку Запад не сказал им ничего по поводу двух парадоксов, заключенных в той социальной демократии, что имеет место в Европе и Северной Америке. Первый парадокс состоит в том, что для функционирования свободного рынка необходим целый набор правил (a lot of regulation). Там, где свобода означает лишь отсутствие вмешательства со стороны правительства, рынок оказывается пора-

женным сначала ракетом, а потом — картелями. Второй парадокс связан с тем, что для эффективного развития свободного предпринимательства необходима широкая система защиты и социальной помощи. В противном случае возникает перспектива перемен, в ходе которых одни рабочие места уничтожаются, другие создаются; и такая ситуация оказывается трудно переносимой»²⁷. Написавший эти строки политический обозреватель газеты «Washington Post» с полным основанием мог бы добавить, что и на Западе эти вещи поняли не сразу, только в прошлом веке. Понимание пришло в результате трудных поисков, где русский и советский опыт, неважно — позитивный или негативный, несомненно, не может рассматриваться как сторонний. Как минимум — для того, чтобы противопоставить ему свой опыт, более успешный, а также для того, чтобы в мыслях и действиях использовать анализ происшедшего (что как раз игнорируют в нынешней России власти предрержащие).

Экономический крах

Сразу после развала СССР, когда закладывались основы новой политики, русские руководители, начиная с самого Ельцина, обещали, что через несколько месяцев, максимум через год, после неизбежных трудностей положение дел улучшится и все убедится в преимуществах новой политики. Реальность оказалась менее оптимистичной. Уровень жизни большей части населения резко снизился, и нет оснований считать, что в ближайшее время страна оправится от так называемого «свободного падения».

По правде говоря, эта особенность не является прерогативой русских. В еще более сложном варианте она наблюдается в других странах бывшего Советского Союза. В несколько ослабленной форме она проявляется и в странах Восточной Европы, входивших прежде в сферу влияния СССР. Как говорится в одном отчете, «экономический и социальный баланс посткоммунизма на самом деле во время выборов может привести к падению любого правительства. Спад валового внутреннего продукта с 1989 года составляет приблизительно 10–30%, реальная заработная плата снизилась на 10–40%, безработица выросла с нуля до 10–15% (а в некоторых областях и больше), инфляция оказывает губительное действие на пенсионное обеспечение... Были совершены ошибки, которых можно было избежать. Они способствовали беспрецедентному для мирного времени экономическому спаду [...]. Все правительства переходного периода заявили о проведении всеобщей приватизации в течение трех—пяти лет. Это было совершенно нереалистично». И еще: «Стремление порвать с прошлым привело к беспощадному разрушению старых механиз-

мов, в то время как для запуска механизмов рыночной экономики требуется время... Одна из ошибок политических деятелей состояла в том, что они внушили своим соотечественникам, будто Европейский Союз станет для них якорем спасения. Этого не произошло»²⁸.

И это один из тех случаев, когда общее бедственное положение никому не приносит утешения. И менее всего россиянам. Прежде всего потому, что их положение оказалось более сложным по сравнению с другими странами Восточной Европы, где, как было отмечено в свое время, ситуация изначально была более благополучной и где наблюдался не выходящий за рамки коммунистической системы реформизм. Всего через несколько лет после бурных событий 90-х годов эти реформисты в большинстве стран пришли к власти в результате свободных выборов*. Все вышеизложенные факты характеризуют ситуацию в России в основном, как наихудшую. Инфляция здесь была гораздо сильнее. В большей степени были урезаны пенсии и ниже средняя заработная плата. Только безработица, хотя и устойчиво растет, проявляет, тем не менее, довольно утешительные признаки. Однако это только видимость. На самом деле безработица остается скрытой внутри предприятий, сотрудники которых не были уволены и формально не могут рассматриваться как безработные. Но одновременно они не работают и изредка, с большими задержками, получают частичную материальную компенсацию. Это не только оказывает деморализующее воздействие на эту категорию служащих, но и наносит серьезный ущерб экономике в целом.

Наиболее серьезным оказался упадок в российской экономике. В первую очередь была разрушена промышленность. Действительно, с 1991 года промышленное производство упало более чем наполовину. Никогда прежде не наблюдалось спада такого масштаба. Истинность российских статистических данных, как и статистики советского периода, продолжает вызывать сомнения. Обычно обращает на себя внимание тот факт, что эти данные не в состоянии учесть развитие частных предприятий и степень их активности. Что в общем верно. Но если это и может оказать влияние на какие-то другие экономические показатели, то на факторах промышленного производства оно почти не сказывается. Ведь частная деятельность развивается в самых разных областях, но меньше всего в промыш-

* Впрочем, достаточно странно выглядит следующее: «В недавнем опросе общественного мнения, проведенном тремя различными организациями в целях получения более точных результатов, половина опрошенных поляков сказала, что они жили лучше во времена правления коммунистической партии» (сообщение «Washington Post», перепечатанное в «International Herald Tribune» от 6 июля 1994 г.). А ведь Польша известна всем как страна с самой сильной антикоммунистической оппозицией.

ленности, где прибыль нельзя получить легко и сразу. Поэтому мы присутствуем при настоящей деиндустриализации России. Российская промышленность нуждалась в глубоком технологическом и производственном преобразовании, но, тем не менее, всегда составляла одно из крупнейших богатств страны. Ее разрушение ведет к радикальному обнищанию общества и переживается тем более тяжело, что для создания этой промышленности потребовались многие годы и жертвы со стороны всего народа, жившего чаще всего с сознанием важности дела, которое как раз носило коллективный, а вовсе не частный характер. Сегодня резкий упадок наблюдается даже в таких жизненно важных отраслях, как добыча нефти и других энергоносителей. И уж никак не верно, что кризис поразил одну только тяжелую промышленность и оборонные заводы. Некоторые из этих предприятий как раз умудряются выживать и жить лучше других. Если же посмотреть поближе, то видно, что именно в легкой промышленности наблюдается наиболее глубокий спад.

Последствия развала производства тяжело отражаются не только на уровне жизни. Специфика советской экономики заключается в том, что целые города и поселки, мелкие и средние центры возникали вокруг одного или двух предприятий. И эти предприятия определяли жизнь местного населения: начиная от культурно-спортивных центров и кончая социальными гарантиями. Закрытие или резкое сокращение деятельности таких предприятий на практике приводило к вымиранию или запустению целых населенных пунктов. И речь здесь идет не просто о сильном обнищании, но о настоящем перевороте в самом образе жизни, что неизбежно сопряжено с немалыми жертвами.

Те виды деятельности, которыми гордилась страна, например научные исследования, теперь рискуют исчезнуть совсем. Кризис в науке является следствием краха промышленности, с которой наука была тесно связана. Приносятся в жертву даже фундаментальные исследования. Капиталовложения в эту область сократились до минимума. Вот что рассказывает один ученый: «Живем мы очень тяжело. У нас нет денег ни на оборудование, ни на новые журналы, ни на компьютеры... В нашем распоряжении нет и 5% того, чем мы располагали прежде»²⁹. При первой возможности русские ученые уезжают за границу. Среди оставшихся счастливыми считаются те, у кого в институтах нормально подается электроэнергия. Кто может, ищет приработков на стороне, что отнимает у них значительную часть времени. Конечно, верно, что уже во времена Брежнева научные исследования находились в затруднительном положении из-за чрезмерного контроля и гипертрофированной секретности. Но в то время раздавались требования изменить такое положение в стремлении сравняться с другими, более развитыми странами. Теперь же проблема заключается в том, чтобы выжить.

Развал экономики — не что иное, как одно из проявлений более глубоких потрясений в стране. Все показатели общественного развития имеют отрицательный знак. Наблюдается упадок даже в тех областях, где был достигнут пусть не совсем удовлетворительный, но вполне пристойный уровень, например в области образования или медицинского обслуживания. Впервые в мирное время в стране отмечается сокращение численности населения — на 700 тыс. человек в 1993 году в сравнении с предыдущими показателями, несмотря на приток русских беженцев из других республик бывшего Советского Союза. Этот факт, несомненно, объясняется не только кризисом общества, он имеет более глубокие корни; он связан и с падением уровня жизни, ухудшением санитарных условий и даже с экологической ситуацией. Кампании по защите окружающей среды практически замерли и, во всяком случае, стали еще менее эффективны, чем во времена Брежнева³⁰. Часто пытаются списать все на «слабость, некомпетентность и коррумпированность» администрации Ельцина³¹. Однако у истоков явлений, на которые соответствующим образом обратили внимание все международные наблюдатели, лежат, пожалуй, прежде всего политические и идеологические предпосылки, которыми руководствовалась эта администрация, — сначала, когда брала власть, и потом, когда руководила страной.

Российское руководство может оправдываться только тем, что почти во всех республиках бывшего Союза положение еще хуже, чем в России. В Белоруссии сегодня 75% населения живет хуже, чем раньше, и только 1,5% заявляют, что живет им лучше³². Аналогичные, если не худшие, показатели характерны и для Украины, Казахстана и среднеазиатских республик. Нечего и говорить о таких республиках, как Таджикистан, Грузия, Армения и Азербайджан, где продолжающиеся вооруженные конфликты придали ухудшению условий жизни катастрофические масштабы. Даже в независимых Прибалтийских республиках, где исходное как внутреннее, так и международное положение, казалось гораздо более благоприятным, ситуация ухудшилась. Процитируем хорошо документированное эссе: «Потеря [советских] рынков для их товаров наряду с сохраняющейся зависимостью от российских нефти и газа, за которые теперь приходится платить по мировым ценам, тяжело сказались на их экономике. Следствием этого стало сильное падение как сельскохозяйственного, так и промышленного производства и значительное снижение уровня жизни. [...] Потребуется много времени, чтобы преобразования были завершены и республики оказались в состоянии вновь производить столько же товаров, сколько в 1989 году»³³.

Однако для россиян нет оснований испытывать облегчение от такого рода констатаций. Приведенная нами цитата относительно положения в странах Балтии указывает на главную причину эконо-

мического краха всех республик, включая Россию. Эта причина — развал Советского Союза и моментальный, безответственный разрыв экономических связей, веками складывавшихся между этими странами и значительно укрепившихся в последние десятилетия. Нельзя, не заплатив очень дорогую цену, дезинтегрировать в одночасье то, что так плотно было интегрировано с ходом времени*.

Сегодня никто не может претендовать на роль «эксплуатируемого» другими: ни русские со стороны тех народов, которых в советскую эпоху называли «братьями», ни «братские народы» со стороны русских. Но и те и другие теперь живут много хуже прежнего.

Союз утраченный, желанный и невозможный

Последствия развала Советского Союза — это второй непомерный груз, который тащит на себе новое русское государство. Содружество Независимых Государств (СНГ) никогда не было жизнеспособным организмом. Координация главных политических направлений между республиками не пошла дальше заявлений о намерениях. Так и не увидели свет сколь-нибудь значительные совместные учреждения, хотя бы отдаленно напоминающие, к примеру, структуры Европейского сообщества. Не нашла сколь-либо приемлемого для заинтересованных сторон решения ни одна из экономических, финансовых, военных или просто человеческих проблем, которые возникли с распадом бывшего СССР. Особенно мало было сделано, во-первых, чтобы противостоять экономическому кризису в республиках, а во-вторых, чтобы найти выход из него.

А ведь даже нельзя сказать, что республики бывшего Советского Союза обрели истинную независимость. Слишком многие и часто неизбежные факторы определяют взаимоотношения между республиками. Даже проблема границ остается неразрешенной. Они, понятно, остаются теми, что были прежде, и, по счастью, почти никто (за исключением Армении) до сего времени не требовал их изменения, по крайней мере официально. Но речь идет о простых разграничительных линиях административного характера, которые пока никто не потрудился провести, как это делается обычно в случае установления международных границ. Для русских военных настоящими границами остаются внешние границы бывшего Советского

* Отметим, что разрыв связей, значительно более слабых, но все же заметных, сложившихся благодаря интеграции в рамках СЭВ, считается одной из главных причин депрессии и для экономик всех стран Восточной Европы. Надежда заменить эти связи интеграцией с Западной Европой, похоже, не сможет оправдаться раньше, чем через несколько лет.

Союза. На одном закрытом заседании тогдашний министр обороны России генерал Грачев заявил, что в Москве принято решение не отводить русские войска к границам российской республики и оставить их где только возможно, особенно на Кавказе и в Средней Азии, для защиты когда-то советских границ³⁴.

Самые различные свидетельства сходятся в том, что если не только в России, но и на остальной территории, некогда бывшей Советским Союзом, чувствуется какая-то ностальгия, то это ностальгия именно по Союзу. Единственное исключение — Прибалтийские республики. В остальном же вспышка национализма 1989–1991 годов давно прошла, оставив горечь по поводу исчезновения организма, который вспоминается как, по крайней мере, жизнеспособный. Вот одно из свидетельств: «С политической точки зрения огромная волна национализма, обрушившаяся на Советский Союз в период с 1989 по 1992 год, спала повсюду, за исключением России. Националистические движения в других республиках носили также антирусский характер. [...] Так вот, национализм истощился во многих государствах. [...] Поддержка политиков-националистов везде пошла на убыль, включая и Украину»³⁵.

Результаты выборов подтвердили преобладание в народе этого нового состояния духа. Оно особенно характерно для европейской части бывшего СССР, где активность при голосовании была значительно выше, чем в целом по России. Начало положила Молдавия (ныне Молдова), которая в 1990–1991 годах относилась к республикам, где сепаратизм, казалось, имел наибольшую поддержку. Всеобщие выборы прошли здесь в феврале 1994 года. На одновременно проходящем референдуме относительно объединения с Румынией, что четыре года назад лежало в основе кампании против СССР, 90% населения проголосовало против. Народный фронт, который выступал вдохновителем и организатором этой кампании, за это время распался. Унаследовавшие его партии собрали менее 20% голосов. Остальная часть избирателей поддержала партии, ориентированные скорее на Россию. Настоящим победителем на выборах оказался Петру Лучинский, бывший в эпоху Горбачева секретарем местной компартии, деятель реформистского толка. Отсюда был сделан справедливый вывод, что «политический центр тяжести сместился к востоку, в направлении Российской Федерации, в направлении реинтеграции в пространство, занимаемое ранее Советским Союзом»³⁶.

Но Молдова — маленькая республика. Гораздо показательнее результаты голосований в более крупных и населенных государствах — Белоруссии и Украине. Президентские выборы, состоявшиеся там одновременно, обнаружили несомненное укрепление позиций кандидатов, высказавшихся за возобновление тесных связей с Россией или даже непосредственно за интеграцию с ней. Их превосходство ока-

залось подавляющим, особенно в Белоруссии (80% голосов). Победитель — Лукашенко — провел избирательную кампанию, утверждая, что экономический крах страны связан с распадом Советского Союза и, в частности, с разрывом связей с Россией. Вот его слова: «Мы не хотели менять старую систему. Наше хозяйство было разрушено и разграблено. Мы оказались на коленях»³⁷. В его устах эти заявления звучали логично, поскольку он был одним из немногих, кто в декабре 1990 года имел смелость высказаться против Беловежских соглашений, положивших конец Советскому Союзу.

Конечно, на Украине дело обстоит сложнее. Там сохраняется сильный контраст между западными областями страны, где присутствует крайний прогерманский и даже пронацистский национализм, и областями промышленного востока или Крыма, где сильны исторические связи с Россией. Именно там еще можно услышать: «Я не украинец, не русский, я — советский человек»³⁸. Но и на Украине был избран кандидат, более склонный к установлению новых связей с Россией. Вновь избранный президент Кучма получил абсолютное большинство голосов. Таким образом, два президента, Шушкевич и Кравчук, подписавшие вместе с Ельциным смертный приговор Союзу, были отстранены от власти.

Тех, кто обращал внимание на слабость сепаратистских тенденций в республиках Средней Азии, в том числе и в критические для перестройки годы, не сможет удивить, что такие же настроения преобладали и здесь. Даже исламистские течения, более склонные к отходу от европейских республик в поисках связей с мусульманскими странами, течения, несомненно не исчезнувшие, охладили свой пыл и потеряли сторонников, особенно с учетом опыта соседнего Афганистана. Там кровавая гражданская война между исламистами различного этнического происхождения не завершилась с выводом советских войск. Она, более того, получила свое продолжение и в Таджикистане на территории бывшего СССР, пока пожар, по крайней мере отчасти, не был притушен российскими войсками. Ни одна из пяти центральноазиатских республик не пытается сегодня отдалиться от России. Даже президент Киргизии Акаев, наиболее склонный подчеркивать свою независимость, заявляет, что его страна обречена вернуться на российскую орбиту. Сама она не в силах привлечь иностранные капиталовложения, и ей в любом случае было бы суждено «остаться на обочине экономического прогресса по крайней мере на 10–15 лет»³⁹.

Связующим звеном остается Казахстан, где президент Назарбаев вместе с Горбачевым наиболее упорно противился распаду Союза. Первый сознает, что если той этнической мозаике, которую представляет его страна, суждено разрушиться, то она станет адом, по сравнению с которым боснийский конфликт покажется детской

шалостью. И это не потому, что, как утверждает Солженицын⁴⁰, ее границы были плохо очерчены большевиками, но потому, что за 70 лет ее пространства и степи, в прошлом выпасы кочевников, получили мощное сельскохозяйственное и промышленное развитие, в котором в большой мере принимали участие все народы бывшего СССР, в первую очередь русские, но и украинцы, кавказцы, нередко обретая там (иногда вынужденно, но чаще добровольно) свой новый дом. С другой стороны, «эти бывшие советские республики, — пишет один эксперт, — продолжают оставаться сферой жизненного, политического, экономического и военного интереса России. Поэтому вполне логично ожидать, что Москва будет планировать установление более тесных связей с этими республиками, вплоть до образования конфедераций или даже федераций»⁴¹.

Если так обстоят дела, почему же тогда не воссоздается Союз или, во всяком случае, нечто ему подобное? Вопрос тем более правомочен, что ностальгию по старому сообществу испытывают и в самой России. Но именно в России заключено и самое серьезное препятствие. И не то чтобы она не хотела восстановить старые связи. Она просто не знает, как это сделать. Она не может предложить никакого решения. С одной стороны, Россия — единственная страна, способная стать инициатором нового сообщества. С другой стороны, она разрушила то, что уже было, и ныне не обладает ни инструментами, ни идеями, ни программами, чтобы дать жизнь новому Союзу. В этом состоит драма русской национальной идеи, всего русского национализма, включая и тот, что позволил Ельцину прийти к власти. Чтобы утвердиться, ему было необходимо ликвидировать Союз. Однако без Союза Россия стала калеккой, осиротела, лишившись значительной части своей истории. Всегда очень трудно восстановить то, что было разрушено столь неблагоразумно и легкомысленно.

Пока что можно констатировать следующий факт: в России ностальгия по Союзу не меньше чем где-либо, а может, и больше. Тому есть много схожих объяснений. По большей части они исходят из лагеря самого Ельцина. Все опросы, чего бы они ни стоили, «продолжают показывать популярность интеграции и политиков, которые ее поддерживают». Бывший сторонник Ельцина исследователь Алексей Арбатов утверждает, что «нынешняя правящая в России элита уязвима», поскольку «она пришла к власти с разрушением Советского Союза, лишив миллионы россиян родины вопреки их воле»⁴². По меньшей мере 25 млн. русских проживают в других республиках бывшего Советского Союза, и сегодня они вынуждены чувствовать себя иностранцами на той земле, которую до вчерашнего дня считали своей. Понятно, почему именно те, кто в 1990 и в 1991 годах были главными инициаторами действий Ельцина против Союза, Бурбулисы и Шахраи, расплачиваются теперь собственной популярностью.

Это особенно тяготеет над Шахраем по причине его больших политических амбиций, в такой мере, что от него даже услышали: «Я бы сам сегодня первым осудил декларацию»⁴³ (ту Беловежскую декларацию, одним из главных авторов которой он был).

Особенно характерно раскаяние самого Ельцина. Он, который призывал всех к тому, чтобы они взяли «столько автономии и суверенитета, сколько могут», сегодня обращается к другим президентам бывшего Союза, чтобы они «добивались возможно большего взаимодействия, отвечающего интересам их государств»⁴⁴. В своих воспоминаниях Ельцин еще более определенно говорит, что в последние два-три года все «насытились национальным суверенитетом, бессмысленным национализмом, который игнорирует экономические трудности и лишен всяких оснований»⁴⁵. Но до того, чтобы исправить положение, еще далеко. Тот же Ельцин говорит: «Сейчас контакты между народами, между нашими культурами, между людьми как бы пущены на самотек. Вместо того чтобы помочь этим контактам развиваться, мы их затрудняем таможами, границами, паспортным контролем. Вместо того чтобы сохранять единую культуру, поневоле разрушаем ее (например, стало невозможно подписаться на московские издания в республиках). Неужели мы не понимаем, что человеческую общность, пусть даже возникшую при тоталитарном социализме, надо охранять, как охраняем лес, чистую реку, чистый воздух?.. Парадокс — не кризис экономики тянет за собой духовную разобщенность, как это должно быть по логике вещей, а, напротив, комплекс сиротства, охвативший простых людей после разделения Союза, тянет за собой это недоверие, отражающееся на экономических взаимоотношениях, которое никак не удастся преодолеть». Российский президент хочет «искать пути предотвращения этнической катастрофы, по масштабам превосходящей даже югославскую». Нельзя представить себе более жесткой критики той операции, с помощью которой Ельцин разрушил Союз, чтобы стать «первым» в Москве, нежели критика в свой адрес самого Ельцина, отдает он себе в этом отчет или нет. Тем паче, что он же «с горечью» констатирует, что, «несмотря на довольно частые встречи лидеров стран СНГ, сегодня эта проблема не решена, а, напротив, осложнилась»⁴⁶.

До сих пор единственным поступившим из Москвы сигналом, свидетельствующим о рассмотрении проблемы, является определение «ближнее зарубежье» применительно к территории бывшего Советского Союза. То есть нечто не совсем иностранное, нечто между настоящим зарубежьем и тем, что зарубежьем не является и быть не может. Но определение — это еще не политика. Чтобы дать ей большее наполнение, некоторые советники Ельцина пытаются быть более определенными. Но при этом они лишь высвечивают трудности, не решая их. Послушаем их.

Один говорит: «Россия стоит перед выбором воссоздания Союза и утверждения своей империи». Теоретик неоавторитаризма Мигранян, всегда находившийся рядом с Ельциным, добавляет: Россия — «огромная держава, экономически сильнее любой из бывших республик [СССР]. Но Россия имеет там серьезные интересы: это россияне, которые живут за пределами родины; получаемые через эти республики доступы к Балтийскому морю и другим морям; гарантии собственной безопасности. Такие факторы требуют, чтобы Россия стала центром реинтеграции этого пространства. В противном случае мы будем иметь, как уже имели, стычки, конфликты и войны»⁴⁷. Бывший министр обороны генерал Грачев напрямик заявляет: «СНГ — это Россия»⁴⁸. Среди военнослужащих распространено убеждение, что Союз будет вскоре восстановлен.

Однако именно здесь и возникает основное препятствие. Лондонская «Financial Times» пишет: «... жестокая правда состоит в том, что однажды разваленный Советский Союз очень трудно собрать снова без помощи коммунистической партии, Госплана и КГБ»⁴⁹. И это верно. Однако в перечне, приведенном английской газетой, отсутствует нечто важное. Союз трудно восстановить без наднациональной и многонациональной идеи, способной вдохнуть в него жизнь, обосновать его необходимость, привести в действие. Советский Союз со всеми своими недостатками как раз и был такой идеей. И КПСС по ходу истории была своего рода воплощением этой идеи, хотя и деформированным. Ныне, когда вместо преобразования того и другого предпочли их перечеркнуть, замены им нет. Или, лучше сказать, осталась только российская имперская идея. Но ее недостаточно. Более того, именно в ней и заключается подлинное препятствие обновлению Союза. Как заметила западная «Le Monde», именно имперское поведение России вызывает раздражение других республик, стимулирует сопротивление даже такого убежденного сторонника Союза, как президент Казахстана Назарбаев⁵⁰. То, что многие были бы готовы принять от обновленного международного сообщества, которому Россия была бы подчинена наравне с другими, немногие готовы принять от имперской России. Поэтому первый и единственно возможный вариант — это как раз тот, что был отброшен в 1991 году, когда Союз еще можно было оставить в живых. Воскрешать — Божье дело. Для смертных эта задача невыполнимая, им легче сохранять жизнь и, может быть, лечить, если необходимо.

Так проявляется историческая трагедия русского национализма во всех своих оттенках, от Ельцина до Солженицына и Жириновского. Вчера, во время бури, вызванной перестройкой, это политическое течение смогло победить, пообещав, что, как только Россия избавится от Союза, ей будет суждено возрождение, процветание и могущество. Ныне же оказалось, что русские чувствуют себя обнищавшими,

униженными, мучаются от тоски по утраченному Союзу, а миллионы их соплеменников вынуждены жить в «зарубежье», пусть и в «ближнем», но остающемся для них потерянной родиной. Неудивительно, что перед лицом таких результатов русский национализм ныне раскололся на глубоко враждебные друг другу группировки, умеренные или экстремистские, поддерживающие правительство или оппозицию, но в любом случае не способные предложить программу национального обновления.

Нормы взаимозависимости

Однако кризис переживает не только русский национализм. Это кризис России в целом, кризис российской нации как исторической общности, как итога тысячелетнего развития, из которого не может быть выброшено и последнее столетие. В обобщении еженедельника «Time» есть много тенденциозного, но и содержится доля правды: «Не прошло и трех лет, как Россия, сбросившая с себя коммунистическое иго, увязла в самом тяжелом за свою тысячелетнюю историю финансовом, политическом и духовном кризисе. Экономика шатается, как боксер в нокадауне. Преступность и коррупция корнями уходят вверх. Граждане, некогда гордые мировым статусом своей страны, ощущают себя на задворках мировой сцены, вынуждены смириться с унижительным низведением их страны с уровня сверхдержавы на уровень попрошайки»⁵¹. Как ни тягостно это определение, в нем не хватает еще одного важного пункта. В течение короткого времени — нескольких месяцев, максимум двух-трех лет — все ценности, в которые верило большинство советского населения и которые в любом случае влияли на его поведение, были объявлены ошибочными, лишними, даже вредными и достойными осуждения. Вся та система, которая каждому обеспечивала уверенность в завтрашнем дне, была разрушена. Страны, где люди родились, выросли и прожили жизнь, больше не существует. Обещание «правового государства» как никогда далеко от выполнения. Оно вылилось в карикатурное государство, полупредпринимательское и полукриминальное, где большинство граждан чувствуют себя чужими куда больше, чем во времена Брежнева. Царит всеобщая и глубокая растерянность.

Но проблема касается не только граждан России. Дмитрий Саймс, один из ведущих американских советологов, пишет: «На Западе преобладает тенденция рассматривать Россию как потерпевшую поражение сверхдержаву, которая должна пройти долгий путь размышлений и искупления, похожий на тот, что проходили Германия и Япония после окончания войны. Многие же русские видят ситуа-

цию совершенно иначе»⁵². Другой специалист идет еще дальше: «После падения Горбачева началась новая фаза в отношениях [России] с Западом. Она касалась не только внутренних реформ, в которых Запад теперь, когда рухнул СССР и российская экономика находится в свободном падении, преследовал свои интересы более агрессивно. Ибо его уже не сдерживала прежняя потребность достичь равновесия между советскими и западными интересами в выработке стратегии экономической реформы в России»⁵³. Мы не будем давать советы кому бы то ни было, тем более западным руководителям. И без того много тех, кто этим занимается. Мы можем только попытаться высветить аспекты проблемы в том виде, в каком они предста-ли в извилистой колее недавней истории.

Не стоит скрывать, что многие русские видят среди главных причин своей трагедии политику Запада. В этом заключается одно из далеко идущих объяснений непопулярности не только Ельцина и его окружения, но и Горбачева, которого считают в первую очередь виноватым в чрезмерной уступчивости в отношении своих западных партнеров. Так думают не только приверженцы Брежнева и Громыко. В ходе одного международного семинара близкий к правительству источник отметил, что опросы показывают серьезные изменения в настроениях как элиты, так и общественного мнения. Если прежде «Запад рассматривался ими как Эльдorado, как модель, центр цивилизации», то теперь «большинство считает, что иностранцы оказывают слишком большое влияние на российскую политику, и рыночной экономике предпочитает экономику плановую»⁵⁴. Английский ученый Питер Реддвей, сделавший, может быть, больше других для того, чтобы познакомить Запад с деятельностью диссидентов и их преследованием в России, подчеркивает, что поддержка Ельцина со стороны Соединенных Штатов приводит «к еще большей уверенности русских в ошибке американцев, рекомендующих России шоковую терапию и в ответственности Запада за последовавшее снижение их уровня жизни»⁵⁵. Наконец, другой исследователь из Принстона полагает, что голосование значительного большинства против Ельцина на декабрьских выборах в России было «в значительной части... антиамериканской реакцией, связанной с чрезмерным вмешательством Соединенных Штатов»⁵⁶.

Есть много иррационального в этой реакции людей, чувствующих себя обманутыми и оскорбленными. Но известно, сколь много могут значить коллективные настроения, даже если они неблагоприятны. Действительно, Запад несет немалую долю исторической ответственности за нынешнее положение дел в России. Но верно и то, что после развала СССР, которого, к слову сказать, не хотели, по крайней мере, наиболее ответственные западные руководители, основные державы мира стремились к утверждению в России стабильности,

даже если она строилась на неоавторитарных тенденциях в ущерб демократическим идеалам. Уже возникал вопрос, насколько такая политика способна преуспеть. Но если и способна, то последствия могут быть весьма горькими. Даже некоторый прогресс в отношении стабильности, отмеченный в последние месяцы, не мог не выдвинуть на первый план известные интересы российского государства. Эти интересы касаются в первую очередь территорий и населения бывшего Советского Союза. Во-вторых, они распространяются на те обширные, особенно европейские, пространства, которые прежде были сферой влияния СССР. Вряд ли эти интересы, признаться, объективные и заслуживающие внимания, в новых условиях найдут лучшее воплощение, нежели в советской политике. Доказательством может служить наблюдаемая склонность скорее к неоимперским, чем к наднациональным устремлениям.

Вполне логичен вопрос, должно ли все это волновать нас теперь, когда СССР больше не существует, а мощь государств — его наследников, и в первую очередь России, настолько ослабла, что не может повлечь для нас никаких особенно неприятных последствий. На первый взгляд, в самом деле, нечего беспокоиться. Подтверждение тому — растущее равнодушие к происходящему в этих странах. И все же нормы взаимозависимости между различными регионами мира, которые все больше становятся единым и связанным целым, нормы, осознанные Горбачевым и ставшие отправными для его деятельности, сегодня не исчезли, причем о них вроде бы никто не помнит и даже не говорит. Они существуют и еще оказывают воздействие. Было бы иллюзией считать, что можно оставаться в стороне от того, что происходит на большей части земного шара.

На всем пространстве, какое еще несколько лет назад занимал Советский Союз со странами, входившими в его широкую послевоенную орбиту, и которое, хорошо ли, плохо ли, но оставалось зоной стабильности, в последние годы воцарились депрессия и смута. Непохоже, чтобы с ними можно было быстро справиться. По первому суждению, утвердившемуся в наших странах и, как кажется, воспринимаемому и сегодня всеобщим мнением, происшедшее, во всяком случае, является успехом демократии, утверждением прав человека, единственно возможной цивилизацией. Даже если не принимать в расчет иную точку зрения значительной части населения упомянутых стран, позволивтельно высказать некоторые сомнения насчет подобного вывода. Впрочем, эйфория, сопровождавшая события 1989–1991 годов, когда даже дошло до разговоров о «конце истории», почти повсеместно уступила место более трезвым оценкам, если не разочарованию и скептицизму. Пусть будет и такая реакция, лишь бы она служила более взвешенному анализу грядущих событий.

Брожению на всем этом пространстве пока улесться не суждено.

На сегодня вероятнее, что оно продлится и даже усугубится. Возникающая отсюда нестабильность несет в себе два явления, могущие иметь печальные последствия не только для непосредственно заинтересованного населения, но и для всех нас. Первое — это обострение этнических конфликтов и вооруженных столкновений между различными республиками бывшего Союза, а также внутри каждой из них. Уже и сегодня по периферии бывшего СССР идет серия местных войн, мало чем отличающихся от тех, которые сотрясают бывшую Югославию. И нельзя сказать, чтобы общий их итог был менее кровавым.

Напомним об основных очагах войны, следуя с востока на запад. В Таджикистане, на границе с Афганистаном и Китаем, ведут военные действия друг против друга различные этнические группировки, слабо прикрытые подручными политическими ярлыками — исламистскими, демократическими или коммунистическими. Это наиболее тяжелый конфликт как по числу жертв, так и по масштабам распространения на соседние государства. Не менее опасной и кровавой остается многолетняя война на Кавказе между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах. В нее также вовлечены, пусть и не напрямую (по крайней мере, на сегодня), другие страны и внешние политические силы. Это связано с большим влиянием, которое имеет армянская диаспора во многих государствах мира, и, в свою очередь, с этнической близостью народов, на которые могут рассчитывать азербайджанцы за пределами своих границ, начиная с соседней Турции. Та же Россия воюет с Чечней, маленькой, стремящейся к автономии республикой. И это зародыш конфликта, который может перекинуться на другие народности Кавказа. Всего лишь передышку, но не мир получила Грузия, от которой в результате еще одной войны отделилась Абхазия. Наконец, долгое время происходили военные столкновения в Молдове, где Приднестровская область практически откололась от республики, хотя это отделение не получило официального и международного признания.

Тлеют и другие скрытые конфликты, в которые в ряде случаев вовлечена и Россия. Пока их удастся сдерживать. Но вовсе не устранена опасность их возгорания. Существуют противоречия между Россией и странами Балтии как по территориальному вопросу, так и в связи со значительностью русскоязычного населения, проживающего в трех маленьких независимых республиках, где его гражданские права не признаются. Столкновения с Украиной за обладание прекрасным Крымским полуостровом до сих пор удавалось избежать. Но его опасность остается нависшей над двумя самыми крупными европейскими республиками бывшего Советского Союза. В будущем могут возникнуть и другие требования изменить российско-украинскую границу, поскольку восточные области России, начиная с

региона вокруг важного промышленного города Харьков, действительно населены в основном русскими. И вообще здесь проживает масса людей, испытывающих особую ностальгию по Союзу и желающих в любом случае воссоединиться с Россией. Аналогичная проблема, но в еще более крупных масштабах, существует в России и Казахстане. Руководители двух стран всячески избегали до сих пор ее обострения. Но в обеих странах есть группировки, требующие серьезных изменений границы. Среди тех, кто предлагает территориальный пересмотр, мы вновь находим Солженицына, откровенно говорившего об этом сразу же по возвращении в Москву после двадцатилетнего изгнания.

От Таджикистана до Молдовы Россия вовлечена уже и в другие конфликты, хотя она и не принадлежит к числу их непосредственных участников. Она участвует в них потому, что ее вооруженные силы размещены на этих территориях в одном случае, чтобы развести конфликтующие стороны, в другом — с более тонким умыслом поддержать одних либо других или, наконец, то одних, то других попеременно, но еще и потому, что повсеместно испытывает интерес к той или иной территории прежде всего из экономических соображений, а затем и стратегических, гуманитарных, культурных, исторических. Даже если бы Россия и хотела, она уже не может отказаться от своих интересов и, даже ослабленная, еще в состоянии пытаться отстоять их.

Но от этих конфликтов не остаются в стороне и те державы, которые не имели никакого отношения к бывшему СССР. В этом и состоит второй феномен, грозящий взрывными последствиями, которые могут рано или поздно обнаружиться. Все территории бывшего Союза, вовлеченные ныне в кровавые столкновения или конфликты, чреватые войнами, являются одновременно регионами значительных природных и энергетических ресурсов, минерального сырья, которые интересны многим. Говоря обо всем южном поясе бывшего Советского Союза, обычно ссылаются на риск проникновения «исламского фундаментализма». Но это упрощение. Разумеется, мусульманские тенденции различного толка существуют. Из государств, находящихся к югу от прежнего СССР, фундаменталисты проникают и в бывшие советские республики. И все-таки это не главная проблема, даже если о ней часто говорят. И, видимо, не самая сложная. Не так тяжела, как соперничество, порожденное российскими и нероссийскими амбициозными устремлениями к тому, чтобы так или иначе захватить богатства этих регионов, — амбиции, объясняемые слабостью структур новых государств. Даже в экономическом аспекте ни одно из них не представляет собой жизнеспособного организма. И это касается не только южного пояса бывшего СССР. Неизбежным предметом воцелений являются и богатства Сибири, и некогда советско-

го Дальнего Востока, где также проявляются сильные сепаратистские тенденции, хотя население там преимущественно русское, в любом случае не мусульманское.

Все крупные государства, граничащие с территориями бывшего СССР, будь то Турция или Иран, Китай или Япония, не могут оставаться равнодушными к судьбе этих территорий. По правде говоря, не могут проявлять равнодушия и более далекие страны, такие как те же Соединенные Штаты или европейские державы. Они, как минимум, не считают возможным не обращать внимания на происходящее в европейской части бывшего Советского Союза и той международной системе, которая составляла орбиту СССР. Правда, — и многие подчеркивают это — ныне для решения этих проблем нет необходимости вводить войска и занимать территории. Куда более эффективны движения капиталов. И все-таки трудно оставаться спокойными, веря, что процессы такого масштаба могут проходить без применения средств насилия и только мирным путем. Уже сегодня намечаются драматические международные противоречия, например вокруг бакинской нефти, залегающей на дне Каспийского моря, или противоречия в связи с намерением Североатлантического альянса поглотить все страны Центральной и Восточной Европы вплоть до границ, которые несколько лет назад были границами Советского Союза. Если эти противоречия пересекутся с этническими и национальными конфликтами, то такая смесь будет достаточной, чтобы спровоцировать неизбежный взрыв.

Урок расчленения Югославии должен все же чему-нибудь научить. Поразительна та непредусмотрительность, в результате которой все стали свидетелями, а некоторые и участниками драмы, положившей в начале 90-х годов конец мирному сосуществованию южных славян. Эта драма также не была неизбежной. Слезы, заклинания, брань, крики возмущения, сопровождавшие последовавшие ужасы, конечно же, не оправдывают действия, активные и пассивные, или хотя бы только близорукость, которые попустительствовали или способствовали разрушению Югославии. В результате, какое бы решение теперь ни было предложено, если допустить возможность найти его, оно будет достойно большего сожаления с моральной точки зрения, будет более зыбким политически, менее оправданным экономически и с любой точки зрения менее справедливым, чем то решение, которое могло бы быть найдено прежде. А если его поиск будет затянут, то никто не сможет нам сказать, когда, как и где, при чем участии этот трагический конфликт может быть завершен. Но ведь происходящее в бывшей Югославии — это всего лишь малая толика того, что могло бы произойти на территории бывшего СССР.

Автор этих строк ничуть не склонен к апокалиптичности. Даже сейчас нет ничего, что нельзя исправить. Ничто не предначертано

заранее. И в Югославии была аналогичная ситуация. Все последствия, начиная с трагедии в Боснии, можно было предвидеть. И в самом деле, ее предвидели все, кто ясно представлял себе историю и реальность. Худшее случается тогда, когда теряется способность без предубеждения смотреть на события в жизни народов и целых стран. И не стоит потом говорить, что это было сделано во имя неких благородных принципов. Мы все знаем, какую дорогу мостят благие намерения или те, которые выдаются за благие. Тот, кто слишком поздно обнаруживает для себя истину, в конце концов платит за это. Югославские события уже вовлекают и еще могут вовлечь нас в более непосредственное и серьезное участие в них. Если события в бывшем СССР будут аналогичными, то вовлеченность наших стран будет много более непосредственной и трагичной, несмотря на то что речь идет о землях, более удаленных от нас географически. Хотя что в сегодняшнем мире находится далеко от нас? Вот главное, почему советский кризис, его происхождение, его причины и его развитие должны быть поняты такими, какими они были, какие они есть, не увязая в мифах, слишком часто прельщавших нас в последние годы.

Единственный как бы промежуточный итог, к которому пришел автор, состоит в том, что глубокий кризис, поразивший пространство вокруг бывшего СССР и нынешней России, вовсе не завершен, не завершается, а обостряется и углубляется после краха перестройки. Остается надеяться, что с ним удастся справиться. Но для этого потребуется участие многих. Не надо прятаться за поспешные идеологические или пропагандистские выводы, которыми мы довольствовались до сегодняшнего дня. Это не удастся, к тому же положение дел ухудшается, а не улучшается. Если мы сможем, то сделаем ставку на то, чтобы выйти на уровень решения задач и взяться за дело, более уравновешенно подходя к тем идеям и понятиям, которые три-четыре года назад могли казаться изжившими себя, но таковыми не являются, поскольку не исчезли причины, побуждавшие их к жизни. Это правда, что события последних лет выявили победителей и побежденных. Но, по мнению автора, остается верным и то, что в сегодняшнем мире эти победы рискуют оказаться больше иллюзорными, чем реальными. Как предупреждал еще до своего поражения Горбачев, наиболее вероятна перспектива, что все мы окажемся проигравшими. Есть смысл принять это к сведению. Постараемся, во всяком случае, не забывать, что наша судьба не останется в стороне от того, что произойдет в этой части света.

Глава I. Брежнев, Косыгин и общество на распутье

¹ Воспоминания приводятся преимущественно на основании интервью, кратких рассказов и мемуаров, восходящих к годам горбачевской перестройки. Лаконичную антологию этих материалов можно найти в работе Feron B., Tatu M. *Au Kremlin comme si vous y etiez*. — P., 1991. — P. 86–111. Появление такого числа свидетельств во времена Горбачева не случайно, оно является результатом политической борьбы в этот период (см. Лигачев Е.К. *Загадка Горбачева*. — Новосибирск, 1992. — С. 104).

² **Огонек**. — 1988. — № 41. По признанию Нильды Йотти, у Пальмиро Тольятти, приехавшего в Москву в августе 1964 года, незадолго до обширного инсульта, приведшего его к смерти в Ялте, тоже было ощущение, что что-то готовилось.

³ **Там же**. — № 41–42.

⁴ **Там же**. — № 42.

⁵ **Аргументы и факты**. — 1989. — № 2; **Труд**. — 1991. — 14 марта.

⁶ **Труд**. — 1989. — 20–21 нояб.; 1991. — 14 марта; **Аргументы и факты**. — 1988. — № 41–43; **Литературная газета**. — 1986. — 24 февр.; **Le Monde**. — 1989. — 19 fevr.

⁷ **Медведев Р.** Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. — Т. I. — М., 1991. — С. 100–102; **Boffa G.** *Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. II. — Milano, 1979. — P. 629–633.

⁸ **XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет** (далее: **XXIII съезд...**). — Т. I. — М., 1966. — С. 54, 84–85. Весь отчет представляет собой чисто официальное изложение событий того периода.

⁹ Более точный анализ хрущевского правления можно найти в кн. **Boffa G.** *Op.cit.* — Vol. II. — P. 428–461.

¹⁰ **Boffa G.** *Il fenomeno Stalin nella storia del XX secolo*. — Roma-Bari, 1982; **Boffa G., Martinet Gilles.** *Dialogo sullo stalinismo*. — Roma-Bari, 1976.

¹¹ Советский автор в изгнании насчитал десять таких попыток за шесть веков русской истории и постарался проанализировать четыре из них: **Yanov A.** *The Drama of the Soviet 1960s. A Lost Reform*. — Berkeley, 1984. — P. XIV–XV.

¹² **Boffa G.** *Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. II. — P. 585–604.

¹³ **Бурлацкий Ф.** // **Литературная газета**. — 1986. — 24 февр.; **Karpinsky Len** // **Stephen F. Cohen, Katrina vanden Heuvel.** *Voices of Glasnost. Interviews with Gorbachev's Reformers*. — N.Y., 1989. — P. 289.

¹⁴ **Бурлацкий Ф.** *Хрущев* // *Иного не дано*. — М., 1988. — С. 436.

¹⁵ **XXIII съезд...** — Т. II. — М., 1966. — С. 284.

¹⁶ О «большом терпоре» в 1937–1938 годах см. **Boffa G.** *Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. I. — P. 575–597.

¹⁷ **Медведев Р.** *Указ. соч.* — Т. I. — С. 275–281, 303–307; **Burlatsky F.** // **S.F. Cohen, K. vanden Heuvel...** — P. 182; **Бовин А.** // *Иного не дано*. — С. 536.

- ¹⁸ Nixon R. Le memorie. — Vol. II. — Milano, 1981–1982. — P. 114, 439.
- ¹⁹ Медведев Р. Указ. соч. — Т. I. — С. 275; Медведев Р.// СССР: внутренние противоречия. — № 7. — N.Y., 1983; Robert V. Daniels. In Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. — Boulder (Colorado), 1988. — P. 93. Сам Брежнев гордился этим и рассказывал своим иностранным гостям о работе коллегиальных органов (см. Brandt W. La politica di un socialista. — Milano, 1979. — P. 504).
- ²⁰ Слово было придумано одним из самых верных сторонников Брежнева — Сергеем Трапезниковым (см. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. — М., 1993. — С. 9). Эта концепция периодически всплывала на XXIII съезде партии (см. XXIII съезд...). Тот же Брежнев хвастался этим десять лет спустя (см. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет (далее: XXV съезд...). — Т. I. — М., 1976. — С. 96).
- ²¹ Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. II. — P. 632–663.
- ²² XXIII съезд... — Т. I. — С. 98–99.
- ²³ Это явление довольно быстро было замечено известными советологами (см. Bialer S. Stalin's Successors. Leadership, Stability and Change in the Soviet Union. — Cambr., 1980. — P. 92–93; Daniels R. Op. cit. — P. 92; Helen Carrere d'Encausse. Il potere in URSS. — Roma, 1981. — P. 68–69).
- ²⁴ XXIII съезд... — Т. I. — С. 54–55, 60–61.
- ²⁵ Там же. — С. 60.
- ²⁶ Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. — М., 1974. — С. 291.
- ²⁷ Там же. — С. 259–260; Огонек. — 1989. — № 41; Литературная газета. — 1988. — 14 сент.; Shmelyov N.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 143; Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica — Vol. II. — P. 603.
- ²⁸ Косыгин А.Н. Указ. соч. — С. 259–298.
- ²⁹ Более подробно об этой реформе см. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. II. — P. 568–570.
- ³⁰ Более подробные сведения и анализ существа реформы 1965 года можно найти в кн. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 5. — М., 1968. — С. 658–685; История социалистической экономики СССР. — М., 1980; Nove Alec. The USSR: the Reform that Never Was, in Reforms in the Soviet and East European Economics/A cura di L. Dellin, H. Gross. — Lexington (Massachusetts), 1972.
- ³¹ Косыгин А.Н. Указ. соч. — С. 291.
- ³² XXIII съезд... — Т. I. — С. 54–55.
- ³³ Литературная газета. — 1988. — 14 сент.; Советская Россия. — 1989. — 19 февр.; Известия. — 1988. — 18 нояб.; Медведев Р. Личность и эпоха. — С. 108.
- ³⁴ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет (далее: XXIV съезд...). — Т. I. — М., 1971. — С. 92–96.
- ³⁵ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 39–40.
- ³⁶ Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. — М., 1965.
- ³⁷ Косыгин А.Н. Указ. соч. — С. 296–297; XXIII съезд... — Т. I. — С. 55–56.
- ³⁸ Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. — М., 1971. Статистические данные советской эпохи подвергались большому

сомнению как за рубежом, так и в самой России. Однако основные тенденции просматриваются довольно четко и потому они всегда могут быть использованы. См. также XXIII съезд... — Т. II. — С. 27; Fritjof Meyer. Il tramonto dell'Unione Sovietica, trad. it. — Milano, 1984. — P. 18.

³⁹ Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. II. — P. 602–603.

⁴⁰ Klimov E.// S.F. Cohen, K. vandel Heuvel... — P. 233.

⁴¹ Solzenicyn A. La quercia e il vitello. — Milano, 1975. — P. 193–195; Medvedev Z. 10 anni dopo Ivan Denisovic. — Milano, 1974. — P. 79–83.

⁴² «Хроника» родилась в 1968 году и оставалась довольно активной до 1972 года. В 1973 году наблюдался кризис, но издание возобновилось в следующем году и продолжалось до конца декабря. См. Samizdat. Voice of the Soviet Opposition/A cura di George Saunders. — N.Y., 1974. — P. 13; Память. Исторический сборник. — № 3. — P., 1980. — P. 558–559.

⁴³ Solzenicyn A. Op. cit. — P. 169–174; Medvedev Z. Op. cit. — P. 64–66, 77–79.

⁴⁴ An End to Silence. Uncensored Opinion in the Soviet Union/A cura di Stephen F. Cohen. — N.Y., 1982. — P. 162, 164.

⁴⁵ О первых проявлениях этого кризиса см. Boffa G. Dopo Krusciov. — Parte II. — Torino, 1965.

⁴⁶ Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 168–172. Текст письма опубликован в кн. An End to Silence... — P. 177–179.

⁴⁷ Samizdat... — P. 248–250; An End to Silence. — P. 158–161.

⁴⁸ Медведев Р. Личность и эпоха. — С. 174–178; см. также The Soviet Union since Stalin/A cura di Stephen F. Cohen, Alexander Rabinowitch, Robert Sharlet, Bloomington (Indiana), 1980. — P. 44–48.

⁴⁹ Лично Брежнев ценил Сталина (см. свидетельства Вилли Брандта: Brandt W. Memorie. — Milano, 1991. — P. 210).

⁵⁰ Boffa G. Il fenomeno Stalin nella storia del XX secolo. — P. 24–36.

⁵¹ Термин, ранее широко использовавшийся для определения самых радикальных носителей демократической мысли XIX века, в следующем десятилетии после реформы 1861 года применялся особенно широко в 80-х годах при обсуждении этого идеолого-политического течения и его выразителей.

⁵² Samizdat... — P. 258.

⁵³ Medvedev R. La democrazia socialista. — Firenze, 1977. — P. 222.

⁵⁴ Yanov A. Op. cit. — P. 90; Medvedev Z. Op. cit. — P. 50.

⁵⁵ Показательно сопоставление первого русского издания работы и его полного переиздания во времена Горбачева. См. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М., 1969 и десятое издание (М., 1990) в трех томах, дополненное в соответствии с рукописным оригиналом.

⁵⁶ Karpinsky L.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 289–290; Yevtushenko Y.//Ibid. — P. 264.

⁵⁷ Политический дневник. — Т. II. — Амстердам, 1975. — P. 704–705; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 221; Medvedev R. La democrazia socialista. — P. 254; Medvedev Z. Op. cit. — P. 28–29.

⁵⁸ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 12.

⁵⁹ Такое поведение было следствием решения, принятого наверху и державшегося в секрете (см. Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 109; Бурлацкий Ф.// Иного не дано. — С. 483).

Глава II. Биполярный мир

¹ Шахназаров Г. Реформы Горбачева глазами его помощника (неизданная рукопись). — Гл. VII. — С. 1.

² Brandt W. *Memorie*. — P. 190.

³ XXIII съезд... — Т. I. — С. 44–45.

⁴ См. соответствующую главу: Boffa G. *Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. II. — P. 605–626.

⁵ XXIII съезд... — Т. I. — С. 39–40, 410; Медведев Р. Личность и эпоха. — С. 187–188.

⁶ XXIII съезд... — Т. I. — С. 54.

⁷ Boffa G. *Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. II. — P. 554, 586–587.

⁸ Fieldhouse R., Shunji Taoka. *Superpowers at Sea: An Assessment of the naval Arms Race*. — SIPRI: Oxford, 1989. — P. 22–24; Europe and Naval Arms Control in the Gorbachev Era/A cura di Andreas Furst, Volker Heise, Steven Miller. — Oxford, 1992. — P. 215–216; Edward N. Luttwak. *La grande strategia dell'Unione Sovietica*. — Milano, 1984. — P. 254–271.

⁹ См. Малиновский Р. // XXIII съезд... — Т. I. — С. 411–413.

¹⁰ Brandt W. *Memorie*. — P. 192; Nixon R. *Le memorie*. — Vol. II. — P. 240.

¹¹ Генри Киссинджер относит ее к 1969 году (см. *Gli anni della Casa Bianca*. — Milano, 1980. — P. 113), маршал Ахромеев — к 1976 году (см. Ахромеев С.Ф., Корниенко Д.М. Глазами маршала и дипломата. — М., 1992. — С. 22).

¹² Brandt W. *La politica di un socialista*. — P. 254, 283.

¹³ *Ibid.* — P. 248.

¹⁴ См. Jean Kanapa in *Kremlin-PCF. Conversations secretes*. — 1984. — P. 189.

¹⁵ Brandt W. *Memorie*. — P. 207.

¹⁶ Kissinger H. *Anni di crisi*. — Milano, 1982. — P. 242–243.

¹⁷ Brandt W. *Memorie*. — P. 201, 207; Kissinger H. *Gli anni della Casa Bianca*. — P. 324–330, 424–429.

¹⁸ Kissinger H. *Anni di crisi*. — P. 48–49.

¹⁹ Kissinger H. *Gli anni della Casa Bianca*. — P. 611.

²⁰ Тексты главных советско-американских соглашений содержатся в кн. *Control and Disarmament Agreements*. — Wash., 1975.

²¹ Автор тоже слышал такое мнение среди ответственных работников в Москве. Его не скрывали даже от американских собеседников: Nixon R. *Le memorie*. — Vol. II. — P. 437–438; Kissinger H. *Anni di crisi*. — P. 231.

²² Громыко А.А. Памятное. — Т. II. — М., 1988. — С. 201–208.

²³ Kissinger H. *Gli anni della Casa Bianca*. — P. 456.

²⁴ XXIV съезд... — Т. II. — С. 34. Эпизод с этой сентенцией Мао неоднократно пересказывался иностранным гостям главой Китая. Два довольно схожих свидетельства: *The Record of the Talks between the Japanese Communist Party and the Communist Party of China*/A cura di Masary Kojima. — Tokio, 1980. — P. 214; Kissinger H. *Anni di crisi*. — P. 545–546.

²⁵ Kissinger H. *Gli anni della Casa Bianca*. — P. 189. Киссинджер сказал: «Мы оказались на острие ножа: надо было стараться не отклоняться

ни в одну, ни в другую стороны, в противном случае мы могли бы пока-
титься в пропасть» (Ibid. — P. 611); Kissinger H. *Anni di crisi.* — P. 55, 68,
196, 227.

²⁶ Kissinger H. *Gli anni della Casa Bianca.* — P. 159–160.

²⁷ Brandt W. *La politica di un socialista.* — P. 623.

²⁸ Договор об индийско-советской дружбе был подписан 9 августа 1971 г.

²⁹ Отчет победителя в кн. Moshe Dayan. *Storia della mia vita.* — Milano,
1977. — P. 322–366.

³⁰ Медведев Р. *Личность и эпоха...* — С. 188–190; Jaruzelski W. *Un
così lungo cammino.* — Milano, 1992. — P. 128–129.

³¹ Anwar el Sadat. *In cerca di un'identità. Autobiografia.* — Milano, 1978. —
P. 289.

³² Ibid. — P. 219–237, 322–331; Громыко А.А. Указ. соч. — Т. II. —
P. 187–195.

³³ Sadat A. *Op. cit.* — P. 300.

³⁴ Об этом говорил Хрущев в 1955 году. См. Nenni P. *Tempo di guerra
fredda. Diari 1943–1956.* — Milano, 1981. — P. 708.

³⁵ Nenni P. *I conti della storia. Diari 1967–1971.* — Milano, 1983. —
P. 326–327, 283, 306.

³⁶ Valéry Giscard d'Estaing. *Il potere e la vita.* — Milano, 1993. —
P. 243–244.

³⁷ Kissinger H. *Cli anni della Casa Bianca.* — P. 121. Автор имел возмож-
ность неоднократно слышать аналогичные суждения, высказываемые совет-
ской стороной в частном порядке, особенно во время визита Брежнева в
США в 1973 году.

³⁸ XXIII съезд... — Т. I — С. 44; XXIV съезд... — Т. I. — С. 345.

³⁹ Его рассказ содержится также в кн. Громыко А.А. Указ. соч. — Т. I. —
С. 345.

⁴⁰ Kissinger H. *Anni di crisi.* — P. 64–65.

⁴¹ Nixon R. *Le memorie.* — Vol. II. — P. 435–436, 632–633.

⁴² Kissinger H. *Anni di crisi.* — P. 185–186.

⁴³ Сахаров А.Д. *Тревога и надежда.* — М., 1990. — С. 88, 116–117,
123–128.

⁴⁴ *An End to Silence...* — P. 155; *Политический дневник.* — Т. I. —
С. 680–683.

⁴⁵ Бакатин В. *Избавление от КГБ.* — М., 1992. — С. 34–35.

⁴⁶ Довольно точные оценки были даны в 70-х годах в Отчетах в Совмест-
ном комитете по экономике конгресса США. Напомним: *Soviet Economic
Prospects for the Seventies.* — Wash., 1973; *Soviet Economy in a New per-
spective.* — Wash., 1976; *Soviet Economic Problems and Prospects.* — Wash.,
1977.

⁴⁷ *Kremlin-PCF...* — P. 182. Достойные внимания оценки сделаны Дэви-
дом Холловеем: David Holloway. *The Union and the Arms Race.* — New
Haven, 1983. — P. 113–130.

⁴⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. *Стено-
графический отчет.* — Т. I. — М., 1962. — С. 224–225; там же. — Т. III. —
С. 276. См. Бурлацкий Ф. // *Иного не дано.* — С. 437.

⁴⁹ XXIII съезд... — Т. I. — С. 52.

⁵⁰ Медведев Р. Личность и эпоха... — Т. I. — С. 65–66; Сахаров А. Д. Указ. соч. — С. 37–38.

Глава III. Закат коммунистического движения

¹ Примеры тому можно найти в кн. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 128–139, 224–229, 365–370, 497–508, 635–638; Vol. II. — P. 173–180, 336–356, 396–419, 523–544, 613–618.

² Ibid. — Vol. II. — P. 632.

³ Знаменитая ялтинская «памятная записка». Текст ее содержится в кн. Palmiro Togliatti. Opere. — Vol. VI. — Roma, 1984. — P. 823–833. Важные сведения об обстоятельствах, в которых родился этот документ, содержатся в кн. Natta A. Le ore di Yalta. — Roma, 1970.

⁴ Помимо материалов, указанных выше, см. Boffa G. La concezione dei rapporti internazionali in Togliatti// Il pensiero e l'opera di Palmiro Togliatti. — Roma, 1984. — P. 41–53; Donald L.M. Blackmer. Unity in Diversity. Italian Communism and the Communist World. — Cambr. (Massachusetts), 1968; Urban J.B. Moscow and the Italian Communist Party. From Togliatti to Berlinguer. — Ithaca. — N.Y., 1986. — P. 251–257.

⁵ XXIII съезд... — Т. I. — С. 28–33.

⁶ К личному свидетельству можем добавить: Kremlin-PCF... — P. 61–63.

⁷ Косыгин А. Н. Указ. соч. — С. 298.

⁸ Kremlin-PCF... — P. 62–64; Медведев Р. Личность и эпоха. — С. 194.

⁹ Отсылаем, в частности, к богатой серии исследований Проект научной работы. Опыт Пражской весны 1968 г., осуществленных под руководством З. Млынара, опубликованных в первой половине 80-х годов.

¹⁰ I fogli inediti dell'incontro Dubcek-Longo, in Documenti. Primavera indimenticata//L'Unita. — Roma—Milano, 1988. — P. 25–44.

¹¹ Kremlin-PCF... — P. 67; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 199–200.

¹² Политический дневник. — Т. I. — P. 311–336, 393–434; Медведев Р. Личность и эпоха. — С. 196–197.

¹³ Jaruzelski W. Op. cit. — P. 133–139; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 190–191.

¹⁴ Jaruzelski W. Op. cit. — P. 140–141.

¹⁵ Solzenicyn A. Op. cit. — P. 268.

¹⁶ Черняев А. С. Указ. соч. — С. 7.

¹⁷ I fogli inediti... — P. 33–35. Другая информация, полученная в это время автором в частном порядке у чехословацких руководителей, принимавших участие в дискуссиях с советскими представителями, подтверждает представленное здесь мнение.

¹⁸ Он сделал это в связи с визитом Яноша Кадара в Москву. См. Rinas-cita. — 12 luglio. — 1968. — P. 4.

¹⁹ См. Pelikan J. S'ils me tuent. — P., 1975. — P. 215; Гегфтер М. Я. Из тех и этих лет. — М., 1991. — С. 290. Здесь обсуждается гипотеза, что решение о вторжении было принято большинством с перевесом в один голос.

²⁰ См. воспоминания Мазуров К.// Известия. — 1989. — 19 авг.

- ²¹ Pelikan J. Op. cit. — P. 227.
- ²² Ibid. — P. 221–222.
- ²³ «Нормализация» — лозунг, под которым советские руководители пытались обобщить цели их операции. После некоторого недопонимания выяснилось, что под этим подразумевались капитуляция чехословацких сторонников «нового курса» и восстановление старых порядков.
- ²⁴ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 24.
- ²⁵ Политический дневник. — Т. I. — С. 542–543; Kissinger H. Gli anni della Casa Bianca. — P. 151–159.
- ²⁶ Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 123–127.
- ²⁷ An End to Silence... — P. 235–239; Политический дневник. — Т. I. — С. 630–638.
- ²⁸ Фильм «Зеркало». Режиссер — один из тех деятелей искусства, кто глубоко обдумывал русскую историю.
- ²⁹ Shevardnadze E. Il futuro e nella liberta. — Milano, 1992. — P. 93. См. также XXIV съезд... — Т. I. — С. 8.
- ³⁰ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 24; XXV съезд... — Т. I. — С. 164–169, 222.
- ³¹ XXIV съезд... — Т. I. — С. 43–44.
- ³² Там же. — С. 44. Любопытное свидетельство: Galluzzi C. La svolta. Gli anni cruciali del Partito comunista italiano. — Milano, 1983. — P. 221–234.
- ³³ Все основные документы в кн. Conferenza internazionale dei partiti comunisti e poerai. Mosca 5–17 giugno 1969. Testi e documenti. — Roma, 1969. — P. 187–228 (выступление Брежнева).
- ³⁴ Kremlin-PCF... — P. 169–216.
- ³⁵ Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. II. — P. 537–538.
- ³⁶ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 53.
- ³⁷ Kremlin-PCF... — P. 72.
- ³⁸ Правда. — 1968. — 11 сент.; XXIV съезд... — Т. II. — С. 35–36; Conferenza internazionale... — P. 213–214.
- ³⁹ Brandt W. Memorie. — P. 235; Политический дневник. — Т. I. — С. 405; Nenni P. Diari 1967–1971. — P. 220–232, 332–333.
- ⁴⁰ См. Brus W. Bucharin e i problemi attuali del socialismo// Bucharin tra rivoluzione e riforme, Atti dell'Istituto Gramsci. — P. 187–198.
- ⁴¹ Conferenza internazionale... — P. 196–198, 207–208 e passim; XXIV съезд... — Т. I. — С. 44–45.
- ⁴² Brandt W. La politica di un socialista. — P. 621; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 19–21.
- ⁴³ Jaruzelski W. Op. cit. — P. 147–151.
- ⁴⁴ Brus W. Op. cit. — P. 197–198.
- ⁴⁵ Jaruzelski W. Op. cit. — P. 135.
- ⁴⁶ Medvedev Z. Op. cit. — P. 122; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 196–197.
- ⁴⁷ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 11, 36, 140; Sakharov Speaks. — N.Y., 1974. — P. 203.
- ⁴⁸ Medvedev Z. Op. cit. — С. 109, 138–139; Гегфреп М. Указ. соч. — С. 35; L. Karpinsky// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 291; Solzenicyn A. Op. cit. — P. 268.

- ⁴⁹ Smith H. I russi. — Milano, 1977. — P. 430. К этому свидетельству можем добавить наблюдения автора.
- ⁵⁰ Yanov A. The Russian New Right. Right-wing Ideologies in the Contemporary USSR. — Berkeley, 1978. — P. 1-3.
- ⁵¹ Smith H. Op. cit. — P. 461-462.
- ⁵² Характерный пример этой тенденции: Бурлацкий Ф. Мао Цзэ Дун. — М., 1976.
- ⁵³ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 29-30, 53-54; Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. — Р., 1974. — P. 11-14; Medvedev Z. Op. cit. — P. 389. Nenni P. (Diari 1967-1971. — P. 297) в то время писал: «Чем станет в этих условиях социализм, чем станет интернационализм?».
- ⁵⁴ Boffa G. Componente nazionale e componente socialista nella rivoluzione russa e nella esperienza sovietica// Momenti e problemi della storia dell'URSS. — Roma, 1978. — P. 15-32.

Глава IV. Общество меняется, не сознавая того

- ¹ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 14-15.
- ² An End to Silence... — P. 306.
- ³ СССР: внутренние противоречия. — № 7. — С. 123.
- ⁴ XXIV съезд... — Т. I. — С. 63-69, 76-77.
- ⁵ Holloway D. Op. cit. — P. 115-123, 128-130.
- ⁶ XXV съезд... — Т. I. — С. 78-79; Smith H. Op. cit. — P. 86.
- ⁷ Селюнин В. Реванш бюрократии//Иного не дано. — С. 197; XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. — Т. I. — С. 26; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 12.
- ⁸ Le Monde. — 1993. — 16 nov.
- ⁹ Kissinger H. Gli anni della Casa Bianca. — P. 987-991; Medvedev R. The Soviet Union since Stalin. — P. 136.
- ¹⁰ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 89; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 12; XXVI съезд... — Т. I. — С. 26.
- ¹¹ XXIV съезд... — Т. I. — С. 63.
- ¹² Yanov A. La distensione dopo Breznev. — Firenze, 1981. — P. 276.
- ¹³ Gorbachev M. Avant-memoires. — Р., 1993. — P. 189.
- ¹⁴ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 17; Medvedev R. The Soviet Union since Stalin. — P. 82.
- ¹⁵ СССР: внутренние противоречия. — № 4. — С. 18; XXIV съезд... — Т. I. — С. 93.
- ¹⁶ XXV съезд... — Т. I. — С. 94-95; XXVI съезд... — С. 68; Абалкин Л. Развитой социализм и формирование нового экономического мышления// Коммунист. — 1984. — № 18. — С. 61-67.
- ¹⁷ Смирнов Г. // S.F. Cohen, K. vanden Heuvel. — P. 79-80; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 145-218.
- ¹⁸ Лемешев М. Экономические интересы и социальное природопользование//Иного не дано. — С. 254-255.
- ¹⁹ XXV съезд... — Т. I. — С. 77, 88.

²⁰ Яблоков А. Экономическое невежество и экономический авантюризм. Завалы на пути перестройки//Иного не дано. — С. 238–253; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 148–149; Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 100.

²¹ XXV съезд... — Т. I. — С. 69, 84; Бирман И. Противоречивые противоречия. Заметки о советской экономической теории и практике// СССР: внутренние противоречия. — № 1. — С. 17; Meyer F. Op. cit. — P. 7.

²² Черняев А.С. Указ. соч. — С. 121–122; XXV съезд... — Т. I. — С. 61; СССР: внутренние противоречия. — № 7. — С. 123, 125, 148.

²³ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 92.

²⁴ Андреев С. Наше прошлое, настоящее, будущее: структура власти и задачи общества//Постижение. — М., 1986. — С. 481–484; Bialer S. Op. cit. — P. 288–289; Medvedev R. The Soviet Union since Stalin. — P. 126.

²⁵ Smith H. Op. cit. — P. 81; Medvedev R. The Soviet Union since Stalin. — P. 184; Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 102; Касенелибойген А. Стыдливая инфляция в СССР// СССР: внутренние противоречия. — № 9. — С. 86–113, особенно С. 98–99.

²⁶ Литературная газета. — 1988. — 14 сент.; Karol K.S. Solik. Peripezie di un giovane polacco nella Russia in guerra. — Milano, 1985. — P. 226–233; Медведев Р. Личность и эпоха. — С. 145.

²⁷ Касенелибойген А. Цветные рынки и советская экономика// СССР: внутренние противоречия. — № 2. — С. 54–132.

²⁸ Собчак А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. — М., 1991. — С. 215; Заславская Т.// Иного не дано. — С. 22; Smith H. Op. cit. — P. 277. См. также Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 571–572.

²⁹ The Medvedev Papers. — P. 292–298; Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 100.

³⁰ Заславская Т.// Иного не дано. — С. 25–26.

³¹ Заславская Т. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость//Коммунист. — 1986. — № 13.

³² Симис К. Вторая экономика и коррупция в районном звене// СССР: внутренние противоречия. — № 2. — С. 133–159.

³³ Это явление стало общественным достоянием: Smith H. Op. cit. — P. 312–318.

³⁴ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 12; An End to Silence... — P. 303; Гефтер М. Указ. соч. — С. 70.

³⁵ Там же. — С. 348.

³⁶ Заславская Т. // Иного не дано. — С. 33; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 56; Собчак А. Указ. соч. — С. 110.

³⁷ XXIV съезд... — Т. I. — С. 109.

³⁸ Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный статистический ежегодник. — М., 1972. — С. 13–18.

³⁹ XXV съезд... — Т. I. — С. 112; XXVI съезд... — Т. I. — С. 78.

⁴⁰ Гефтер М. Указ. соч. — С. 346; Yakovlev A.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 40–41; Smirnov G.//Ibid. — P. 85; Smith H. Op. cit. — P. 108–109.

⁴¹ СССР: внутренние противоречия. — № 9. — С. 162–177; *The Medvedev Papers*. — P. 215–216, 235–239, 327–329; *Medvedev R. La democrazia socialista*. — P. 260–265.

⁴² *Gorbachev M. Avant-memoires*. — P. 191.

⁴³ *Medvedev R. The Soviet Union since Stalin*. — P. 179–199; *Yanov A. The Russian New Right*. — P. 148.

⁴⁴ *Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка// Постигение*. — С. 255–256.

⁴⁵ *Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. I. — P. 297–301, 608–617.

⁴⁶ *Vozlensky M. Nomenklatura. La classe dominante in Unione Sovietica*. — Milano, 1980.

⁴⁷ *Суслов М. Избранное: речи и статьи*. — М., 1972. — С. 653.

⁴⁸ *Заславская Т.// Иного не дано*. — С. 9–50.

⁴⁹ *Ibid.* — P. 15; *Урок дает история*. — М., 1989. — С. 377, 282; *Медведев Р. Личность и эпоха...* — С. 140–143; *Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речь и статьи*. — Т. II. — М., 1973. — С. 92–93; *Boffa G. Il fenomeno Stalin nella storia del XX secolo*. — P. 31–36.

⁵⁰ *The Medvedev Papers*. — P. 253–353; *Medvedev R. La democrazia socialista*. — P. 245–246; *Черняев А.С. Указ. соч.* — С. 183. Книги автора до 1990 года имели ту же судьбу: копия такого «секретного» издания сохранилась в его библиотеке.

⁵¹ *Сахаров А.Д. Указ. соч.* — С. 123.

⁵² *Jaruzelski W. Op. cit.* — P. 52; *Kissinger H. Gli anni della Casa Bianca*. — P. 422, 960.

⁵³ *XXIII съезд...* — Т. I. — С. 79; *XXIV съезд...* — Т. I. — С. 80–82; *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч.* — С. 13; *Rubbi A. Incontri con Gorbaciov*. — Roma, 1990. — P. 86–87.

⁵⁴ *The Medvedev Papers*. — P. 151–158.

⁵⁵ Помимо многочисленных наблюдений автора точные данные можно найти в кн. *Smith H. Op. cit.* — P. 482–483.

⁵⁶ *Gorbachev M. Op. cit.* — P. 108.

⁵⁷ *Шанин Г. Почему пробуксовывает советская наука?// Постигение*. — С. 141–142; *Afanasiev V.G. The Scientific and Technological Revolution: Its Impact on Management and Education*. — Moscow, 1975. — P. 295–297; *Daniels R.V. Op. cit.* — P. 108; *Medvedev R. La democrazia socialista*. — P. 214–215.

⁵⁸ *Шанин Г.// Постигение*. — С. 164; *Yanov A. La distensione dopo Breznev*. — P. 246–247.

⁵⁹ *Гинзбург В. Против бюрократизма, перестраховки и некомпетентности// Иного не дано*. — С. 135–152; *Yanov A. La distensione dopo Breznev*. — P. 268–271; *Velichov Y.// S.F. Cohen. K. vanden Heuvel...* — P. 163–164.

⁶⁰ *Лигачев Е.К. Указ. соч.* — С. 14.

⁶¹ *XXIV съезд...* — Т. I. — С. 63–64.

⁶² *Там же*. — Т. I. — С. 18; *Бирман И.// СССР: внутренние противоречия*. — № 1. — С. 47–50; *Шанин Г.// Постигение*. — С. 159; *Лигачев Е.К. Указ. соч.* — С. 39–40.

Глава V. Власть и диссидентство

- ¹ **Медведев Р.** Личность и эпоха... — С. 109–110, 121, 124; **Шахназаров Г.** Указ. соч. — С. 251–252; **Karpinsky L.**// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 290–291.
- ² **Литературная газета.** — 1988. — 14 сент.
- ³ **Огонек.** — 1989. — № 6; **Медведев Р.** Личность и эпоха... — С. 130–133.
- ⁴ **Там же.** — С. 127; **Voslensky M.** Op. cit. — P. 318–322.
- ⁵ См. предыдущую главу.
- ⁶ **Медведев Р.** Личность и эпоха... — С. 145–148.
- ⁷ **Boffa G.** Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. II. — P. 518–522.
- ⁸ **Brandt W.** Memorie. — P. 210; **Brandt W.** La politica di un socialista. — P. 502–503; **Nixon R.** Op. cit. — Vol. II. — P. 435; **Kissinger H.** Gli anni della Casa Bianca. — P. 127, 662–665.
- ⁹ См., в частности, **Fagiolo S.** I gruppi di pressione in URSS. — Roma-Bari, 1977.
- ¹⁰ **Boffa G.** Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 481–485, 582–584.
- ¹¹ **XXIV съезд...** — Т. I. — С. 203, 352 и далее.
- ¹² См. **H. Carrere d'Encausse.** Op. cit. — P. 109–121.
- ¹³ **Лигачев Е.К.** Указ. соч. — С. 175–177.
- ¹⁴ Об этом периоде правления Брежнева рассказывали автору сотрудники генерального секретаря партии.
- ¹⁵ **Hough J.F.** The Soviet Prefects. The Local Party Organs in Industrial Decision Making. — Cambr. (Massachusetts), 1969; **Moses J.C.** Regional Party Leadership and Policy-Making in the USSR. — N.Y., 1974; **Hodnett G.** The Obkhom First Secretaries//Slavic Review. — 1965. — № 4; **Blackwell R.E.** Career Development in the Soviet Obkhom Elite. A Conservative Trend//Soviet Studies. — 1972.— luglio.
- ¹⁶ **Shevardnadze E.** Op. cit. — P. 55–60; **Eltsin B.** Confessioni sul tema. — Milano, 1990. — P. 66, 69.
- ¹⁷ **Лигачев Е.К.** Указ. соч. — С. 30.
- ¹⁸ **Медведев Р.** Советский Союз перед началом новой эпохи// СССР: внутренние противоречия. — № 7. — С. 132; **Васильев Д.** Коалиция надежды// СССР: внутренние противоречия. — № 8. — С. 153.
- ¹⁹ **H. Carrere d'Encausse.** Op. cit. — P. 160–161, 164–167.
- ²⁰ **Shevardnadze E.** Op. cit. — P. 56, 64–65.
- ²¹ О столкновении различных концепций и о противоречиях, обнаружившихся по этому поводу между Лениным и Сталиным, см. **Boffa G.** Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 205–214.
- ²² **Гегфреп М.** Указ. соч. — С. 33; **Zubov A.** Distinctive Features in the Multinational Nature of the USSR and the Problem of Political Representation of Nationalities// Annali Feltrinelli, anno XXVIII. — Milano, 1992. — P. 53–54; **Lieven D.** Empires, Russian and other// Ibid. — P. 97.
- ²³ **Shevardnadze E.** Op. cit. — P. 39.
- ²⁴ **XXIV съезд...** — Т. I. — С. 101; **XXVI съезд...** — Т. I. — С. 75; **Брежнев Л.И.** О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1973. — С. 55; **Материалы XXVI съезда КПСС.** — М., 1981. — С. 54.

- ²⁵ Yakovlev A. Op. cit. — С. 23.
- ²⁶ Пример тому — XXIV съезд... (Т. I. — С. 113–114).
- ²⁷ Алексеева Л. Инакомыслие в СССР. Опыт статистического анализа// СССР: внутренние противоречия. — № 8. — С. 5–61.
- ²⁸ См. по этому поводу воспоминания самого Медведева в «Московских новостях» от 12 февраля 1989 г.
- ²⁹ Полный текст в кн. Sakharov Speaks. — P. 116–134 и в кн. An End to Silence. — P. 311–327.
- ³⁰ Medvedev R. La democrazia socialista. — P. 375–376.
- ³¹ Sakharov Speaks. — P. 36; An End to Silence. — P. 8–10; Гефтер М. Указ. соч. — С. 93.
- ³² Samizdat... — P. 336–339.
- ³³ Sakharov Speaks. — P. 133.
- ³⁴ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 14–20.
- ³⁵ Ibid. — С. 48–58; Sakharov Speaks. — P. 135–150.
- ³⁶ См. текст обращения Samizdat... — P. 413–414. Sakharov Speaks. — P. 136–137.
- ³⁷ Краткая история движения: Чалидзе В. Правозащитное движение: проблемы и перспективы// СССР: внутренние противоречия. — № 9.
- ³⁸ Medvedev R. La democrazia socialista. — P. 84–88, 206–207.
- ³⁹ Sakharov Speaks. — P. 205, 208–209, 212–215.
- ⁴⁰ Политический дневник. — Т. I. — С. 574–578.
- ⁴¹ Yanov A. The Russian New Right. — P. 17; Samizdat... — P. 39; Ба-
катын В. Op. cit. — P. 35.
- ⁴² СССР: внутренние противоречия. — № 8. — С. 52–53.
- ⁴³ См. Boffa G. Componente nazionale e componente socialista nella rivo-
luzione russa e nell'esperienza sovietica.
- ⁴⁴ XXII съезд... — Т. I. — С. 166–167; Т. III. — С. 276; Yanov A. La
distensione dopo Breznev. — P. 327.
- ⁴⁵ Solzenicyn A. La guercia e il vitello. — P. 153–154, 298–299, 330–332
и далее.
- ⁴⁶ Автор тоже склоняется к этой точке зрения: Boffa G. Dopo Krusciov. —
P. 134. См. также Medvedev R. La democrazia socialista. — P. 89–90.
- ⁴⁷ Solzenicyn A. La guercia e il vitello. — P. 425–434; Солженицын А.
Из-под глыб. Сборник статей. — П., 1974. — С. 8, 12–13.
- ⁴⁸ Солженицын А. Письмо к вождям Советского Союза. — С. 11, 19;
Солженицын А. Из-под глыб. — С. 125.
- ⁴⁹ Ibid. — P. 23; цитата в кн. Yanov A. The Russian New Right. — P. 134.
- ⁵⁰ Солженицын А. Письмо к вождям. — С. 17–23; Солженицын А. Из-
под глыб. — С. 18–19, 22–24, 118–125, 245.
- ⁵¹ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 63–72.
- ⁵² Yanov A. The Russian New Right. — P. 21–38, 62–84, 163–181.
В совокупности своей эта книга, по мнению автора, до сего момента оста-
ется лучшей с точки зрения анализа данного мнения.
- ⁵³ Ключевский В.О. Курс русской истории. — Т. III. — М., 1988. —
С. 226–257. См. также Милуков П.Н. Очерки по истории русской культу-
ры. — СПб., 1896–1901.
- ⁵⁴ Солженицын А. Письмо к вождям. — С. 17.

- ⁵⁵ Yanov A. The Russian New Right. — P. 73.
- ⁵⁶ An End to Silence... — P. 171.
- ⁵⁷ Yanov A. The Russian New Right. — P. 39–61 и использованная им библиография. Типичным проявлением антисемитизма, наделавшим в свое время много шума, стал роман Шевцов И. Во имя отца и сына. — М., 1970; см. также Политический дневник. — Т. I. — С. 99–102, 665–670.
- ⁵⁸ Коммунист. — 1970. — № 17; Политический дневник. — Т. II. — С. 708; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 230–232; Yanov A. The Russian New Right. — P. 48, 55–56.
- ⁵⁹ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 72; Smith H. Op. cit. — P. 582; Смирнов Г. // S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 86.
- ⁶⁰ Литературная газета. — 1972. — 15 нояб.; Yakovlev A. Op. cit. — P. 7–8; Yakovlev A. // S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 62–63; Лига-чев Е.К. Указ. соч. — С. 91.
- ⁶¹ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 43; Yanov A. The Russian New Right. — P. 76–77. См. текст Солженицына в его «Письме к вождям».
- ⁶² Yanov A. The Russian New Right. — P. 11.
- ⁶³ Medvedev R. The Soviet Union since Stalin. — P. 260.
- ⁶⁴ Малютин М. Неформалы в перестройке: опыт и перспективы// Иного не дано. — С. 217.
- ⁶⁵ Solzenicyn A. La quercia e il vitello. — P. 469–470. См. также Солженицын А. Из-под глыб. — С. 29–72.
- ⁶⁶ Лацис О. Сталин против Ленина//Осмыслить культ Сталина. — М., 1989. — С. 217.
- ⁶⁷ Yakov A. The Russian New Right. — P. 9, 12.
- ⁶⁸ Ibid. — P. 149.
- ⁶⁹ См. Medvedev R. La democrazia socialista. — P. 379. Остальное по: Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 102.
- ⁷⁰ Новый мир. — 1969. — № 4; Огонек. — 1969. — 26 июля; Буртин Ю. Возможность возродить. Из личного опыта // Иного не дано. — С. 479–485.
- ⁷¹ An End to Silence. — P. 201–205; Medvedev Z. Op. cit. — P. 133–141, 143–147; Yanov A. The Russian New Right. — P. 49–51.
- ⁷² Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 236–238, 258–259.
- ⁷³ Solzenicyn A. La quercia e il vitello. — P. 449.
- ⁷⁴ Рассказ о депортации см. Ibid. — P. 475–528. Некоторые архивные документы в La Stampa. — 1993. — 3 sett.
- ⁷⁵ Относительно этих прецедентов см. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 118, 190; Vol. II. — P. 131–132.
- ⁷⁶ Свидетельства: Гранин Д.// Иного не дано. — С. 344; Климов Э.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 235–237; Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 105.
- ⁷⁷ Другое искусство. — М., 1956–1976; М., 1991. — Т. I. — С. 210–223; Smith H. Op. cit. — P. 524–527.
- ⁷⁸ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 103; СССР: внутренние противоречия. — № 9. — С. 31; Поиски. — № 1. — С. 367.
- ⁷⁹ Ключевский В.О. Указ. соч. — Т. IV. — С. 288; Bakatin V. Op. cit. — P. 41–42, 46.
- ⁸⁰ Medvedev R. La democrazia socialista. — P. 189–198.

- ⁸¹ Гефтер М. Указ. соч. — С. 71; Поиски. — № 3. — С. 73. По тексту документа: *La nuova Costituzione sovietica*. — Roma, 1977.
- ⁸² Гефтер с нами и сам по себе. — М., 1993. — С. 55–103.
- ⁸³ Коммунист. — 1979. — № 18. — С. 38–42.
- ⁸⁴ Boffa G. Dopo Krusciov. — P. 152–167.
- ⁸⁵ Ulyanov M.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 249.
- ⁸⁶ Фролов В. Чтобы это не повторилось// Иного не дано. — С. 408–410; Карпинский Л. Почему сталинизм не сходит со сцены// Там же. — С. 654–657; Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 75–76; *An End to Silence...* — P. 308; Smith H. Op. cit. — P. 338–343.
- ⁸⁷ Аннинский Л. Монологи бывшего сталинца// Осмыслить культ Сталина. — С. 77.

Глава VI. Геронтократия

- ¹ Brandt W. La politica di un socialista. — P. 492.
- ² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 39–40.
- ³ Там же. — С. 15, 32; Лигачев Е.К. Указ.соч. — С. 17. Свидетельство Горбачева в кн. Черняев А.С. Указ. соч. — С. 234.
- ⁴ Bialer S. Op. cit. — P. 82–84; Carrere d'Encause. Op. cit. — P. 118; Gorbaciova R. Io spero. — Milano, 1991. — P. 132.
- ⁵ XXIV съезд... — Т. I. — С. 205; XXV съезд... — Т. I. — С. 93.
- ⁶ Bailer S. Op. cit. — P. 287–289.
- ⁷ XXV съезд... — Т. I. — С. 73–74; СССР: внутренние противоречия. — № 7. — С. 125.
- ⁸ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 40.
- ⁹ Ключевский В.О. Указ.соч. — Т. I. — С. 36–39.
- ¹⁰ Заславская Т.// Иного не дано. — С. 21; Собчак А. Указ. соч. — С. 212.
- ¹¹ По этому вопросу см. Yanov A. The Drama of the Soviet 1960s. A Lost Reform.
- ¹² Правда. — 1979. — 29 июля; Селонин В.// Иного не дано. — С. 192–193; Сухавский М. Проблема субъекта в хозяйственной деятельности// Постигение. — С. 490–491.
- ¹³ Ronald Grigor Suny. Georgia and Soviet Nationality Policy// The Soviet Union since Stalin. — P. 218–222, 225 n. 64; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 63–65.
- ¹⁴ XXV съезд... — Т. I. — С. 27–43, 51–53.
- ¹⁵ Гефтер М. Указ.соч. — С. 67.
- ¹⁶ XXV съезд... — Т. I. — С. 99, 130–131.
- ¹⁷ В Москве в какой-то мере это осознавали. См. Громыко А.А. Указ. соч. — Т. II. — С. 230–233.
- ¹⁸ Carter G. Keeping Faith. Memoirs of a President. — N.Y., 1983. — P. 243–261.
- ¹⁹ Kissinger H. Gli anni della Casa Bianca. — P. 891.
- ²⁰ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 54.
- ²¹ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 24, 68.

- ²² Brandt W. *Memorie*. — P. 218; Brandt W. *La politica di un socialista*. — P. 450; Michnik A./ Jaruzelski W. *Op. cit.* — P. 192, 295.
- ²³ Attali J. *Verbatim*. — P., 1993. — P. 275.
- ²⁴ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 7–8, 22, 27–30.
- ²⁵ Meyer F. *Op. cit.* — P.161.
- ²⁶ XXV съезд... — Т. II. — С. 94–98; XXVI съезд... — Т. I. — С. 297; Громыко А.А. Указ. соч. — Т. II. — С.167–168.
- ²⁷ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 14, 21, 23–24.
- ²⁸ См. весьма толковую записку, составленную Авереллом Гарриманом для американского президента накануне его встречи с Брежневым, в кн. Carter G. *Op. cit.* — P. 242.
- ²⁹ XXV съезд... — Т. I. — С.45, 47.
- ³⁰ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 22–23.
- ³¹ Там же. — С. 13; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 14.
- ³² Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ.соч. — С. 202.
- ³³ Jaruzelski W. *Op. cit.* — P. 144–145, 192.
- ³⁴ Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 87.
- ³⁵ Gorbachev M. *Avant-memoires*. — P. 74; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 253; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 314–315; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 280.
- ³⁶ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 41–43. Один из авторов, Г.М.Корниенко, присутствовал на заседании Политбюро и выступал там, ему мы и обязаны этим рассказом.
- ³⁷ Jaruzelski W. *Op. cit.* — P. 163–164; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 14–15.
- ³⁸ Громыко А.А. Указ. соч. — Т. I. — С. 472–473; Rubbi A. *Op. cit.* — P. 29–30.
- ³⁹ Kissinger H. *Anni di crisi*. — P. 544.
- ⁴⁰ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 171.
- ⁴¹ Там же. — С. 171–174; Черняев А.С. Указ.соч. — С.38; Rubbi A. *Op. cit.* — P. 195.
- ⁴² К свидетельствам относительно предшествующего замечания следует добавить воспоминания сына Громыко — Анатолия. См. *Литературная газета*. — 1989. — 20 сент.; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 162–163; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 52–53; Шеварднадзе Э. Указ. соч. — С. 54.
- ⁴³ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 38; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 24–25; Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 295; Brandt W. *Memorie*. — P. 216.
- ⁴⁴ Правда. — 1989. — 12 авг.; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 25, 166.
- ⁴⁵ Там же. — С. 167; Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 92–93, 105.
- ⁴⁶ Roy O. *The Impact of Afgan War in Soviet Central Asia*// *Annali Feltrinelli*. — P. 341.
- ⁴⁷ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 37–38.
- ⁴⁸ Giscard d'Estaing V. *Op. cit.* — P. 336–345.
- ⁴⁹ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 29–31.
- ⁵⁰ Там же. — С. 31–32; Jaruzelski W. *Op. cit.* — P.192.

- ⁵¹ XXVI съезд... — Т. I. — С. 27; Jaruselski W. Op. cit. — P.190.
- ⁵² О дискуссии между Михнихом и Ярузельским см. Jaruzelski W. Op. cit. — P. 309–318.
- ⁵³ Там же. — P. 193–194; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 169.
- ⁵⁴ Jaruselski W. Op. cit. — P. 191–196, 208–210.
- ⁵⁵ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 33–34.
- ⁵⁶ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 160–170; Jaruselski W. Op. cit. — P.194.
- ⁵⁷ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 34; Jaruselski W. Op. cit. — P. 195–196.
- ⁵⁸ Там же. — P. 243.
- ⁵⁹ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 32.
- ⁶⁰ XXVI съезд... — Т. I. — С. 38–40; Громыко А.А. Указ. соч. — Т. II. — С. 224–230.
- ⁶¹ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 17, 109; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 256–257.
- ⁶² Это позднее отметил Горбачев. См. Rubbi A. Op. cit. — P.79.
- ⁶³ Attali J. Op. cit. — P. 126.
- ⁶⁴ XXVI съезд... — Т. I. — С. 49–55.
- ⁶⁵ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 351–352; Бакатин В. Указ. соч. — С. 34, 159–160.
- ⁶⁶ СССР: внутренние противоречия. — № 3. — С.339–340, 344–345; № 5. — С. 5–9. Это некоторые из текстов, написанных в Горьком.
- ⁶⁷ Помимо рассказов об этих эпизодах, которые автору впоследствии удалось собрать у участников событий, см. Yakovlev A. Op. cit. — P. 20; Гефтер М. Указ. соч. — С. 123–126, 199–200.
- ⁶⁸ Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. — М., 1991. — Т. I. — Ч. 1. — С. 68–70; Yakovlev A. // Cohen S.F, K. vanden Heuvel... — P. 65–66; Черняев А.С. Указ. соч. — С.148–150, 508; Малютин М.// Иного не дано. — С.224–226; Амбарцумов Е. О путях совершенствования политической системы социализма//Там же. — С. 89.
- ⁶⁹ Советская Россия. — 1988. — 16 сент.; Собчак А. Указ. соч. — С. 61.
- ⁷⁰ Медведев Р. Личность и эпоха... — С. 6.

Глава VII. Горбачев

- ¹ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 21–23.
 - ² Там же. — С. 24–25.
 - ³ Там же. — С. 30–33.
 - ⁴ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 16; Jaruselski W. Op. cit. — P. 250.
 - ⁵ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 49–52.
 - ⁶ См. важное свидетельство: Черняев А.С. Указ. соч. — С. 11–16.
 - ⁷ Eltsin В. Op. cit. — P. 131–132; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 56–68.
- Оба автора представили свои версии относительно происходившего на XIX партконференции, состоявшейся в Москве в июне 1988 года. На этом заседании оба старались определить свою роль так, чтобы хорошо выглядеть

в свете политической борьбы, уже тогда происходившей в высших эшелонах КПСС.

⁸ Gorbaciova R. Op. cit. — P. 13, 130–139.

⁹ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 50–54; Горбачев М. Декабрь 91-го. Моя позиция. — М., 1992. — С. 139–140; Attali J. Op. cit. — P. 832–833; Shultz G.P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. — N.Y., 1993. — P. 507; Thatcher M. Gli anni di Downing Street. — Milano, 1993. — P. 278, 391–394.

¹⁰ Shevardnadze E. Op. cit. — С. 20; Гефтер М. Указ. соч. — С. 277; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 4.

¹¹ Страница из главы IV «Государя» Макиавелли (Milano—Napoli, 1954. — P. 19–20).

¹² Определение дано Бурлацким и Яковлевым в кн. Cohen S.F, K. vanden Heuvel... — P. 175, 200. Но концепция излагается почти в тех же выражениях Н.Шмелевым.

¹³ Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 139–169.

¹⁴ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 103–104.

¹⁵ Karpinsky L.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 288.

¹⁶ Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 137; Gorbaciova R. Op. cit. — P. 61–62.

¹⁷ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 193–194; Zaslavskaja T.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 119; Rubbi A. Op. cit. — P. 229, 242–243.

¹⁸ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 8; Velichov Y., Arbatov G.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 160–161, 312; Jaruzelski W. Op. cit. — P. 253; Gorbaciova R. Op. cit. — P. 144–145.

¹⁹ Собчак А. Указ. соч. — С. 198; Velichov Y.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 160–161.

²⁰ Бирман И. // СССР: внутренние противоречия. — № 1. — С. 46; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 91.

²¹ Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 136; Yakovlev A. Op. cit. — P. 63; Klimov E.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 239.

²² Gorbachev M. Avant-memoires... — P. 37, 182; Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 139–141; Gorbaciova R. Op. cit. — P. 152.

²³ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 43, 93; Yakovlev A. Op. cit. — P. 42, 49; Gorbaciova R. Op. cit. — P. 196; Velichov E.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 161; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 316.

²⁴ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 17.

²⁵ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М., 1987. — С. 12; Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 182, 273–285; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 133; Rubbi A. Op. cit. — P. 233–234.

²⁶ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 17–18. Выражение «социализм с человеческим лицом» было использовано М. Горбачевым: Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 278.

²⁷ Правда. — 1986. — 2 авг.; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 89; Горбачев М.С. Перестройка. — С. 42–56.

²⁸ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 38.

²⁹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 42; Rubbi A. Op. cit. — P. 62. Относи-

тельно возможности предварительной договоренности о переводе Громыко на пост председателя Президиума Верховного Совета, чего он страстно желал, см. свидетельства Корниенко в кн. Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 78.

³⁰ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 37.

³¹ Yakovlev A. Op. cit. — P. 18–19; Zaslavskaja T./ S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 121–122.

³² Гефтер М. Указ. соч. — С. 369.

³³ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 39.

³⁴ Алексеев М. Алкоголь в СССР: потребление и последствия// СССР: внутренние противоречия. — № 5. — С. 51–88; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 21–28; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 286–288; Собчак А. Указ. соч. — С. 68–69; Гефтер М. Указ. соч. — С. 369; Shultz G.P. Op. cit. — P. 564.

³⁵ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 62–63.

³⁶ Там же. — С. 41, 57–59.

³⁷ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 123.

³⁸ Attali J. Op. cit. — P. 432, 707.

³⁹ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 159–163, 170–171.

⁴⁰ Rubbi A. Op. cit. — P. 93–95, 138–142; Черняев А.С. Указ. соч.. — С. 59.

⁴¹ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 170–171; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 11–12; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 81–83.

⁴² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет (далее: XXVII съезд...). — Т. I. — М., 1986. — С. 23, 108–109.

⁴³ Там же. — С. 46–54.

⁴⁴ Там же. — С. 53–59.

⁴⁵ Там же. — С. 60–62, 67–69, 75, 117.

⁴⁶ Там же. — С. 66–72.

⁴⁷ Там же. — С. 101–112.

⁴⁸ Там же. — С. 76–83.

⁴⁹ Там же. — С. 102–110.

⁵⁰ Там же. — С. 26–27, 39–41.

⁵¹ Там же. — С. 85–99.

⁵² Machiavelli N. Op. cit. — P. 20.

⁵³ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 78–79.

⁵⁴ Правда. — 1988. — 20 авг.; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 85–88; Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 314–321; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 235–241.

⁵⁵ XXVII съезд... — Т. I. — С. 47.

⁵⁷ Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 3–9; Velichov Y./ S.F. Cohen. K. vanden Heuvel... — P. 163.

⁵⁸ Правда. — 1986. — 20 сент.; Горбачев М.С. Перестройка... — С. 5; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 88–89; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 83.

⁵⁹ Горбачев М.С. Перестройка... — С. 11–21, 34–46.

⁶⁰ Там же. — С. 27, 31–32, 51–52, 60, 77.

⁶¹ Там же. — С. 7, 140.

⁶² Там же. — С. 137–165, 227–228, 233.

- ⁶³ Там же. — С. 170–175.
- ⁶⁴ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 165–179.
- ⁶⁵ Ibid. — P. 169.
- ⁶⁶ Shultz G.P. Op. cit. — P. 519.
- ⁶⁷ В силу серьезной, основательной документированности основным источником предоставляемой автором информации является работа: **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 100–120. Черняев был среди участвовавших в подготовке встречи в Рейкьявике. Относительно предложений по ядерному разоружению в январе 1986 года и их происхождения см. **Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.** Указ. соч. — С. 87–89.
- ⁶⁸ **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 136–137. Относительно дискуссий по этому поводу в высших эшелонах власти см. **Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.** Указ. соч. — С. 93–95. Что касается роли маршала Ахромеева во время встречи в верхах в Рейкьявике, см. там же. — С. 111–119; Shultz G.P. Op. cit. — P. 762–765.
- ⁶⁹ Ibid. — P. 758–760.
- ⁷⁰ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 168; Shultz G.P. Op. cit. — P. 770.
- ⁷¹ Ibid. — P. 773.
- ⁷² **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 117–118; XXVII съезд... — Т. I. — С. 45, 62–63.
- ⁷³ **Гефтер М.** Указ. соч. — С. 369.
- ⁷⁴ **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 112.
- ⁷⁵ **Шахназаров Г.** Указ. соч. — Гл. 10. — С. 14–15. Рассказ участника: **Сахаров А.Д.** Указ. соч. — С. 329–330. Влияние, которое оказали на Горбачева соображения академика по этому поводу, косвенно им признавалось: **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 142.
- ⁷⁶ **Ключевский В.О.** Указ. соч. — Т. IV. — С. 289. Слова эти относятся к Анисиму Маслову, обер-прокурору Сената во времена правления императрицы Анны.
- ⁷⁷ Kissinger H. Anni di crisi. — P. 511.

Глава VIII. Политическая борьба

- ¹ Boffa G. Il fenomeno Stalin nella storia del XX secolo. — P. 47–66.
- ² Такое суждение было четко выражено на «круглом столе», состоявшемся в мае 1988 года в Институте марксизма-ленинизма: см. **Урок дает история.** — С. 380–381.
- ³ О возобновлении социологических исследований относительно начала перестройки см. **Рывкина Р.В.** // Постигение. — С. 18.
- ⁴ **Заславская Т.** // Иного не дано. — С. 10–11, 21, 24.
- ⁵ **Левада Ю.** // Постигение. — С. 88–89.
- ⁶ **Материалы делегату XXVIII съезда КПСС.** — М., 1990. — С. 5–15.
- ⁷ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 138.
- ⁸ **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 63, 90–91, 147–148, 212–213, 292–293; **Урок дает история.** — С. 385–387.
- ⁹ **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 237. Об операции, проведенной Стали-

ным в 30-х годах, см. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 578–585.

¹⁰ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 186.

¹¹ Ibid. — P. 184.

¹² **Московская правда**. — 25 янв. — 1986.

¹³ XXVI съезд... — Т. I. — С. 230–231; XXVII съезд... — Т. I. — С. 143.

¹⁴ Стенограмма октябрьского Пленума была опубликована. См. **Известия ЦК КПСС**. — 1989. — № 2. Этот журнал просуществовал недолго (с 1989 по 1991 г.). Он является своего рода зеркалом гласности и сейчас остается важным источником для исследования горбачевской эпохи. Другими важными источниками являются свидетельства Ельцина: Ор. cit. — P. 164–179; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 174–178; Версия самого Горбачева в кн. Rubbi A. Ор. cit. — P. 177–180.

¹⁵ См., например, Черняев А.С. Указ. соч. — С. 177–178, а также суждения Горбачева и Яковлева в кн. Rubbi A. Ор. cit. — P. 179–180.

¹⁶ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 9. — С. 3–4; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 176.

¹⁷ Помимо уже цитированных источников см. Собчак А. Указ. соч. — С. 55.

¹⁸ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 26; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 34–35.

¹⁹ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 105.

²⁰ Относительно взглядов Лигачева, помимо его воспоминаний, см. также его выступление: XXVII съезд... — Т. I. — С. 232–240.

²¹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 197–198.

²² Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 183.

²³ Ibid. — P. 181–209.

²⁴ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 118–126.

²⁵ **Советская Россия**. — 1988. — 3 марта.

²⁶ Черняев С.А. Указ. соч. — С. 212–213.

²⁷ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 26–28, 136.

²⁸ Стенограмма заседания Политбюро приведена в кн. Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 211–230. См. также Черняев А.С. Указ. соч. — С. 206.

²⁹ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 135; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 202.

³⁰ Там же. — С. 198.

³¹ Рациональное осмысление диспута, точное и обоснованное, хотя и подверженное воздействию позиций, занятых наиболее радикальным крылом интеллигенции, можно найти в кн. Ferretti M. La memoria mutilata. La Russia ricorda. — Milano, 1993.

³² Доклад М. Горбачева см. **Октябрь и перестройка. Революция продолжается**. — М., 1987. Анализ историографической дискуссии, в частности по вопросам сталинизма, см. в кн. Boffa G. The Stalin Phenomenon. — Ithaka and London, 1992. — P. 167–168. Это американский перевод книги Boffa G. «Il fenomeno Stalin nella storia del XX secolo», но глава по дискуссии в годы перестройки была внесена в целях актуализации книги на момент ее публикации в США.

³³ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 180.

- ³⁴ О значении выступления Горбачева см. Ладис А.// Осмыслить культ Сталина. — С. 215.
- ³⁵ Черняев А.С. Указ. соч. — С.100.
- ³⁶ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 243, 257-259.
- ³⁷ К уже цитированному отрывку из работы Солженицына (в особенности с. 217-237) добавляется полемический памфлет того же автора: Solzenitsyn A. Nos pluralistes. — P., 1983; см. также Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 113.
- ³⁸ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 257-258; Yanov A. The New Russian Right. — P. 87.
- ³⁹ Гейтер М. Указ. соч. — С. 34.
- ⁴⁰ Горбачев М.С. Декабрь 91-го... — С. 162.
- ⁴¹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 273.
- ⁴² Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 10. — С. 2, 17; Собчак А. Указ. соч. — С. 194; Lieven D. Empires, Russian and Other. — P. 92.
- ⁴³ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 216-217; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 10. — С. 13-14.
- ⁴⁴ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 85.
- ⁴⁵ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 18-19.
- ⁴⁶ Заславская Т. // Иного не дано. — С. 25-26.
- ⁴⁷ Малютин М.// Там же. — С. 210-227.
- ⁴⁸ Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 139; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 213-215.
- ⁴⁹ См., например, Yakovlev A.// S.F. Cohen, K. vanden Heuvel... — P. 47-49.
- ⁵⁰ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 8. — С. 27.
- ⁵¹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 217-219.
- ⁵² Там же. — С. 216.
- ⁵³ О сталинских концепциях и их своеобразии см. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 297-301, 608-617.
- ⁵⁴ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 240.
- ⁵⁵ Там же. — С. 234-237; Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 69-79, 93-96.
- ⁵⁶ Относительно встречи см. Boffa G, Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 205-209, 237-243.
- ⁵⁷ Горбачев М.С. Декабрь 91-го... — С.49; Shevardnadze E. Op. cit. — P. 65.
- ⁵⁸ Rubbi A. Op. cit. — P. 34-35, 81.
- ⁵⁹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 144-145.
- ⁶⁰ Там же. — С. 243-245.
- ⁶¹ Материалы XXVIII съезда КПСС. — С. 146-147; Горбачев М. Декабрь 91-го... — С.18-19.
- ⁶² Сахаров А.Д. Указ. соч. — С. 64-65.
- ⁶³ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 11. — С. 16.
- ⁶⁴ Комсомольская правда (и Литературная газета). — 1990. — 18 сент.
- ⁶⁵ Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы. — Т. I. — С. 69-70; Eltsin B. Op. cit. — P. 116-117.

Глава IX. Поражение в холодной войне

- ¹ **New York Times.** — 1988. — 8 dec.
- ² Текст выступления приводится в кн. **Gorbachev M. Avant-memoires.** — P. 259–272.
- ³ **Powell C.L. US Forces: Challenges Ahead//Foreign Affairs.** — Winter 1992–1993. — P. 34.
- ⁴ **Shultz G. Op. cit.** — P. 1006.
- ⁵ **Ibid.** — P. 1093; **Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.** Указ. соч. — С. 150, 160.
- ⁶ **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 120–121; **International Herald Tribune.** — 1992. — 17 nov.
- ⁷ **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 268–273.
- ⁸ **Шахназаров Г.** Указ. соч. — Гл. 7. — С. 56.
- ⁹ **Там же.** — С. 57–58.
- ¹⁰ **Там же.** — С. 59–61.
- ¹¹ По крайней мере так позднее утверждал министр иностранных дел Китая: **Ch'ien, Ch'i-ch'en's Report on the International Situation (September 5, 1992)//Issues and Studies.** — genn., 1994. — P. 110.
- ¹² **Ibid.** — P. 62–63; **Gorbachev M. Avant-memoires.** — P. 135–136.
- ¹³ **Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.** Указ. соч. — С. 312–313.
- ¹⁴ **Шахназаров Г.** Указ. соч. — Гл. 7. — С. 11–12; **Черняев А.С.** Указ. соч. — С. 126–128.
- ¹⁵ **Шахназаров Г.** Указ. соч. — Гл. 7. — С. 22–24; **Mink G. Szurek G. Ch. Fin de regne: trois conservateurs parlent de 1989 (Karoly Grosz, Leszek Miller, Miroslav Stepan)//L'autre Europe.** — N 28–29. — P. 79.
- ¹⁶ См. важные свидетельства Адама Михника в кн. **Jaruzelcki W. Op. cit.** — P. 299–300. Текст, представляющий собой дискуссию между самим Михником и генералом Ярузельским, можно найти в **Micromega.** — 1992. — N 3. — P. 171–193.
- ¹⁷ См. беседу Горбачева с болгаринном Младеновым в кн. **Gorbachev M. Avant-memoires.** — P. 129–144.
- ¹⁸ **Ibid.** — P. 121–122.
- ¹⁹ **Горбачев М.** Перестройка... — С. 208–211.
- ²⁰ **Шахназаров Г.** Указ. соч. — Гл. 7. — С. 51.
- ²¹ **Там же.** — P. 47–48. Как следует из того, что рассказал автору бывший председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти, Горбачев доверительно делился этим своим ощущением с иностранными собеседниками высокого ранга.
- ²² **Craig Gordon A. United We Fall//The New York Review of Books.** — 1994. — 13 genn. — P. 36–37.
- ²³ **Judt T. How the East Was Won.** — 1993. — 16 dec. — P. 56. См. также **Konrad H. Jaraush. The Rush to German Unity.** — Londra, 1993; **Elizabeth Poud. German Unification in the European Context.** — N.Y., 1993.
- ²⁴ **Gorbachev M. Avant-memoires.** — P. 96–97.
- ²⁵ Протоколы двух основных бесед см. **Ibid.** — P. 95–128.
- ²⁶ **Ibid.** — P. 120.
- ²⁷ **Ibid.** — P. 122.

- ²⁸ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 246–254 (в особенности с. 253–254); Черняев А.С. Указ. соч. — С. 301–310.
- ²⁹ Brandt W. *Memorie*. — P. 266; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 309–310.
- ³⁰ Thatcher M. *Op. cit.* — P. 671 (особенно р. 670–691).
- ³¹ Выражение см. *Ibid.* — P. 676.
- ³² *Ibid.* — P. 674; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 305–308.
- ³³ *Ibid.* — P. 309–310. Наиболее известным прецедентом в истории остается случай в европейской политике накануне второй мировой войны. См. Boffa G. *Storia dell'Unione Sovietica*. — Vol. I. — P. 618–631; Vol. II. — P. 16–25.
- ³⁴ Thatcher M. *Op. cit.* — P. 677.
- ³⁵ Gorbachev M. *Avant-memoires*. — P. 149–150.
- ³⁶ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 358.
- ³⁷ Там же. — С. 346–348; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 7. — С. 48–49.
- ³⁸ Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 192.
- ³⁹ *Ibid.* — P. 191, 194; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 260.
- ⁴⁰ Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 195; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 348.
- ⁴¹ Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 183–184.
- ⁴² *Ibid.* — P. 185.
- ⁴³ Текст стенограммы в кн. Gorbachev M. *Avant-memoires*. — P. 145–161.
- ⁴⁴ Интересное свидетельство можно найти в дневнике Хорста Тельчик, ближайшего соратника Коля в области внешней политики. См. Teltschik H., 329 Tage: Innenansichten der Einigung. — Berlin, 1991. — P. 375 // The New York Review of Books. — 1994. — 13 jenn. — P. 36.
- ⁴⁵ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 71.
- ⁴⁶ Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 17.
- ⁴⁷ Shultz G. *Op. cit.* — P. 1108.
- ⁴⁸ Gorbachev M. *Avant-memoires*. — P. 122.
- ⁴⁹ *Ibid.* — P. 121–123.
- ⁵⁰ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 244; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 230–232.
- ⁵¹ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 121–127.
- ⁵² Gorbachev M. *Avant-memoires*. — P. 113–114.
- ⁵³ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 97–99, 193; Gorbachev M. *Avant-memoires*. — P. 115–116.
- ⁵⁴ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 291–292.
- ⁵⁵ Shevardnadze E. *Op. cit.* — P. 17–18, 173–176; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 69–70, 229–233, 254–256. Эти два источника, кроме того, содержат другие многочисленные свидетельства относительно дискуссий между военными, дипломатами и советскими политиками на рубеже 80–90-х годов.
- ⁵⁶ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 398. Автор может добавить к этому и свое личное свидетельство, поскольку он неоднократно встречался с Фалиным в тот период.
- ⁵⁷ Информация получена от Олега Гриневского, главы советской делега-

ции на переговорах по обычным вооружениям. См. *Newsweek*. — 1993. — 22 nov.

⁵⁸ Gratchev A. L'histoire vraie de la fin de l'URSS. Le naufrage de Corbatchev. — P., 1992. — P. 308; Зиновьев//La Stampa. — 1993. — 17 nov.; Bialer S. The Death of Soviet Communism//Foreign Affairs. — Winter 1991–1992. Аналогичное мнение было выражено министром иностранных дел Италии того времени Де Микелисом в его выступлении в Сенате.

⁵⁹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 384.

⁶⁰ Там же. — P. 472–473. Текст выступления в кн. Gorbatcev M. Avant-memoires. — P. 309–328.

⁶¹ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 146; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 361.

⁶² Shevardnadze E. Op. cit. — P. 146–147; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 361–362.

⁶³ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 148. Относительно деятельности советской дипломатии в эти недели подробные сведения можно найти в кн. Primakov Y. Missione a Bagdad. — Firenze, 1991.

⁶⁴ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 422.

⁶⁵ Там же. — P. 422–423.

⁶⁶ Там же. — P. 362–363.

⁶⁷ Там же. — P. 425–426; Ахромеев С.В., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 283–284.

⁶⁸ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 241, 260–261, 267–268, 282–283; Горбачев М.С. Декабрь 91-го... — С. 147–148; Gorbaciova R. Op. cit. — P. 192–194; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 257; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 15. — С. 17; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 398–400.

⁶⁹ Boffa G. Questi rapporti internazionali//Il Ponte. — 1991. — № 7. — P. 42.

Глава X. Россия против Союза

¹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 276.

² Dunlop J. B. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. — Princeton, 1993. — P. 95.

³ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 77–79; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 8. — С. 23.

⁴ Собчак А. Указ. соч. — С. 128–129.

⁵ Ахромеев С.В., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 297.

⁶ Уже цитированный еженедельник «Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы» (тт. I–II) любопытно сравнить с «Кто есть кто. Политическая Москва» (М., 1993).

⁷ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 291, 321, 345; Собчак А. Указ. соч. — С. 179; Rubbi A. Op. cit. — P. 109.

⁸ Лигачев Е.К. Указ. соч. — С. 107, 235.

⁹ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 8. — С. 1–6; Собчак А. Указ. соч. — С. 161–170.

¹⁰ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 8. — С. 3; Собчак А. Указ. соч. — С. 171; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 332–333.

- ¹¹ Gorbathev M. Avant-memoires. — P. 143.
- ¹² Собчак А. Указ. соч. — С. 175.
- ¹³ Самое красочное описание встречи см. там же. — С. 178–188.
- ¹⁴ Там же. — С. 180.
- ¹⁵ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 316–321.
- ¹⁶ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 196; Yakovlev A. Op. cit. — P. 64. Gorbaciova R. Op. cit. — P. 205; Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 147.
- ¹⁷ См. свидетельство Дж. Боффа: Boffa G./L'Unita. — 1990. — 19 lugl.
- ¹⁸ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 8. — С. 6–13.
- ¹⁹ Цифры см. Е.К. Лигачев. Указ. соч. — С. 295–296.
- ²⁰ Там же. — P. 296; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 10. — С. 12–13; Горбачев М.С. Декабрь 91-го... — С. 49–51.
- ²¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. — М., 1991. — С. 92.
- ²² Aslund A. Gorbachev's Struggle for Economic Reform. — L., 1991. — P. 206–212.
- ²³ См. Экономическая газета. — 1989. — № 43; Известия. — 1989. — 14 дек.
- ²⁴ Деловой мир. — 1990. — 31 июля; Советская Россия. — 1990. — 16 июня.
- ²⁵ Новый текст: Переход к рынку. — Т.І. Концепция и программа. — Т. П. Проекты законодательных актов. — М., 1990.
- ²⁶ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 376.
- ²⁷ Aslund A. Op. cit. — P. 221.
- ²⁸ Shultz G. Op. cit. — P. 586–587; Thatcher M. Op. cit. — P. 392–393, 406–412; Gorbachev M. Avant-memoires. — P. 41–45. Рассказ об этой встрече г-жи Тэтчер с Горбачевым есть также у Черняева: Черняев А.С. Указ. соч. — С. 131–138.
- ²⁹ Там же. — С. 345.
- ³⁰ К многочисленным заявлениям относительно того, что Горбачев сделал в этом плане на своем посту (и после этого), добавляются свидетельства и информация. См. там же. — С. 367, а также Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 11. — С. 19–22.
- ³¹ Там же. — Гл. 9. — С. 18–19; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 381–382.
- ³² Литературная газета. — 1989. — № 33; Новый мир. — 1990 — № 7.
- ³³ См., например, Петрова П. Петр Столыпин: одиночество реформатора//Россия. — 1990. — 23 нояб., а также П.Я.Столыпин и его аграрная реформа//Вопросы экономики. — 1990. — № 10. См. также Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 15–16.
- ³⁴ См., например, Helene Carrere d'Encausse. Esplosione di un impero? — P. 256–298.
- ³⁵ Shevardnadze E. Op. cit. — P. 246–247; Krupnik I./Annali Feltrinelli. — P. 65–72.
- ³⁶ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 291–292.
- ³⁷ Информация и свидетельства см. в работах Шеварднадзе Э., Собчака А. и Лигачева Е.К.
- ³⁸ Eltsin B. Diario del Presidente. — Milano, 1994. — P. 35.
- ³⁹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 405–419.

- ⁴⁰ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 191, 204.
- ⁴¹ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 9. — С. 23–24; Gratchev A. Op. cit. — P. 100; Tolstaya T. Boris the First//New York Review of Books. — 1994. — 23 giug.
- ⁴² Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 13, 32–33.
- ⁴³ The Economist. — 1994. — 22 genn.
- ⁴⁴ Относительно этого русского явления см. классическую работу Франко Вентури «Русский популизм» в трех томах (Turino, 1972). Что касается причастности к этому американцев, то напомним, что между 1891 и 1908 годом в США существовала популистская партия. Относительно рассмотрения различных толкований этого термина см. Le Nouvel Observateur. — 1993. — 28 giug.
- ⁴⁵ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 16.
- ⁴⁶ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 388.
- ⁴⁷ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 9. — С. 5; Собчак А. Указ. соч. — С. 39–40. См. также Chiesa G. Da Mosca. Alle origini di un colpo di Stato annunciato. — Roma-Bari, 1993. — P. 31–38.
- ⁴⁹ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 19, 32.
- ⁵⁰ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 326.
- ⁵¹ Прекрасный анализ явления см. Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 11. — С. 4–12.
- ⁵² Черняев А.С. Указ. соч. — С. 371.
- ⁵³ Там же. — С. 326.
- ⁵⁴ Литературная Россия. — 1992. — № 4.
- ⁵⁵ Dunlop J. Op. cit. — P. 95–96.
- ⁵⁶ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 9. — С. 6–10.
- ⁵⁷ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 360.
- ⁵⁸ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 28–30.
- ⁵⁹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 374. Аналогичное сопоставление было представлено автору Фердинандо Салео, в ту пору послом Италии в Москве.
- ⁶⁰ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч. — С. 289–290.
- ⁶¹ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 450–455.
- ⁶² Там же. — С. 475–467.

Глава XI. Развал СССР

- ¹ Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 151–154.
- ² Gorbatchev M. Il golpe di Agosto. Che cosa e successo, che cosa ho imparato. — Milano, 1991. — P. 28.
- ³ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 35–36.
- ⁴ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 484–485.
- ⁵ О роли Крючкова см. Бакатин В. Указ. соч. — С. 45–46; Eltsin B. Diario del Presidente. — Vol. I. — P. 72–73.
- ⁶ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 45–46.
- ⁷ Ibid. — P. 46–47.
- ⁸ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 444–450.
- ⁹ Ibid. — P. 444–446, 455–456.

¹⁰ Ibid. — P. 447–450; *International Herald Tribune*. — 1991. — 4 giug.; Allison G. Grigorii Yavlinskij, Window of Opportunity. The Grand Bargain for Democracy in the Soviet Union. — N.Y., 1991.

¹¹ Из свидетельства, представленного автору Джулио Андреотти, бывшего в то время председателем Совета министров Италии.

¹² Выдержки из протоколов этих встреч см. *La Stampa*. — 1993. — 13 giug.

¹³ Свидетельство, предоставленное автору Дж. Андреотти.

¹⁴ Сопоставление см. Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 15. — С. 6. Что касается «переворота» Корнилова, см. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. I. — P. 49–50.

¹⁵ См. свидетельства Лукьянова (*l'Unita*. — 1993. — 29 genn.; *La Repubblica*. — 1993. — 5 febb.), Крючкова (*La Repubblica*. — 1993. — 13 apr.), Янаева (*Corriere della Sera*. — 1992. — 20 ag.; *La Stampa*. — 1993. — 27 genn.), Павлова (*Corriere della Sera*. — 1992. — 22 ag.). Синтезированное изложение обвинений и сомнений, впрочем, не подкрепленное достаточным количеством улик, можно найти в работе, вовсе не благорасположенной к Горбачеву: Dunlop J. Op. cit. — P. 202–206.

¹⁶ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 42, 44, 47.

¹⁷ *International Herald Tribune*. — 1994. — 16 magg.

¹⁸ Ibid. — P. 84, 125; Бакатин В. Указ. соч. — С. 21, 55–56.

¹⁹ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 74.

²⁰ Gorbachev M. Il golpe di Agosto. — P. 12–13.

²¹ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 73.

²² Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 16. — С. 1.

²³ Gratchev A. Op. cit. — P. 189–191.

²⁴ Бакатин В. Указ. соч. — С. 22, 93–95, 117–128; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 17. — С. 9.

²⁵ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 14; Бакатин В. Указ. соч. — С. 61.

²⁶ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 16. — С. 7–8; Бакатин В. Указ. соч. — С. 59–60; Черняев А.С. Указ. соч. — С. 491–492.

²⁷ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 16. — С. 5.

²⁸ Черняев А.С. Указ. соч. — С. 496–497.

²⁹ Gratchev A. Op. cit. — P. 108–124.

³⁰ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 61, 125.

³¹ Документы об этой быстрой операции см. Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 197–202.

³² Свидетельство об этом заблуждении в совокупности приведено в уже цитированной работе «Августовский путч».

³³ Особенного внимания заслуживают уже упоминавшиеся свидетельства Бакатина, Грачева, Шахназарова и самого Горбачева, помимо отчета Бориса Ельцина, полного пробелов и недомолвок.

³⁴ Gratchev A. Op. cit. — P. 104; Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 16. — С. 9.

³⁵ Бакатин В. Указ. соч. — С. 217.

³⁶ По этому поводу совпадают описания совещаний «глав» республик как до, так и после августа: Gratchev A. Op. cit.. — P. 68–71; Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 33.

- ³⁷ Gratchev A. Op. cit. — P. 26–27.
³⁸ Текст см. в кн. Горбачев М. Декабрь 91-го... — С. 203–216.
³⁹ Бакатин В. Указ. соч. — С. 70.
⁴⁰ Более полный текст приведен там же. — С. 212–214; см. также Gratchev A. Op. cit. — P. 175.
⁴¹ Бакатин В. Указ. соч. — С. 212.
⁴² Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 174.
⁴³ Gratchev A. Op. cit. — P. 65–68.
⁴⁴ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 110–111.
⁴⁵ Шахназаров Г. Указ. соч. — Гл. 17. — С. 25.
⁴⁶ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 118.
⁴⁷ Относительно опасений, которые представлялись вполне логичными уже в то время, сошлемся на: Boffa G. La disintegrazione sovietica: la Russia di Eltsin// Nuova Antologia. — 1992. — genn.-marzo.

Глава XII. Искалеченная Россия

- ¹ Ключевский В.О. Указ. соч. — Т. V. — С. 218.
² Reddaway P. On the Eve//New York Review of Books. — 1993. — 2 dic. — P. 18.
³ Simes D. The Return of Russian History//Foreign Affairs. — 1994. — genn.—febb. — P. 67.
⁴ Wishnevsky J. The Russian Media after the State of Emergency//RFE-RL Research Report. — 1994. — 11 febb.
⁵ Tolz V., Wishnevsky J. Election Queries Make Russian Doubt Democratic Process//RFE-RL Research Report. — 1994. — 1 apr.
⁶ Reddaway P. Op. cit. — P. 16.
⁷ Ibid.
⁸ Tolz V. Problems in Building Democratic Institutions in Russia//RFE-RL Research Report. — 1994. — 4 marzo.
⁹ RFE-RL Research Report. — 1994. — 1 apr. — P. 6.
¹⁰ Reddaway P. Op. cit. — P. 16.
¹¹ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 37–38.
¹² Le Monde. — 1994. — 23 giug.
¹³ International Herald Tribune. — 1994. — 16 febb.
¹⁴ Reddaway P. Op. cit. — P. 18.
¹⁵ RFE-RL Research Report. — 1994. — 4 marzo. — P. 2; The Guardian. — 1994. — 19 magg.; см. также Los Angeles Times.
¹⁶ Le Nouvel Observateur. — 1994. — 12–18 magg.
¹⁷ Tatu M.//Le Monde. — 1994. — 14 magg.
¹⁸ The Economist. — 1994. — 9 lugl. — P. 17.
¹⁹ Ibid. — P. 3; International Herald Tribune. — 1994. — 11–12 giug., 11 magg.
²⁰ Smelev N.// Corriere della Sera. — 1994. — 22 ag.; Яковлев А.// Московские новости. — 1994. — 13–20 нояб.
²¹ По вопросам сталинской реформы см. Boffa G. Storia dell'Unione Sovietica. — Vol. II. — P. 358–359.

- ²² **The Financial Times.** — 1994. — 10 lugl.
- ²³ **Le Nouvel Observateur.** — 1994. — 21 giug.; **The Economist.** — 1994. — 14 magg. См. интересное эссе на эту тему: Nelson L., Kuzes I. Coordinating the Russian Privatization Programm//RFE-RL Research Report. — 1994. — 20 magg.
- ²⁴ **Le Monde.** — 1994. — 29 marzo.
- ²⁵ **Time.** — 1994. — 25 lugl.
- ²⁶ **Jonathan Steele//The Guardian.** — 1994. — 19 magg.
- ²⁷ **International Herald Tribune.** — 1994. — 23 febb.
- ²⁸ **Le Monde.** — 1994. — 12–13 giug.
- ²⁹ Корреспонденция «New York Times», перепечатанная в «International Herald Tribune» (1994, 26 lugl.).
- ³⁰ По этой теме см. Blum A. Naitre, vivre et mourir en URSS. 1917–1993. — P., 1994; **Le Monde.** — 1993. — 9 nov.; 1994. — 12 lugl.
- ³¹ Reddaway P. Op. cit. — P. 18; Simes D. Op. cit. — P. 71.
- ³² **The Financial Times.** — 1993. — 12 ott.
- ³³ Girnius S. The Economies of the Baltic States in 1993//RFE-RL Research Report. — 1994. — 20 magg. — P. 9, 14.
- ³⁴ Корреспонденция «New York Times», перепечатанная в «International Herald Tribune» (1993, 1 dic.).
- ³⁵ **The Financial Times.** — 1994. — 19–20 marzo.
- ³⁶ Серьезный анализ результатов см. Melvin N. Moldova looks back to the future//The World Today. — 1994. — giug. — P. 102–103.
- ³⁷ «The Washington Post», перепечатано в «International Herald Tribune» (1994, 18 lugl.).
- ³⁸ **The Financial Times.** — 1994. — 25 marzo.
- ³⁹ **Ibid.** — 1994. — 13 giug.
- ⁴⁰ **Times.** — 1994. — 20 giug.
- ⁴¹ **International Herald Tribune.** — 1994. — 15 giug.
- ⁴² **The Financial Times.** — 1994. — 13 lugl.
- ⁴³ **The Guardian.** — 1994. — 20 magg.; **La Stampa.** — 1994. — 6 lugl.
- ⁴⁴ **The Financial Times.** — 1994. — 16–17 apr.
- ⁴⁵ Eltsin B. Diario del Presidente. — P. 266. Приведенная здесь цитата, на наш взгляд, точнее представлена в другом издании той же работы: l'Unita. — Vol. III. — P. 107.
- ⁴⁶ **Ibid.** — P. 167–168.
- ⁴⁷ **The Financial Times.** — 1994. — 18 apr.; 1994. — 19–20 marzo.
- ⁴⁸ **Le Monde.** — 1994. — 19 magg.; **International Herald Tribune.** — 1993. — 1 dic.
- ⁴⁹ **The Financial Times.** — 1994. — 18 lugl.
- ⁵⁰ **Le Monde.** — 1993. — 22 nov.
- ⁵¹ **Time.** — 1994. — 11 lugl.
- ⁵² Simes D. Op. cit. — P. 77.
- ⁵³ RFE-RL Research Report. — 1994. — 20 magg. — P. 17.
- ⁵⁴ **The Financial Times.** — 1994. — 18 apr.
- ⁵⁵ Reddaway P. Op. cit. — P. 18.
- ⁵⁶ **International Herald Tribune.** — 1994. — 16 febb.

- Абалкин Л.И. 216, 217
 Абрамов Ф. 101
 Абуладзе Т. 169
 Аганбегян А. 217
 Аджубей А.И. 28
 Айтматов Ч. 101
 Акаев А. 275
 Александр II, император 172
 Александров-Агентов А.М. 141
 Алексеев М.Н. 101
 Аллилуева С.И. 80
 Амин Хафизулла 121
 Андреева Нина 166, 167, 228
 Андреотти Джулио 239
 Андропов Ю.В. 14, 17, 80, 82, 89, 109, 121, 125, 130, 133–135, 141, 142
 Арбатов А.Г. 276
 Арбатов Г.А. 228
 Астафьев В. 101
 Астафьев М. 231
 Афанасьев В.Г. 173
 Афанасьев Ю.Н. 173, 209
 Ахромеев С.Ф. 134, 148, 154, 185, 200, 202
 Бакатин В.В. 244, 245
 Бейкер Дж. 204
 Белов В. 101
 Богораз Л. 91
 Болдин В.И. 243
 Бондарев Ю.В. 101
 Боффа Дж. 197
 Бразаускас А. 220, 230
 Брандт В. 29, 32, 36, 119
 Брежнев Л.И. 12, 13, 15–17, 19, 20, 22, 25, 26, 28, 31, 32, 34, 36–39, 42, 43, 48–51, 54–56, 58–60, 62, 63, 66–69, 71, 73, 74, 79–84, 86, 89, 93, 99, 109, 110, 112–115, 119, 121, 124, 128–130, 133, 136, 141, 144, 158, 162, 165, 166, 171, 174, 180, 214, 266, 271, 272, 279, 280
 Бродский И. 104
 Булганин Н.А. 12
 Бурбулис Г.Э. 249–251, 276
 Бухарин Н. И. 102, 169, 170
 Буш Дж. 193–195, 199–201, 204–206, 233, 238–241, 243, 253
 Валенса Л. 190
 Вильсон В. 183
 Войтыла К. 125
 Волкогонов Д.А. 228
 Воротников В.И. 167
 Ворошилов К.Е. 12,
 Вэник Ч. 41
 Вэнс С. 114
 Габсбурги 86
 Гайдар Е.Т. 249, 250
 Гамсахурдия З. 221, 222
 Ганди Индира 36
 Ганди Раджив 152
 Геншер Г.-Д. 195
 Герек Э. 58, 124, 125
 Гефтер М.Я. 107
 Гитлер А. 224
 Глушков В. М. 79
 Голушко Н.М. 228
 Гомулка В. 49, 57, 58
 Горбаневская Н. 91
 Горбачев М.С. 70, 78, 84, 110, 118, 133, 135–157, 159–170, 172–180, 183–188, 192–214, 216–220, 223–239, 241, 243–251, 253, 254, 258, 274, 275, 280, 281, 285
 Горбачева Р.М. 228
 Грачев П.С. 274, 278
 Гречко А.А. 82, 109, 117
 Григоренко П.Г. 91
 Гришин В.В. 141
 Громов Б. 185, 232
 Громыко А.А. 40, 42, 82, 109, 119, 121, 125, 135, 141, 143, 153, 167, 185, 280
 Гусак Г. 51, 188
 Гэлбрейт Дж. 268
 Данилов В. 26
 Даниэль Ю. 22, 23
 Дауд Сардар Мохаммад 120
 Де Голль Шарль 31
 Демичев П.Н. 100
 Джексон Г. 41, 94
 Джонсон Л. 30, 33
 Дзержинский Ф.Э. 246
 Добрынин 144
 Дорош Е. 101
 Достоевский Ф.М. 99
 Дубчек А. 48–51, 57, 138, 140
 Дэн Сяопин 186, 187

- Егорычев Н.Г. 80
 Ельцин Б.Н. 84, 141, 162–165, 167, 176, 181, 209, 217, 218, 224–234, 238, 241–246, 248–251, 253, 254, 257–259, 261–264, 266, 269, 272, 275–278, 280
- Живков Т. 88
 Жириновский В.В. 232, 278
 Жискара д'Эстен Валери 124
 Жуков Г.К. 26, 81
- Залыгин С.П. 101
 Зимянин М.В. 109
 Зиновьев Г.Е. 203
- Ильяшев А. 134
- Кадар Я. 57, 116, 188
 Камнев Л.Б. 170
 Капица П.Л. 94
 Кармаль Бабрак 143
 Картер Дж. 114, 123, 128
 Кирилenco А.П. 130
 Киссинджер Г. 33, 34, 39, 115, 118
 Клаузевиц Карл фон 151
 Ключевский В.О. 257
 Клямкин И. 219
 Колбин Г.В. 178
 Коль Г. 193–198, 212, 234
 Корниенко Г.М. 134
 Корнилов Л.Г. 240
 Костерин А.Е. 91
 Косыгин А.Н. 12, 16, 18–21, 30, 35, 47, 50, 58, 63, 66–68, 80, 81, 89, 109, 112, 119, 121, 129, 145
 Кочетов В.А. 27, 28, 104
 Кравчук Л.М. 248, 252, 253, 275
 Красников А. 228
 Красин В. 91
 Крючков В.А. 224, 236–238, 240, 242, 243
 Кунаев Д. 178
 Куронь Я. 58
 Курчатov И.В. 24
 Кучма Л. 275
- Ландсбергис В. 220, 231
 Левада Ю. 138
 Легасов 148, 149
 Ленин В.И. 26, 28, 67, 90, 96, 99, 120, 138, 158, 172, 176–178
 Леонтьев К.Н. 102
 Лигаев Е.К. 84, 135, 141, 162, 165–167, 171, 176, 200, 212, 218, 223
 Литвинов П. 91
 Лихачев Д.С. 212
 Лукашенко А.Г. 275
- Лукьянов А.И. 237, 243
 Лучинский П. 274
 Люксембург Р. 102
- Мазуров К.Т. 51, 109
 Макнавелли Н. 137, 147, 157, 172
 Маленков Г.М. 12, 15
 Мамардашвили М. 138, 221
 Мао Цзэдун 35, 45, 59, 114, 186
 Маркс К. 90
 Медведев В.А. 172
 Медведев Р.А. 89–91, 96, 245
 Медунов С.Ф. 133
 Менгисту Хайле Мариам 116
 Мигранян А. 219, 278
 Микоян А.И. 12
 Миттеран Ф. 194
 Михалков Н.С. 101, 264
 Михник А. 58
 Млынарж З. 138
 Моджелевский К. 58
 Можасв Б. 101
 Молотов В.М. 12, 15, 81
- Наджибулла А. 185
 Назарбаев Н. 225, 248, 252, 253, 275, 278
 Насер Гамаль Абдель 37
 Нгуен Ван Линь 186
 Неизвестный Э.И. 104
 Некрасов В.П. 104
 Нехрич А.М. 26, 104
 Ненни П. 38
 Никон, патриарх 97
 Никсон Р. 16, 31, 33–36, 41, 74, 114, 115, 128, 234
 Новотный А. 48
- Оккетто А. 165
- Павлов В.С. 236, 237
 Пальм В. 209
 Пастернак Б.Л. 22, 23
 Пауэлл К. 184
 Петр Великий 31, 97
 Петраков Н.Я. 216, 217, 234
 Петров Ю.В. 228
 Пиночет А. 264
 Писарев С.П. 91
 Подгорный Н.В. 89
 Покровский М.Н. 265
 Пол Пот 123
 Полозков И.И. 230
 Полянский Д.С. 99
 Пономарев Б.Н. 109, 121, 125, 144, 257
 Попов Г.Х. 209, 228
 Проскурин П. 101
 Прунскене К. 230

- Раковский М. 127
 Распутин В. 101, 230
 Рассел Б. 156
 Рашидов С. 85, 133
 Редвей П. 280
 Рейган Р. 128, 134, 153–155, 184, 193
 Романовы 226
 Ростропович М.Л. 104
 Рубби А. 165
 Рузвельт Ф. 183
 Румянцев А.М. 28
 Русаков К.В. 125
 Руцкой А.В. 232, 243
 Рыжков Н.И. 141, 149, 216–219, 232
- Садат А. 37
 Саймс Д. 251, 279
 Салазар А. 113
 Сахаров А. 41, 58, 89–94, 96, 97, 103, 105, 129, 156, 180, 209, 210, 228, 233
 Селюнин В. 218
 Семичастный В.Е. 80
 Сиад Барре 116
 Силасв И.С. 232
 Симонов К.М. 26
 Синявский А.Д. 22, 23
 Скоков Ю.В. 228, 229
 Славский Е.П. 83
 Собчак А.А. 212
 Солженицын А.И. 23, 24, 28, 89, 96–98, 100–102, 104, 106, 171, 181, 220, 251, 258, 276, 278, 283
 Соловьев В.С. 102
 Соломенцев М.С. 142
 Солоухин В. 101
 Сталин И.В. 11, 14–16, 18, 20, 25, 28, 45, 47, 56, 59, 68, 69, 75, 77, 80, 83, 84, 90, 106, 107, 110, 111, 138, 145, 146, 156, 159, 161, 169, 176, 177, 179, 214, 221, 224, 228, 229, 267
 Столыпин П.А. 129, 219
 Сулов М.А. 12, 13, 16, 27, 75, 81, 100, 103, 109, 112, 115, 121, 125, 126, 130, 158, 257, 265
- Тараки Нурмухаммад 121
 Тарковский А. 53, 101
 Татищев В.Н. 129
 Твардовский А.Т. 27, 28, 96, 103
 Твердохлебев А. 93
 Тендряков В. 101
 Тито Иосип Броз 45
 Тихонов Н.А. 129, 141
 Тольятти П. 46
 Трифонов Ю. 101
 Троцкий Л.Д. 102, 169, 170
- Турчин В. 91
 Тэтчер М. 194, 195, 218
- Удальцов И.И. 48
 Устинов Д.Ф. 109, 117, 119, 121, 125, 135
- Фалин В.М. 202
 Флоренский П.А. 102
 Форд Дж. 38
- Хо Ши Мин 33
 Хонсккер Э. 188, 192
 Хрущев Н.С. 11–28, 30, 31, 42, 43, 45–47, 56, 58, 63, 64, 68, 69, 72, 80, 81, 83, 96, 103, 106, 110, 137, 138, 146, 159, 165, 170, 197, 229
 Хусейн С. 204–206
- Цвигун С.К. 130
- Чаадаев П.Я. 216
 Чалидзе В.Н. 93
 Чаушеску Н. 127, 144, 188, 190
 Червоненко С.В. 48
 Черненко К.У. 135, 136, 141
 Черник О. 48
 Черниченко Ю. 259
 Черняев А.С. 141
 Черчилль У. 183
- Шаляпин Ф.И. 129
 Шаталин С.С. 216, 217, 234
 Шафаревич И.Р. 102
 Шахназаров Г. 126
 Шахрай С.М. 249, 250, 276, 277
 Шеварднадзе Э.А. 84, 85, 112, 126, 141, 170, 171, 185, 186, 196, 197, 201, 202, 204, 206, 207, 213, 223, 233, 234, 244, 253
 Шелепин А.Н. 80, 81
 Шмидт Г. 119
 Шукшин В.М. 101
 Шульц Дж. 155, 218
 Шушкевич С.С. 253, 275
 Щелоков Н.А. 133
- Эйзенхауэр Д. 143
 Эйнштейн А. 156
 Эрикссон Дж. 197
- Явлинский Г.А. 216, 217, 239, 251
 Язов Д.Т. 202, 236, 237
 Якир П.И. 91
 Яковлев А.Н. 99, 100, 141, 165–168, 172, 213, 234
 Янаев Г.И. 237
 Ярузельский В. 126, 127, 188, 190

5	Введение
9	Часть первая. ВРЕМЯ КОНСЕРВАТОРОВ
11	I. Брежнев, Косыгин и общество на распутье Смещение Хрущева — 11. Новое правительственное соглашение — 14. Реформы 1965 года — 18. Цензура и «самиздат» — 21. Конфликт между властями и культурой — 24.
29	II. Биполярный мир Сверхдержавы — 29. Разрядка — 32. Трехсторонняя дипломатия — 35. Хельсинкское совещание — 38. Цена стратегического равновесия — 40.
44	III. Закат коммунистического движения Иллюзия единства — 44. Вторжение в Чехословакию — 47. Вооруженное столкновение с Китаем — 51. «Доктрина Брежнева» — 54. Поражение коммунистического реформизма — 56.
62	IV. Общество меняется, не сознавая того Проигранные пари — 62. Признаки спада — 65. «Теневая экономика» — 68. Социальное расслоение и образ жизни — 72. Несостоявшаяся революция в области информатики — 76.
80	V. Власть и диссидентство Партия Брежнева — 80. Секретари обкомов — 82. Оппозиционные течения — 86. Демократы и ленинцы — 89. Русский неонационализм — 94. «Новые правые» — 100. Третья эмиграция — 104.
109	VI. Геронтократия Продовольственный кризис — 109. Конiec разрядки — 113. «Евроракеты» — 117. Афганистан — 120. Польша — 124. Старики умирают — 128.
131	Часть вторая. ПЕРЕСТРОЙКА
133	VII. Горбачев Междоусобица. Андропов и Черненко — 133. «Дети XX съезда» — 136. Первые нововведения — 140. XXVII съезд партии и гласность — 144. Чернобыль — 148. «Новое мышление» — 149. Рейкьявик — 152.

158	VIII. Политическая борьба	Разногласия в верхах — 158. Ельцин и Лигачев — 162. Яковлев и интеллигенция — 167. Правовое государство — 173. Наступление национализма — 177.
183	IX. Поражение в холодной войне	«Боже мой, этот человек настроен серьезно!» — 183. Примирение с Китаем. Тяньаньмень — 186. Прощай, Восточная Европа! — 187. Объединение Германии — 191. Какой быть внешней политике? Схватка в Москве — 198. Война в Персидском заливе — 204.
208	X. Россия против Союза	Выборы 1989 года — 208. Горбачев — президент — 211. Экономический кризис — 214. Кризис в межнациональных отношениях — 220. Ельцинская коалиция — 226. Тревожная весна 1991 года — 233.
236	XI. Развал СССР	Заговор 19 августа 1991 г. — 236. Причины поражения — 240. «Сто дней» Горбачева — 243. Последний бой — 247. Смертельный удар — 253.
255	ВМЕСТО ЭПИЛОГА	
257	XII. Искалеченная Россия	«Свобода» и «воля» — 257. Русское государство и демократия — 259. Самая крупная распродажа в истории — 264. Экономический крах — 269. Союз утраченный, желанный и невозможный — 273. Нормы взаимозависимости — 279.
286	Примечания	
315	Указатель имен	

Боффа Джузеппе

ОТ СССР К РОССИИ

История неоконченного кризиса. 1964–1994

Перевод выполнен при участии *В.И. Кирюшина*

Редактор *М.В. Стрижевская*

Оформление художника *Ю.С. Саевича*

Художественный редактор *А.С. Скороход*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректоры *С.Ю. Чупахина, Л.Ф. Крылова*

Компьютерная верстка *Е.В. Мельниковой*

ИБ № 2309

Сдано в набор 7.8.96. Подписано в печать 12.9.96.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,00. Уч.-изд. л. 21,28.

Тираж 10000 экз. Изд № 6-и/96. Заказ № 484

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в Тульской типографии
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Джузеппе Боффа

ОТ СССР К РОССИИ

Часть первая

ВРЕМЯ КОНСЕРВАТОРОВ

Часть вторая

ПЕРЕСТРОЙКА

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

"Дом Деловой книги", т. 270-5217

И-08455.01.1 ТГТЗ

От СССР к России. История

неоконченного кризиса. 1964-1994: Пер.

